

О. Э. ОЗАРОВСКАЯ

ПЯТИРЕЧИЕ

АРХАНГЕЛЬСК
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

82

~~РФ~~
0-46

Составитель — канд. филолог. наук Л. В. Федорова

Текст печатается по изданиям:

Озаровская О. Э. Пятиречие — Ленинград: изд-во писателей, 1931 г.
Озаровская О. Э. Бабушкины старины — М.: Госиздат, 1922 г.

Озаровская О. Э.

0-46 Пятиречие / [Сост.: Л. В. Федорова. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1989. — 336 с.: ил.

4702010201
0 М157(03)—89 — 27—89

РФ
ББК 82.3(2-Рус)06

Ольга Эрастовна Озаровская
ПЯТИРЕЧИЕ

Редактор *И. В. Косопалова*. Художник *Р. С. Климов*. Художественный редактор *Д. А. Трубин*. Технический редактор *Н. Н. Гаврилова*. Корректор *В. А. Фокина*.

ИБ № 771, Литературно-художественное издание

Сдано в набор 6.05.88. Подписано в печать 14.11.88. Формат 84 X 108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отг. 17,64. Уч.-изд. л. 19,252. Тираж 20 000 экз. Заказ 4698. Цена 1 руб. 90 коп.

Северо-Западное книжное издательство, 163061, Архангельск, пр. П. Виноградова, 61. Типография издательства «Правда Севера», 163002, Архангельск, пр. Новгородский, 32.

ISBN 5-85560-072-6

© Северо-Западное книжное издательство, 1989. Составл., вступительная статья, примечания, оформление.

О. Э. ОЗАРОВСКАЯ И СЕВЕР

25 февраля 1929 года зал Московского Государственного театра им. Вахтангова был переполнен. Под председательством академика П. Н. Сакулина шло чествование Ольги Эрастовны Озаровской по случаю 30-летия ее научной, педагогической и артистической деятельности. И потому, что деятельность юбиляра была столь обширной и многогранной, в оргкомитет входили и с приветствиями выступали, с одной стороны, академик С. Ф. Ольденбург и фольклористы братья Ю. и Б. Соколовы, с другой — народные артисты М. М. Блюменталь-Тамарина и В. И. Качалов, писатели В. В. Вересаев и К. И. Чуковский, молодые чтецы — ученики Озаровской. Ее знали очень многие люди, и потому периодическая печать широко откликнулась на юбилей.

В это время уже была подготовлена к печати последняя, итоговая книга О. Э. Озаровской — сборник северных сказок «Пятиречье», «своего рода северный Декамерон» (проф. Н. П. Андреев).

О. Э. Озаровская родилась 13 июня 1874 года в г. Николаеве. Об отце своем она позднее писала, что был он «по положению офицер, по способностям математик, а по призванию — сказочник». Разносторонность интересов отца передалась детям. Старший в семье Ю. Э. Озаровский, пережив увлечение точными науками, стал актером, а позднее — режиссером Александрийского театра в Петербурге. Ольга Эрастовна с детства увлекалась словесностью, но тем не менее она училась на математическом факультете Высших женских курсов в Петербурге, а потом (1898—1907) работала в Главной палате мер и весов. В эти годы Ольга Эрастовна находилась под сильным влиянием личности великого русского химика Д. И. Мен-

делеева. Он управлял Главной палатой мер и весов, сам был на приеме у министра финансов, чтоб получить разрешение на допуск женщины к службе в столь ответственном учреждении: такие были времена! «Суждено мне было не только видеть, но, так сказать, осязать в научной работе и частной жизни Д. И. Менделеева», — писала Озаровская, годы спустя, в книге воспоминаний «Великий химик» (1932, изд-во «Мол. гвардия»). От замечательного русского ученого на всю жизнь усвоила она уроки гражданского мужества и демократизма, творческой одержимости и трудолюбия. Глубоко в ее душе отозвался тот факт, что прославленный профессор университета Менделеев не согласился с унижениями, арестами студенческой молодежи и подал в отставку. «Для Дмитрия Ивановича не существовало рангов в отношении к людям... к маленьким по сравнению с ним людям в смысле образованности. В каждом он допускал возможность раскрыться дарованию», — пишет Озаровская в воспоминаниях. Одну из глав она назвала «Трудящийся гений», где раскрыла яркую грань титанической природы ученого: «Жизнь Менделеева, жизнь изо дня в день, из часу в час, являла собою непрерывную цепь труда». В то же время Д. И. Менделеев любил поэзию, был близок с довольно широким кругом русской творческой интеллигенции. Находясь рядом с этим удивительным человеком, бывая в его семье, его окружении, молодая Ольга Эрастовна не без успеха и не без похвал самого Дмитрия Ивановича, пробовала свои силы в самодеятельном исполнительском творчестве. Ее особенно привлекало искусство звукоподражания, имитации чужой речи.

После смерти Д. И. Менделеева Озаровская резко изменила род занятий. Она дебютировала в театре «Кривое зеркало» с исполнением юмористических зарисовок из театрального быта столицы. Вскоре со всей серьезностью встал перед ней вопрос о репертуаре, и это обстоятельство привело Озаровскую на эстраду. Покинув театр, она выступала с чтением классики и народных сказок. Именно в этих программах наиболее полно проявилось ее артистическое дарование, и она заняла положение одной из ведущих рассказчиц. В это же время Ольга Эрастовна начала серьезно заниматься педагогической деятельностью: в 1911 году, переехав в Москву, она организовала там Студию живого слова. Выходят из печати первые книги О. Озаровской — «Мой репертуар» (1911) и не потерявшая значения по сию пору «Школа чтеца. Хрестоматия для драматических, педагогических, ораторских курсов» (1914). В предисловии говорилось, что «Школа чтеца» систематизирует не виды поэзии, а работу учащегося, реализует задачу «дать в систематической группировке тот материал, на котором может наивыигрышным образом отточить свое оружие чтец-художник». В книге были четко сформулированы творческие принципы обучения декламационному искусству, и автор ее получила признание как педагог-новатор.

Актриса и педагог, Озаровская все более сосредоточивала внимание на устно-поэтическом творчестве народа. Она понимала фольклор как искусство звучащее, исполнительское. Оно может быть по достоинству оценено только в живом бытовании, в соотношении с крестьянским обиходом, сельской природой. Вот почему летом 1914 года предприняла она поездку на архангельский Север, в бассейн реки Пинеги. Озаровская внутренне была готова к встрече с крестьянской северной окраиной, хотя была уже немолода и большая часть ее жизни прошла в центре России.

На следующее лето она снова на Пинеге. «Великий Двор. Вот я и дома! — делает она запись в дневнике. — Так странно, что этот дом на Севере, где я провела всего-навсего одну неделю в прошлом году, я считаю более родным, чем свою московскую квартиру. А Прасковья Андреевна моя сестра. Деревенская» (речь идет о П. А. Олькиной, в доме которой неоднократно останавливалась фольклористка). Поездки в 1915, 1916 годах были продолжительными, расширившими северные маршруты Озаровской: Пинега, Кулой, Мезень, Печора, часть побережья Белого моря, Ненокса и Кемь. Раскрывалась еще одна сторона этой талантливой натуры: в предоктябрьские и последующие годы О. Озаровская заявила о себе как об увлеченном собирателе и исследователе фольклора. Октябрьскую революцию она приняла без колебаний, искренне, служению советской науке и культуре посвятила все свои силы и знания.

В 1921 году ей поручается руководство фольклорной экспедицией по Пинеге и Кулою. Экспедиция была послана Академией художественных наук, членом которой О. Э. Озаровская являлась.

Следует заметить, что известность артистки, выступающей на эстраде в русском народном костюме, многим мешала оценить по достоинству вклад О. Э. Озаровской в фольклористику. Однако в наши дни, когда делается попытка систематизировать всю ее работу на Севере (статьи фольклористки Н. И. Хомчук, журналистов А. Москвина и Л. Мельницкой), открывается много нового. Об интенсивной собирательской и исследовательской работе Озаровской свидетельствуют прежде всего ее публикации, довольно частые в те годы: отчеты о поездках, наиболее интересные тексты, статьи исследовательского характера в специальных изданиях, таких, как «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (1927, 1929), «Художественный фольклор» (1927), материалы в краеведческих изданиях в архангельском «Северном утре», сборнике «На Северной Двине».

В 1916 году вышла из печати книга «Бабушкины старины». Значительно дополненная, она была переиздана в 1922 г. И все же в печать попала только часть полевых записей, материалов оригинальных, озвученных на фонографе.

О. Э. Озаровская, безусловно, многое сделала для выявления эстетической природы фольклора. Она отходила от чисто теоретического, узко филологического изучения народной словесности. Текст сказки, песни, былины она воспринимала только в соответствии со всей совокупностью быта и жизни северных крестьян, манерой живого исполнения, самого звучания произведений. Только так, считала она, постигается вся прелесть и глубина народного творчества. Можно утверждать, что О. Э. Озаровская, опираясь на самые прогрессивные традиции, прокладывала дорогу тем принципам исследовательско-собирательской работы, которые затем были развиты молодым поколением советских фольклористов. Преемственность этих принципов просматривается, в частности, в работе комплексной научной экспедиции ленинградских фольклористов по рекам Архангельской области в 1927—1928 годах, с которой встретила Озаровская на Пинеге во время одной из последних поездок в этот свой «дом на Севере». Конечно, наука не стояла на месте и новое поколение фольклористов ставило перед собой задачу именно комплексного и более полного, безотборочного изучения творчества масс, тогда как Озаровская, работая с наиболее яркими исполнителями, публиковала лишь лучшие из записанных ею текстов. Позднее, оценивая северорусские сказки, собранные известным сказковедом А. И. Никифоровым во время вышеупомянутой ленинградской экспедиции, профессор В. Я. Пропп констатировал: «Метод Никифорова — брать сказку широко и у всякого, кто ее рассказывает, дал нам новое представление о богатстве русского сказочного репертуара». Это не упрек О. Э. Озаровской: так, обогащаясь новыми идеями и методами исследования, и развивалась молодая советская фольклористика.

С именем Озаровской связано дальнейшее развитие еще одного направления в науке о фольклоре — изучение народного исполнительского искусства. Общеизвестно, что в последние десятилетия XIX века «открытые» фольклористами олонечские сказители, среди которых были отец и сын Рябины, И. Федосова, В. Щеголенок, не раз выступали в Петербурге, Москве и многих других городах России с пением былин. Их исполнительское искусство было так ошеломляюще ново, так ярко национально, что не прошло мимо крупнейших русских композиторов, художников, писателей. Речитативы северных былин «осели» в русской симфонической музыке. Достаточно напомнить о прямом цитировании северных былинных напевов в «Борисе Годунове» М. П. Мусоргского, «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, «Фантазии на темы былин Т. Г. Рябины» А. С. Аренского. Благородная традиция изучения народного исполнительского искусства была перенесена в новый век благодаря тому, что Озаровская из далекой пинежской деревни привезла в Москву исполнительницу эпических песен Марию Дмитриевну Кривопо-

ленову. В старой крестьянке-нищенке увидела собирательница крупный артистический талант. И старины (так называла Кривополенова исполняемые ею былины и исторические песни), и манера пения сказительницы с элементами древнего скоморошья искусства, и весь ее облик, как бы олицетворяли понятие народности и старины. «Казалось, она сама вышла из сказки». На исполнительское искусство Кривополеновой отозвались художники и скульпторы, среди которых С. Т. Коненков (скульптура «Вещая старушка»), позднее П. Корин (триптих «Древний сказ»).

Три поездки Кривополеновой с выступлениями по городам России и Украины в 1915, 1916 и 1921 годах послужили тому, что традиции народного исполнительского искусства закрепились на эстраде. Значение этого понимала прежде всего сама О. Э. Озаровская. На публичных выступлениях она была посредником между «бабушкой» и публикой, рассказывала о том, что «есть сказочный край на Руси», о редкостном репертуаре и о таланте гостьи с Русского Севера. Главное место в выступлениях отводилось самой Кривополеновой. «Перед успехом маленькой сухонькой старушки в расписных валенках померк даже успех Озаровской», — писалось в одной из рецензий на их выступления. Ольга Эрастовна сознательно шла на некоторое умаление своей артистической репутации, потому что, подчеркнем это, была убежденной пропагандисткой подлинного фольклора на эстраде. «Нищенка стала знаменитостью... В огромном зале люди всех возрастов и положений, вставши с места, с чистыми и благоговейными лицами, не отрывая взоров от крохотной бабушки, поют... А я стою рядом и горжусь, что судьба вручила мне палочку для волшебного превращения», — пишет Озаровская в статье 1915 года «Сказительница былин — Марья Кривополенова».

Озаровская сумела сочетать артистическую и педагогическую деятельность с собирательской и исследовательской. Это будто бы бесспорное положение оказывается недостаточным и неточным. Правильнее сказать, что она делала сокровища народной поэзии достоянием широких масс через эстраду и в то же время, собирая фольклор, достигала углубленного понимания эстетической его значимости как искусства исполнительского, звучащего.

Бесспорных успехов она достигла в изучении диалектных особенностей и интонационного звучания северной народной речи.

О. Озаровская со своими методами изучения фольклора была интересна людям разных областей знаний, у нее было много учеников, были и последователи. Так в 30-е годы сочетала собирательскую работу с исполнительской И. В. Карнаухова, составитель известного сборника «Сказки и предания северного края» (1934). Так, получив поддержку О. Э. Озаровской с первой встречи в Москве в 1915 году, многие годы строил свою работу писатель Б. В. Шер-

гин, который в те годы был исполнителем, а также собирателем и интерпретатором северного фольклора.

Известно, что О. Озаровская долго не оставляла концертной деятельности, пока были силы вела декламационный семинар, писала воспоминания. Но основной ее заботой на склоне лет оставалась фольклористическая работа.

Ольгу Эрастовну по-прежнему тянуло на Север. В 1927 году она в последний раз приехала сюда, чтобы увидеть людей, с которыми подружилась, побывать на могиле М. Д. Кривополеновой, уточнить записи прошлых лет, сделать новые.

Неутомимую собирательницу беспокоит судьба ее записей, особенно материалов по северной свадьбе. «У меня одна надежда на Вас,— делает она набросок письма одному из издателей.— Несколько лет я работала над свадебным обрядом на Севере. У меня он записан полностью в нескольких пунктах рек Пинеги и Кулоя со всеми циклами песен каждого района. В такой полноте еще не была изучена русская свадьба. В этом году мне привелось видеть свадьбу со всеми обычаями, какой не было уже 20 лет... Мне очень тяжело было бы сознание, что мой труд не увидит света, а он не увидит, если Ваше издательство не придет на помощь» (публикация Н. И. Хомчук).

Опубликовать в последние годы жизни ей удалось лишь «Пятиречье» — пятьдесят произведений из богатой, в несколько раз превосходящей это число коллекции полевых записей. Озаровская относилась к книге исключительно серьезно и отдала подготовке издания последние силы. Общее нездоровье и особенно болезнь глаз, приведшая вскоре к полной слепоте, сделали тяжелыми последние годы ее жизни. Ее настигли вынужденная бездеятельность, жизнь вдали от Москвы и Севера в семье сына, который по характеру своей профессии был связан с далекой Киргизией. Скончалась О. Э. Озаровская в 1933 году в г. Фрунзе.

Ее личный фольклорный архив был передан в дар Рукописному хранилищу при фольклорной секции института Академии наук в Ленинграде (Пушкинский Дом). Признанный авторитет в фольклористике А. М. Астахова в одном из обзоров новых поступлений хранилища отнесла собрание Озаровской к числу тех, которые «представляют совершенно исключительную ценность. Собрание представляет ряд записей северных былин, песен и причитаний... Одновременно с текстами переданы были и фонозаписи» («Советский фольклор», АН СССР, М.; Л, 1936). Полевые записи текстов, их паспортизация, сопутствующие пометки и зарисовки, путевые дневники — все это сделано О. Э. Озаровской с научной основательностью и точностью. «Низкий поклон Озаровской от фольклористов нового дня — без труда разбирают они сегодня беглые строки, сде-

ланные карандашом начерно более полувека тому назад». Это пишет в публикации 1983 г. Н. И. Хомчук.

Идут годы. Наследие О. Э. Озаровской — результат ее вдохновенного и самоотверженного труда — еще ждет углубленного исследования и публикации.

* * *

«Бабушкины старины» и «Пятиречие» — две книги О. Э. Озаровской о Русском Севере. В пору выхода из печати они получили отклики (среди рецензентов «Бабушкиных старин» был поэт С. Городецкий, а «Пятиречия» — проф. Н. П. Андреев), вызвали устойчивый интерес читателей и научной общественности. Однако до сих пор суждения об Озаровской как фольклористе очень противоречивы, не изучен и сам тип ее изданий северного фольклора. Озаровская не была традиционно сложившимся ученым и в исследовании фольклора она шла не традиционными путями. «Ольга Эрастовна поставила себе очень трудную, но чрезвычайно важную задачу — «воспринять интонационные оттенки и мелодику крестьянской северной речи, проанализировать ее на основе декламационного искусства и перенести свое достижение в этом деле на пользу сцены и школы», — писал крупнейший советский фольклорист Ю. Соколов, видевший в Озаровской прежде всего педагога и актрису. Это и лестно было слышать, тем более что, по заключению Соколова, «Озаровская в совершенстве овладела народной речью», и в то же время такая оценка недостаточна для характеристики ее самоотверженной собирательской работы.

Известно, что первооткрывателем сказительницы М. Д. Кривополеновой был фольклорист А. Д. Григорьев. В 1904 г. опубликовал он записанные от нее былины и исторические песни, выделив сказительницу из числа других пинежан по количеству исполненных ею произведений. Однако весь репертуар Кривополеновой и, главное, творческий ее портрет находим мы в «Бабушкиных старинах». Дни первой встречи Озаровской со сказительницей-нищенкой на Пинеге в деревне Великий Двор летом 1915 года, их встречи в Москве и выступления по разным городам страны в 1915, 1916, 1921 годах были для фольклористики временем глубокого постижения самой природы дарования бабушки Кривополеновой. Росла сказительница в бедной крестьянской семье, еще в детстве «все упоминала» в рассказах деда, «внялась» в его старины. Пела только для тех, кто просит («А кто не попросит, так для них что и горло драть понапрасну. Своя гордость есть»). Любила свои старины, верила в них так, что, оказавшись в Москве, уловила дух древней истории в памятниках, открыла для себя прежде всего то, о чем пела («Уж правда, каменна Москва: дома каменны, земля каменна...»). Твор-

чество Кривополеновой тесно увязано с крестьянским бытом и с жизнью самой сказительницы. «Часто пение прерывает она своими собственными замечаниями или пояснениями, потому что вся она во власти своих образов, и от полноты переживания ей мало былинного текста». И скомороший элемент в творчестве Кривополеновой соотносится с ее манерой петь известную только ей старину «Вавила и скоморохи» или «Кастрюка». Стоит только подмигнуть ей да сказать: «Пировал-жировал государь...» как бабушка зальется смехом... «Кастрюк» тоже, очевидно, сложен насмешливыми скоморохами, утверждавшими, что любимый шурина Ивана Васильевича будто бы оказался не Кастрюком Темрюковичем, а переодетой женщиной — Марфой Темрюковной. Острый ум, обаяние ее личности угадывается во всем, что делает, как держится и говорит сказительница в повседневной жизни.

«— Бабушка, поедем в Москву?

— Поедем!

Храбрая, как артист. Односельчане руками всплескивали:

— Куда ты, бабка? Ведь помрешь!

— А невелико у бабушки костье, найтется-ле где место его закопать!»

Так последовательно вводит О. Э. Озаровская всякого читающего ее очерк в неповторимый и цельный художественный мир сказительницы. Она открывает в Кривополеновой «тайну артистической власти», которая и делала «лесную старушонку» бесстрашной перед любой аудиторией и вызывала «возглас толпы, одинаковый во всех городах: спасибо, бабушка!»

«Есть сказочный край на Руси»... Это начало, задающее тон всему очерку. Оно не является, как может показаться, стилизацией под старину. Озаровская пронизательно утверждала, что искусство Кривополеновой — это уходящая из живого бытования древняя эпическая поэзия. Эпос уходил навсегда, становясь уже историей национальной культуры, но выдвигались при этом процессе талантливейшие исполнители-одиночки, которые окружающим казались уже чудом и недостижимым для подражания образцом. По сути, о том же писал и Б. В. Шергин, творчески тесно связанный с О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой: «Русский Север — это был последний дом, последнее жилище былины. С уходом Кривополеновой совершился закат былины и на Севере. И закат этот был великолепен».

Сказанное о Кривополеновой в «Бабушкиных старинах» дополняется очерком О. Озаровской «За жемчугом» (1915) и «Перед портретом (памяти М. Д. Кривополеновой)» (1926). Подобно тому как молодой М. Горький запечатлел в очерке живую И. Федосову — вопленицу из Олонецкой губернии, Озаровская пишет монографический портрет пинежанки Кривополеновой. При этом она сумела воссоздать «всю обстановку как чисто внешнюю, так и бо-

лее внутреннюю, нравственную, при которой удалось услышать песню или сказку» (Н. А. Добролюбов). В своей работе она следовала требованиям научной методологии, хотя, конечно, «Бабушкины старины» и не были задуманы как строго научное издание. Книга О. Э. Озаровской вошла во все библиографические указатели по разделу «Сказители» и оказала влияние на сам тип издания фольклорных материалов. Так, позднее в карельском Беломорье А. Н. Нечаев разыскал выдающегося сказочника М. М. Коргуева, записал от него 115 сказок и издал, сопроводив сборник своей статьей. Так был издан личный репертуар беломорской сказительницы М. С. Крюковой. В 30-е годы издания, посвященные творчеству отдельных сказителей и сказочников, стали довольно частыми.

Удача с изданием «Бабушкиных старин» окрылила О. Э. Озаровскую. Однако в работе над новой книгой — сборником произведений, записанных от обширного круга исполнителей, — ей пришлось искать новые пути.

В «Пятиречие» вошло пятьдесят произведений северного фольклора. Преимущественно это сказки волшебные и социально-бытовые. Однако наряду со сказками здесь помещены былины и песни, были, легенды, даже страницы дневниковых записей помора. Следуя фольклористике 20—30-х годов, которая стремилась закрепить «новые сказочные формы» (Ю. и Б. Соколовы) и потому давала расширительное определение сказке, О. Э. Озаровская во вступлении «От автора» пишет: «Названием сказки объединены почти все виды устного поэтического творчества: собственно сказки (волшебные), сказки-новеллы, сказки-анекдоты, легенды, рассказы из собственной жизни, былины и даже песни, но с явным действенным движением». И верно: в песнях «Казаченько», «Хозяюшка», «Панья» и пяти былинах преимущественно социально-бытового содержания необыкновенно силен элемент эпичности, повествовательности; здесь все построено на диалоге и исполнено драматургического действия. Может быть, поэтому не чувствуется в «Пятиречии» резкого перехода от сказки к песне, легенде, были. И все-таки не это обстоятельство — эпичность, повествовательность сюжета — объединяет пятьдесят произведений в художественное целое.

Что же делает «Пятиречие» не обычным сборником фольклорных текстов, а книгой, единым художественным повествованием? Как композиционно выстроен и объединен многотемный и многокрасочный поэтический материал?

О. Э. Озаровская творчески использует давнюю традицию мировой литературы: сюжетное обрамление произведений народного творчества. В связи с этим упомянем три источника, явно повлиявшие на сюжетостроение «Пятиречия». Это широко известный памятник санскритской повествовательной литературы III—IV веков «Панчатантра» («Пятикнижие»), где авторство басен и сказок приписы-

вается легендарному мудрецу Вишнушарману, якобы создавшему единое повествование для обучения житейской мудрости невежественных царских сыновей. Это и памятник средневековой арабской литературы, сложившийся к XV веку, «Тысяча и одна ночь». Сюжетным обрамлением разных по форме и стилю народных произведений стала здесь появившаяся на арабской почве сказка о царе Шахрияре и мудрой дочери его визиря Шахразаде. Она тысячу и одну ночь рассказывала царю сказки, прерывая их на таком интересном месте, что царь требовал продолжения рассказа в следующую ночь. И еще, в плане интересующей нас традиции, назовем книгу эпохи итальянского Возрождения — «Декамерон» Боккаччо (около 1350 г.). Сто произведений очень разных по характеру — житейские случаи и местные анекдоты, легенды и притчи, юмористические рассказы, фавль — объединены в ней литературным обрамлением, сюжетной рамкой, созданной Боккаччо. Десять флорентийцев, уединившихся в загородной вилле в то время, когда в городе свирепствует чума, в течение десяти дней рассказывают друг другу новеллы. Для новелл каждого дня ими устанавливается тема. Обрамление таким образом скрепляет сто произведений, объясняет, почему они «сошлись» в одной книге, а также помогает раскрыться характерам самих рассказчиков и авторскому «я».

Вот этот традиционный прием соединения произведений устной поэзии в единое художественное целое и использует О. Э. Озаровская в «Пятиречии». Но она творчески обращается с этой традицией, а, значит, не ограничивается ею.

Повествованию в «Пятиречии» предпослана заглавная страница, подсказывающая сюжетный ход обрамления: «Начинается книга, называемая «Пятиречие», в которой заключается пятьдесят сказок, рассказанных пятью человеками, жившими на берегу одной из пяти северных рек, в течение пяти дней ожидания парохода где-то замелившегося». Характеры пяти рассказчиков раскрываются в движении, в ходе всего повествования.

Вот попутчики располагаются на берегу Пинеги на многодневное ожидание парохода, что считается здесь, в условиях бездорожья, обычным делом. Люди знакомятся, оживленно разговаривают, и каждый под взглядом автора-повествователя обретает живые черты. Это старушка Махонька с Пинеги, высокий сутулый старик помор с реки Кемь, дед с реки Кулой, молчаливый громоздкий мужик с Печоры и веселый молодой житель Мезени. Все это образы собирательные, в каждом есть что-то характерное для жителей с данной реки. Среди них никому не знакомая «круглолицая», «седатая» женщина, прозванная Московкой, с тетрадкой и грандашом, сумевшая сразу же подзадорить всех собравшихся к рассказыванию сказок. В Московке без труда угадываются черты самой О. Э. Озаровской. Это самопортрет, и потому, очевидно, о Московке расска-

ывається с легким юмором и лукавством. В то же время это обобщенный образ фольклориста-подвижника, для кого «там дом, где сказки», кому свойственна не только безграничная любовь к народному поэтическому слову, но и умение жить среди народа.

«— Да вы сами откуда?»

— Из Москвы.

— Што-нибудь уж не так... Московцы говорят свысока, а ты, бабка, по-нашему...

— Уж все знаете... может, и живете в Москвы, а только видать, что вы деревеньски...»

Пять рассказчиков и Московка живут не в изолированном мире: к ним подходят люди, да и сами они идут в соседнюю деревню Андигу. Создается реалистическая картина жизни лесного края в послеоктябрьские годы, сверкает богатствами северная речь. Пинега сторона глухая и отдаленная, но и здесь в жизнь традиционную входят новые понятия: колхоз, исполком, кооператив, женсовет. Добывающие все тяжелым трудом, люди активно думают о том, где создать колхоз, «чтоб прокормиться». У них и на историческое прошлое края свой взгляд. О воеводах и царях, о древней чуди и основании города Пинеги они излагают свою версию, «подкрепленную живой памятью стариков, говорящих о древнем дне, как о настоящем». Они встают над бытом и повседневностью, когда говорят уважительно о грамоте, силе знания. Легендарной стала здесь личность ссыльного поляка-доктора, навсегда оставшегося на Пинеге врачевать больных.

Поэтичность души северного народа раскрывается в неизбывной любви к природе, к поэтическому слову. «А не скушно вам одной?» — спрашивает Московка у молодки с далекой Андиги. «В лесу скушно ле? Ягоды беру, грибы ломаю, травы собираю. В лесу... Дак не вышел бы! А скушно станет, на глядень пойду: тут у нас звонница есть. Вы слазьте, посмотрите, сколь красиво! Все видко!» Здесь нет и следа замкнутости, ограниченности: у молодки «северный, радостно-пытливый взгляд, словно ожидающий небывалого счастья, которое должны принести люди из иного мира». Поэзия сопровождает всю жизнь этих людей: хозяйка встречает гостей приговоркой; молодая мать говорит с младенцем рифмованной напевной речью, переходящей в байки; мезенец, чтоб скрасить тяжелый подъем в гору, загадывает веселые загадки. И даже о магической силе слова в заговорах народ думает не со страхом, а с уважением: «слово неправильно скажешь, оно неправильно существует».

Обыденная разговорная речь изумительно точна и лаконична, что опять-таки выявляет бережное и серьезное отношение народа к слову и многое объясняет в характере северян. Язык персонажей «Пятиречия» — это они сами, с их особенной северной психологией.

«На мостике стоял капитан. Спокойно-сосредоточенный, он мягко оглядывал толпу.

Толпа оживилась.

— Олександр Ондрейч! домой?

Капитан снял кепку, слабо улыбнулся и махнул рукой.

— Домой не попасть!

— Дақ далеко-ле?

— Велено, как могу выша попадать: баржа! К страде нать ведь всего закинуть!

Больше капитан не отвечал.

Так в диалоге при минимуме произнесенных слов сказалось многое и о серьезности самой ситуации (пароход здесь чуть ли не чудо), и о взаимном уважении разговаривающих сторон, умении людей держатся скромно и с достоинством. Такими эпизодами, такими образцами народной речи богаты страницы сюжетного обрамления и потому пятьдесят произведений соединены в книге не только внешне, но и изнутри. Разговорная речь рассказчиков как бы переливается в их сказки. Морально-этические нормы их поведения, их миропонимания, врожденное чувство красоты и гармонии находят продолжение в творчестве. Конечно, сказки преувеличивают, заостряют добрые и злые поступки родителей и детей, стариков и молодых, мужчин и женщин; легенды и были углубляют впечатление о суровом быте и труде северян. «Пятиречие» получает таким образом художественную завершенность, оно одновременно и занимательно и предельно правдиво.

О. Озаровская — автор сюжетного обрамления — проявляет не только подлинное знание северного материала, но и умение живописать словом. Не случайно она называет себя не составителем, а автором «Пятиречия», имея в виду литературную рамку. Весь научный аппарат в книге Озаровская как бы скрывает от глаз читателя, выносит его в «Указатели», стремясь создать впечатление живого бытования сказки, естественного ее звучания в контексте северного деревенского быта. Думается, что опыт работы на сцене делал О. Озаровскую чуткой к вопросу самой формы подачи и сбалансированности материала. Книга воспринимается как единое увлекательное повествование.

Оценивая «Пятиречие» так, нельзя умалять его научное значение. Да, О. Озаровская в художественных целях создает собирательные образы-персонажи, каждый из которых рассказывает сказки, на самом деле записанные от разных лиц. Только два персонажа, за которыми оставлены подлинные имена и которым Озаровская посвящает свою книгу — М. Кривополенова и А. Останин, — в значительной степени лишены этой условности. Но в книге имеется научный справочный аппарат, «Алфавитный указатель сказок, их подлинных исполнителей и записавших лиц», не оставляющий сом-

нений в подлинности полевых записей. Отличается полнотой и точностью «Указатель областных слов и выражений».

С выходом «Пятиречия» в свет фольклористика получила картину современного (для тех лет) состояния фольклора в некоторых районах Русского Севера: ведь все записи были сделаны в 1915—1927 годах. Ученые получили подтверждение своим предположениям о бытовании эпической поэзии и традиционной сказки на Пинеге и Кулое. Так, А. М. Астахова — знаток былин Севера — особо отметила в работе Озаровской записи былин на реке Кулое и ее притоках, «так как в печатных сборниках кулойских былин не имеется». С появлением «Пятиречия» стали известны новые имена талантливых сказочников и былинщиков — пинежанок Т. Кобелевой, Н. Олькиной, отца и сына Крычаковых с Кулоя, А. Останина из Кемь. По следам Озаровской, с ними, годы спустя, работали другие фольклористы. А главное было в том, что в научный оборот входили самобытные, подчас уникальные произведения северного фольклора, переданные со всеми особенностями местного говора. В рецензии на «Пятиречии» профессор Н. П. Андреев писал: «Материал сборника, конечно, имеет научное значение, поскольку перед нами подлинные записи собирательницы... Тексты переданы точно и частью являются весьма редкими и интересными (например, «Верная жена», «Нареченная невеста», «Черти в бочке», «Царевнина талань» и др.)» (Цит. по сб. «Советский фольклор» М.; Л., АН СССР, 1936, № 2—3, с. 410). Нельзя не согласиться с О. Э. Озаровской, назвавшей сказку «Моряжка» своего рода «уникальной как прозаическую форму» баллады о двух влюбленных. Нельзя не признать и сегодня сказку «Догада» чрезвычайно редкой.

Если повнимательнее присмотреться к «Пятиречию», можно увидеть, что от живых наблюдений над бытованием сказки О. Э. Озаровская шла к тематической классификации собранного материала, от изучения личности исполнителя — к обобщенным суждениям о двух типах сказочников. «Первый — традиционный сказочник, он бережет старинный язык, оставляет затронутый древний образ и положение, а следовательно и фабулу. Второй тип желает отойти от древней канвы. Его томят впечатления современной жизни, и он то следует жизни, призывая на помощь магию сказки, то, следуя сказочной фабуле, укрепляет ее положениями и образами из современных впечатлений... Второй тип — это тот, кто сознательно путает старые образы в современность, наслаждаясь иногда этой несуразностью».

О. Озаровская верно подметила усиление индивидуального начала в творчестве сказочников, приветствовала появление таких талантов как сказочник-импровизатор Б. Шергин. В «Пятиречие» включены три сказки («Волшебное кольцо», «Золоченые лбы», «Куроптев») в его записи и обработке. Хотя творчество Б. Шергина по-

разному оценивалось специалистами — его называли «стилизатором и переформировщиком крестьянских сюжетов» (А. И. Никифоров), — О. Озаровская, не допуская мысли о стилизаторстве, считала, что Б. Шергин — это «сказочник-творец», в его творчестве «ярко выступает свойственный северянам дар импровизации. Характернейшая его черта: ему нужно много раз рассказать на людях, чтобы с напряжением он мог закрепить это самое на бумаге».

Эти заключения О. Озаровской стали широко известными, потому что, улавливая новые тенденции в жизни сказки, она сумела уже тогда сказать нечто важное и о природе неповторимого литературного таланта Б. В. Шергина.

В годы, когда О. Э. Озаровская создавала свое «Пятиречие», проблема формирования сказочного сборника стояла очень остро. Количество публикаций сказок быстро росло, и нужно было определить общие критерии в смысле построения сборников. Специалисты стояли за строго научное издание фольклорных материалов, допуская наряду с этим издания совсем другого плана — популярные, массово-беллетристические. О. Э. Озаровская подготовила книгу, сочетающую научность публикации сказочных текстов с литературностью формы их подачи. Поэтому «Пятиречие» вызвало нарекание первых рецензентов («...сочетание двух планов совершенно не удалось» — Н. П. Андреев). Однако сегодня, по прошествии десятилетий в энциклопедии и словарях, ее прямо-таки энциклопедическая наполненность разного рода сведениями из области народного быта, языка, творчества. Внимательному читателю открывается и запечатленное в ней историческое время.

Вспомним и о том, что сама О. Э. Озаровская, отдавая этому труду столько сил, художественного вкуса, верила в долгую жизнь «Пятиречия»: «Этой книгой бросается горсть скатного жемчуга из неистощимых запасов словесной сокровищницы, хранимой в течение веков и всегда полнящейся народом...»

Л. Федорова

*Посвящается книга
всем пинежанам
и
светлой памяти
Марии Дмитриевны
Кривополеновой,
род. в 1844 г. 8 апреля в дер. Усть-Ежуга,
ум. в 1924 г. 8 марта в дер.
Беегора на р. Пинеге
и
Александра Останина,
жившего в городе Кемь
и на море*

Читайте простонародные сказки,
молодые писатели, чтобы видеть
свойства русского языка.

А. Пушкин

ОТ АВТОРА

Этой книгой бросается горсть скатного жемчуга из неистощимых запасов словесной сокровищницы, хранимой в течение веков и всегда полнящейся народом на русском Севере. В этой горсти названием сказки объединены почти все виды устного поэтического творчества: собственно сказки (волшебные), сказки-новеллы, сказки-анекдоты, легенды, рассказы из собственной жизни, былины и даже песни, но с явным действенным движением.

Образ каждого сказочника, в уста которого вложена сказка, бытующая на данной реке (хотя бы текст в более полной редакции был записан в другом месте),— образ собирательный, слитый из многих встреченных мною обитателей данной реки. Исключение представляет образ «Скомороха», в котором, кроме подлинных мезенцев, слились встреченные мною на Севере вообще талантливые, блещущие остроумием и юмором сказочники-творцы, часто импровизаторы. Вся ценность современных записей произведений заключается в их языке — богатом, образном, сохранившем и очень древние формы и рождающем новые словообразования, органические и всегда верные. Заглядывать в колыбель народного языка всегда полезно и поучительно, особенно теперь, когда в городах создаются новые слова и формы, большей частью беспочвенно, случайно и уродливо. Образованным людям есть чему поучиться у неграмотных крестьян, условиями быта сохранивших и сохраняющих красоту языка. Северный крестьянин творит как ребенок, всегда гениально, потому что мыслит так же, как ребенок: образно. Он тонко чувствует все отклонения и изменения смысла от употребленных форм. В этом читатель убедится.

Наряду с ощущением северного языка, несущего множество местных слов и выражений (приложен словарь), автор стремится

передать и дыхание языка, т. е. его звучание. Это неприятно для глаза; но, преодолев неприятность, читатель приучится воспринимать текст не только глазами, но и ушами и почерпнет новое наслаждение. Ведь произношение человека — признак, который дороже описания цвета волос или одежды. Оно говорит о месте жительства, среде и профессии. Явно и ярко. Рассказчик (мощное теперь орудие культуры) получит в книге не только желанное народное произведение, но и сможет добиться точного звучания, даст подлинную живую речь, даст рассказу нужный северный колорит.

В течение многих лет работы всегда стоял передо мною образ учителя, может быть, и неожиданно для последнего, так как фактически я никогда у него не училась; все же я прошу проф. Дмитрия Николаевича Ушакова принять мою горячую ученическую благодарность.

О. Озаровская

Начинается книга, называемая
ПЯТИРЕЧИЕ,
в которой заключается
пятьдесят сказок,
рассказанных
пятью человеками,
жившими на берегу одной
из пяти северных рек в течение
пяти дней ожидания парохода,
где-то замелившегося

День первый СКАЗКИ О ВЕРНОЙ ЛЮБВИ

ечером донесся отдаленный гудок парохода. Пароход должен был причалить к песчаной площадке у крутого и высокого берега живописнейшей реки Пинеги, притока Северной Двины.

Закат обливал полнеба тяжелыми красками, багрил стволы и золотил вершины соснового бора на высоком берегу, расцветивал тихие заводы, рябь и волны, отражался в водяных лужах на низком берегу и в стеклах оконниц, то превращая их в нестерпимо блистающие пластины, то зажигая пламя пожара там внутри. И было непонятно, как стекла сдерживали его, не лопаясь.

Солнце село прямо в воду. Вместо блесков над рекой разлилась полупрозрачная сумеречная мгла, птицы в бору умолкли, и наступила тишина, называемая ночью, но грамотеи у потухших окошек еще и сейчас могли бы читать. Теперь в ночной тишине отчетливо выступило хлопанье идущего снизу парохода.

Безлюдный причал начал оживать. Первой на свист парохода с противоположного берега приплыла лодка; из нее вышли крохотная старушка в сарафане и круглолицая, не молодая и не старая женщина в странной поношенной одежде немудрого, однако городского, покроя... Все спускавшиеся на площадку с высокого берега в старушке узнавали бабку Махоньку, круглолицой же никто не знал.

С двумя подводами и двумя молодцами приехал к мельнице и лихо сбежал по тропинке приказчик кооператива, собираясь принимать пароходный груз. Добежав до площадки, он громко и радостно сказал:

— Хлопает-жа!

С чем все согласились, да и пароход уже был виден. На берегу теперь собралось человек пятьдесят. Совсем непохоже было, чтобы кто-нибудь из них торопился на пароход, наоборот — всякий старался поудобнее устроиться на песке:

— Поживем-жа!

— А может, придет да и повернет назад, дак...

— Ну? Как повернет? Он с баржой. Куда-ле наверх обязательно попадать должен! Поживем!

— Лони я семь ден жил!

— Этта, как мы на острове десять ден жили, хлеб приили.

— В мори?

— В Мори-Окияни... С поштой в Мезень ходили...

— Ты с Кулоя, дедушко?

— А уж как не с Кулоя, с Кулоя, с Долгошшеля... Долгошшелье — Москва уделок и Архангельска улолок... С Кулоя! Дак мы, этта...

Но пароход уже подходил и бросал якорь.

На мостике стоял капитан. Спокойно-сосредоточенный, он мягко оглядывал толпу.

Толпа оживилась.

— Олександр Ондрейч! домой?

Капитан снял кепку, слабо улыбнулся и махнул рукой:

— Домой не попасть!

— Дак далеко-ле?

— Велено, как могу выша попадать: баржа! К страде нать ведь всего закинуть!

Больше капитан не отвечал.

Быстро скинули мешки с мукой, несколько сельдянок, больших бочек с соленой треской, да несколько ящиков для кооператива. Пароход принял двух пассажиров и отошел наверх. Провожающие простились и ушли на гору. А на берегу осталось человек двадцать, обреченных здесь «жить»; они знакомились ближе, прилаживались друг к дружке и приготовились трапезничать.

На песчаном холмике у входа в неглубокую пещерку, над которой свисали длинные ветви прилепившейся

к камням березы, расположилась небольшая группа: пинежанка Махонька, высокий, сутулый старик помор с реки Кемь, дед кулоянин, веселый и еще молодой мезенец и молчаливый громоздкий печорец. К ним присоединилась и никому неизвестная, круглоликая, с виду простодушная женщина, но на самом деле существо жадное и хитрое. Впрочем, жадность ее никому не приносила материального ущерба, так как она касалась лишь слушанья сказок, а хитрость заключалась в подзадоривании сказочников к рассказу.

Во всяком случае, благодаря ее усердию и терпеливости, появилась настоящая книга.

Уютно сидящие на холмике уже разложили костер, вскипятили чайник и скромно завтракали, достав по дорожки из своих мешков, хлебней, пехтерей, а мезенец свой хлеб, сахар и спички держал всегда при себе на груди в своем лузанае. Закусив и сложив пожитки в пещерку, вход в которую заслоняли собой, они договорились рассказывать сказки, чтобы сокращать время тоскливого безделья... На этом настаивала круглоликая женщина. Вмешалась женщина, сидевшая поодаль, но уже успевшая горячо поговорить с неизвестной насчет сарафанов, повойников и прочих бабьих увлечений:

— Да вы сами откуда?

— Из Москвы.

— Што-нибудь уж не так...

Все поддержали:

— Московцы говорят свысока, а ты, бабка, по-нашему...

Круглоликую задело:

— Да разве я бабка?

— Уж как не бабка — седата!

Круглоликая только вздохнула, вспомнив, как целовали и миловали ее волосы, седоватые уж в двадцать лет, и молча стала записывать в своей толстой тетради.

— Уж все знаете, — не унималась женщина, — может, и живете в Мбсквы, а только видать, што вы деревеньски и на Тюлевских находитесь. Да, бывает, у Тюлевых гостили?

— Нет, нет...

Чтоб не тратить времени на споры, сидящие на холмике решили промеж собой называть неизвестную Московкой.

Краски на небе совсем побледнели, потом снова стали ярче, но теперь они были иными. Солнце, еще не-

давно севшее в воду, готовилось встать недалеко от того места, где село. Небо алело, золотилось, переходило в нежную сирень и, наконец, бледно голубело. Махонька давно уже стояла на коленках, клала поклоны и крестилась на портрет Ленина, который кто-то, показывая, вытащил из своего пехтеря и примостил к ящикам, поставленным друг на друга и еще не взятым в кооператив. Никто не обращал на нее внимания: молится и молится, а кому дело, куда глядит. Бабушка положила последний крест, и взошло молодое, свежее, умытое солнце и засияло. Его радостно и бодро приветствовали птицы, каждая своей особой песней.

С восходом солнца и начался день первый северного «Пятиречья», посвященный, как это окажется дальше, верной любви.

Когда на холмике все успокоилось, Московка толкнула в плечо сидящую рядом с ней Махоньку и сказала:

— Сказывай!

— Каку?

— Каку хошь!

Махонька, крохотная, с горящими глазками, темнолицая и беззубая, несмотря на это четко выговаривавшая, с увлечением начала рассказывать о «Верной Жене». Сама она иногда не владела собой, смеялась так, что еле выдавливала слова. Смеялись и все слушавшие.

1. ВЕРНАЯ ЖЕНА

Бывало, живало — купец да купчиха. Бывало у их один сын. Они торговали исправно. Был купец богатейший. Купец помер, купчиха тоже померла. У их остался один сын. Ну живет, поживает один. «Нать, верно, жониться. Кака мне невеста взять, у купца-ле какого, у генерала, у кресьенина богатого, где искать?»

Потом идет возле речки по угору, гуляет, девица белье полошшет, весьма хороша, ему пригленулась.

Удумал: возьму я эту девицу взамуж. Што ж, што она небогата,— вовсе она приглядна. И говорит:

— Ты, девица, какова рода, какова отця?

— Я бедного сословья, у меня отец сапожник, живет бедно.

— Идешь-ле за меня взамуж?

— Кака я невеста? Я человек бедной!

Потом девица пошла, он за ей след пошел, узнать, какова она места. Приходит девица,— избушка маленька. Он зашел в фатеру. Отец у их сидит, сапоги работает.

— Ну, купец именной, што вам тако нать? Сапоги работать, али стары починять?

— Не сапоги работать, не стары починять, пришел я на вашей девици свататься.

— Што ты, купец, смеешься! возьмешь-ле ты мою дочерь? Вы богаты, а мы бедны.

— Славиться не будем, бери из магазина, што надобно: люди будут убиваться, што именной у бедного берет, а ковды справимся да обвенчаемся, товды и свадьбу поведем.

Обвенчались, пирком да свадебкой. И живут вовсе хорошо: и советно и богато, и так на эту хозяйку идет торговля хорошо, дак...

Жили, пожили. В Пруссии-городе сгорела лавочка. В той лавочки товару было всех боле. «Как жа мы будем эту лавочку строить? Хозяйку взять невозможно; здесь оставить — порато хороша, к ей люди подобьютца».

Вот и печалуетця день и два ходит, печалуетця. Она и спрашивает:

— Што вы, господин, ходите эдакой туманной?

— А как будем лавочку строить? Тебя оставить дома не смею: с умом жить не сумеешь. А людей послать, дак много утраты будет.

Она говорит:

— Срежайся ехать! Буду одна жить, сама себе сох-ранна.

Одела ему сорочку беленьку:

— Если сорочка бела замараетця, то я с ума сбилась, а если рубашка бела, дак живу крепко, исправильно.

Вот он и уехал в Пруссию-город ставить лавочку. И живет поживает, может, и с год време, а рубашка на ем бела, как снег. Он стал торговать. У его товар во все хорошо идет, а у иных купцев — плохо. Другие купци, его не любя, королю доносят, што он волшебник, волшует: у его товар идет, а у нас нет.

Этот **король** собрал пир и на пир созвал торговых людей, там каких-нибудь генералов, хрестьян и всякого звания людей и этого купця созвал на пир.

У его рубашка все бела, бела как снег. Стали пи-

ровать и жировать, потом пошла гулянья. Потом они стали бороться и все прибились и все припотели, и все припатрались,— у его рубашка все бела.

Король сочтил его волшебником знатливым: знат много,— нать его в тюрьму.

— Зачем жа вам меня запирать? Никак я не волшебник. Мне рубашку жена надела. Если как с умом живет, все рубашка бела, а если забалует, дак и рубашка замаратца.

Король того не внимает. Его в теремной замок.

Потом и удумал: к хозейки послать слугу верного.

Дал сто рублей денег.

— Поежжай, подбейся к ней. К хозейки еговой.

Слуга и поехал в город.

— Из Пруссии! Из Пруссии приехал! Куда ему фатера? Нать штоб чисто, бело! К этой купцовой хозейки его на фатеру!

Купцева хозейка:— пожалуйста, милости просим. Чужестранного человека поит, кормит, чаем, кофею, всем угошшает.

Он и стал ей говорить:

— Эки вы хороши, эки вы ненаглядны, как вы жить можете без мужа? Вот я дам сотню денег, не можете-ле со мной позабавитьца?

Она говорит:

— Грех. Большой грех!

Он говорит:

— Да што ты, што ты? Да твой муж не так живет, мы про его знаем, он близко.

Она и согласилась, взяла сотню денег у его. Пошли во спальню. Он и говорит:

— Вались,— говорит,— ко стенки.

Она отвечает:

— Я никовды со своим мужем ко стенки не сплю, ложись сам, а я на краю.

Он и повалился, бажоной, ко стенки. Она раздевалась да помешкала немножко, валиться стала,— у ей там были пружины; пружинки толконула,— он сейчас полетел у ей вниз в погреб.

Вот она ему дала за дурные слова, как свинину режут, дак таку пищу дала. Дала веретено, куделю и прялку. Приказала напресть нитку тонку, как шолчину, дак пойдет тебе пища хороша тогда. Он престь не умеет. Бился, бился, потом напрел нитку, как шолчина. Потом пошла ему пища хороша.

Король там его ждет. Нету посыльника: вот он там гуляет, вот забавлятця!

Ишша ждет:

— Вот такой-сякой уехал, гуляет, верно, там с ей; другого пошлю, ишша верней и лучша! Триста денег дам!

У купця все рубашка бела.

Другого послал посыльника. Другой таким же случаем приехал в город: к ей подбиваться стал:

— Эка ты красива, эка хороша! Не можно-ле с тобой позабавиться? Вот тебе триста денег!

Она с им таким же побытом в спаленку пошла, да бух его в погреб!

Одному пишша уж хороша идет, а другому ишша худа пишша.

Король весь прихлопотался. Хлопочет, хлопочет: куда девались, нету, нету!

— Гуляют там видно с ей! Сам поеду!

Посмотрел, у купця рубашка все бела.

— Накладу ящик денег, неужели нельзя подбить-ся к этой хозейки?

Вот и поехал сам в тот город, в тую деревню.

Народ:

— Из Пруссии королю! Из Пруссии король! Куда ему фатера?

— Фатера ему у купцевой хозейки: у ей чисто, у ей бело.

Ну, вот и у хозейки.

Хозейка принимает хорошо, поит и кормит. Она его чаем, кофием, всякими напитками угощает.

Он стал ей говорить:

— Эки вы хороши, да эки вы красивы. Возьмите эдакой ящик денег, согласитесь со мной,— говорит король.

Она говорит:

— Не соглашусь. Поежжай на полсутки в город, а я схожу к бачку-духовнику, спрошу, простимой-ле грех. Как простимой, дак соглашусь, а непростимой, дак и на деньги не обзарюсь.

Он и уехал. Вот она и пошла к бачку. Бачко выходит из байны: запарел, заруменил.

Она и говорит:

— Простимой-ле грех из-за мужа грех согрешить?

А он говорит:

— Непростимой, большой. А согрешим со мной, дак грех не будет, за нас мир замолит.

Она говорит:

— Приежжай часу в девятом вечера.

И вышла.

— Пойду схожу к благочинному.

Пришла к благочинному.

— Простимой-ле грех из-за мужа согрешить?

Благочинному эта красавица натъ:

— Нет, непростимой, большой грех, а со мной дак не будет грех: епархия замолит.

— Приежжай в часу десятом.

Пошла к архирею:

— Простимой-ле грех из-за мужа согрешить?

Архирей тоже на эту красавицу обзавидовал:

— А согрешим со мной, дак вся империя замолит.

— Приежжай в часу одиннадцатом.

Она ушла домой.

Там она ящик опорожнила и склала деньги куда-ле.

Вот живет, поживает. И звонок у ворот.

— Кто, кто приехал?

Бачко заехал в гости. Она потихоньку да помаленьку самовар наставляют. Чай попивают. С час немного и време.

Опеть звонок у ворот.

— Кто, кто наехал?

— Благочинной!

А чин чину повинуется ведь. Чин чина боитсе. Бачко дрогнул.

— Я-то куды, я-то куды?

Она говорит:

— У меня ящик есь большой, ты в ящик.

Стала опеть благочинного угошшать, с час време прошло, а тут звонок у ворот.

— Кто, кто у ворот?

— Архирей.

Благочинной архирея боитсе:

— Ох, ох, я-то куды деваюс? Што архирей скажот: зачем к женщины пришел. Я-то куды?

— В ящик!

И два там собрала.

Стала архирея угошшать. Король-ат и садит! Едет. Звонок.

— Кто, кто у ворот?

— Из Пруссии король!

Испугался архирей.

— Я-то куды? Расстригет меня!

— В ящик!

Король приехал:

— Ходила к попу духовнику? Спрашивала-ле?

— Ходила. Грех большой, непростимой. Не буду грешить!

— Скорей,— король-от разгорячился,— несите мой ящик в сани!

Слуги вынесли. Король поехал домой с яшши...

(Хохот пресек рассказ).

С ящиком!

Вот и поехали. Едет, гонит! А у купца все не ма-
рается рубашка. Приехал король, кликал пир и выпу-
стил ейного мужа.

Пировал-жировал.

— Есь-ле в Пруссии эка хозяйка, штоб не согрешила,
на эки деньги, на эдаки деньги не обзарилась?

Отворяет ящик: тут поп, благочинной, архирей...

Три штуки запёрано.

А у хозяйки все рубашка бела.

— Поезжай домой да выпусти, там сидят двое
ишша.

Бабушка закончила сказку при общем смехе не только договорившихся, но и всех бывших на берегу, которые все в большем числе подсаживались к холмику. Московка ничуть не удивилась, что Махонька рассказала такую сказку сразу после усердной молитвы. Она понимала, что северный народ, где много беспоповцев, не смешивает отношения к слабым смертным из духовенства с религиозным чувством, подобно многим из горожан.

Но едва остыло веселое впечатление, как старая пи-
нежанка без всяких упрашиваний или уговоров начала.

2. МОРЯЖКА

Как быдто была бывала

В одной деревни был один богатеющих родителей молодец (а, бывает, в городе. Нет, в деревни). Этого молодца здумали родители женить его. Ну, как, где не-
веста будем прискивать? Этот жених говорит:

— Вот, папенька и маменька! Вот рядом невеста, Моряжка, ей и возьму.

Они говорят:

— Таку нам хрестьянского сословия, нам не приходится брать, нам нать дворяньского.

— Нет, мне Моряжка нать.

А им нать из другого города достать, дворяньского сословия. Он родителей не огорчил и достали невесту. Невеста сидит на лошади, на верховной и говорит:

— Пусть мое сужоно выйдёт и меня соймёт с лошади. Не соймёт, я еду обратно.

Ну, он вышел, снял и повенчались. Ну, пир отошел и молодых свели на покой. Этот молодой сел писать. Написал и отдал жоны.

— Как у меня написано, так мои родители пусть и делают.

Повалился на колени жоны и умер.

То время подошло, што молодых будить пошли.

Здучатца у дверей, она плачот.

Родители говорят:

— Он што, тебя обижат разве?

— Он меня не обижат, а умер. Вот вам письмо.

Родители прочитали:

«Как у меня написано, пусть так они и делают. Редите меня в чисто платьё: понесут хоронить холостым, нежонатым, против Моряжкина двора остановятца, пусть Моряжка наредитца в чистом платьи и выйдет на улицу проститься в губы. На веку мы с ей не челаивались».

Так родители сделали. Против Моряжкина двора остановились. Ну, Моряжка наредилась в чистом платьи, вышла на улицу, и простилась в губы, и тут скончалась. Моряжки стали гроб делать. А егов не можут с места двигнуть. Моряжки гроб сготовили и понесли обех к церкви и отпели, похоронили в одну могилу.

Там сколько-ле, мало-ле времё, через лето выросло у их древо на этой могилы. На веку такого ништо нигде не видал: очень прекрасное.

Отец, мати стали там правительсво просить разрыть эту могилу.

Разрыли. Доски боковы отвалились у гробов, рука за руку захватились, в руках у их корень, и от этого корня пошло дерево.

Отец, мати горько плакали, прошшались в таких грехах, што напрасно сделали.

После этой сказки наступило сразу молчание. Лишь через некоторое время Печорец негромко начал.

3. О НОВОЙ ЗЕМЛЕ

— Да. Это все сказки, а я взаболь расскажу. Лонись я на Новой Земли был, недолышко: от рейсу до рейсу. Там только два рейса и бывает за год. Туда везут провианту на год для служащих и для промышленников, а как обратно,— то все, то упромыслили, везут в Архангельско. Ну, промышленники, которы не жалают зимовать, возвращаются. Я кольки раз зимовал, промышлял. Она ведь Нова Земля, как... хто раз побывал, дак она тенет. Хошь на смерть, хошь на болесь, а тенет! Это понеть надо. Край земли, да бох, да зверь. Нет, это не понеть! Дак сказывали, што один человек, с этих жа как раз мест, с Пинегы, в 12-м году прибыл, с рускима не захотел селиться, а к самоедину ушел. Там все боле вдруг живут: русские с рускима — вдруг, и самоеда все — вдруг. А бывает с рускима самоедин или два вдруг живут. А тот приехал, и сразу с самоедином отошли и живут на единасьве и промышляют петь лет. А как я лонись был, сказывали, што самоедин его приучал и все показывал, а он и уйди, и уж шесть лет на одинке живет. Мне любопытно. Обсказали, как найти, а тут случай такой вышел, што встрелись, и пришлось у его петь ден полежать: обезножил. Лежу да и говорю:

— Как это ты один живешь?

— Я не один.

— Хто жа ешшо?

— Собака.

И боле ни слова. Молтяжливой! А потом развезался язык: обрадел живому человеку. Как на долонь полóжил.

Ну, был он тут на волости молодцом и нашел тоже себе таку жа, должно моряжку, тожа родителям в ноги пал. Известно, што уже это созначает, как молодец в ноги повалилса. Родители говорят: «Мы сами думали, што пора, говори, хто люб?» Он сказал. «Нет, уж ю некак! бери инну». А он наотрез: «И вовсе не женюс!» И та тожа своим: «Нейду». И год, и другой и третей и пятой. Он не женится, она нейдет. Наконец того, девку обломали: дала согласие. Ей выходить, а он — на Нову

Землю. Здесь, конечно, никакого дерева не выросло. Она здесь детьми усыпана, а он на Новой Земли одиннадцатый уж лет живет, один с собакой. Древа то нет, а как будто оказывает.

Печорец вздохнул, закурил и, не дав никому произнести ни слова, вновь заговорил:

— Ешшо одну подходящую сказку знаю. Бывает и быль; будто в Сибири это все случилось. Как малым был, приехал к отцу купец из Сибири. Он сказывал: очень умыльна эта побывальщина.

Московка предложила было передохнуть, но все очень заинтересовались умыльной побывальщиной, и Печорец начал.

4. НАРЕЧЕННА НЕВЕСТА

В некотором царстве, в некотором государстве живало бывало два купца; один был богата богатыня, другой не столь важноватенькой. Однакожа они имели меж собой душевную связь; один к другому были вхожи со своими семействами, вместе панкетовали, и была у богатыни дочи Машенька, а у того, што победнее, — сынок Ванюшка. И эти малютки погодки так хорошо вдруг резвились и занимались, што кусочка один без другого не глонт. Уж каждой день они гостят, играют, один другого из уст не выметывают. И припало богатыне раз на панкете сказать:

— Друг милой, у тебя сын, а у меня дочи — твоему обручню жона. Давай их обручим!

Взели у малюток колечки и поменяли.

Пошутили, да и позабыли. А дети не забыли. Подросли они годков по двенадцати и однеж остались на одиночка и овешшались друг дружке, што быть им мужем и жоной.

Ну, времё идет. Богатыня богата — у его и дочи богата невеста — женихов хороших прибирает, сватов дожидат.

А с другом — беда. Ну, знаешь, в торговом деле: деньги перестали, товары перестали, вера перестала, и совсем он обнищал и помер, а сына егова мать давно в богатой дом не спускает; он по службишкам бьетца.

Тут присваталса к Машеньки хорошей жоних, богатой, хорошего житья. Отцы по рукам, но все-жа отец для виду с жоной — советуется.

— Так и так: нашу Машеньку берет такой-то жоних, лучша не надо!

Жона роздумалась.

— А помнишь, мы малюток обручили?

— Ну, какой-жа он жоних? Сам бедной, дела никакого вести не можот. Я даже в доверенны его взять не могу. А тут дело чистое. Да что глупости поминать по пьяному делу! Собирай дочи.

Ну, мать стала собирать. Хошь придано давно заготовлено, но, знашь бабье дело, все мало: и то нать, и друго нать, все мало. Невеста време длит, а сама слезьми изошла, все матери печалуетца, отцу конаетца, што должна итти за обручного, кому овещалась. Отец велел эти глупости позабыть. Она была послухмяна, но забыть не могла. Свадьбу справили навеселе, уж по-богатому. Тут и вино рекой, и закуски девушкам жоних прямо ящиками кинает (как поездом едут, так откупается, знаш, жоних). А молода кручинна. Ну, привезли в дом к молодому, оставили на одинку, как полагается; молода пала мужу в ноги сапоги сымать, а молодой ей:

— Брось, бесценная, стары глупости. Нет того в сесветной жизни, чего б я для тебя не сделал. Што ты так печальна и кручинна?

А она ему:

— Друг мой, но сделаешь ли, чего попрошу для тот-светной?

— Все сделаю!

— Я овещшалась другому и прошу тебя: не бери моей кр́асоты перву ночь, а отпусти меня к богосужону снести к ему мою кр́асоту. А тебе всю жись буду починна и повинна.

Он задумалса. Понимаете, кр́асоту снести, то есть просила, штоб он девицу не рушил, а порушит уж тот, кому овещшалась. Задумался, а после говорит:

— Иди, моя сужона несужона. Только как пойдешь? Време темно?

— Это близко.

Взела свою кр́асоту (она в черкву ей не носила), и вся она у ей драгоценныма каменьями испосажона, такжа все драгоценны свадебны уборы, кои отец дал, кои муж подарил, собрала это все в кису, одёжилась и пошла. Сказала «близко», а все ж ейной нареченной

жил по за городом в большой бедности. Верстах в десяти было, и полдороги — дремучий лес.

Ночь темна, только сполохи путь к лесу сосветили, да и потухли. И тут о полдороги схватили ей разбойнички, лесные подорожнички, нашшупали кису с драгоценностями, и к отаману. Отаман здрит красавицу, драгоценны уборы и обрадел, но для изгильенья спрашиват (думат, изнаильничать, бат, поспею):

— Пошто, девица-краса, в сузем пошла и уборы понесла? Видно, сосмекала нас жонихов стренуть. Нас довольно, и мы тобой очень довольны.

Жона нерушимая пала в ноги и все чистосердечно рассказала и отдавала все уборы, только просила ей не рушить. Отаман очень удивилса и спустил ей:

— Но завтра обязательно возвращайся в стан и нам все расскажи, как обошелся твой нареченной.

Она побежала к своему возлюбленному жониху. Рассказала ему все: и как муж спустил, и как отаман жизни не решил...

— А теперь я вся твоя!

— Я не задёжу тебя. Муж спустил тебя и ты к ему воротисе. Как ты сможешь егов хлеб и воду ись-пить, естли себя нарушишь? Довольно того, што разбойник тронулся еговым поступком, возлюбленна; неси ему и красоту и все драгоценны уборы, да поблагодари своего мужа, што уважил младенческу связь. Я его за брата почитаю. Дожидайса свету белого у меня и иди нерушима.

На другой день молодка, как была девица, так есь, отправилась с кисой и завернула в разбойничий стан. Росказала и подает кису отаману, но тот сóзвал всех товаришшей и скричал:

— Слушайте, товариши, што я слышу: ужели не равны мы по сотворению с протчима людьми? Вот муж не порушил данной ему эдакой красавицы и отправляет с дарами и невинностью к ейному нареченному во младенчесве жониху. Тот не хочет принимать дареной ему невинности и отправляет ю нерушимой к мужу. Ужели мы хужа? Бери обратно свои уборы, иди к мужу, а штоб тебя не обидели мои станисьники, бери две слуги верныя в провожатые!

Ну, вот и явилась она к своему законному мужу в свой богатой дом с провожатыма: с разбойниками, которые чесно с драгоценностями передали мужу в руки.

Когда она все подробно рассказала мужу, он про-

слезился и сказал: жалаю покрестоваться с твоим нареченным и пригласить на службу в доверенны моего торгового дома и с процентами, как пайшика. Он мне вернул и не тронул капитал — тебя, моя радость. Жону доверил, ужели состояния не доверю?

Это он сказал, а жона сомлела после всей этой трелогии и повалилась на кровать. И сделалась она трудно больня. Ейной нареченной уж служит у ейного мужа и живут они, как братовья. Очень согласно и берегут больную нерушимую женщину. Она все в бесчувствии. Однеж открывает она глаза и находит мужа своего бездыханна. Случилса ему паралик сердца.

Ну, што ж? Погоревали, поплакали, очень уж хороший человек был. Все состояние жоны отписано, ешшо в день свадьбы. Она-то вдова-девица нерушимая после вдосва за доверенного, за свое во младенчесве богосужоно взамуж вышла. Это вы поймите...

Печорец умолк. Не скрыть бы ему непрошеную слезу, но сейчас же неожиданно чистый и крепкий для старика голос Кулоянина запел древнюю былинку.

5. КНЯЗЬ РОМАН И МАРЬЯ ЮРЬЕВНА

Снарядилсе кнезь Роман за синé море,
А за синé море походит да битьсе рáтитьсе
А посадил он кнегиной да молоду жену.
А тут восплачитсе кнегина да Марья Юрьевна:
«А ты не ездик-о, Роман, да за синé море,
А за синé море широкое раздолъице,
Уж и мне-ка ноне мало спалось,
Да мне-ко много да во снях виделось:
А и будто у меня да и со правой руки
А сокатилосе кольцо да обручальное».
А не послушалсе Роман да молодой жены.
А он снастит корабли да белопарусны,
А отъезжает кнезь Роман да на синé море,
За синé море, широкое раздолъице.
А тут и год-то пройдет да будто день минет.
А по утру было да все по ранному,
А тут ставает кнегина да Марья Юрьевна,
А ключевой-то водою да умываласе,
А тонким белым полотном да утираласе,

А ишше кланялась спасу да богородице,
А и садилась у окна да у косятого
А глядеть-то она да на сине море,
На сине море, широкое раздольице.
А из-за моря-то моря да моря синего,
А из-за синего моря да все широкого,
А выплывали сокола да черны кóрабли.
А хорошо-то кóрабли да приукрашены,
А они красным-то золотом изунизаны.
А они чистым серебром да приокованы,
А они скатным жемчугом да изусажены,
А становились кóрабли да в тихой гавани,
Они метали якоря да все у города,
А оны флаки подымали да все шелковые,
А мосточки-ти мостили да все дубовые,
А настилали камбчки да одинцовые,
А и темá же мосточками дубовыма,
А хрущатыма камкáми да одинцовыма,
А проходил тут Бориско да сын Заморенин,
А он и шел во палаты да во кнегинины,
А не умеет Бориско да речи русские,
А не толкует кнегина да речь немецкую,
А говорит же Бориско да переводшиком:
Ише есть у двора да у Романова
Молодой-то Михайло да переводшиком,
Переводит Бориска да все на русску речь.
«А уж ты здравствуешь кнегина да Марья Юрьевна,
А с молодым-то Романом да со Васильевичем».
А отвечает кнегина да Марья Юрьевна:
«Уж ты здравствуй-ко купец да добрый молодец,
А счастливо бежал да по синю морю.
А у нас кнезя-то Романа да нету в городе,
А за сине море уехал да он поляковать».
Говорил же Бориско да сын Заморенин:
«Уж ты ой еси кнегина да Марья Юрьевна,
А мы пришли из-за моря да из-за синего,
А привезли мы товары да разноличные,
А разноличные товары да все заморские.
А и тонки-ти шолки да хрущаты камки,
А и штофы-ти у нас да все орленые,
А и сукна-ти у нас да одинцовые,
Дорогие-ти товары да каки надобно».
А не умеет ведь Бориско да речи русские,
А не толкует кнегина да речь немецкую.
А говорит ведь Бориско он переводшиком.

А и тут же кнегина да Марья Юрьевна,
А отпирала ларцы да медны кованы,
А она меряла меру да золотой казны,
А серебряной казны да брала без счету.
А тут сплакались слуги да слуги верные:
«А уж ты душечка кнегина да Марья Юрьевна,
А не ходи-ко ты кнегина да на черной корабль,
А на черной-то корабль да в тихой гавани,
Как товар-от тебе да тут прилюбится,
А и ум-от от тебя да тут отступится».
А гворит им кнегина да Марья Юрьевна:
«А не ревите-ко вы слуги да слуги верные
А мне-ка нечего с Бориском да разговаривать,
А не умеет Бориско да речи русские,
А не толкую я, кнегина, да речь немецкую.
А я скоро откуплю товары заморские,
А и скоре того, кнегина, да я домой приду».
А походит кнегина да на черной корабль,
Только взяла с собой Михайла да переводшика.
А и ведет ей Бориско да сын Заморенин
А ей по сукнам-то ведет да одинцовым,
А по мосточкам-то ведет да по дубовым,
А он заводит ей на палубы тесовые,
А он во те ли во каюточки судовые.
А и тут же Бориско да сын Заморенин,
А он подносит кнегины да меду пьяного,
А он вторую-ту чару да зелена вина,
Тут и ум-от от кнегины да отступайтсе,
А и Заморенин кнегины да прилюбайтсе.
А он не знает, Бориско, да речи русские,
А не толкует кнегина да речь немецкую.
А он целует кнегину да в сахарны уста.
Ай во ту пору было да во то времечко,
А матросы у Бориска да наученые,
Они сымали мосты да все дубовые,
А скатали камочки да одинцовые,
А отворяли они парусы полотнены,
Подымали они якори булатные,
Выходили они да все из гавани,
Ай бежали они да во сине море,
А во синем-то мори да во раздольице
А во сине море — широкое раздольице
А ише стало корабличек покачивать,
С кормы на нос чермленой да поварачивать,
А и тут-то кнегина да сдивовалосе:

«А не бывало на веку да в тихой гавани
Да ише эка погода да разгуляласе».
Говорит ей Бориско да сын Заморенин:
«А ты не бойсе-ко, кнегина да Марья Юрьевна,
А верно на мори волна да расходилася,
Нанесло зводенёк да до тихой гавани».
Ише не знает Бориско да речи русские,
А не толкует кнегина да речь немецкую.
А перепалось у кнегины да ретиво сердце,
А бежит она по лесенки на палубу...
У кнегины резвы ножки да подкосилисе:
А и сине-то море да на волнах стоит,
По синю-ту морю да тут карапь бежит,
А тут карапь-то бежит да как стрела летит,
Как стрела-та летит, да кверху злетывает.
А и тут-жа кнегина да горько сплакалась:
«А и трои проклят да сын Заморенин,
Я сронила с головы да золотой венец!»
А и день-то пройдет да все другой минет,
А и третьи-ти сутки да миновалисе,
А тут Больша-та Земля да показаласе.
Ише стали корабли да в тихой гавани,
А и метали якоря да все у города.
Опускали оны парусы шелковые,
А мостили мосты да все дубовые,
Настилали камочки да одинцовые,
А ише вышиты камочки да в красном золоти,
Прирозубраны камочки да в чистом сёребри.
Приусыпаны камочки да в скатном бисери.
А и тут же Бориско да сын Заморенин
А и берет он кнегину да за белы руки,
Он за перьсни-ти берет да золоченые,
А и ведет он кнегину да на красно крыльцо,
А во свои ти палаты да белокаменны:
А он поставил Бориско да сын Заморенин,
А он поставил дружину вокруг двора
А молодую-ту кнегину караулити.
А у ворот-то поставил да приворотничков
А во сенях-то поставил да караульщикков
Да молоду ту кнегину да караулити.
А и во тех-то во палатах да белокаменных
А розоставили столы да вси дубовые,
А розостлали белые браны скатерти,
А наположили есвица сахарные,
А наносили вина да пива пьяного.

А пива пьяного, меду да все стоялого.
Ай говорил как тут Бориско да сын Заморенин:
«А ты послушай-ко, кнегина да Марья Юрьевна,
Да я возьму тебя, кнегина, да за себя замуж».
«Трои проклят Бориско да сын Заморенин.
А я сронила с головы да золотой венец!»
А и тут же Бориско да сын Заморенин
А он позорил кнегину да Марью Юрьевну.
А он дерет со кнегины да платье цветное,
А говорит он кнегины да Марьи Юрьевны:
«А ты потешь-ко, кнегина, да добрых молодцов,
А ты спляши нага да по-удалому».
А и тут же кнегина да не ослышалась,
А и сколько кнегина да тут выплясыват,
А она боле слезами да уливается;
«А ты прости меня, спас да многомилостив,
А я сронила с головы да золотой венец!»
А во двори-то дружина да упиваласе,
А напивались у ворот да приворотнички,
А и напивались во сенях да караульшички,
А приупился Бориско да сын Заморенин.
А ише стали они да опочив держать.
А ише тут то кнегина да догадаласе:
«Благослови-тко мене спас со пречистою,
А ты выведи меня да на светую Русь!»
А и бежит нынь кнегина да поскорешеньку,
А поскорешеньку бежит да потихошеньку.
Из полат выбегает да все на улицу.
А ише спят во палатах да трои суточки,
Как со сна-то дружина да прохватилаसे,
Прохватилася дружина да перепаласе:
«А у нас где-ка кнегина да Марья Юрьевна?»
Побежала дружина да ко синю морю,
Ко синю морю, широкому раздольцу.
Как широко-то море да на волнах стоит,
Во синем мори погода да поднималасе,
Говорила дружина да все Борисова:
«Уж мы скажем Борису да все Заморину:
Убежала кнегина да ко синю морю,
Во синем мори кнегина да утопиласе».
А и бежала кнегина да она три-то дни,
А она три-то ведь дни да она три ночи.
А забежала кнегина да во темны леса,
Во темны-ти леса да во дремучие,
А во те ли во болота да во зыбучие.

Да во лесах-то она три года скиталасе,
Да она горьким-то кореньицем питаласе,
Она долгима-то косами закрываласе.
А тут повѣтают снежочки да у чиста поля,
А выбредала кнегина да ко синю морю,
Ко синю морю да на жолты пески.
А и тут-то кнегина да горько сплакалася:
«А уж ты море ли море, да море синее,
А ты возьми-ко мое да тело белое,
А упокой ты мою да душу грешную!»
А и заходила кнегина да в море по пояс.
А как из-за моря, моря да моря синего,
Из того же раздольица широкого
Ай выбегает суденышко малешенько.
На суденки-то удалой добрый молодец,
Ише кнегинин переводшик да свет Михайло.
Ай говорит он кнегины да таковы слова:
«А уж ты гои еси, кнегина да Марья Юрьевна,
А выбредай ко мне, кнегина, да на черно судно
Я свезу тебя, кнегина, да на светую Русь».
А тут высказыват кнегина да Марья Юрьевна:
«А уж ты хто таков, удалой доброй молодец?
Не слыхала я этта да речи русские,
А я русские той речи да ровно три года!»
Отвечает Михайло да доброй молодец:
«А уж ты миленька кнегина да Марья Юрьевна,
Не узнала своего да слуги верного,
Как и есь я Михайло да переводшичек!
А походила ты к Бориску да на черной карапъ,
А ты не знала с има да разговаривать.
А ты взяла меня с собой да во помошники».
Тут слезами кнегина да умываласе,
А Михайла та кнегина да устыжаласе.
Забродила кнегина да в море по шею.
«Уж ой еси молодой да доброй молодец,
А ты брось мне-ка с судна да хоть портенышко,
Я закрою свое да тело нагое».
А и тут же Михайло да не ослышалсе,
А скидывает свое да платье верхнее,
А подает он кнегины да Марьи Юрьевны.
Заходила она да на суденышко,
Ише скоро кнегина да одевайтсе:
«А спасибо тебе, да свет Михайлушко,
Надо мной ты, Михайло, да не куражиссе».
Ай побежали они да по синю морю,

По тому-то широкому раздольицу.
А тут пришли они с Михайлом да на светую Русь,
На светую Русь да в стольнем городе
Тут пива ти варят да все вино курят.
А доходила кнегина да Марья Юрьевна
А до своих-то полат до белокаменных,
А она спрашивать стала да своих верных слуг:
«Нынь пошто вино курят да все пива варят?»
А не признали кнегину да слуги верные:
По-муски то кнегина да нынь обряжена.
А говорят-то кнегины да таковы слова:
«А воротилсе князь Роман да из Большой земли.
А он искал своей кнегины да Марьи Юрьевной,
Увезли его кнегину да во Большую землю
А искал он кнегину да ровно три года,
А он Большу-ту землю да все на дым спустил.
А перебил он старого и малого
Да за свою-ту желанну да Марью Юрьевну.
А теперь у нас кнезь да прирздумалсе,
А он сосватал за себя на нынь боярскую дочь.
А о вчерашной день Романушко сосватолсе,
А сегодня у Романа да обрученьице,
А и завтре у Васильевича венчальной день».
Ай говорила тут кнегина да Марья Юрьевна
Своему-то Михайлы да другу верному:
«А бежи-ко, Михайло, да во торговый ряд,
А ты купи-ко, Михайло, да гусли звончаты.
А подем мы к Роману да на широкий двор
А мы скажемся у кнезя да скоморохами».
А и тут же Михайлушко не ослышалсе.
А походит Михайло да во торговый ряд,
А купил он ей гусли звончаты.
А пришли ко кнезю да на широкой двор,
Ише в те ли во полаты да белокаменны.
Оны сказалисе у князя да скоморохами.
Запогудывали в гусли да в гусли звончаты.
А и тот же Роман да свет Васильевич
Не узнал своей кнегины да Марьи Юрьевна.
По-муски то кнегина да все обряжена.
А он дает ей братыню да зелена вина,
Зелена-то вина да из своих ведь рук.
А выпивала кнегина да за единой дух,
А со правой руки сымала да золото кольцо,
Золотое-то кольцо да обручальное,
Она которым со Романом да обручаласе,

А положила во братыню да во сереброну
Воротила Роману Васильевичу.
А и тут же Роман да свет Васильевич
А он хватает у ей перстень да золото кольцо,
Прижимает кольцо да к ретиву сердцу,
А обливает слезами да все горючима:
«А уж ты, ой еси, молодой да скоморошина!
Говори-ко ты мне да правду истину;
А у меня где-ка кнегина да Марья Юрьевна?
А искал я кнегину да ровно три года,
Я Большу ту землю да все на дым спустил,
Перебил я и старого и малого».
А и тут же кнегина да Марья Юрьевна
Она падат Роману да во резвы ноги,
А умывает слезами да все горючима.
Зрадовался у нас кнезь Роман Васильевич.
А он хватает кнегину да за белы руки,
Прижимает кнегину да к ретиву сердцу,
Он целует кнегину да в сахарны уста,
А он ей садит на место да на кнегинино:
«А мне не надобна невеста да все обручная,
Да только надобна кнегина да Марья Юрьевна!»
Ай того же молодого да он Михайлушка
А поставил себе да в друга милого,
А в друга милого, во брата да во названного.

Пока Кулоянин пел свою древнюю былину, Московка
все более улыбалась, и как только Кулоянин закончил,
она закричала:

— Спасибо, дедушко Устин! Ужели ты меня не при-
знал? Я у вас на Кулое была в германску войну, ты
меня ишло за шпионку шшитал, петь не захотел мне?
А потом опять...

Дедушко вгляделся.

— И впрямь та, та сама! Да где ж твоя басота, да
где ж твоя лепота? Весь тук сронила. Тьффу!

И энергично сплюнул. Не понравилось ему, что по-
худела Московка. Куда была лучше полной.

— И волосья...

Он тронул волосы.

— Ты бы хошь в повойник убрала. С лица не столь
стара, а седата! Тьффу!

— Дедушко, не бранись! А лучша ишло спой, а
там уж отдохнуть пора. Ночь не спали, дак повалимса.
Спой.

Дедушко — сказитель на редкость, гордо окинул всех чистыми синими глазами и усмехнулся.

Был он лицом похож на Льва Толстого, только весь золотой. Солнце пронизывало его густые соломенные волосы и бороду. Он подумал и снова запел.

6. ВОР-КАБАНЬИЩЕ

Да во славном городе, во Києви,
У богатого князя да у Бладимёра
Заводилось пированьице, поцестён стол,
Про многих князей, про многих боеров,
Про тех полениць да про удалых-е.
Тут-ле Бладимер по горенке похаживат,
Он сапог о сапог да поколачиват,
Он скопоцьку о скопоцьку пошшолкиват,
Золотыма перснями да принаигриват,
Он русыма кудрями да принатряхиват,
Он из уст тако слово да выговариват:
«Уж вы все люди да ой,
Да все крестьяна вы соборныя,
Уж вы все князя да боера,
Уж не знаете ле мне-ка да богосужаной,
Богосужаной да богоряжаной.
Походоцька уж была бы у ей павлиная,
Тихая рець да лебединая,
Да ведь ясны-те глаза, да как у сокола,
А цёрны-те брови, да как у соболя!..»
Нехто на это слово да ответить не мог.
Да отвечал Веча да сын Лазарьевич:
«Я ведь знаю у князя, да у Данилушка
Есь у его да молода жона, да Опраксея».
«А как-жа можно у жива мужа жону отнеть?»
«Созовем мы его да на поцестён пир
Да пошлём его да на Буян Остров
За тем жа за зверем, да за Вор-Кабаньишшом.
Да много там молодцов да уехало,
Не один назать да не приехал.
Привезти бы ведь зверя и Вор-Кабаньишшо,
Без тоей без раны без кровавоей».
И пошел как тут Веча да сын Лазурьевич
Звать князя Данилушка
Ко князю Бладимеру да на поцестен пир,
Не можот у Данилушка ворот найти.

Увидал тут Данилушко с высокой горницы:
«Кто-то ездит у нас вокруг оградочки,
Не можот ворот найти».
Он скочил, побежал да веселехонёк,
Отпирал он ворота да крутехонько,
Тут Веча да сын Лазурьевич.
И кланелся он ему да ведь низехонько
И звал он его да на почестен пир
К тому жа ко кнезю да ко Владимеру.
И хлеба и соли ись да пива с мёдом пить.
Тут князь Данилушко кручинилса.
И закручинилса Данилушко да запечалилса.
Увидала его жона да Опраксея:
«Уж ты што жа, Данилушко, да закручинилса,
Што жа, Данилушко, да запечелилса?
Пойдем ка со мной в тёплу спаленку
И роскажу я тебе, да все разведаяю:
Уж и поедешь ты, Данилушко, да на поцестён пир,
Уж и будут тебя садить да во передней стол,
И во передней стол да во большо место,
И не садись ты, Данилушко, да во передней стол,
Не садись ты, Данилушко, да во большо место,
А садись ты, Данилушко, во задней стол,
И во задней стол да во меньшó место.
Принесут тебе чару да зелена вина,
Принесут тебе бел пирог круписцятой,
И ты не пей ведь чарочки зелена вина,
Ты не ешь пирога да всего дочиста,
Накинут на тебя служебку великою
И велику на тебя служебку да темнозлу.
Уже ты много с има, Данилушко, не разговаривай.
Поезжай ты, Данилушко, да к молодой жоны,
Молодой жоны да ко Опраксею».
Поехал тут Данилушко да на поцестён пир.
Подхватили тут Данилушка да за белы руки,
Садиле его да во передней стол,
Во передней стол, да во большó место.
Не садилса тут Данилушко во передней стол,
Во передней стол да во большó место.
А садилса Данилушко во задней стол,
Во задней стол да во меньшó место.
Принесли ведь Данилушку цяру да зелена вина
Не выпивал он цяроцьки да всей до дна.
Принесли ему пирог да бел круписцатой,
Он не ил пирога да всего доциста.

Тут князь Владимир по горенки да похаживает,
Он сапог о сапог да поколачивает,
Он скопоцьку о скопоцьку пошшолкивает,
Золотыма он перснями да принаигрывает
И русыма он кудрями да принатряхивает.
«Я накину на тебя,— говорит князь,— Данилушко,
Службу да великую:
Сходи ты, съезди да на Буян Остров,
И привези ты зверя да Вор-Кабаньишша
И без всякой раны, да без кровавою».
Мало с има Данилушко разговаривал
И поехал Данилушко да к молодой жоны,
К молодой жоны да к Опракси.
Идет тут Данилушко да не веселой
И повесил он голову да со могутных плеч.
Стречат его жона да Опраксея:
«Пойдем ко, Данилушко, со мной да в теплу спаленку
И повалимса мы с тобой на кроватоцку да на кисовую
И роскажу-ка я тебе и все разведаю.
И ты поедешь, Данилушко, да на Буян Остров
И купи-тко ся ты суцьку да нашлежницку
И купи-тко ся ты зверя да скáкуна
И купи-тко ся ты зверя да рёвуна,
И купи-тко ся аркашек да волосяной,
И купи-тко ся сабельку да вострую,
И возьми-тко ты нож да вострой,
И встретятся тебе на дороге люди неверныя,
И будут у тебя просить да саблю вострую,
И не давай ты им да сабли вострой,
И коли ты их да в ретиво серьцо,
И срежай у их да буйны головы,
И спусти-тко ты суцьку нашлежницку,
И спусти-тко ты зверя да скáкуна,
И спусти-тко ты зверя да рёвуна
Да ведь суцька наследит и зверь обскацёт,
Обревёт тут ведь рёвун да зверя,
Тут седит Вор-Кабаньишшо под сырой дуб,
И наденет Данилушко волосяной аркашек,
И свежет коню да за стремяна,
А удержит во белых руках».
А удержал он его во белых руках
И свезал коню за стремяно,
И повел тогда зверя да Вор-Кабаньишша,
И привел он ко кнезю да ко Владимиру,
И без всякой без раны да без кровавую.

Было у князя да у Бладимера,
Ишшо было у его да ведь собраньице,
Ишшо этому зверю да удивлялися,
Да нехто этого зверя не видывал.
Приказал тут Бладимер взеть от князя да от Данилушка
Да тому ведь сыну Лазурьевичу
Не успел он взети да сын Лазурьевич,
Да прыгнул у его зверь да во чисто полё,
Да увидели у зверя да только курева стоит.

Теперь Московка решила твердо отдохнуть, уже зная, что помор Александр Останин из Кеми готовит длинную сказку; Московка окликнула Скомороха (так прозвали мезенца), чтоб подошел поближе; но он уже давно увивался около молодки с ребенком, сидящей поодаль. Признаться, Московка боялась, что Скоморох заболтается, а, когда придет его черед рассказывать, заснет. Надо было хитро обдумать, как бы Скоморох выпался вместе со всеми. Жадна была Московка, и жадность вела ее к страху, а хитрость — к опеке здоровых мужиков, как малых детей. Она еще раз окликнула Скомороха.

Тот вскочил, перепрыгнул через несколько тел, вытянулся перед Московкой и чужим голосом сказал:

— Товаришш командир, дозвольте с молодкой повалиться.

Это было так неожиданно, что весь берег прыснул, а молодка, задыхаясь от смеха, кричала:

— Вот муж в лесу недалеко дрóва рубит, вот созову, он тя как лечнет, дак в воду улéтишь!..

Скоморох кинулся к ней, ухватил брошенную ватную кофту, и, кутая ею голову, летел обратно...

— Буюс, буюс...

— Цёрт. Оддай кофту-ту!

Тогда приоткрывая серьезнейшее лицо:

— Но примая во внимание побывальшину, рассказанную сим ошкуем...

Кофта через головы полетела к молодке...

— Принимая во внимание, чем мы хуже разбойников? А потому, моя бесценная, вались одна, никем нерушимая. Сохраняй свою невинность, а я повалюсь один.

Берег грохотал. Скоморох повалился на песок, раскинув руки, и ко всеобщему удивлению сейчас же заснул.

Но особенно это поразило Московку: она встала и даже его потрогала. Спит, по-настоящему спит...

После продолжительного отдыха и длительного чаепития опять все собрались слушать сказки, и Московка обратилась к сутулому одноглазому помору, имя которого она успела узнать.

— Александр Ондреевич, вы обещали длинную сказку!

Кривоглазый высокий Александр Останин сочным и степенным басом ответил:

— Нет, я раньше расскажу Сороцку быль, про сороцково промышленника... Как заговорил товариш про Нову Землю, так и стало вроде как трести. Это он совершенно правильно сказал, што она тянет, даже очень тянет. Я три раза ходил, по году жил. После не приходилось. Четырнадцать навигаций в Норвегу сделал. Это не то. Очень страшну быль скажу, а все-таки она тянет. Видали, на пароход упрыгнул такой седенькой, быстрой старичек, ешьчо у него така самоедска сумка через плечо висла, а в руках аглицко ружье... Это с Новой Земли — приехал на Матверу к себе артель сбивать. Он на Новой Земле шестнадцать лет выжил безвыезно. Теперь ему одному запрещшено промышленлять, так он приехал артель собирать... Не успел я с ним поговорить, хотя, конешно, одноглазово не возьмет...

— А ковды у тебя глаз пропал? — спросила Махонька участливо.

— А шилом проткнул. Я ведь сапожничаяю: ну проткнул, дохтор посмотрел, повязку наложил, сказал: «только не пей! цел будет». А я выпил. Пять ден терпел, да и выпил. Глаз и пропал.

Заметили, как ходит старичек? Ни на што не глядит и все фыркает. Воздух ему тяжел, и на леса глядеть не может, все ему тесно и грязно. Также вот самоедин был на Москву увезен, Тыка-Вылка (очень хорошо картинки рисовал, за это взяли), дак жить не замог, до того в Москвы грязно...

— А вы знали Тыка-Вылку? Я знала того художника, что взял к себе Тыка-Вылку. Самого-то я его не застала, но моя приятельница давала ему уроки, и много о нем рассказывала. Их пять человек собралось, и ходили обучать Тыка-Вылку. Он всех учительниц называл «Маша». «Маша присла». Повалится на кровать: «Ну, Маша, говори!» Он сидеть на стуле не умел,

все больше лежал. И ничего не слушал, только вот географию страшно любил и понимал... карты рисовал, за это и взял его да за картинки...

— Ну, ну сказывайте!

— Дак вот вернется откуда-ле с улицы в большой мороз и чихает, головой вертит: «Пыльно, жарко! Пыльно!»

Все засмеялись.

— Ну, и вовсе сбился... Сорочка-то была где дева? Сейчас расскажу. Уж не сбивайте.

7. СОРОЦКАЯ БЫЛЬ

Это была про сорочково промышленника. У него были лодьи трехмачтовы и промышлял он на Новой Земле. Напромышляли целой груз зверя и гольца (голец вроде семги, только без клёску). Им бы уже уходить, да поветери нет — ветер сретной. Вся команда уж на лодьях, а хозяин с двумя товарищами ешьчо на охоту пошел.

Матросы говорят:

— Вот запоходит, мы его в то время уходим!

Хозеин охотился недолго. Нова Земля — остров. Зимой на один час рассветается. Зато летом солнце не закатается. А тут уж осень, дни коротки. Вот он на берегу стоит с товарищами и видит: паруса отданы, якорь закатан. Случилась поветерь. Он ждет: ботик сейчас выйдет, возьмет их; ему и видно, што на лодьях делается и разговор слышен. У него там был кресник. Он ему кричит:

— Давай ботик!

Кресник сходил в свой камбуз, взял ружье большово формата, на плацерь положил на борт и выстрелил. Хозеин и не крикнул — упал, а товарищи отбежали на такое расстояние вне ружейново выстрела. Лодьи ушли. Эти двое остались. Хлеба — што в брюхе, платья — што на себе.

— Ну, што ж, ведь мы остались?

Из последнево заряда убили морсково зайца. Поедят — рвать, рвота. Изба была тут построена, называется становище Кармакул; а есть нечево, приходится умирать. Один жил двенадцать дён, другой — шестнадцать. У второво был нож, он этим ножом на нарах и на стенах на досках вырезал всю историю. Как хозеина

убили, как их двух бросили и как эни умирали. И в предсмертных конвульсиях скончалса.

Ну, пусть тела разлагаются, на счет этого помолчим. Поговорим о лодьях. Они пошли на Варде. Товар продали, накупили рому, русскому консулу заявили, што хозеин помер, зверя раньше продал, деньги жоны выслал, ну а голец здесь не идет, так мы сами в Архангельско свезем вдовы.

Пошли в Архангельско, напились рому, стали плесать. А там был один старик — он в союзе не был, штобы хозеина убивать. И теперь не пил, толкует промеж себя: «Плешите, плешите, скоро заревите». Кресник услышал и старика в море сбросил.

Пришли в Архангельско. Знают правило: в полмачты флаг — значит неблагополучно, хозеин умер. Хозейки сказали, што муж ей деньги выслал с Варде, а сам там помер, там и похоронили.

Ну, што ж хозейка? Поплакала, погоревала — поверила.

На другое лето русские в то становишьчо не ходили, а пришла только норвецка или английска шхуна — из тех наций. Зашли в избу, у их ужас взел: два тела разлагаются медленно (климат холодной, так целой год разлагались). Один заметил, што на досках вырезаны буквы. Прочеть они не могут, а эти доски движимы, они и взяли с собой их. Там и прочитали всю историю. Этих матросов засудили, сквозь строй гнать на смерть, при Николае Палыче дело было. Так у того, што написал, жонка оставалась, ну, она по весны бегала на «глядень» — такой камень-варака, с которого в море выглядывают — глядеть, не видать ли какого суденышка. Как получила весь, што хозеин помер и два его товаришша на Новой Земли скончались (другой был других мест), она каждый день туда вопить ходила на кажну зорю. Моя матка сароцка была, видала ей. Стоит на глядне, руки заломит в небо, и падает, и вопит и причитает. А ветер одежду крутит. Эдак-то у нас все поморки: у которой муж в мори осталса, у коей сын или брат. Уж такое дело, кажна знат. Ну, и эта год цельной кажну зорю стоит, убиваетса. Ну, отплачетса, да днем и ничево, работат. А как узнала, што муж описал, как они мучились, брошены... Она стояла на глядне, не сходя два дня (никак ей было не увести, вроде одичала, дика стала), а на третий кинулась в море. Там прегрубо место. Так и сгибла.

Едва помор закончил, Московка спросила его:

— Вы, Олександр Ондреевич, грамотны?

— Читать умею. Товаришш четыре раза ко мне приходил, я в четыре раза смолоду выучился читать. Сулилса ешьчо писать научить, да боле и не приходил. Так писать и не выучился. А читать читаю. Рóманы очень люблю читать, а потом и рассказывал все. Очень меня за это любили на судах. Но уж пятнадцать лет ничего не сказываю.

— Ну, а сказку вы же хотели нам рассказать.

— Длинна только, убьетесь... Ну да ладно, нам на работу не бежать. Ишь вон дедушко уж работу нашел (Кулоянин плел уже кому-то заказанную рюжу). Ну, ладно.

И он начал.

8. КРАСАВИЦА ПОД ФЛЕРОМ

В одном городе приморском было два купца, два родных брата. Один торговал магазинами, лавками, горной торговлей занимался (на суше), а другой имел корабли, ходил за границу. Который ходил за границу, тот не имел ничево детей; тот, который торговал на суше, тот имел детей. Потом он заболел и в молодых годах умер. Сына оставил своево лет петнадцати. Супруга осталась в молодых годах. Она безумно торговать не стала: сын молод, а сама она непривычна была,— и прикрыла эту торговлю поэтому.

Ну, што ж? Сын Ванюша без занятий: ему скушно. Кое-как один год проходит, на второй год весна приходит.

— Што, маменька, без занятий мне очень скушно!

— Да чем же, Ванюша, заниматься? Ну што же? Торговлю снова откроем?

— Маменька, это ешьчо поспеем поторговать. Мне бы вот охота за границу.

— Да што же? У дяди корабли готовые. Сходи к нему, может, он тебя возьмет, и съездишь ты с ним.

Вот он этому случаю был очень рад. Сейчас же, в тот же день к дяди отправилса. Приходит к дяди. Дядя ево очень любил. Принел ево великолепно.

— Ну, дяденька, я к вам с просьбой.

— А с какою, Ваня?

— Да вот мне здумалось посмотреть за границей, как люди живут. Дак вот возьмите меня с собой на эту навигацию.

— А я только думал звать тебя, а ты сам пришел. Ну, поедем! Приготовься. Одежды много не бери с собой, так, немного возьми.

— Хорошо.

Вот он приходит домой.

— Маменька, дяденька меня пригласил, взял.

— Ну, тогда поезжай.

Вот ему приготовили все, и он собрался, багаж ему свезли на карап, с маменькой распротился и со всема служащими. И отправился. Погода стояла благоприятная.

Шли не очень долго и прошли за границу, там в какой-то столичный город.

Ну, обыкновенно первым делом — таможня. Приехал, заявил с каким товаром на пошлины.

Ну, потом таможня ему разрешила торговать разными товарами. Он стал торговать. А Ваня што? Он свободный, как пассажир.

Он для развлечения стал каждой день, как только хорошая погода, на гору выйдет гулять. Так это и продолжалось много времени. Он побывал в театрах везде, повеселился, посмотрел, как за границей люди живут.

В один прекрасный праздничный день выехал на гору (на берег) прогуляться.

Шел по проспекту и вдруг видит, едут жандармы конные и загоняют во дворы всех гуляющих, в том числе и нашево Ваню прогнали во двор, калитку закрыли. Он удивился: што это значит? Среди бела дня и не дают по улице иттить. Ево это сомнение взяло. Он подошел к одному пожилому человеку, так как тут народу было довольно много во дворе, и обратился с вопросом:

— Послушайте! Почему же это у вас не позволяют гулять?

— А вы, должно быть, иностранец?

— Да, я иностранец.

— Так вас скоро отпустят.

— Дак все-таки, по какой причине нас загнали всех?

— Эта причина очень простая.

— Скажите пожалуйста.

— Вот видите, у нашего императора есть прекрас-

ная дочь, дак штоб не влюблялся молодой народ, для этово всех с проспектов загоняют.

— Вот для чево!

— Так точно.

Вот он, знаете, задумался, как бы это посмотреть. Нашел щелку¹ в заборе и стал глядеть. Ну, и действительно, видел: в трех коретах проехали фрейлины и императорская дочь. Но она была под флером. Лица невозможно видеть.

Ну, вот он задумался.

Спустя полчаса всех уволили, калитка открылась: кто куда шел, тот туда и пошел по своей дороге.

Он сейчас на морскую пристань и на карапь. Ево и перевезли. Дядя смотрит, он печальной.

— Ваня, што с тобой, здоров ли ты?

— Здоров, дяденька!

Назавтра опять приехал на гору прогуляться. Все мечта ему: где ему увидеть, што за красавица. И так ему, знаете, невесело. Недолго погулял, вернулся обратно. Ну, он получал газету каждый день (ему доставляли, за это платил). Вот сказано, таково-та числа будет театр, будет царская фамилия и будет императорская дочь.

Только сказано, будут ложи очень дороги, входу дорого. Он подумал: «Да есь у меня денех, не пожалею».

За сутки раньше сходил, купил билет.

Там первое место не продают, где царская фамилия, а вторую линию.

Ну, в назначенной день в театр явился, публики много. Наконец приехала и царская фамилия и ее высочество.

Ну, што ж, видит: фигура человеческа, высока девушка, стройна, а лица не видно, под флером.

Вот ему еще тошнее стало. Што поделаешь? Приехал на карапь. И за это время стал он худее на лицо. Дядя видит, што племянник изменился. Ничево не может кушать, похудел.

— Ты болен?

— Нет, дядя, я здоров.

Дядя пригласил дохтора.

Дохтор осмотрел больново да и признал, што он от задумчивости заболел. Дохтор понел:

¹ В дальнейшем звуки Останнина очень мягк. «ш» и очень тверд. «ч» будут обозначаться через «щ». (Примеч. О. Озаровской).

— Молодой человек влюблен в ково-нибудь?

— Да.

— Вы эту мысль выкиньте из головы.

Потом дохтор сказал купцу:

— Ваш племянник влюблен в ково-то.

Вот ево дядя и начал допрашивать:

— Ваня, скажи мне, я помогу твоему горю.

Ну, он говорит:

— Да, я влюблен, дядя, но сказать не смею.

— Скажи. Мне здесь все знакомы, я все могу сделать.

— Я влюблен в императорскую дочь.

— Ах, Ваня, Ваня, каку ты глупость сделал! Если бы она была купеческа, я бы дело обделал, послал бы сватать и она бы пошла: ты миллионер. Но она императорска дочь. Этово нельзя. Ну, все-таки не горюй. Где ты ее видел?

— В театре, но я лица не видел, мне бы хотелось увидеть ей.

— Ох, чудак, лица не видел, а так влюбилса! Надейса, Ваня. Это я смогу сделать, штобы посмотреть. За деньги все можно.

И в тот же день этот старой купец поехал в город. Ваня остался на корабле. У него был знакомой, один высокопоставленной человек, который служил при дворце.

— Вот што, друг мой, берите денег сколько угодно, только сделайте такую службу: у меня есть племянник, молодой человек...

— Хорошо, я знаю.

— И вот он в театре видел императорскую дочь; хотя не видел лица, но видел ее стан и очень влюбилса. Дак вот, не можете ли устроить, чтоб он мог ей лично увидеть. Только увидеть, больше ничево.

— Ох, голубчик, это очень трудно. На ейну половину мушшинам строго воспрешшается ходить. Все-таки дайте мне строку трое суток; я подумаю, может, я как-нибудь это устрою.

Так этот купец уехал на карапъ и сказал:

— Надейса, Ваня: через трои суток будет известно, как ты повидайшса с императорской дочкой.

Действительно, через трои суток этот человек приехал на ихное судно.

— Ну, я придумал средство: позовите мастера, который отливает хрустальну посуду, и закажите стеклян-

ной сосуд, чтобы вместил тело человеческое и мог бы плавать по воды, не утонул. Когда будет готово, дайте мне знать. Мое дело будет препроводить Ваню во дворец.

Ну, хорошо. Вот мастера сыскали и сказали:

— Можете ли сделать такой сосуд?

Мастер подумал и говорит:

— Могу.

— Ну так вы сделайте, и чем скорее, тем лучше.

Мастер ушел и в скором времени приготовил сосуд вроде сигары с крышкой. Значит, человека можно спустить, и поедет куда угодно. Нужно было делать пробу при мастере. Взяли огромный обрез, налили воды, положили тяжести семь пудов и спустили. Он не потонул. Значит, тело человека вполне понесет.

И мастер говорит:

— Сосуд сей можно отпирать, есть пружина; только открывать можно изнутри, кто будет там человек, а так не откроешь, только поломаешь.

Мастера за это наградили щедро.

Дядя говорит:

— Теперь поедем в магазин.

Купили дамской кустюм, приблизительно на Ванин рост. Привезли на карапъ.

Ну, Ваня переоделся. У него не было ни бороды, ни усов, только пробивались, так и те парикмахер подчистил. Ваня в этот сосуд повалился. А чиновник говорит:

— Провизии не бери, скоро будешь на свободе.

Вот спустили, привезли.

У этого чиновника все было подкуплено, чтоб пропустили сосуд. Ну вот, пронесли этот сосуд в сад. В этом саду был фонтан и пруд, и стоял часовой. С этого пруда никогда не брали воды, кроме как ее высочеству умыться. В этот пруд этот сосуд опустили. Это сделано было ночью. Когда утро настало, утром две фреины явились с кувшином за водой. Увидали этот сосуд. Солнышко отражает его на той стороны.

— Што это, Маша?

— Ох, сосудик!

Побежали на ту сторону.

— Ох, там барышня! Не знаю, жива ли, нет ли!

Бегут обратно. И без воды прибежали. А она ждет умываться.

— Што же вы без воды?

— Ох, ваше высочество, там сосудик плавает и в нем барышня.

— Вам представилось.

— Нет, есь сосуд.

Вот она пошла сама смотреть.

Действительно, сосудик плавает.

— Иди, скажи дежурному генералу, чтоб созвал людей.

Ну, дежурной явился с людьми.

Вот он приказывает. Ну, живо достали — в пруде, не в море. И все видят: барышня лежит живая, гледит, мигает, улыбается.

Ну и внесли сосудик в ее комнату.

Она приказывает:

— Откройте.

Но как ни старались, не могут.

А Ваня смотрит: этот чиновник тут же, мигнул ему, што «открой».

Ваня нажал пружинку, и крышка сама приподнялась.

Крышка приподнялась, и барышня села.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Как вы сюда попали?

— Я повалилась спать в своей спальне, а сама не помню, как очудилас здесь.

Смотрит императорска дочь: барышня очень красива, только выше ростом. Она к отцу побежала.

— Ох, папаша, кака у меня подружка красива! Позвольте ей у меня остаться.

Он посмотрел. Барышня красива, образована и скazujeет, откуда урожденка. (Он уж придумал, врет). Ну, император разрешил остаться быть дочери подружкой, спать ночью в одной спальней, только на разных койках.

Императорска дочь разделас и повалилас, а гостья нижний кустом не раздевает, стала богу молиться. Молилась до тех пор, пока императорска дочь не заснула. Тогда Ваня свой кустом снял, в одной юбочке повалился на свою койку и уснул.

А утром постаралса встать раньше.

Опять богу молитса.

— Кака у меня подруга богомольна.

Так, может быть, неделю прожили, как сестры живут. Вечером подружка молитса и утром молитса. Им-

ператорска дочь задумалась: неужели подружка всю ночь молится, надо поглядеть.

Вечером повалилас, притворилас, што спит, а Ваня помолилс, потом стал нижний кустюм снимать — у него груди накладные. Императорска дочь ведь не глупа, видит, што не девушка: Ох, што тут делать? Императорска дочь была горячая. Созвать тревогу, — пропадет как червяк. И дала волю повалиться ему.

Только поспел повалиться, императорска дочь встает и подходит к ево койки.

— Сестрица, вставай!

— А што?

— Да встань, встань!

— Сейчас, только нижний кустюм надену.

— Не надо.

— Как это, неловко!

— Не надо!

Горячитс, просто вся тресетс.

— Сознавайтесь, вы не девушка?

Он пал на колени.

— Я мушшина.

— Вы знаете, што с вами за это будет?

— Знаю, я на все решилс.

— Што же вас заставило?

— Я хотел ваше лицо повидать.

— Только?

— Только. Я в вас влюбилс.

— Где же вы меня видели?

— В театре.

— Вы не видели, я была под флёром.

— Не видел, но я влюбилс; решилс хотя бы и на смерть, только бы увидеть вас.

Што ей делать? Она любила ево, пока была сестрой, а теперь еще более полюбила.

— Ну будем жить, как жили. Не стесняйса, Ваня, но спать ложись на своей койки.

Ну, еще прожили так две недели. Император ее за купеческого сына не отдаст, значит приходится бежать.

— Приготовь корабли к отъезду.

Отправилис гулять, попрощалис и условилис:

— Жди меня таково-то числа на карапь в громадном сундуке. Покупай, не торгуйса.

Она вернулас во дворец одна.

— Где сестра?

— Вот в толпе потеряла.

Ну, во дворце много беспокоиться не стали: появилась барышня, потом потерялась. Эту барышню привезли на корабль. Матросы подняли парашютный трап, она в другом кустюме, так и не узнали. Дядя сам не узнал: думал, что покупательница.

— Чем могу служить?

— Да что ты, дядя, не узнал, что ли?

— Ох, это ты, Ваня! Ну что, как?

Ваня все рассказал. Они корабль испорожили, приготовили для сундука.

Ваня ездит на гору, поджидает сундук. На пятый день видит: на четверке лошадей громадный сундук везут.

— С чем он?

— Да и сами не знаем, велено продать за пять тысяч.

Он не торгуясь купил.

Все это было сделано скоро.

Но вот беда: дядя опасно заболел. Ваня его любил, как отца. Везти дядю нельзя, надо с ним остаться.

— Капитан, вези сундук.

А тут поиски: императорская дочь пропала.

Капитан и повез сундук. Видит обстановка не та, дом казенной.

— Кто здесь живет?

— Здесь живет полицмейстер.

— Что же, этот дом под постой отдан?

— Нет, это дом полицмейстера.

— А где есь прежняя хозяйка этого дома?

— Она живет там-то.

Обсказали улицу, номер дома.

Капитан видит дом маленькой, деревянной. Распросил купеческую вдову, как это вышло. Она рассказала.

Полицмейстер заявил: «Ну вот что, хозяйка: твой сын за границей пропадает, ты в престарелых годах, не имеешь права владеть таким домом». И выселил меня. Я подавала просьбу к губернатору, не обратили внимания, а к императору не смела».

Внесли сундук с трудом, так что пришлось стену ломать. Сундук проночевал, день стоит. У ней только и прислуги одна кухарка. Ушли они обе к обедни, императорская дочь и вышла из сундука. Огляделась.

— Как он обманул меня жестоко! Говорил, дом каменной, большой, а у него малой, деревянной.

Купеческа вдова вернулась, видит: девица под окном.

— Дитятко, кто ты такая?

— Я, голубушка, из заграницы. А вы мать такому-то?

— Да, я мать.

— А я ему невеста.

И все рассказала.

— Только, говорит, омманул он меня жестоко: говорил, што дом каменной, а он маленькой, деревянной.

— Дитятко, он вас не омманул.

И рассказала, как полицмейстер дом у ней отобрал.

— В таком случае пошлите за извошшиком.

А там извошшиков масса, сейчас же нашли.

Она надела нарядное платье и поехала.

Полицмейстеру докладывают. Он вышел, раскланялся.

— Што вам угодно?

— А мне то угодно: очистить дом к трем часам.

Полицмейстер озяб. Видит, дама нарядная, говорит категорически, с ней не много поспоришь.

— На каком, говорит, основании...

— На том основании, што я ему жена и этот дом мой.

Полицмейстер дом очистил к трем часам. Вот она переехала со своей маменькой.

Ваня пишет: «Дрожайшая моя невеста, дяде стало лучше, но ехать еще опасно...»

Она отвечает. И вот она с каждой почтой переписку имеет с Ваней.

Вот однажды она встала рано и села у окошка. А было жарко. Она вместо веера платком носовым махнула на себя раза два, а в это время офицер вел караул на гаубвахту. Он видит, прекрасная дама в окошко платком махнула: он и подумал, што ему махнула. Привел караул на гаубвахту, просит товаришша еще остаться: «Меня, говорит, пригласила прекрасная дама: платочком махнула».

Офицер товаришш согласилса. Он пришел к дому, дал звонок, выходит камердинер.

— Вам ково угодно?

— Хозяйку.

— Молодую или старую?

— Разумеется, молодую.

Она вышла в прихожую. Офицер раскланелса.

— Што вам угодно?

— Изволили махнуть. Зачем вы меня звали?

— Как вы жестоко ошиблис. Я махнула на себя воздух, а не вас.

И крикнула лакею:

— Позовите кучера Петрушку, да повара Андрюшку, проводите ево нечестно; как он незваной пришел.

Те пришли, да и поворотили ево, этово офицера, вы проводили нечестно: по шее просто. Он пошел, сам сердитой, переменной.

— Надо идти на гаубвахту; служба — матка.

Когда сменялся, товаришш спрашивал, у какой дамы был, весело ли время провел. Ему еще досадней. И стал думать, как бы отомстить этой даме, и хто она такая. Вот думал он, што одна бедна старушка ходит в этот дом, она все знает. Он к этой старушки обратился.

— Вот, бабушка, дам тебе десять рублей, только все расскажи про нее.

Та рассказала: «Она невеста, жених за границей, она живет у ево матери, пишет письма ему и ответы получает».

— Укради ейно письмо и пошли мне. Знать я тебе еще десять рублей дам. Можешь это сделать?

— Могу.

ходила, они ей очень любили. Тут случилось, невеста Старуха и стала следить. Она к ним каждой день написала и положила на комод письмо не запечатано.

— Што мама (она ей мамой уж называла), запечатать письмо, или еще писать будем?

Мать тоже грамотна была.

— Не запечатывай,— говорит,— завтра што-нибудь еще, может быть, придумаем.

Старушка это письмо свиснула, да к офицеру. Он был голова грамотная. Ему потчерк, шриффт надо было знать. Он и написал под шриффт старухи: «Сын мой любезной! Твоя невеста сперва вела себя хорошо, а теперь каждую ночь у ей гости. Убери ее, не могу жить с такой развратной. Любящая тебя мать». Офицер это письмо вложил и велел старухи на место положить. Те и не заметили. Они ничево не придумали написать, письмо не просмотрели, запечатали и послали.

Ваня письмо получил, прочитал, побледнел.

Дядя спрашивает: «Што, мама умерла?»

— Нет, мама жива, невеста изменила.

Дядя не верит, а он верит. Сейчас нанел лехкова,

не жалел денег, сухим путем поехал. Уж он катил, катил...

Приехал ночью. Говорит извошшику:

— Подожди меня, я схожу в этот дом.

Не стучал, пошел (ему уж все запоры известны) и внутрь дома зашел. В спальню. Она спит, как ангел одна.

— А! сегодня нет гостей! Вчера, видно, были.

Ево черт подживляет: убей!

Выхватил саблю и по животу! Пополом рассек.

— Я теперь убийца! Надо преступление скрывать.

Взял одной рукой за шею, другой за поджилки, вынес на извошшика.

— Гони!

Извошшик ахнул.

— Што ты, барин-седок, поделал?

Сам гонит за город.

Тут ряд помойных ям. Ваня взял ее, вынул и тут бросил. Сам до первой станции доехал, извошшика отпустил, взял другого. Извошшик прямо к реки, да вымыл коляску. Так извошшик в свою дорогу, он в свою. Но пусть они едут.

Посмотрим, што случилось с трупом.

Один знаменитой дохтор возвращался с мызы до-мой мимо помойных ям и услышал стон. Говорит кучеру (он ехал на кабриолете);

— Слышишь?

— Слышал, будто человек простонал на помойной яме.

Стали искать. Ничево не видно. В одну загленули, в другую, в третью взглянет, а как светать стало, видать на мусоре лежит раненая. Дохтор пошшупал пульс: жива.

Он взял ее вот так (*рассказчик показал, как именно*), значит рана сжиматса, в то так все кишки выпали бы.

На берегу слушатели откликнулись: «да, да! Уж он — дохтор: знат, знат, как взеть».

Домой привез, перевезал, она уснула, сам сиделкой тут. Часа через два она открыла глаза. Он сейчас влил лекарства.

— Ничево, барышня, вы у себя дома.

Чего она спросит, уж он не дает: не жалко, а нельзя. На деветой день ей стало лучше. Лечил полтора месяца. Кровь вышедшая опять стала наполняться. На-

до помнить, што она была в одной сорочки: дохтор все на свой щет ей купил. Только было на ней одно ожерелье драгоценное, в котором спала. Вот она и говорит дохтору:

— Я вам очень благодарна, вы меня спасли. Теперь я должна с вами рашшитаться.

— Я вознаграждения не беру — ни денех, ни подарков. Што я беру, то при вас.

Она думала, што про ожерелье говорит, и снять хотела. А он ей:

— Нет, я вам сказал, што подарков не беру. Я вдовец, богат, я полюбил вас и хотел бы жениться.

— Ах, вы заслужили это. Но дело в том, что я невеста и люблю другово.

— Нет, я таково ответа слышать не хочу, иначе я вас не уволю.

Дал трое суток ей обдумать ответ. Она отвечает то же самое.

— Ну еще сутки.

Опять она не согласна. Он говорит:

— Я вам даю еще два часа, а уж там результат другой. И вынимает два заряженных пистолета.

Убежать ей некак. Она просит:

— Позвольте сходить изупражниться.

Он подумал: «Из сортира никуда не убежать», и отпустил ей. Она пошла в сортир, оторвала доску, да бросилась туда: «Лучше там сдохну!»

(Присутствующие вскрикнули).

Была весна. А в том городе такая чистота, что везде были канавы, канализация. Ей вынесло в реку. Доска мала, ей не несет, она тонуть стала. Тут увидали ее рыбаки. (У них тоня была). Взяли ее. Она мокрая, обсушить ее надо. Дали ей платье деревенское. Смотрят на нее, чья такая девушка красива. Младшему брату говорят:

— Эх, Ванька, мы женаты, а ты холостой. Бери ее. Не пойдешь ли за нашево брата?

— Пойду.

— Веди ее, Ванька, домой.

Пошли в деревню. Ну знашь, мужик дурак, да уж терпеть не может: надо пошшупать, за грудь пошшупал.

— Што ты, грязной! Видишь, я чиста какая. Иди покупайся, тогда можно.

Он побежал.

— Да скорей! Раздевайса, бросай платье!

Он бежит, все с себя снял, побросал. Роздела ево. Он убежал, она в его кустюм оделас.

Мужиком явилас в город. Што ей делать? Пару колец снесла к еврею. Тот видит, мужик дорогие кольца продает: «верно уж хапано». И задешево купил. На эти деньги купила она булок, стала торговать. У ней такой расход, видят парень молодой, красивой. Ей в пекарнях с товару скидывают. Хорошо торгует булошник.

А за это время Ваня вернулса с дядей. Ему обсказали, как невесту убили; кровь видали, только трупа нигде не нашли. Вот это Ваню удивляло, што трупа нигде не могли найти.

За это время умер государь в этой державы, и министры выдумали так выбрать государя: поставить три свечи у городских ворот и пустить всех проходить. Если свеча загоритса по проходу человека, тово выбрать государем. Проходили все: и генералы и дамы, барышни; нет, не горят без спички свечи ни от ково.

Идет булошник. Как прошел, так все свечи вспыхнули. Булошник поступил царем. Повел дело умно; мушшина и мушшина.

Вот она тайно пригласила фотографа и снялась в женском кустюме. Потом велел государь поставить в три сажени мраморный столб, кругом ограду и поставить часового. На этом столбе прибить карточку. И хто будет эту карточку узнавать, тово брать под арест. Народ ходит, видит: памятник государем поставлен, там карточка красавицы, ну што ж, ее никто не знает, проходят мимо. Эта карточка недолго висела. И вдруг этот офицер...

— А, говорит, красавица, вот куда забралась!

Часовой спрашивает:

— Ваше благородие, изволили знать?

— Да, говорит, знавал!

Он и позвонил. Вышел унтер-офицер.

— Ваше благородие, пожалуйста в караульной дом.

Распоряжение от государя — посадить в тюрьму.

Не долго было, попала и эта старушка (*смех*). Стала плакать:

— Ох, дитяtko, где-то ты теперь?

— Знала ее, бабушка?

— Как не знать, каждой день хаживала.

Часовой подал звонок.

— Ступай, бабушка. В тюрьму.

Попал и Иван, купеческой сын. Он и так скушной был, все забыть невесты не мог, а тут увидел карточку, вынул платок, слезы утирает.

Ну, часовой видит, знакома. Подал звонок (*смех*). Приказ от государя: держать строго, а кушанье будет получать из дворца. Не долго было время, попал и доктор, увидел карточку.

— Сколько я израсходовал, сколько труда положил...

— Изволили знать?

— Да, лечил...

— Пожалуйте в караульной дом.

Приказ от государя: содержать в тюрьме, а кушанье будет не тюремно.

Недолго было, попал и тот мужик. Увидел карточку и закричал:

— Вот эта та сама меня и обокрала!

Ну, и ево в тюрьму. А завтра сам государь судить будет.

Собрались все судьи и государь. Первова офицера спрашивают. Ну, как он перед государем, офицер все рассказал. Государь спрашивает:

— Како ваше мнение? За то, что шрифт подменил, девушку загубил, што ему за это?

— Расстрел!

Старуха стала рассказывать.

— Этой што? За то, што письмо украла?

— Старуха не стоит пули — пеньково ожерелье.

Купца не судят.

— Доктору?

— Доктора наградить. Диплом: знаменитой доктор, из мертвых сделает живых.

Ваня-мужик рассказывает:

— Я на ней жениться хотел, домой вел, пошшупал за титочки, а она мне: «поди выкупайся, грязной», я побежал, а она кричит: «кидай одежду», я скинул, а она, воровка проклятая, все забрала, убежала...

— Ну, мужика наградить за потерю: ловить рыбу беспошлинно, из ихнево семейства в солдаты не брать.

А купца привести через два часа к государю, лично судить будет.

Она надела женский кустюм. Ваня приходит: вместо государя — ево невеста.

— Теперь ты видишь, чьих рук это дело?

Ваня пал на колени.

— Ваня, скажи, почему ты меня убил?

— По письму.

— Я так и думала.

Ну, тут она заявила, што править государством больше не желает: она не мушшина.

На этом сказка наша кончалася.

Все, как по уговору, рассказывали об одном: о верной любви. Такой уж тон задала Махонька своей сказкой. Боялась только Московка за мезенца. Вдруг разрушит все настроение смехотворным рассказом. Попросила она его наедине выбрать из своего запаса что-нибудь подходящее.

Перед тем как начать, мезенец встал, посмотрел на Московку искоса и снял шапку. На голове у него из густых волос, как гриб, торчала огромная шишка. Все изумились, а мезенец помолчал и начал:

— Я вам не сказку расскажу, а раньше про себя. Я жил в Питере у купца в кучерах. Меня конь копытом ударил в голову. Вот и осталась шишка. Это уж навеки. Пошшупай, как хошь. Ну, раз возвращался домой, в Угзеньге тоже долго парохода дожидались. Я снял шапку. Одна женщина и спрашивает: «Это пошто у ты така шишка?» Што жа, нать, думаю, соврать. Ну, вот и наврал. Вот послушайте мое вранье. Московка уж будет довольна.

9. ШИШКА

Я жил в кучерах у управляющево именем. У него дочка была. Родители стали замечать, што у нас с дочкой разговоры. Она мне подарила часы и себе такие-жа купила. И шли эти часы — минуточка в минуточку и секундочка в секундочку. Как скажет мне: «В такой-то час, в такую-то минуту приходи», я уж у ей в комнаты. Родители стали замечать и мне отказали. И поступил я в графпанельшики в Кронштат. То-есь попросту пошел шляться по Кронштату. Она мне все же записочки посылала и денег посылала на пропитанье. Она сделалась больна и прислала мне записочку:

«В такой-то час мама поедет за свешшеником для вероисповеданья. Ты смотри и той же минуточкой ко мне».

Я стал смотреть, действительно: в такой-то час ма-

маша из калитки — брык на извошшика, а я — брык на лесницу (жил в кучерах, дак мне лесницы были все хорошо известны) и к ней в комнату. Она лежит уже под светыма. Поговорили с ей немного и слышу, мать вернулась. «Милочка,— говорю,— мамаша со свешшенником идут. Я-то куды?» А у ей тут сундук стоял. «А сюды»,— говорит. Насилу с места сползла, сундук отворила, я в сундук, она меня заперла и ключ вынела. Мать приходит со свешшенником, а она, слышу, говорит:

— Позовите околodoшного и дворника.

Послали. Вот, думаю, беда, чево она делать хочет?

Околodoшной и дворник пришли. Она говорит:

— Мама! Это бабушкин сундук?

— Бабушкин, милочка, бабушкин.

— Бабушка мне его отказала?

— Тебе, милочка, тебе.

— Так вот я помру... Штоб этот сундук со мной в могилу шел...

Вот, думаю, шутит! Шутя, шутя, а она-таки померла. Ейной гроб на великолепну балдахину, а меня на ломового извошшика. Везут меня, слышу, люди разговаривают:

— Кака великолепна балдахина!

— А пошто сундук-от везут?

— Тако уж жаланье покойницы! Видно, здесь любимы вешши.

«Да,— думаю,— любимы!»

— Штоб уж никому не доставалисе!

«Да,— думаю,— кому достанессе?»

— Штоб уж с ей в могилу шли!

Я-то лежу и думаю: «Ужели в могилу? Кричать или не кричать?»

Молчу: любовь не картошка, не проглотишь; как часы наши шли минуточка в минуточку и секундочка в секундочку, так и жисти наши заодно кончающца,— и не кричал! Вот гроб в могилу спустили и меня на гроб поставили, и землей засыпали.

Потом слышу пóтоп, бегут... Ведь по земли все слышно.

Могилу разрывают и голоса:

— Ну, как? Сверху ломать?

— Нет, погоди! Тут, может, дороги вешши, сломашь. Нельзя-ле как по шалнерам?

— А, давай сверху!

Да топором, да прямо мне в голову!.. Я выстал и заревел... Они бежать, я — за има! Вот и осталось на головы — шишка!

Дав немного утихнуть веселому смеху, Скоморох снова начал.

10. УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

Живало бывало старик со старухой. У их был одинакой сын и его отдали в ученьё. Кончил это ученьё, и отец его поместил на завод в город. На заводе он работал лет до двадцати, и вдруг мать пишот, што приежжай, отец помер, нать хозейсововать. Он приежжат, и мать объевлят, што она стара, нать ему жона и работница в хозейсво...

— Я тебе, Ванюшко, невесту приберу-то...

— Нет, маминька, это уж оставьте. Мне жить, мне и выбирать. Сам выберу!

Она было:

— Да как?! Стары люди всегда уж так дельвали. Можешь-ле выбирать? Понимает-ле мушшина обиходну работу? Нать, штоб была и пряха, и ткея, и жнея, и в дому обиходна и к людям уцлива, и тебе повинна и мне починна. Я людей знаю, кто какого житья. Я выберу!

— Нет, маминька, я сам. Не люблю я из чужих рук смотреть!

Он был нравной. Мать и перечить боле не стала.

А он себе думат:

«Как никак, а все нать в переделку брать!»

Вот услышал, што в одной волосте есть богата невеста и така гордёна горделива, што нихто ю из богатых не брал, а за бедного сама не шла...

Вот и задумал наш Иван ей усватать. Сел да поехал в ту волось. А там жил знакомой старик. Он к ему:

— Ну, пошто, Иванушко, приехал?

— Невесту сватать.

— Это, действительно, хорошо. Нать тебе хозейка. Только надумал-ле? Бедну сам не возьмешь, а богата — та сама не пойдет, ты ведь бедной. А ежели кака пойдет, дак не на радость! Как думаешь?

Иванушко и росказал, на каку метит.

— Да што ты уж! Она робить ницё не хочет: ни пресь, ни ткать, ни жать, ни косить, ни корова обредить,

ни трава носить. Только знат на своем поставитъ. Ты с ей напозоришься!

А он ему на ответ:

— И богата будет работать, нать только к рукам прибрать.

— Как хошь! Воля твоя, только не думаю...

А его боле разжигат. Пошел прямо к невестину отцу. Те родители довольны, куда-ле доци спехнуть, а она уперлась. Старики всячески уговаривают: и парень хорошого житья, хошь и беднея нас, но чисто ходит, ты у его за барыню будешь жить. Да цего, дура, дожидаете? Из богатых тебя никто не возьмет, а за бедного сама не пойдешь. Это парень красивой, ловкой, ты будешь довольна и будешь над им голова.

Она роздумалась:

«Пошто в старых девках оставаться? Лучше пойду за этого да к рукам приберу. Роботать не заставит. Я роботницу возьму».

И согласилась.

Иван говорит:

— Нареченой батюшко и нареченна матушка, и нареченна возлюбленна невеста! Сватьбу нельзя откладывать! Через семь ден венцаньё!

Домой приехал, рассказал, каку невесту берет, так все разахались, а мать прямо плачот:

— Да я слыхала: гордёна, набалована, любит, штоб шапки перед ей ломали, ницего она не умет, и рóбить не станет, и тебя жалеть не будет, и што ты бажоной здумал!

— Нет,— говорит,— мама, не всякому слуху верь. И роботать будет, и меня любить будет, и тебя уважать будет,— только ты мне ни в чем не перечь и собирай все как надо по хозяйству: через сем ден свадьба.

И все по деревне ахают, смеются:

— Она от его убежит! Она с им жить не станет! Городской дурак деревеньску богату дуру берет!

И пошли...

Боле всего девки, да жонки.

А он к товаришшу и к сестры двоюродной:

— Ты, Петька, дружкой будешь!

— Ты, Маша, свахой.

Это двоюродной сестры. Те радехоньки поез собирать.

И он стал сродников всех собирать, а за день до венца отправился в город на базар и купил трех коней

по три рубля. Привел домой этих коней: едва переступают, едва дышат.

Мать увидела, заплакала:

— Да ты одичал? Эдаких коней купил?

— Не велики деньги: три трешницы. Съедят не столько много, а дня два протянут. Столько мне и нать.

А тут Петька бежит:

— Все ле закуплено? У меня все готово, самолучши кони стоят... А это ты куда эких животин купил?

— После узнашь, а завтра поедем по невесту, приготавливайси. Наутро поезд собрал, вся деревня здрит, отличный поезд, только под жонихом тройка страшна, кони страшны.

— Ну, уж до черквы не доедут...

Приехали в невестин дом, после того невеста села с дружкой и со свахой на жониховых кляч, а жоних по отдельности. Ну о полдороги Ваня остановился, велел дружку и свахи уйти, а сам с невестой сел. Она гомулькой покрыта и не сметила, как пересаживались. Только глаза росширила: ни дружка, ни свахи, они с жонихом в поле стоят. Одна пристяжна из сил вышла, дале уж не можот идти, а жоних кричит, страшно ругаетси. Та стоит. Он крикнул:

— Смотри, третьего накона не дожидайси, прирежу!

Та стоит. Он взял, коня прирезал. Едут дале, втора пристяжна пала. Жоних страшно ругаетси, кричит,— конь лежит, он опеть:

— Ставай! Третьего разу не дожидайси! Прирежу!

Конь лежит, не ставает. Иванко слез, сругалси, коня прирезал, также и коренника, а сбрую от каждого в санки побросал, а потом к невесты:

— Катя,— говорит,— ставай!

Она сидит, молчит. Он сгремел:

— Вылазь! Третьего разу не дожидайси! А то как коня прирежу!

Она вылезла из санок. Опеть к ей:

— Вези санки!

Она было смолчала, он как крикнет:

— Вези!

Она и повезла санки со всей кладью.

— Сыми гомульку!

Она уж сразу снела. Потом видит, она пошла.

— Сымай шубу!

Она уж снела, да сама уж в санки ложит.

Ишла с полверсты и пристала.

— Я,— говорит,— Ваня, очень пристала, больша не могу.

— Одежь шубу! Пойдем пешком.

Идут, он говорит:

— Смотри, свешенник спросит, своей-ле волей идешь, отвечай, што своей, а не то, как коня прирежу!

Пришли в черкву, там все готово. Свешенник начал править свое дело, обращает к ей вопрос: своей-ле волей идешь, она отвечает, што своей (сама тресется); к ему — разумеется, своей. И так до трех раз. Ну и все готово. Петька уж брошены санки привез, запрежены хорошима коньми (у его дома были жа хороши). Ну, дома гостьба, народу много и все удивляются на молодую: тиха да смирна. Она была уж рада, когда с ей похорошему говорят, не грозят, не ругают.

Дале окажись Катерина послухмяна да и роботать горазда.

Дошел слух до ейных родителей. Мать здумала проведать свою дочь: како житье. Иван ей в окошко приметил и говорит жоны:

— Катя, к тебе мать идет. Грей самовар, угошшай, а мне недосуг, идти нать.

Ну, мать приходит, здороватся.

— Как, Катя, поживашь?

— Очень хорошо, Ваня меня любит, жалеет, свекровка — тоже, заместо тебя, все закрашивают.

А мать свое:

— А я слыхала, что ты извелась на роботы, вишь как похудела да побледнела. Ты их не слушай. Иван твой мельница пустопорожня, язык невесть цего навернет, свекровки все лихо, ницё не робит, а все ты. Ты не роботай, а как бить станет, ты к нам бежи.

В это время заходит Иван.

— Катя, неси уздечку!

Ката подала.

— Цего с ей делать?

— Обращывай матери.

Катя стала говорить, што с ей хорошо обращаются.

— Катя! веди ее во двор, запрегай в соху, да привежи, штоб не ушла, будем картошку на ей пахать, как поьем чайку.

Ну почайпили, Иван и говорит:

— Ну добежи, погледи, не убежала-ле мать.

Та посмотряла: мать развезалась и убежала. Она приходит и печалуется:

— Вот, Ваня, дьявол-то; развезалась, убежала и все побросала.

— А черт с ей! убежала дак убежала!

Опеть живут хорошо, советно.

А старуха та прибежаладомой растрепана, на голос воеет, что дочь загубили, выдали за лешего. И все воркует, и все неладно...

Ну, старик делать нечего, сам поехал смотреть зятево житье, как дочи: позорится-ле за роботой.

Иван сметил, што тесть идет, опеть к жоны:

— Этта, ты угошай отца, а я пойду, мне как недосуг, нать сходить...

А сам на пятра слушать, што тесть будет говорить.

Тот как поздоровались, сразу спрашивает:

— Ну, как, доцка, живешь с мужем, со свекровкой? Не много-ле заставляють роботать?

— Да очень хорошо. Муж меня жалет, к делу причут, свекровка замест матери, все показыват, да так-ле ладно живем.

— Я и то вижу, што Иван парень разумной, ты его почитай, слушайсе. Свекровка тоже женщина поштенна, поболе твоего смекат, ты ей завсегда уважь, ты ей покоить должна. Такжа мужу никовды наперек.

Ну, Иван видит, што тесть на его сторону протегат, заходит в избу, здороватся с тестем, стали чай пить, да потом:

— Катя, возьми-ка ключи да слазь в подполье, где этта у нас боченок со стоялым вином. Ташши татиньки своему.

Ну, как стали угошшаться, дак тольки... С неделю старик про свой дом-от не поминал. Наконец, того, стал домой срежаться. Ему с собой вина. Ну он этта путем-дорогой сильно захмелел, в дом идё-шатается, а старуха увидала, на крыльцо кинулась да вопит:

— Запахали, запахали божоного!

А старик языка повернуть не можот.

Да, вот кака переделка! и кажду жонку нать так обработать! А то они хитры, я бы рассказал про их штуки, да наш завженотдел не велит, просили, штоб сегодня только про их крепку любов сказывать... Ну, до завтра доживем! Завтра уж разрешоно!

Было от чего смутиться Московке. Три раза сегодня задели: и «бабка», и «командир», и «завженотдел»...

В самые тайники попал... Переселивая себя, она спросила:

— А как звать-величать вас?

— Поп кстил, имё позабыл...

— По имени по отечесву?

— Мать склотила, имё мила позабыла!

«Решительно отвращается», — подумалось Московке.

И сейчас же утешилась: «Стерпится, слюбится!»

Пожелав всем приятного сна, они обе с Махонькой стали готовиться к ночлегу.

День второй ЛЮБОВНЫЕ ИЗМЕНЫ И УТЕХИ

олнце встало безоблачным. День предвиделся ясный и жаркий. Река еще больше обмелела; мокрый край берега высунулся из воды вершка на два, появились новые отмели. Это вызывало горькие сетования: придет ли вообще пароход.

- Когда-ле придет.
- До дождя будем жить.
- Сидит где-ле. Омелился!
- Поживем ишшо денек, а там кому уж крайне нать, дак в лодоцьки по воды попловет.
- В сутки до Пинеги, а как Московки нать в Архангельско, дак с Пинега на лошади...

— Ну, уж и дорого станет!

Нашелся охотник сбегать за четыре версты на телеграф узнать, что с пароходом.

— Как до Карповой дойдет, дак там клади четыре часа на разгрузку, а назать часа два ему ходу... ЕСТЬЛИ в ночь пришел, ну што ж... к обеду будет суда. По воды прибежит, как не омелится...

Опять вчерашнее рассуждение...

Так переходили от страха к надежде, от бодрой уверенности к отчаянию и попутно поглядывали на Московку: охота была узнать, что она делает в своей толстой тетради. Она тихонько переспрашивала сказочников,

что-то поправляла в тетради, а, когда увлекшись, прочла Скомороху весь его рассказ, он даже вскочил от удовольствия.

— Все верно! Все слово в слово: как врал, так и есь!

А отбежав на другой край площадки, где уже чаевничали и радушно угощали его горяченьким (сахар, хлеб при себе), он положительно твердо заявил:

— Сильно грамоты знает! Ух!

Стали интересоваться:

— Покажь мое!

И, посмотрев, удовлетворенная Махонька сказала:

— Ишь кольки нацвела!

И неизвестно к чему и к кому относилось цветенье: к сказу или письму, к ней самой или к Московке.

Тогда и Кулоянин захотел посмотреть, оторвав глаза от своего плетенья, и Печорец не выдержал:

— А дозвольте спросить, вы и мое записали? Как оно вышло, любопытно.

И печорское дело вышло. Опять сгрудились у холмика и вторично прослушали умыльну побывальшину, но теперь все удивлялись силе письма.

— Как на патрете!

— Лита-канута — побывальшина!

— На Москву повезешь?

— Да куда хошь!

Один Александр Останин не сомневался, что все записано как следует. Кулоянин степенно и внушительно пояснял кому-то:

— Я говорю, она к нам командером экспедиции приежала. Женшина, а командером состояла. Взяли за грамоту. Всех грамоты учила: те, которые с ей были, пишут, а она правит. Те — там, значит ещчо не все буквы произошли, дак она уж все твердо знат и скажот и надпоминат.

Фонды Московки поднялись, а она любовалась делом и сияла, еле сдерживая смех, и все решили, что от похвал. А когда она вдруг нахмурилась и уткнулась в тетрадь, женщины решили:

— Застыдилась!

Все уже трапезничали, когда прибежал с телеграфа охотник и заявил, что пароход, как ушел, так никуда не приходил. И почти радостно:

— Сидит!

— Омелился!

— До дождя не сползет!

И только одна старуха, у которой сын ходил матросом, запричитала:

— Рюют, бажонные, песок, позорятся, да все в воды, все в воды...

— Вода нонь тёпла, не осённо мелководье.

— Да все-жа, белеюшко, ревматизма не спрашивает, тепла-ле, холодна-ле... Как утин недуг хватит... Ни сидеть, ни лежать, ни стойком стоять...

— Ну, хватит твоего сына, дак небось слово знашь, заговоришь!

— Да како-жа слово, белеюшко? Стара я стала, зубов нет, слово-то уж не столь крепко.

Московка оживилась:

— А разве зубы-те помогают, бабушка?

— Да как-жа, белеюшко? Как у бабки зубы крепки, дак слово... оно по крови бежит шибко... А как уж нет, дак плети, плети языком... уж не то. Слово неправильно скажешь, оно неправильно сушшесвует...

И старуха встала, отошла в сторону; сейчас же встала и молодка, они вместе уединились и тихо горячо о чем-то говорили.

— Вишь,— говорил подсевший к Московке крепкий крестьянин из ближней деревни.— Вишь — колдует! Она и слово знат, и травы собирает и ездит по всей Пинеге, гладит очень хорошо, к ей дохтор всегда посылат и кличет для совету; очень хорошо гладит жонок, там по женьскому, значит, положенью: и бабит хорошо, у младеней грыжу заговариват уж лучша нету. Коих младенчиков она примала, дак как репки наливны. Дохтор очень ей хвалит.

Московка спросила:

— Да она грыжу заговариват да и гладит... Может, глаженье помогат, а не слово?

Тут все хором затвердили:

— Што ты, жоночка! Слово, оно ведь по крови бежит!

— Какой дохтор? — осведомилась Московка.

— Ну, наш. Вот и запомятовал... фамильё ему было вроде как польско; он нас пользовал, все к ему ездили. Его в царску ссылку привезли. Он стал пользоваться, а потом, как вышло ему ослобоженье — пожалуйста, обратно в Питер, он не захотел. Больницу выстроил... Видели? Ну, уж понимаете, кака! В Архангельском завидуют: в бору стоит, а уж нашшот порядков — ну, строг. И никуда не поехал, жонилса...

Тут одна жонка не вытерпела и бойко заговорила:

— А знаш, как жонился? Вечереньку у себя собрал, и наехали со всем местов учительши, которы знакомы, а которых и не видал... И сверху и снизу. Уж все его знают, порато хорошей и хлостой, всяка уж понимает, што — невест смотреть... И наехало — дак дивно! С Мезени, говорят — это дело зимой было, — дак на олешках прикатила одна. И выбрал сразу незнакому, високу, статну, столь приятну учительшу. И в одночасье пожонились. И до того мила дохтурша; с людьми обходительна, така скупяшша, економна — хорошенька хозяйка! Его уж боле нет. Переведен куда-ле...

Московку уже грызла тоска по сказкам, и она громко заявила:

— Ну, товаришши, за дело! Нынче уж неверная любовь! Нынче про всяки измены и любовны утехи!

— Довольно постовали! — энергично заметил Скоморох.

— Вот увидаем, хто боле грешен: жонки иль мужики.

— Да уж чего гадать. Жонки!

— Мужики! Мужики!

Загорался спор, и Московка, чтобы прекратить его, сказала:

— Ну, вот увидаем, как в сказках сказывается. Ну, Махонька, опеть зачинай!

И Махонька, как истинный художник, увлеченная, незаметно для себя стала предавать свою сестру: запела. Она меняла голос: тонким изображала жену, гнусавым — мужа, толстым — скоморохов.

11. ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ

У стара мужа Терентьишша
Жона молода, Прасофья Ивановна
С утра больня и трудна,
Под вецер недугная,
Недуг посередки розживаитце
Выше груди поднимаитце.
«Старой муж, Терентьишшо,
Поди по всему городу,
Крыци во всю голову».
Старый муж, Терентьишшо,
Пошел по всему городу,

Крычит во всю голову:
«У стара мужа Терентьишша
Жона молода, Прасофья Ивановна
С утра больня и трудна,
Под вечер недугная».
Пострицялись скоморохи — люди добрые,
Скоморохи оцесливые.
«У стара мужа Терентьишша
Жона молода, Прасофья Ивановна,
С утра больня и трудна,
Под вечер недугная».

(Они отвецяют: «садись в мешок». Вот приехали к жоны молодой; у ей пир на столе разоставленной. И дружок сидит. Уж оправилась. Она вышла из горницы и спрашивает их):

«Скоморохи, люди добрые,
Скоморохи оцесливые,
Не видали ли стара мужа,
Терентьишша?»

«Уж мы видеть-то не видели,
Ох, уж слышать-то мы слышали,
Стар-от муж Терентьишшо
Середь рынку убит лежит,
Голова его отрубленная».
Она и заплесала.

«Скоморохи — люди добрые,
Скоморохи оцесливые,
Уж вы спойте-ка песенку
Про стара мужа Терентьишша!»

«Глух ли ты, мешок?
Глуп ли ты, мешок?
Не про тебя ли, мешок, говорят?
Не про твою ли буйну голову?»
Холошшовый мех розвяжитце,
А Терентьишшо потянитце,
Сбил он с дружка
Шапку пуховую.

Скоморох торжествующе крикнул:
— Ну и жонка!

А Махонька уже приступила к следующей сказке.

12. ЧЕРТИ В БОЧКЕ

К попадьи дьячок ходил. Поп собиралса неводить и говорит попадьи:

— Еду я на двое сутки, уж в самой крайности, што завтра вернусь, ноцевать не жди.

Поп уехал. Дьячок созвал дьякона:

— Пойдем к попадьи.

— Пойдем!

Они пришли к попадьи. Она им из пецки доставает— всего настрепано, напечено. Бутылок наставила.

А был один целовек, он за попадьей присматривал, и тут в окно загнуул: у ей танци. Он к попу побежал, догонил и сказал ему:

— Вот не веришь, што у твоей попадьи гости, пойдди посмотри своима глазами.

Показал попу: потом завертел попа в солому, на спину завалил и стал к попадьи колотиться:

— Пусти прохожяя ноцевать.

Она было:

— Да как пустить, у меня мужа дома нет? Нет, уж неловко! Как пустить?..

— Пусти, пожалуйста, я околел на холоду!

А дьякон да дьячок говоря:

— Ну, как не пустить? Пусти! Што? Мы тут сидим — он в другой избы повалится. Не помешат нам!

(Знашь, духовны — они добродушны).

Попадья говорит:

— Ну, заходи, прохожяй!

— У меня поклажа есь.

— И поклажу неси, тут положишь.

Вот он попа в соломы занес.

Там танци у попадьи, веселье,— он и запел:

Ты послушай-ко, солома,
Дойди, Гришенька, до дому:
Дьяку раз, дьячку — два...

Попа-то Григорием звали.

Ах, это гостям подравилось. Попадья говорит:

— Как вы хорошо поете! подите сюда к столу, им дравитця ваше пеньё.

Он к им зашел да и давай:

Ты послушай-ко, солома,
Дойди, Гришенька, до дому:
Дьяку раз, дьячку два.

А те дьячок да дьякон:

Трахи-рахи-тарарахи!

На задних ногах по избы ходят. А поп вышел, да и надавал дьячку да дьякону. После засадил их в боцьку с-под уголья, да и говорит тому целовеку, Сергею:

— На тебе сто рублей, утопи их, пожалуста.

Тот покатил боцьку, а дьякон с дьячком змолилися:

— Не губи нас, мы тебе по сту рублей заплатим.

— Ну, што ж, можно и не губить.

А он слышал эту произведенцию, што на городах за деньги зверье показывают. Назавтра коня запрег, боцьку в Архангельско повозит. Стретился знакомец около Пинега, в лодки по реки пловет.

— Што везешь? Эу-у! Сергей!

— Цертят!

— Со откуда?

— Неводил, дак поймались!

— А куда с имá?

— Да подавал телеграмму в Архангельско, в Исполком, велели везти — купим.

— Сергей, покажи!

— Да што в по́теми смотреть!

— Покажи!

Тут народ скопился, все хотят смотреть. Он оброк положил: по десеть копек. Окошечко в боцьки было, он его застеклил. По дороги едет, везде цертят смотрят.

— Ой, видела, дева?

— Видела, дева, церти. Охти мнечиньки!

— Цем они кормятця?

— Да несите житня да молóцня,— едят!

— Анделы! едят!

Уж по дороге сто рублей нажил оброками. Стретилса один знакомец:

— Продай мне цертят. Говори, каку цену наложишь?

— Сто рублей.

— Сто рублей не деньги. Я в представленья произведу их. Дак больша наживу.

Купил боцьку, в Архангельско привез. Объявленьё сделал: «В таком-то помешшеньи, такого-то цисла из боцьки будут цертят выпушшать».

Народушку собралось дивно: смотреть будут, как из боцьки цертей выпустят. Тут и Исполком хлопочет, тут и стража:

- Окуратняй!
- Людей, может, поисть!
- Тиша! Спокойняй!

Боцьку открыли: вылезли — дьякон да дьяцек, все черны, боцька ведь из-под уголья, одежда прирвалась — в боцьке ведь их вертели — одны ремки. Да сразу и видать, што дьякон и дьяцек: волосья — те долги ведь. Легаютси!

Берег кричал:

- Жонка!
- Мужики! Про мужиков! Они омманшшики! Дьякон да дьяцек!

Скоморох положительно заявил:

— Они, можот, вдовы были. С горя ходили. А попадьа — изменница. Она попа омманула. И все женки таки! Сама настоящша правда!

Женская честь гибла. Ах, Махонька! Вся надежда теперь на Печорца. Рассказал же он прежде умильную побывальщину. Неужели не вспомнит он сказки, которая подымет женский образ? Думая так, Московка обратилась именно к нему:

— Федосей Павлиньч! Вас просим!

Ошкуй, Федосей Павлинович, хитро прищурился и начал предательство.

13. ЖОНКИНА ВЕРНОСТЬ

Два мужика выпивали. Расхвастались. Один говорит:

— Я как помру, у меня жонка не поиде взамуж.

— Только, Кирюха, помри, дак живо поидет. Только ты помри, — посыкнется.

Ударили о полведра.

Он пришел домой и заболел, да и назавтра помер.

Утром жонка встала, пла-акала порато и затопила печку: хоче блины пекчи на поминки мужу.

Вдруг товаришш под окошко:

— Ай, товаришш, поидем выпивать!

Жонка и говорит:

— Он ведь умер.

— Ще-то с им блаословесь случилось?

— Вот вчерась пришел да заболел и умер.

И сидит, плачот. Товаришш и говорит:

— Ты эка ишшо молода. Не идешь-ле взамуж?

— Не-ет! Я уж не пойду.

— Я знаю жениха, только небольшая есь причина.

— Кака?

— Пьяной на место сс..

— Это ничего.

Хватила мутовку на шешки, в голову тропнула мужа:

— Этот ишшо меня об..рывал.

Мужик опять скоцит и почел жонку драть:

— Я чал, што ты не пойдешь взамуж. Надея на вас плоха. Нать мне товарышшу за залог купить полведра водки.

Берег залился веселым смехом:

— Само правильно! Вот каковы жонки! Надейся!

— А каковы сами? Эдва закопаете, да и жонитесь!

— Жонимся, да не вопим.

— Ну-ка, ишша!

— Про виноватих жонок!

— Про мужиков! Они уж виноватей!

Федосей Павлинович, так же хитро улыбаясь, принял за новую сказку.

14. НИКОЛА ДУПЛЕНЬСКИЙ

Жил мужик с жоною. Жона улюбилась в дьякона. Мужик ходит на бор, а жона тут дьякона и созовет. Мужик этот проведаль. Вот он раз приходит из лесу и говорит:

— Я Миколу дупленьского нашел, сходи да помолись, дак то хочешь сделает тебе.

И дорогу показал, как дуплѣ найти.

Вот она колобов напекла и пошла. А муж забежал другой дорогой и сел в дуплѣ.

Жона пришла, увидала дуплѣ и давай кланетце.

— Микола дупленьской! Подай, штоб муж ослеп, оглох!

— Подай колобы, дак ослепнет, оглохнет!

Она и подала. Домой пришла радехонька, а тот вперед забежал, да уж на печи лежит.

— Ох, што-то ничего не вижу...

— Ах, на-ка! Да што ты, што ты, блаословесь?

— Да не чую ничего, што говоришь-то!

Тут дьякон пришел, она с им угощается, всего напекла. Што уж муж не видит, не слышит.

— Ох, горе, дайте оружием полюбоваться! Последний раз полюбоваться.

— На? Што уж тебе?

Дьякон говорит:

— Надо уж подать ему.

— Молчи, дьякон, куда ему? Лежи уж, куда тебе?

— Нет, уж нать!

И подал ему оружие и опять к ней. Вот они утешаются. Она блинов подала, едят.

А мужик оружие на дьякона навел да стрелил. Убил дьякона, полон рот блинов ему напихал, потом посадил в лодку, в руки как-то весло привязал, да в кусья спрятался, смотрит, что будет.

Мужики неводили,— дьякон пловет. Они вопят:

— Дьякон, не езд в тоню! Дьякон, не езд в тоню!

Один лодку пехнул, дьякон увалился в воду.

А тот выскочил из кусья:

— Ты што дьякона утопил?!

Мужики грохотали:

— Ну и жонка! Во как молитце! Подай, штоб оглох, ослеп!

Женки верещали, и понять было невозможно ни одного слова, точно прорвалась плотина северной сдержанности.

— И все они хитры!

Это упрямо твердил Скоморох, не спуская глаз с лодки, которая тоже потеряла свой обычный покой.

В это время Кулоянин своим приятным голосом запел.

15. ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ И ВАСИЛИЙ ПЕРМЯТА

Выпадала порошка да снежку белого,
Да по той порошки, по белу снежку
Да не заюшко скакал, не бел горностазь,
Ишшо шел, где прошел да удалой доброй молодец,
Да по имени Чурило да ведь Пленкович.
Чурилко младый Пленкович,
Ходил гулял по чужим жонам.
Говорит-де как деушка ему служаночка,
Деушка-Чернаушка: «Не ходитко,
Чурило, да по чужим жонам,

По чужим жонам, да по чужим гузнам,
Потеряшь ты, Чурилко, да буйну голову».
Говорит-де тут деушка служаночка,
Служаночка деушка-Чернаушка:
«Я пойду скажу Василью Пермятину!»
«Да не сказывай Василью Пермятину,
Я куплю тебе шубочку соболиную».
«Уж ты, ой еси, Чурилошко Пленкович,
Не надо мне твоей шубочки соболиною,
Я пойду скажу Василью Пермятину».
«Деушка-Чернаушка, не сказывай Василью Пермятину.
Я куплю тебе чуден крес,
Не дешев, не дорог — тысечу рублей».
«Не надо мне твой чуден крес,
Я пойду, скажу Василею Пермятину».
«Ты гой еси, деушка-Чернаушка,
Я куплю стрелочку каленую,
Каленую стрелочку разрывчату».
«Не надо мне твоя стрелочка каленая.
Я пойду скажу Василею Пермятину».
Надевала она тонки белые чулочки с чоботам,
Пошла-де она да во божью церков,
Крес-от кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-ученому,
Да подходит она к Василью Пермятину
Близко по-близко: «Да пойдём мы,
Васильюшко, да из божьей церкви:
В доме у нас нешшасье повстречалосе».
Тому-ле Василей да не ослышался,
Крес-от клал по-писаному,
Поклон вел по-ученому.
Пошел Василей да из божьей церкви
Сапог о сапог покалачиват,—
Приступ о приступочек прогнибається,
Пошел де Василей из божьей церкви со служаночкой,
Со служаночкой-деушкой, со Чернаушкой.
Подходит Василей ко своей гридни,
Подходит к палатам белокаменным,
Да заходит Василей на красно крыльце,
Брякнул Василей в золото кольце,
Не отворяет ему молода жона,
Молода жона да Настасья;
Брякнул он во второй након кольце,—
Не отворят ему молода жона ворота
В третей раз брякнул золото кольце,

Отворят ему Настасья дочь Коломисьня,
Выходит в тонкой белой рубашецьки без чоботов.
Заходит Василей во свою гридню,
Отворяет-от двери хрустальнея,
Да заходит он в фатерочку белокаменну,
Лежит на кровати тесовыя,
Лежит да Издолишшо проклятое,
Проклятое Издолишшо Чурилушко млад Пленкович.
Сымат Василей да саблю вострую,
Хочет рубить да буйну голову,
Да раздумался Василей Пермьтин сын:
Сонного рубить, аки мертвого.
Проснулся Чурило-от Пленкович
От великого сну богатырьского.
Спросил Василей у Чурилка:
«Ты которого отца, которой матери?»
«Я отца Издолишша Проклятого».
Не спросил болей Васильюшко,
Отрубил у его буйну голову.
Выводил он свою да молодую жону
На широкой двор, отрубал ей да праву ручушку:
«Не надо мне права ручушка:
С тотарином она да обумаласа».
Отрубил у ее да леву ноженьку:
«С тотарином она да оплеталася!»
Отрезал он белы груди:
«Тотарин лежал да на белых грудях!»
Тогда рубил у ей буйну голову,
Разметал все по чисту полю.
Тогда пошел Васильюшко со служаночкой
Во божью черкву.

Закончив былину, дедушка рассказал маленькую сказку.

16. ПОП И ДЬЯКОН

Влюбился дьякон в попадью и ходит к ей.
Сидит у ей раз, она его спрашивает:
— Куда завтра, отец-дьякон, поедешь?
— Да я поеду попахать.
— Я к тебе приду. Напику шанёг, колобков. Ты насыпь опилок, я по опилкам твое полё найду.
— Ладно.

Они говорят, а сын слышит, мальчишка небольшой. Вот попадья напекла шанёг, пирогов сподобленных, пошла к дьякону. А сын рано встал, насыпал опилок по дороге к попу. Попадья по опилкам и пришла. Поп думат: «Што тако, попадья смиловилась, всево напекла, да ешьчо сама принесла».

Она видит, не туда попала, говорит:

— Поп, поди созови хоть дьякона вместе ись.

А сын говорит:

— У дьякона собака злюшша, без палки не ходи!

Поп взял палку большашшу и пошел.

Сын забежал вперед и кричит:

— Дьякон! Пошто к мамки ходишь? Татка к тебе с палкой идет!

Дьякон бежать: схватил полы долги, волосье трепешшется...

Поп кричит:

— Дьякон! иди шанёг да пирогов ись!

А тот от него.

Помор неожиданно запел.

17. ПАНЬЯ

Песня

Как пошла панья по своим новым сенем,
Как по часту, как по часту из окошечка смотрела:
Ежно из поля, из по́ля да из далека циста по́ля.
Ежно едут поедут да все кнезя-боера́,
В торока́х везут кнезя да все кровавоё платьё.
Выходила млада панья на прекрасное крыльцё,
Не дошедши млада панья по низкому целом додела
«Уж вы здрастуйте, кнези-ббера,
Вы видали ли кнезя моего-то бывшего пана?»
Как первой кнезь слово молвил:
«Мы его видом не видали».
Как второй-от слово молвил:
«Да мы слыхом не слыхали».
Как третей-то слово молвил:
«Уж мы столько видали:
Ево доброй конь рышет по далеци цисты полям
Ево черкасько седелко по пуд-цёреву волоцилось,
Ево шолковой повод копытом лошадь заступает,
Ево шолковая плетка лютою змею извивает,

Ево буйная глава под ракитовым кустышком,
Ево русые кудри вихорем-ветром розно́сило,
Ево ясные оци да ясны соколы розносили,
Ево черные брови черны вороны расклевали,
Ево бело тело серы волки расторзали».
Как пошла млада панья со своих новых сеней,
Как будила млада панья своих маленьких детей:
«Уж вы станьте, пробудитесь, мои маленьки детки!
Как у вас-то малых деток света-батюшка не стало.
А у меня-то младой паньи бывша пана не стало!»
Как на другой день млада панья в зеленом лесу гуляла,
Во пригорьи рвала траву васильевску,
Во прикрутьи шшипала цветы лазоревы
И прикладывала ко своим белым шшекам:
«Будьте столько же аленьки, мои паньины шшецьки!»
Как на третий день млада панья во замуж выходила:
«Господа-ле, вы, господа, ко мне завтра на свадьбу,
Хлеба-соли кушать, вина-пива пити!»
Паньюшка по сеницкам похаживала,
Хлопчика за ручку поваживала:
«Пойдем ты, хлопчик, на кружельский двор,
Возьмем мы, хлопчик, чарочку винца и братыньку пивца,
И выпьем мы, хлопчик, по чарочки с тобой:
Ты за мое здоровьице, а я за твое.
Ты-то будешь пьяный, а я весела.
Ты будешь плесать, а я буду скакать.
Мой-то пан уехал во большó гулять,
Меня пан оставил горе горевать, тóски-тосковать.
Я ведь не умею горе-горевать, тóски-тосковать
Только умею скакать да плясать!»
Мало по малу сам-от пан на двор.
Выскоцил хлопчик — из полу-окна,
Выставил хлопчик правую руку, а леву ногу.
Отсек пан у паньюшки по плечь голову:
«Вот тебе, паньюшка, чароцька винця, да братынька
пивця,
Вот тебе, паньюшка, скакать да плясать».

Скоморох уверенно заключил:

— Слышь, Московка! И сколько сказок не перескажешь тебе, и сколько песен не перепоешь, уж всегда перва жонка заведет эту машину, што напутает все. Правильно все! Как я говорил, так и есь!

Жонки не соглашались. Помор остановил возникающий шум следующей сказкой.

18. КОЖА

Два брата жило. Один наживной был — другой нет. Невески не советно жили и пристали, штобь делиться. Стали делиться. Ну, как? Все больше старший брат наживал,— ему все и идет.

Разделились: старший брат живет богато, младший — бедно.

Жона ему говорит:

— Хоть бы какие делишки в лесу нашел, дрóва бы возил.

Поехал он за дровами в лес, лошадь с горки побежала да башку свернула.

Приташил домой мертву кобылу кожу драть.

Жонка завыла:

— Да как это...

— Да вот с Лисьей Горки побежала, башку свернула.

Кожу содрал, померзла кожа. Говорит жоны:

— Давай кису под товар, продавать кожу повезу, товару накуплю.

— Да што тебе за кожу-то дадут? Много два рубля. Каково товару купишь на два рубля-те?

— Да уж давай.

Пошел с кожей. Далеко город-от был, он к попу заколотился, а поп в город уехал, попадья его и не пустила в избу: иди на сеновал.

Он загленул в окошко, а у матушки меликают, меликают танци. И угошенье на столе, бутылки наставлены. Повалился он на сено. Поп вернулся, заколотился, попадья сейчас бутылки в комод, все прибрала. А гость:

— Куда мне теперь?

— А вот в сундук полезай,— и заперла ево.

Поп лошадь заставить пошел, а прохожий: «кх, кх».

— Кто тут? Да как можно здесь прохожему человеку ночевать, пойдём в избу.

И привел ево, посадил за стол, а тот кожу под стол.

— Матушка, нет ли чево выпить?

— Нет, што ты? Я думала, ты из города чево привезешь.

— Да ведь ты запаслива, может и осталось.

— Нет, ничево нет, я тебе ничево не сказала, как поеждал, думала, сам знаешь. Нету, нету.

Прохожий на кожу наступил, она замерзла и скрипит.

— Што это у тебя?— спрашивает поп.

— Гусли поют.

— Што же они поют?

— Они поют, што в комоди у матушки выпивка есть.

— Ну, уж это пустота. Матушка сказывала, ничево нету.

— Я уж их сколькой год держу, они у меня не врут.

А матушка:

— Да што это он? Говорю, ничево нету, да неужели я-то уж не знаю...

— Ну, все же, матушка, давай посмотрим.

Посмотрели — в комоди бутылки.

— Ах, я позабыла, што ведь оставалось малешенько; вот позабыла-то, верно, ведь верно, што оставалось.

Сели, выпивают, а кожа опять заскрипела.

— Што-жа это теперь гусли поют?

— А они поют, што у попадьи в сундуки живо тело.

А матушка тут:

— Ну, уж это пустота. Анделы, да я твоего ночлежничка высажу! Што он!..

— Ну-ка, давай ключи.

Матушка ключи со слезьми вместе принесла. Открыли сундук — там гость сидит.

Поп ево узнал и говорит прохожему:

— Ради ты бога, возьми ты сто рублей и утопи этот сундук.

— Можно.

Поташил сундук к реки, тот там взмолилса:

— Выпусти меня, я сто рублей дам.

— Можно.

У ево уж двести. Накупил он в городе разново товару. Жоне всево принес.

Невеска забежала, посмотрела и мужу насаказала:

— Гледи, деньги ли каки у их завелись. Всево накуплено.

Тот брата меньшово спросил.

— Я кожу продал.

— Дак много ли за кожу дают?

— Да ныне кожи дорогаыши, двести рублей дали.

Тот пошел, коня на запольках поймал да убил, кожу содрал, в город пошел.

Сел с кожей на рынке.

Хто кожу ногой подопнет, спросит:

— Дорога ли?

— Двести рублей.

— Да ты сдичал? Хто боле двух рублей даст?

Рассердилса этот брат, взял топор: «убью своего обидчика».

Тот там знает, што брат его убить захочет. А у него была мать старая старушка, совсем уж помирать соби-ралась, он ее край печки повалил, а сам спряталса.

Старший брат прибежал, мать зарубил да и прочь.

Тот взял лошадь запрег, мать одел, на санки поса-дил, сам поддерживат. Приехали в город, в ресторан. Он мать за стол посадил, вина спросил и говорит лакею:

— Угости маму мою.

Лакей стал подносить, толкнул ее чуть, старуха и повалилась.

— Убил маму!

Лакей ему сто рублей дал:

— Только не шумите, пожалуста, господин.

Он вынес старуху, посадил в лодку, весла в руки дал. Рыбаки пришли, за весло хотели взяться, старуха и свалилась в воду.

Мужик на берегу росшибаетса, реве.

— Маму-ту утопили!

Рыбаки ему двести рублей дали: не шуми только.

Пришел домой, больша прежнего нанес.

Брат прибежал:

— Где деньги взял?

— Маму продал. За старуху триста дают, а естли потельнее, то и пятьсот.

У него жонка была здоровая, мясная.

Брат пошел, жону убил, понес в город, сел на рынке да кричит:

— Женьского товару не надо ли?

— Хто жонок убивает, да продает, в арестански ево.

Когда выпустили, брат меньшей тово боле раз-богател.

Он ево зашил в куль, приташил к реки. Стояла тут часовенька. Пошел помолитця, штобы бог помог та-ково разорителя погубить. Пока молилса тут был теле-нок подли мешка; меньшей брат вылиз, а теленка туда. Сам коней из поля каких-то к себе загнал. Старшой — мешок с теленком бросил в реку, пошел, думат, ко вдовы. Там брат с конями.

— Ты где этта нажил столько?

— В реки. Там еще много. Да ты споки-то. Там уры-ти поуры, да кони-ти буры, кореты золоты!

Старшой брат велел себя завязать в мешок да кинуть в реку. И ушел. Не знаю, выйдет ли хоть к осени. Не бывал еще назад.

Спор разгорался невероятный. Особенно горячо спорили, «кто лучша», один мужик и одна жонка. Оба средних лет. Спор завел их очень далеко. Мужик усмехался и словно поддразнивал. Но жонка побледнела, глаза горели, челюсть, губы и голос дрожали.

Наставал черед Скомороха. Московка боялась, что этот женоненавистник зальет ядом женщину. Ей уже сказали поутру, что Скоморох внебрачный сын мезенки и не любит говорить об этом... На Мезени вырос, а теперь женился и поселился на притоке Пинеги—реке Юле. Едет в Архангельско свою шишку вырезать и на заработки.

Московка обратилась к нему:

— Как же звать все-таки? Хоть имячко!

— А зачем? Прозвали Скоморохом и очень даже подходяшке. Мать мезенка меня девкой принесла, а отец мой, сказывают, пинесьский, вот с этих мест. Есь тут недалеко фамильё Скомороховы. Дак будто бы из их рода. Не знай.

Скоморох вскочил, расставил ноги, согнув их в коленях, поскакал, изображая зараз и всадника и коня, и запел; ему сейчас же откликнулась Махонька. Они пели вместе, а потом спрашивали и отвечали друг другу.

19. КОЗАЧЕНЬКО

Песня

Ехал козаченько из Украю,
Ехал молоденькой из Украю;
Он побочил, с коня скочил,
Он побочил, с коня скочил,
Дле дивчины, дле дивчины:

Скоморох с этими словами кинулся к Махоньке и стал прижимать ее к сердцу.

«Как тя, девица, по имени зовут,
Как тя, красавица, по отечесью зовут?»

Махонька запела в ответ:

«Меня батюшко насеял,
Меня мати родила,
Меня поп к/ ы/стил,
Окулиной имё дал».

Скоморох: «Девушка, Окулинушка!

Не пойдешь-ле, девушка,
Взамуж за меня?»

Махонька: «Есь-ле, козаченько, дом-от свой?

Есь-ле, молоденькой, дом-от свой?»

Скоморох: «У миня дом-от в чистом поли,

В чистом поли, под березой,

Ты со мною, я с тобою,

С Окулиной, с молодую!»

Махонька: «Есь-ле, козаченько, конь-от свой?

Есь-ле, молоденькой, конь-от свой?»

Скоморох: «У миня конь-от в чистом поли,

Чистом поли, за Дунаем,

Мы пойдём с тобой поймаем,

Ты со мною, я с тобою

С Окулиной, с молодую!»

Махонька: «Есь-ле, козаченько, постель-от свой?

Есь-ле, молоденькой, постель-от свой?»

Скоморох: «Шиленишша под боцишша,

Епанчишша в зголовишша

Ты со мною, я с тобою

С Окулиной, с молодую!»

Вместе: Почали девицу комарики кусать,

Почала девица козаченька ругать.

Скоморох: «Я козак не дурак,

Повалившись Не охвоч работать,

и прижимая Я охвочи подле бочи,

Махоньку Ты со мною, я с тобою,

С Окулиной, с молодую!»

Пенье закончилось под громкий смех. Атмосфера разрядилась. Никто уж не кричал: «Жонка! Мужик!», и Скоморох мог спокойно рассказать свою следующую сказку.

20. ЗОЛОЧЕННЫЕ ЛБЫ

На веках невкатором осударсьве царь да ише другой мужиченко исполу промышляли. И поначалу все было добрым порядком. Вместях по рыболовным ста-

новищам болтаются, где кака питва идет, тут уж они первым бесом.

Царь за рюмку, мужик за стакан. Мужиченко на имя звали Капитон. Он и квартире стоял от царя рядом.

Осенью домой с моря воротяцца, и сейчас царь по гостям с визитами заходит, по главным начальникам. Этот Капитонко и повадился с царем ходить. Его величию и не по нраву стало. Конечно, это не принято. Оногды амператора созвали ко главному сенатору на панкет. Большой стол идет: питье, еда, фрелины песни играют. Осударь в большом углу красуется. В одной ручки у его четвертна, другой рукой фрелину зачалил. Корона съехала на ухо, мундер снят, сидит в одном жилету. Рад и тому, бажоной, што приятеля нету. Вот пир к концу заприходил. Царицы Аграфены пуще всех в голову вином ударило. И как только ейной адъютан в гармонь заиграл, она вылезла середка залы и заходила с платочком, запраптывала:

Эх, я стояла / у поленицы, у дров.
По угору / едет Ваня Королев.
Отчего / далеко видела.
От часов / цепочка свитела.
Цепочка светила / в четыре кольчика
У милого / нету колокольчика.
У милого / коробок, коробок,
Я гуляю / скоро год, скоро год.

Сенаторы, которы потрезве, смеются:

— Хы-хы! при муже хахаля припеват. Вот до чего, и то ничего.

И вдруг это веселье нарушилось. Капитонко в залу ворвался, всех лакеев распехал, увидал, што царица Аграфена утушкой ходит, сейчас подлетел, ногами шаркнул и заходил круг ей вприсядку, с прискоком, с присвистом. Песню припеват:

Равзе нищие не пляшут?
Равзе песен не поют?
Равзе по миру не ходят?
Равзе им не подают?

А у самого колошишки на босу ногу, и пинжачонка рукав оторван, корманы вывернуты. Под левым глазом синяк. И весь Капитон пьяне вина. Царь немножко-то соображает. Как стукнет по столу да как рывкнет:

— Вон, пьяна харя! Убрать его!

Капитонко царя услышал, обрадовался, здороваться лезет, целоваться:

— На, хрен с тобой, ты вот где? А я с ног сбился, тебя по трактирам, по пивным искавши.

Придворны гости захикали, заощерялись... Это царю неприлично:

— Кисла ты шерсть, ну, куда ты мостиссе?! Кака я те пьянице пара? Поди выспись.

Капитонку это не обидно ли?

— Не ты, тиран, напоил! Не тебя, вампира, и слушаю! Возьму батог потяжеле, всех разбросаю, кого не залюблю!

Брани, дак хоть потолком полезай. Царь с Капитоном драцца снялись. Одежонку прирвали, корону под камод закатали. Дале полиция их розняла, протокол составили.

С той поры Капитона да амператора и совет не забрал. И дружба врозь. Мужиченко где царя не увидат, все стращат:

— Погоди, навернессе ты на меня. Тогда увидам, которой которого наиграт.

Судятса они друг со другом из-за каждого пустяка. Доносят один на другого. Чуть у царя двор не убрали или помойну яму закатали, мужиченко сейчас ко квартальному с ябедой.

Вот раз царь стоит у окна и видит: Капитонко крадетса по своему двору (он рядом жил) и часы серебряны в дрова прятат. Уж, верно, крадены.

Царь обрадовался.

— Ладно, зазуба! Я тебе наряду на кривое-то веретно.

Сейчас в милицию записку. У мужика часы нашли и самого в кутузку. Он с недельку отсидел, домой воротился. И даже супу не идет хлебать, все думат, на царя сердце несет. Вот и придумал:

У царя семья така глупа была: и жена, и дочка, и маменька. Цельный день по окнам плятятся, кивают, кавалерам мигают, машут. Царь их никуда без себя не спускат в гости. Запоезжат, на войну ли, на промысел, сейчас всех в верхней этаж созбират и на замок закроет.

А вокурат тот год, как промежь царем да Капитонком остуда пала, в царсве свекла не родилась и сахару не стало. Капитонко и придумал. Он в короб сору навалил, сверху сахаром посыпал да мимо царской царской дворец и лезет, пыхтит, тяжело несет... Царские маньки да ваньки выскочили.

— Эй, мужичок! Откуда эстольку сахару?

— На! Равзе не слышали? Загранишны пароходы за Пустым островом стоят, всем желающим отсыпают.

Ваньки-маньки к царю. Царь забегал, зараспоряжался:

— Эй, лодку обрежай! Мешки под сахар налаживай! Аграфена с дочкой губы надувают:

— Опять дома сидеть... Выдал бы хоть по полтиннику на тино, в тиматограф сходить. Дома скука, вот так скука дома!

Царь не слушат:

— Скука? Ах, вы лошади, кобылы вы! Взяли бы да самоварчик согрели, грамофон завели да... Пол бы вымыли.

Вот царь замкнул их в верхнем этажу, ключ в домовой комитет сдал, мешки под сахар в лодку погрузили и, конешно, пива ящик на свою потребу. Паруса открыли и побежали за Пустые острова. С царем свиты мужика четыре. Провожающий народ на пристани остался. Все узнали, што царь по сахар кинулся. Капитонко укараулил, што царя нету, сейчас модной сертук на прокат взял, брюки клеш, камаша с колошами, кепку, заместо бороды метлу, штобы не узнали, привязал. Потом туес полон смолы, пёку черного налил, на голову сдынул, идет по городу да вопит:

— Нет ли лбов золотить!? А вот кому лоб золотить?!

К царскому дворцу подошел да как вякнет это слово:

— А нет ли лбов золотить?!

Царева семеюшка были модницы. Оне из окна выпехались, выпасть рады.

— Жалам, мы жалам лбов золотить! Только ты, верно, дорого спросишь?

— По причине вашей выдающей красоты отремонтируем бесплатно. К вам которойду затти?

— Мы сидим замчены и гостей к себе на канате, на блочку подымам.

Вот они зыбочку спустили, тот примостился:

— Подымай, готово!

У Аграфены силы не хватат: мужик толстой, да смолы полпуда.

Аграфена девку да матку кликнула. Троима за канат ухватились, дубинушку запели:

Эх, што-то свая наша стала!

Эх, да закапершика не стало!

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!

Затянули Капитона. На диван пали, еле дышат:

— Первой этой тяжелой мужик. Вы откулешны будете, мастер?

— Мы европейских городов. Прошлом годе англиску королеву золотом прокрывали, дак нам за услуги деплом из своих рук и двухтрубной мимоносец для доставки на родину. Опеть французскому президену, извините, плешь золотили.

— А право есь?

Капитонко им стару облигацию показыват, оне неграмотны, думают деплом.

— А, очень приятно. Этого золота можно посмотреть?

— Никак нельзя. Сейчас в глазах ослепление и прочее. Во избежание этого случая, докамест крашу и полирую, глаз не отворять. Пока не просохнете, друг на дружку не глядеть и зеркало не шевелить.

Царицы жалко стало золота на бабку:

— Маменька-та стара порато, уж верно не гожа под позолоту-ту... Маменька, ты в позолоту хошь?

— Ась?

— Хошь, говорю, вызолотицце?

— Ась?

— Тьфу, изводу на тебя нету! Вот золотых дел мастер явился. Хошь, обработат?

— На, как не хотеть! Худо ли для свово умиленья к празднику вызолотицца!

Капитон их посадил всех в ряд.

— Глазки зашшурьте. Не моги никотора здреть.

Он смолы поваренкой зачерпнул да и ну, ту да другу, да третью.

— Мастер, што это позолота на смолу пахнет?

— Ничево, это заготовка.

А сам насмоливат. Мажет, на обе щеки водит. У их, у бажонных, уж и волосья в шапочку слились.

А он хвалит:

— Ах, кака прелись! Ах, кака краса!

Те сидят довольнехоньки, только поворачиваются:

— Дяденька, мне этта ишше положь маленько на загривок...

Капитон поскреб поваренкой со дна. Потяпал по макушкам:

— Все! Ну, ваши величия! Сияние от вас, будто вы маковки соборны. Сейчас я вас по окнам на солнышко сохнуть разведу.

Аграфену в одно окно посадил, девку в друго, а бабенка на балкончик выпросилась:

— Меня,— говорит — на ветерку скоре захватит.

Мастеру некогда:

— Теперь до свидания, о ревуар! Значит на солнышке сидите, друг на дружку не глядите, только на публику любуйтесь. Папа домой воротитца, вас похвалит; по затылку свой колер наведет. Ему от меня привет и поцелуй.

Тут Капитон в окно по канату, да только его, мазурика, и видели.

У царя дом глазами стоял на площадь, на большу, на торгову. Там народишку людно. Мимо царской двор народу идет, как весной на Двины льдю несет. Окна во дворце открыты, как ворота полы. В окнах царска семья, высмолены сидят, как голенишша черны, как демоны. Бабушка на балконе тоже, как бугирь какой, сидит. Народ это увидел и сначала подумали, што статуи, негритьянска скульптура с выставки куплена. Потом разгледели, што шевелятся; рассудили, што арапы выписаны ко дворцу. А уж как царску фамилью признали, так город-от повернулся. Учали над черныма фигурами сгогатывать. Ко дворцу изо всех домов бежат, по дороги завязываются. Матери ребят для страху волокут:

— Будете реветь, дак этим черным отдаим!

Мальчишки свистят, фотографы на карточку царску семью снимают, художники патреты пишут...

О, какой страм!

Напротив царского дома учережденье было — Земной Удел. И тут заседает миницинской персонал. Начальники-ти и увидали царску фамилью в таком виде и народно скопленье. Не знают, што делать. И тут еше явились извошшишьи деликаты. На коленки пали и сказали:

— Господа начальники! Потому как бабенка царская, хрен с има, в черном виде на балконе сидят, дак у нас лошади бросаются, седоки обижаются, потому двоих седоков убило. Пропа-а-ли наши головушки! и-и-хы-хы-ы!..

Извошшики заплакали, и все заплакали и сказали:

— Пойдемте — всенародно умолять ихны величия, не пожалеют ли, пожалусто, простого народу!

Вот запели и пошли всема́ ко дворцу. Выстроились перед полатами в ширинку, подали на ухвате прошение. Аграфена гумагой машот да кивает. И бабка ужимается, и девка мигает. Оне думают, народ их поздравлять пришел.

Што делать? Натъ за царем бежать. А всем страшно: притти с эдакой весью, дак захвоснет на один взмах. Однако главной начальник сказал:

— Мне жись не дорога. На бутылку дайте, дак слетаю.

Чиновники говорят:

— Ура! Мы тебе и ераплан, либо там дерижаб даим, только ты его за границу не урони.

Начальник в ераплан вставился, от извошшиков деликат в кучера. Пар розвели, колесом завертели, со свистели. Ух, порхнули кверху, знай, держи хвосты козырем!

Пока в городе это дело творицца, царь на Пустых островах в горях, в лютой досады сидит. Ехал не пошто, получил ничего. Ехал, ругался, што мешков мало взяли, приехали — сыпать нечего. Ни пароходов, ни сахару; хоть плачь, хоть смейся. Сидит, егово величие, пиво дует. В город ни с чем показаться совесно. Вдруг, глядит, дерижаб летит. Машина пшикнула, пар выпустила, из ей начальник выпал с деликатом. Начальник почал делать доклад:

— Так и так, ваше высоко... Вот какие преднамеренны поступки фамилия ваша обнаружила... Личики свои в темном виде обнародовали. Зрителей полна площадь, фотографы снимают, несознательны элементы всякие слова говорят...

Царь руками сплескался да на дирижа́б бегом. За ним начальник да деликат. Вставились, полетели. Деликат вожжами натряхиват, начальник колесом вертит, анператор пару поддает, дров в котел подкидывают... Штобы не так от народу совесно, колокольчик отвязал. Вот и город видать, и царски палаты. На площади народишко табунится. Гул идет. Меницинской персонал опеть стоит да кланеится. Мальчишки в свистюльки свистят. В трумпётки трубят. Царь ажно сбрусвянел:

— Андели, миру-то колько! Страм-от, страм-от какой! Деликат, правь в окно для устрашенья!

Народ и видит, дирижаб летит, дым валит. Р-аз! В окно залетели, обоконки высадили, стекла посыпа-

лись. В горницу залетели, за комод багром зачалились.

Выкатил царь из машины, да к царицы.

За коршень сграбился:

— Што ты, самоедка... Што ты, кольско страшилишшо!

Аграфена засвистела:

— Ра-а-атуйте, кто в бога верует!!

Царь дочку за чуб сгорстал. У ей коса не коса, а смолена веревочка.

Царь на балкон. Оттуда старуху за подол ташшит, а та за перила сграбилась да пасть на всю площадь отворила.

Народ даже обмер. Не видали сроду да и до этого году. Еле царь бабку в комнату заволок:

— Стара ты корзина! Могильна ты муха! Сидела бы о смертном часе размышляла, а не то што с балкона рожу продавать.

Вот оне все трое сидят на полу, царица, бабка да дочка и воют:

— Позолоту-ту сби-и-л, позолоту-ту сгубил! ах, пропа-а-ла вся краса-а!..

— Каку таку позолоту?!

— Ведь нас позолотили, мы сидели да сохли-и.

— Да это на вас золото??? Зеркало сюда!..

Ваньки-маньки бежат с зеркалом. Смолены-ти рожи глаза розлепили, себя увидали, одночасно их в оммок бросило.

Полчасика полежали, опять в уме сделались. Друго запели:

— Держите вора-мазурика!.. Хватайте бродягу!

Царь кулаками машется:

— Сказывайте, как дело было.

Вот те в подолы высморкались, утерлись, рассказывают... Царь слушал, слушал и сам заплакал:

— Он это! Он, злодей Капитонко, мне налил... Он, вор, меня и из города выманил. Не семья теперь, а мостова асфальтова! Ишь, пеком-то вас как сволокло... Охота народ пугать, дак сами бы сажу напахали, да розвели, да и мазали хари-ти... Дураки у меня и начальники. Кланяться пришли... Взяли бы да из пожарного насоса дунули по окнам-то. Холеры вы, вас ведь теперь надо шкрапить...

— Ничего, папенька, мы шшолоку наварим и пусть поломойки личики наши кажно утро шоркают.

Царь побегал, побегал по горницы, на крыльцо вылетел.

Народишко, который ради скандалу прибежал, с крыльца шарахнулся.

Царь кричит:

— Стой! Нет ли человека, кто мужика со смолой в рожу видел?

Выскочили вперед две торговки, одна селедошница, друга с огурцами.

— Видели, видели! Мушшина бородатой в сертуке туда полз с туесом, а обратно порозной.

— В котору сторону пошел?

— А будто по мосту да в Заречье справил.

— Тройку коней сюда!— царь кричит.

Тройку подали. Царь с адъютаном сел, да как дунули, дунули, только пыль свилась, да народ на карачки стал. Через мост к зарецким кабакам перепорхнули. Катают туда-сюда; спрашивают про Капитонка.

— Тут?

— Нет, не тут.

— Тут?

— Нет, не этта!

Буди в Кáнской мох мужичонко провалился... А Капитонко ведь там и был. Учужал за собой погоню, бороду, метлу-ту, отвязал, забежал в избушку. Там старуха самовар ставит, уголье по полу месит.

— Ты бабушка, с чем тут?!

— Чай пить средилась. А ты хто?

— Чай пить?! Смертной час пришел, а она чай пить... Царь сюда катит, он тя застрелит.

— Благодетель, не оставь старуху!

— Затем и тороплюсь. Скиновой скоре сарафанишко да платок, в рогозу завернись, да садись под трубу заместо самовара.

Живехонько они переменялись. Капитонко уж в сарафане да в платке по избы летат, самовар прячет, бабу в рогозу вертит, на карачки ей ставит, самоварну трубу ей на голову нахлобучил:

— Кипи!

Тут двери размахнулись, царь в избу. Видит старуха окол печки обрежались:

— Бабка, не слыхала, этта мужик в сертуке мимо не ехал?

А Капитонко бабьим голосом:

— Как не видеть! Даве мужик мимо порхнул, дак пыль столбом.

— В котору сторону?

— Не знай, как тебе рассказать... Наша волось — одны болота да леса. Без провожатого не суниссе.

— Ты-та знашь место?

— Родилась тут.

— Бабка, съезди с моим адъютаном, покажи дорогу, найди этого мужика... А я тут посижу, боле весь росслаб, распался... Справиссе с заданием, дак обзолочу!

Мазурик то и смекат:

«Золотить нас не нать, а дело состряпам».

— Сидите, грейте тут самоварчик, мы скоро воротимся, чай пить будем.

Капитонко в платок рожу пуще замотал да марш в царску коляску. Только в лесок заехали, эта поддельна старуха на ножку справилась, за адъютана сграбилась да и выкинула его на дорогу; вожжи подобрала, да только Капитонка и видели.

А царь сидит, на столе чашки росставляют. Бедна старуха под трубой, ни гу-гу.

На улице и темнеть стало. Царю скушно:

— Што эко самовар-от долго не кипит?

Его величесво трубу снял, давай старухе уголье в рот накладывать... Удивляется, што тако устройство. Потом сапог скинул, бабки рожу накрыл, стал уголье роздувать. Старуха со страху еле жива, загудела она, зашумела, по полу ручей побежал... Царь забегал:

— Ох-ти мне! Самовар-от ушел, а их чай пить нету. Скорее надо заварить...

Хотел самовар на стол поставить.

— На! Где ручки-те?

Старуху за бока прижал, а та смерть шшекотки боится; она как визгнет не по-хорошему... И царь со страху сревел да на шкап. А старуху уж смех одолил. Она из рогозы вылезла.

— Ваше величие, господин анператор! Не иначе, што разбойник-от этот и был. Как он нас обмахулил, омманул...

Ночью царь задами да огородами пробрался домой, да с той поры и запил, бажонной.

А Капитонко этот в заграницу на тройки укатил и поживает там, руки в карманах ходит, посвистывают.

Эта сказка прерывалась безудержным смехом. Простодушный, он лишь способствовал крепкому и сладкому сну на вольном воздухе. Так закончился день сказок о любовных утехах и изменах.

День третий ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Московка открыла глаза, разбуженная громким и решительным оповещением Скомороха:

— Ситуха!

И вытерла мокрое лицо. Сеялся мелкий и вялый,

нерешительный дождик, а все небо было затянуто серой, нежной пеленой. Московка по привычке, усвоенной с детства, огорчилась — дурная погода, но все просыпающиеся радовались: пароход снимется с мели.

— В верховьи давно, верно, дожди-ти — пришла вода!

И Скоморох указал на вчерашние обнаженные полосы песку, — сегодня их затянуло водой.

Стали заботиться, как провести день под дождем, а может, и ночь.

— Нать вешши из пещорки рыть да там огонек разживить.

А Московка надеялась там тетрадь беречь и записывать...

— Нать на мельницу проситься — там коморка есь, для того и слажена: проезжих приючать до парохода...

— В деревню куда-ле проситься, там и телеграф, — узнаем нашшот парохода...

А дед Кулоянин решительно:

— Я на Андигу иду. С Андиги рюжа-та заказана, там и кончу.

У Московки сердце упало: все в разные стороны разбредутся, кто куда.

Рушилось дело, а еще на сегодня затеяли волшебные сказки.

Скоморох воскликнул:

— А ну, всема́ на Андигу! Не рой вешши из пешчорки! Клади суды от дождя кому нать, да храните нашу кладь! Идем, бабки, на Андигу сказки сказывать! Там тепло, там чисто!

Московка недоумевала:

Какая Андига? куда? Так бы хорошо в коморке на мельнице (можно б сказки сказывать и записывать), а тут еще нерешительные голоса увеличили сомнение.

— Далеко! Бабкам на гору не вызняться!

Но Скоморох не унимался:

— А мы нашто? На руках унесем! Идем, што ль, бабушка, до дождя настояшшаго.

Московка колебалась.

— А здесь естыли? на мельнице?

— Да в коморку всем не взойти. Тесно. И сидеть-то лавок не хватит, не то што повалиться. Идем на Андигу!

— Да што это тако?

— Тако красивенько местечко. Идем!

Другие пояснили:

— Там ране часовня была, а нынче колхоз.

— Любопытно. Но как же кладь?

— А тут в пешчорке останется, хто унесет? Дорожного человека обидеть... Это у вас там на Москвы — все полиция-милиция, а из-под носу ташшат. У нас-жа: хто дорожного человека обидит, тому голова не сносить! Ну, идем...

И Скоморох подхватил Московку под локоть, крикнув в полуоборот Помору:

— А ты другу бабку! Вот мы и с нареченныма! Не отставай, Ошкуй! Хто ишша с нами? Чего стала?

— Да все думаю нашшот парохода... вдруг придет...— лепетала Московка.

— Давай вицю! Бабок погонять! Ведь слышаем свисток-от. На Андиги ишша лучша! И слышаем и увидаем! С горы-то видко! Да с горы-то прям и скатимся к реки, а оттуль тропка по бережку сюда к причалу. А сейчас в волось идем. Небось хлеб-от приили? Нать в коператив зайти? И мне нать табачку захватить. На телеграф нать? Про пароход справитьсе? Ну, ну, вызни-

майтесь, бабушки! Вот и ладно. На волости все дела справим да и лесом ишша на горку выйдемся... Поможом, подхватим! Тут и Андига. Там нас оприютят. Горницы большашши. Печку затопят, чайку согреют, чеголе поить дадут. Хозяйка обрадеет людям заместо лешаков.

Так болтая, сказочная компания, за которой увязалось еще три-четыре человека, дружно поднялась на высокий и крутой берег. Оттуда среди полей открылась большая деревня, охваченная сосновым бором. Через сетку дождя она казалась серьезной и важной: не видно было ярких пятен повойников и платков; в полях двигались одиночные фигуры; не заметно досужих, толкущихся ребят и, верно, их отсутствие да черные прясла в полях придавали всему такой степенный вид.

Только овцы кучками бестолково двигались по дорогам между огороженными полями и толкались, стараясь проникнуть в поля с соблазнительной высокой травой на межах. Изредка доносился резкий крик: «Петронька! Кычки-те у Савватевны!»

И тогда из-за куста выныривал Петронька в отцовской каbate ниже колен и запускал камешком в бестолковых овец. А из деревни шел неумолимый страж с длиннейшей хворостиной. Она была так велика сравнительно с малым ростом стражника, что перетягивала его, и он на ходу качался из стороны в сторону. Он был бос и в малице, в самоедской шапке с косами. Белобрысые брови сдвинуты, а круглые голубые глаза глядели строго. Подойдя к огороде, он сиповато крикнул: «Петронька! отложь заворы-те!»

И Петронька, подбежав, разложил заворы, а стражник стал у столба. Овцы поскакали к проходу, а насупленный стражник огревал хворостиной каждую.

— Петронька, заложь ворота-ти! — и, так же насупившись, стражник стал ждать подходящих с реки.

— Раз!

И каждый получал по удару хворостиной, пока дед Кулоянн не схватил ее:

— Вишь, большевик! Впрямь и есь большевик!

Дед приостановился и поймал привратника за меховые косы. Шапка осталась у деда в руках, а белобрысый герой лет трех увернулся и так же хмуρο глядел. Дед протянул ему кусочек сахару, он схватил его и сейчас же свистнул хворостиной по компании.

— Ах, ты!..

А сам сиял. Отойдя, дед повернулся и залюбовался «большевиком».

— Еруслан Лазаревич! Сам себе винуется, сам себе палицей пометывает!

«Еруслан Лазаревич», действительно, хворостину перекладывал из рук в руки, но вдруг... лицо его исказилось, он бросил хворостину и с громким ревом кинулся к деду, уткнулся в его колена и залился, топоча босыми ножонками.

— Ну, ну... Пойдем в лавку, конфетика укупим с тобой, сам, сам...

И дед, взяв молодца за руку, решительно пошел впереди. Но и всем было надо в лавку, а более всего Московке. Ей понадобилось и сушек, и «дессерту», т. е. монпансье, и жамок, и кедровых орешков; мало этого, пошептала со Скоморохом, дала ему денег, и тот исчез.

Выходя из лавки, Кулоянин торопливо сказал:

— Я догоню, только малого к матери сведу.

А когда Московка насыпала в шапку малого гостинцев, дед деловито сказал:

— Падай в ноги!

И парнишка так быстро опрокинулся, что даже лбом о пол щелкнулся. Но поднялся парнишка с тем же суровым достоинством и важно пошел из лавки, держа за руку дедушку Устина.

По дороге в лес завернули на телеграф. Там те же сведения: ни одной волости, связанной телефоном с этим местом, пароход не проходил. Сидит где-нибудь на мели, а где — неизвестно. С этим путники вступили в лес. Тропа вилась с пригорка на пригорок — легкая и широкая, постепенно поднимаясь. Теперь Московка узнавала от Помора интересные вещи про Скомороха:

— В третьем году поехал он на заработки в Архангельско, ничево не находил подходящево, бродил по городу без работы и заметил трех слепых. Им бросали много денег. Их вожди приходили, обирали деньги и целой день сидели в трактире, пили. Скоморох подсел к слепым и запел, всякие прибакулки стал сказывать, дак денех просто не обрать, столь много стали кинать. Он слепым дал много, и ему осталось. Он все лето у них вождем был, а лони попробовал еще по заводам сказывать... Ну так рабочие кишки перервали, столь смешно. Дак денех много... Сейгод, говорит, пря-

мо по заводам лесопильным... Там его уж знают. Этот «шишковатой» и на руки и на язык — мастер!

Легок на помине догнал их в лесу и Скоморох. Тропа исчезла, подъем стал значительным, путь пересекали ручьи, мокрые ложбинки, валежник. Скоморох взял Московку под опеку, а Ошкой в трудных местах прямо нес Махоньку, как перышко.

Московка сияла так, как сияет женщина, когда самый интересный мужчина в обществе оказывает ей знаки внимания. У нее было нелепо гордое выражение лица, сменяющееся озабоченным, когда путь становился труднее. Таких внимательных кавалеров поискать!

— Перепыхни, бабка!

Тут догнал их Кулоянин и деликатно объяснил свое запоздание: малога пришлось с уголька спрыскивать.

— Прабдедко я ему...

Московка чуть не села от удивления!

— Дедушко, ты же с Кулоя...

— Внук у меня здесь назначен по почтовой службе, да шибко больной был. Мы с молодкой еговой да с парничком приехали ешьчо по зимним путям прощаться... А он выстал... Опять на ту ж службу взели... Обещшали по осени в Мезень перевести. Вот молодка с парнишком и осталась, а мне на страду нать домой попадать.

— Ужели ты ишша страдаешь?

— А как? На мне ешьчо большина по сей день. Как хозяйсьво оставишь?

— А как же молодка?

— Там девок довольно, а мужиков-то всего — сын, да я... Я, конечно, косить не кошу, ну а зароды ешьчо оправляю...

И дед пошел впереди, шагая твердо и без «перепышек».

Всеведущий Помор пояснил Московке:

— Он не столь хоронить приеждал, а лечить, да в доме, где еговый внук стоит, конь-неим всю зиму терялся, да у соседей ныне корова потерялась. Ну, вот для этого: слово знат, он ведь колдун. У его там што птицы попадает в силья. А сенá... у всех пропали, а у его...

— Ну, значит, внука вылечил, а корова и конь?

— Внука вылечил, корсву не столь давнэ нашел, а конь... видали в Исполкоме объявление, што в Холмогорах уловлен конь-неим. По приметам уж ихной, да

нашот платы за содержанье дорого просят, вот разговоры идут. А дед сразу сказал: «Ваш конь по осени Двину переплыл». И внука поднял: ведь уж совсем, совсем... Конечно, не верю я во все это, но факт: у меня, у приятеля ружье заговорено... Не верю,— но факт: бьет без промаху.

Так в разговорах, с помощью предупредительных кавалеров достигла Московка вершины Андиги и ахнула: до последней минуты большие кусты среди стволов не позволяли видеть, что ждет впереди. А тут открылась широкая поляна, со всех сторон обрамленная лесом, покрытая пожнями, полями картошки и зелеными еще нивами. Было просторно и, несмотря на дождевую сетку, весело. На одном краю поляны стояла большая и низкая часовня на замке, а на другом — каменное здание и несколько крепких деревянных строений — колхоз. Пока пришедшие помогали любопытной Московке заглянуть в окна часовни, Скоморох отправился в дом предупредить о нашествии. Московка представляла себе многих хозяев с кучей ребят (для них-то «десерт» и жамки) и тревожилась, хватит ли места укрыться всем от дождя. Скоморох вернулся с приглашением от хозяйки пожаловать. К удивлению Московки, в большой горнице со столом, кроватью и печкой их встретила только одна улыбающаяся молодка с блестящими глазами.

Московка знала этот северный, радостно-пытливый взгляд, словно ожидающий небывалого счастья, которое должны принести диковинные люди из иного мира. Должно быть, так смотрел и улыбался Михайло Ломоносов, когда вышагивал свой долгий путь из Холмогор в Москву.

— А где ж ишшо хозяева?

— Муж по рыбу ушел, тут озерышко недалеко есь.

— А остальные? Ведь тут колхоз?

Молодка засмеялась:

— Это нас только так в просмешку называют. Куда-ле с мужем пойдем — «эвона колхоз идет!» Што у нас было горячее жаланье колхоз здесь собрать. Пять семейств было сбивалось сюда. Этот дом — гостиница для богомольцев. Местечко красиво, стройка хороша, ну и здумали... Однако усмотрели, што неподходяче место для хозяйсьва... Это верно: трудно место. Эка го-ра, коров держать некак. Сами увидали.

— А вы здесь?

— Одны! Разрешенье дали, дак живем.

— Трудно вам?

— Дородно! Многосемейным уж не прокормитьсе. А как мы без детей, што ж? Нам не трудно: принимаемся.

— А не скушно вам одной?

— В лесу скушно-ле? Ягоды беру, грибы ломаю, травы собираю. В лесу... Да не вышел бы! А скушно станет, на глядень пойду: тут у нас звонница есь. Вы слазьте, посмотрите, сколь красиво! Все видко!

Пока гости обсушивались и чистились, хозяйка устала стол молоком, шанешками...

Пришел хозяин — веселый, крепкий, с такими же блестящими глазами. Он отдал жене пехтерь, набитый ершами.

— Вот и будет на уху гостям! Ишшо останется, ты в погреб снеси, на дорогу им отдашь. С берегу? Здорово, дедко! Рюжу кончил? Ну ж рыбы попадать станет! Сей год ершов, дак полно озеро!

А хозяйка угощала с поклонами.

— Поелосьте, наши гости, поелосьте, дорогие! Молоцка пресного похлебайте! Свежего не угодно ли? Шанежки полуцяйте пресны, наливны, пасок не желайте ли? У меня мой доброхот до них охотник. Полуцяйте, полуцяйте! Черносливу нашего деревеньского — репки пареной покушайте. Тесно здесь. Ужа стол соберу в большой горницы. Там просторно, да самоварчик согрею!

Хозяйка была просто пьяна от радости.

За столом умещалось немного, но под внимательным хозяйским глазом каждый подсаживался к столу, а другой, нахлебавшись молока, освобождал ему место. Хозяйка не уставала угощать, а ей буркали:

— То и знам, надвигама!

Дед ел из собственной посуды.

Прибежавшая с волости девка (услыхала, что у Александры гости) да две жонки с берега взялись «схватить» пол в горнице и вообще помогать хозяйке. Предвиделось пиршество: десерт и жамки пришлись кстати.

Наконец гости встали со словами:

— Наелошились пошли, наваландались пошли!

И все двинулись в большую и нежилую огромную горницу с голландской печкой, с лавками по стенам и большим столом.

За окном дождило, а здесь было сухо и тепло.

Расселись по лавкам, и Московка обратилась по обычаю к Махоньке, но бедная старушка еще не отдышалась, даром что ее несли на руках.

Так необычно поздно начался сулящий затянуться за ночь день третий, день волшебных сказок.

Устин Иванович начал.

21. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

Зародился у Лазаря Лазаревича и жены Епистеньи Еруслан Лазаревич. Родила, и прожил у нее трои сутки после рожденья. В трои сутки его привели во кщение. В трои сутки он сделался как трех годов. После трои сутки прожили они семеро суток. В семь суток как семи годов он будто встал. Стал Еруслан Лазаревич на улице ходить, стал Еруслан Лазаревич с малыми ребятами играть, шуточки шутить. Он шуточки стал шутить не малые; какого ребяша схватит за волосы — волосы прочь; за руки схватит — руки прочь.

И стали товда царю Картаусу жаловаться, то он с детьми малыми играет, шуточки шутит не малые, кого за волосы хватит — волосы прочь, кого за руки хватит — руки прочь — нать такого уничтожить.

Царь Картаус призывает Лазаря Лазаревича во свою палату:

— Стой жа, Лазарь Лазаревич! возрастил ты своего возлюбленного сына, не надо тебе его спускать с малыми ребятами играть. Он шуточки шутит не малые: кого за волосы хватит — волосы прочь, кого за руки хватит — руки прочь!

На то Лазарь Лазаревич восплакал горькими слезами:

— Ах вы, царь Картаус! Служил я у вас тридцать лет. Единой сын у меня родился, а вы хотите его отнять, в темницу застать.

Царь Картаус на то осмелился:

— Подёржим мы его в темнице, и он в рост придет, не будет тогда таки глупости иметь.

Лазарь Лазаревич держал его до семи лет в доме, не выпускал на свет с малыми детьми гулять. Еруслану Лазаревичу стало очень скушно, досадно:

— Пойду я к отцу батюшку, к матери Епистеньи. Батюшко ты мой! дай ты мне тако блаословенье ехать

в чисто поле добрых людей посмотреть, самого себя показать.

Лазарь Лазаревич отвечал:

— Пойди к царю Картаусу. Если он даст блаословенье тебе показывать, добрых людей посмотреть, самого себя показать, тогда я блаословлю тебя.

Царь Картаус встречает его в том, что он как мушшина уже взрослой.

— Вот у меня в семь лет такой богатырь возрос!

Говорит ему:

— Еруслан Лазаревич! Што тако тебе надомно? В глаза тебя видеть, сердце взрадовать!

Тогда Еруслан Лазаревич осмелился в младых годах своему царю тако слово молвить:

— Царь Картаус, я прихожу к вам. Я не бывал на воле, спустите меня показывать, добрых людей посмотреть, самого себя показать.

Царь Картаус и сказал ему:

— Выходи на конюшой двор, выбирай добра коня, накладывай вуздицу тосьмяную, седельшко зеркальче.

Дал блаословенье. Пошел Еруслан Лазаревич из палаты белокаменной на конюшон двор. Ходил по конюшену двору, не мог избрать коня по плечу; на какого взглянет, тот дрожмя дрожит, какого заденет, тот на коленци падат.

Приходит к царю Картаусу с великой победой:

— Ах, царь Картаус! Што не мог я у тебя коня избрать по плечу: на какого взглелу, тот дрожмя дрожит, какого задену, на коленци падат,— а я ешьчо не дожил до возрасту!

Царь Картаус ответ держал:

— Што я соберу всех своих сильных богатырей, всех охрателей (значит, охранителей)!

Он собрал всех сильных богатырей и всех охрателей, думали думу и выдумали думу, то есь Ивашко — Сорочкинская Шапка: бережет-стережет тридцать лет Конька-Горбунка. Никто им владать не может. Удумали Еруслана Лазаревича отослать от осударсва к синёму морю, устроить ему избушку.

Тогда Еруслан Лазаревич устроил себе потешку-дробовку, ходил ко синю морю и стрелял серых утицей.

Идет он с етой забавой и видит, идет Ивашко-Сорокинская Шапка и гонит тридцать одну лошадь к Синю морю на пойво.

Как прогнал Ивашко этих коней, и выходит Еруслан Лазаревич кланяется Ивашку — Сорокинской Шапке.

— Ай, Ивашко-Сорокинская Шапка, выбрать бы у тебя такого коня, чтобы был мне по плечу.

Ивашко-Сорокинская Шапка поглядел:

— Сказал бы я тебе добра коня! Што ты ешьчо в младых годах.

— Ах, Ивашко-Сорокинская Шапка! И не знаешь ты моей моготы!

— Ну, завтра приходи, посмотрим, сможешь ле ты оприметить етого коня. Он зайдет в море в полбока, и пойдет вода взводнем.

Еруслан Лазаревич встал рано и средился с дробовкой к Синему морю. Стал на то место, где эти кони пьют. И пригоняет коней Ивашко-Сорокинская Шапка. Все стали пить с берегу, а Конек-Горбунок пошел в полбока, и пошли взводни. Напились эти добрые лошади, хвосты зазяли. Конек-Горбунок выбежал.

Успел Еруслан Лазаревич тяпнуть его правой рукой. Осел Конек-Горбунок по колени в землю. Успешен был Еруслан Лазаревич:

— Стой, овсян мешок, полно сам себе форсить, не нам-ле богатырям на тебе ездить?!

Конь проговорил человеческим есаком:

— Спусти меня за три зари самого себя прокатать на камыш-траву, ноздри свои пробрызгать.

Еруслан Лазаревич спустил коня.

Товда конь трои суточек прокатался на камыш-травы, ноздри свои пробрызгал и явился, стал перед Ерусланом Лазаревичем:

— Ну, поспел я, прокатался по три зори утренних на камыш-травы, ноздри пробрызгал! Куда ты желашь ехать?

Еруслан Лазаревич:

— Нет у меня вуздицы тосмяное, седелка зеркальчата,— никак тебя обседлать-обуздатъ. Ты пойдй погуляй, а я пойдду к царю Картаусу.

Собрал свое имушшесъво и пошел к царю Картаусу. Приходит с таким весельством. Оцень ему хорошо.

Царь Картаус:

— Што весел? Што хорош? Оцень полнокровной сделался. Што палосе в пустом месте?

— Ах, царь Картаус, выбирал я у тебя добра коня,

што лучше на свете нет, имал за белу гриву Конька-Горбунька. А я очень хорошо владею конем.

— Ковда ты сымал коня за белу гриву, то и владей им.

(Он восьми годов был. Год ето протянулось у его с конем-то).

— Дайте мне вуздицы тосмяное, седельшко зеркальцато, поеду я во цисто поле.

Царь Картаус приказал дворникам выдать вуздицу и седелко.

Получил ето все Еруслан Лазаревич и пошел в цисто поле, на пустынно место, где как был спушшен Конек-Горбунок. Конек стоит, выбил землю по колен.

— Долго ты загулял, Еруслан Лазаревич!

— Не загулялса, не я задержалса, а задержал меня царь Картаус!

Товда надевал он на коня вуздицу тосьмяное, седлал седельшко зеркальцато и поехал к царю Картаусу к полаты белокаменные просить у его латы богатырские, палицу буювую, востру саблю, копье долгомерное.

Говорит царь: — Выйдите, слуги.

Слуги вышли. Снарядился Еруслан Лазаревич, вышел на красное крыльцо, на коня садился, брал в праву руку шелковой повод, в леву руку шелкову плетку, ударил коня по тухлым ребрам — запышел Конек-Горбунок, не видали поездки богатырское, только видели в цистом поли куревá стоит. Выехали в чисто поле, говорит Конек-Горбунок:

— Ах ты, Еруслан Лазаревич! Куда ты едешь, куда путь держишь?

— Слыхал я, што есь в Индейском царьстве, стоит дуб. Сидит там Сóловей: добра птица там не летит, добры люди не проежживают.

Товда Конек-Горбунок говорит:

— Можешь-ле ты с Сóловьем совладать? сам себе голову положить или Сóловью срубить?

Еруслан Лазаревич ответат:

— Охота мне попытать Сóловья и охота мне свои силы попроведать.

Ехали они день до вечера, красна солнышка до заката, доехали до циста поля, до окраины.

Еруслан Лазаревич увидал етот дуб, у дуба стоит Сóловей, подперся копьем.

Тогда он поехал на дуб, отпрукнул своего коня:

— Стой, Конек-Горбунок! Надо его разбудить ото сна, как от смерти (он заснул стоя).

Еруслан Лазаревич взял шелкову плетку, одернул его по плеч:

— Полно стоя спать! Выспись лежа!

— Ах, ты какой. Никто меня не проежживал, птица не пролетывала, зверь не прорыскивал, а ты меня наехал, да ишьчо плеткой оддернул.

Соловей зашипел-то по-змеинному, заревел по-звериному.

Конек устоял на ногах, а Еруслан Лазаревич не побоялся его шипоты:

— Не боюсь я вашего реву, не страшусь вашей шипоты. Лучша седлай своего коня, выедем в чисто поле, лучша побратаемся.

Товда Соловей стал седлать своего коня, норовился срубить буйну голову у Еруслана Лазаревича, такого малого юноши.

Выехали на цисто поле, разъехались в три прыска лошадиных, и съежжались близко-наблизко друг с другом. Соловьё ударил палицей буювой. Тот несколько не подрогнул. Успешен был Еруслан Лазаревич, ударил его по буйной головы, голова пала, и побежал его конь в цисто поле.

(Вот тебе и Соловье-богатыры!)

Успел Соловье прокричать:

— Русьской богатырь однажды бьет, да метно живет!

Взял буйну голову, полóжил в подол и повез в Индийское царьсво. Индийское царьсво удивилосе: никто к ним не проежживал, птица не пролетывала, зверь не прорыскивал, а он сам себе палицей помахивает, сам себе винуется, сам себе радуется. И собралось войско смотреть такого удалого молодца, хто такой заехал в наше осударьсво? Посмотрим того молодця! Собрался народ, сперва не верили. Он выкинул им голову.

— Смотрите вашего караульщика!

(Сам заехал к им в царьсво высматривать богатыря, а всего девятой год).

Тогда народ усмотрели и повесили буйны головы.

— Хто есь сильнее меня? дак побратаёмся!

Товда все богатыри скрыццали в голос:

— Нет у нас тебе поединщика никого, как хочешь, так и поежжай, некак сделать тебе никакого погона.

Погулял он, поскакал вон. Тут запечалился:

— Нет, не выискался мне поединщик.

Выехал на цисто поле широко раздолье. Говорит Конек-Горбунок:

— Есь Данило Белой, што прибил орду проклятую до шелеху и прижог.

Ехал он и заехал: вся земля прибита и трупы лежат, только ходит один, ищет своего сына Михайла богатыря. Подъехал Еруслан Лазаревич:

— Што жа ты ходишь по трупу, цего жа делаешь?

Дед старой отвечает:

— Што тебе мое надомно? Я тебя клюкой клюкну, у тебя башка с плец слетит.

Еруслан Лазаревич ласково ответил:

— Ах, старой человек, не шути много, а говори, што надо.

Товда старой человек взгленул.

— Да вы сильны, богатыри русьские! Я ишшу голову сына.

— Ну, где жа найти, куда она девана? Я пойду вашего победителя найду, состигу на дороге.

Отпустился от деда и живо состиг Данила Белого, объехал его в три накона кругом. И тогда Данило Белой сходит со своего коня поздороваться.

— Данило Белой, мы с тобой поздоровались, дайко покрестоваемся.

Вот они сошли с коней, назвались крестовыма братьями. Еруслан Лазаревич стал звать ево в свое осударсьво:

— Сколько мы полюбуемся, поживи у меня.

Вот и заехали. И пожил он трои сутки, и товда у их разговор пошел.

— Ах, у вас в осударсьви молодичи коль не хороши, красны деушки не белы. Што за красота, што за баса? Вот в Индийском царсьви Елена Прекрасная, это баса, это краса! Вот посмотри.

Еруслан Лазаревич переночевал темну ночку, спрашивает и отправляется он в Подсолнешной Град. Это у Елены Прекрасной в осударсьви был. Близко, далеко-ле поехал Еруслан Лазаревич в Подсолнешной Град, переехал всех стражей, по царсьву гуляет, сам себе пометывает палицей, белой рукой подхватывает.

Елена Прекрасная пробудилась и удивилась. Товда послала верных слуг поклониться и спросить, што ему надомно, а воеваться мы не идем.

Верные слуги приходили и кланялись Еруслану Лазаревичу. Еруслан Лазаревич выслушал ихний поклон, ихни речи:

- Велела подъехать ко красну крыльцу.
- Вязать добра коня ко серебряну кольцу.
- Заходить в палаты белокаменные.
- И тогда сказать, што ему надомно.

Высказали слуги верные, услышал Еруслан Лазаревич их речи и поехал ко красну крыльцу, вязал Конька-Горбунька к серебряну кольцу. Товда Елена Прекрасная стрецяла, приходила близко, кланялась низко:

— Как тебя по имени зовут, как по отецесьву величают?

— Зовут меня Еруслан Лазаревич.

Товда Елена Прекрасная позвала в светлую светлицю и сели они за дубовы столы, стали переваров пить (по нашему чай), стали разговоры разговаривать.

— Ах ты, Еруслан Лазаревич, теперь я узнать хочу, чего тебе надомно?

— Ничего мне не надо, но многи люди знают тебя, говорят, што твоя красота, што твоя белота, так вот охвота тебя посмотреть.

— Не хошь ли ты у меня пожить, во слуги послужить?

— Нде-ле мне-ка место найти бы ужа...

Вот он ей посулился месяца на два, три или полгода, кольки могу прожить.

Прошли месяца два, и товда Елена Прекрасная говорит слуги:

— Ах ты, Еруслан Лазаревич! Обселимсе мы в моем осударсьве и будь ты мне муж, а я тебе обручня жена.

Согласился Еруслан Лазаревич на ее речи ласкотные:

— Хорошо, Елена Прекрасная, баишь. И ковда мы будем примать золоты венци закону божьему?

И вот они стали дума думать и здумали через трои сутки свадьбу сыграть и к венцу поспеть и живым пирком да и свадебкой. Вот они повенцялись и жизнь свою покончали (?) и жили они время полгода.

В одную ночь стал любоваться и похваливать:

— И сколь хороша! И колько тебя народ знал!

Елена Прекрасная говорит:

— Што жа моя красота, што жа моя белота? Есь в Граде Марфа Прекрасная! Вот красота! Вот белота! Нихто к ней не ежживал, нихто не выгледывал, нихто не

протекивал, и есь у ей мос через огненну реку и змей девятиглавый стережет ее.

Вот они ночку переспали. Еруслан Лазаревич и говорит:

— Пеки мне-ка подорожники.

— Куда ты поедишь?

— Есь красота, есь белота, што и краша тебя,— охвота посмотреть.

Плакала Елена горькими слезами.

— А я куда останусь? Ты засеял у меня в утробы отрока, и как уедешь, можит быть, не вернессе.

Не поверил Еруслан Лазаревич ее горьким слезам, таки стал срежаться.

И провожала в горючих слезах, и говорит он:

— Если ты после ефто время принесешь сына или дочь...

Снял свой знаменистой крест.

— Если родится сын, ты его оксти, а если родитея дочь, на тебе с моего мезинного перста золото кольцо.

Распростились. И отправился Еруслан Лазаревич. Жона осталась.

Ехал день до вечера, красна солнышка до заката и доехал до Калинова моста.

Услышал змей потоп лошадиной и поезку богатырску и заревел.

Ево Конек-Горбунок не испугался зменного писку и реву.

Поежжал близко-поблизку, направил свою востру саблю, понюгнул своего коня. И зашипел етот змей. Помахнул вострой саблей и смахнул главу, и другу и третью... и восьму.

— Есь, нет у тебя ешьчо головы, али товаришши, а мне поединшики?

Тогда змеева голова говорит:

— Оставь мне-ка одну голову.

— Нет, русьской богатырь метно бьет, одна голова не живет.

И ету голову в подол склал и поехал в свой путь к Марфы Прекрасной. Заезжал к Марфы Прекрасной в город и выезжал на зеленой луг супротив Марфы Прекрасной, против палат белокаменных. Начал он на зеленом лугу потешаться. Тогда Марфа выходила с нянюшками, с мамушками:

— Што жа приехал за бестия така, палицу пометывает, белой рукой подхватывает?

Пошла с мамушками с нянюшками на луг смотреть молодца и спросить, как ехал, прямой дорогой или кривой. Подходят нянюшки и мамушки и спрашивают.

— Ехал я прямой дорогой по Калинову мосту, где у вас была сторожа, змей девятиголовой, я снял головы вашего хранильщика и проехал. Марфа удивилась, покачала головой и сказала, што вот какой на Руси есть доброй молодец.

Тогда Марфа говорила молодцю:

— Как тебя по имени звать, по отцесву называть?

Еруслан Лазаревич отвечает:

— Зовут меня Еруслан, величают Лазаревич, из Картаусова царсва.

Тогда Марфа Прекрасная говорит:

— Еруслан Лазаревич, пожалуйста в мои палаты белокаменны не то што поись-попить, а побеседовать.

Весьма ее речи по уму подравилисе.

— Ну, таки милости просим, поедемте!

Взял Еруслан Лазаревич шелковой повод в руки и поехал с нянюшками и мамушками ко красну крыльцю. И тогда зашли в палаты белокаменны, за столы дубовыи, за питья-ясва сахарныи.

— Вы, Еруслан Лазаревич, приехали меня смотреть или осударсво?

— Да, Марфа Прекрасна! Многи люди знают твою красу, почитают, я приехал вас посмотреть.

Марфа Прекрасна говорила:

— Не хошь ле ко мне в слуги служить да меня хранишь?

— А где-ле мне голова кормить!

И согласился Еруслан Лазаревич год прожить или два прослужить, как понравитце. В том согласилисе; на тех условиях — год или два. Да Еруслану Лазаревичу што-то приметилось на ей посвататься. Да и приходит во светлу светлицу, и говорит Марфа Прекрасная:

— Што надо тебе, Еруслан Лазаревич?

— Да вот, Марфа Прекрасна, што-то стало скушно, год живу, поцему бы нам не жонитсье?

Немного време они подумали,— веселым пирком да свадебкой. Прожили два дня, пошли в церковь божию, приняли закон божий, золоты венцы. И повенчались, и жили они, пожили время немного. Жили они после етого время годов пять или шесть.

У Еруслана Лазаревича больше никуда душа не припадывает. Марфа Прекрасна говорит:

— Ладно, никуда у меня у мужа душа не припадывает!

И вдруг у его перва жена родила сына Михаила. Этот Михайло рос не по дням, а по часам и стал восьми лет как восемнадцати и стал у матери Елены Прекрасной выпрашивать:

— Кто меня в утробы засеял и кто у меня отец?

Елена Прекрасна сплакала горькими слезами и ответила:

— Ой, ты мой возлюбленной сын, есь у тебя отец, не думай, што незаконнорожденной, есь у тебя отец, уехал ровно восемь лет.

— А куда же он уехал?

— Смотреть Марфу Прекрасну.

Пошел Михайло к своему дедушко старшему блаословенья просить, штоб поехать в цисто поле.

Блаословил его дедушко ехать искать отца. Пошел к матери и сказыват:

— Пусти меня, мама, показаковать, в цисто поле погулять.

Возлюбленная мати отвечала:

— Ты ешьчо малешенько, ты ешьчо глупешенько, заедешь в екую рать, как будешь, с кем я останусь?

— Ну, маменька, дашь блаословенье — поеду и не дашь — поеду.

В те поры мать родима роздумала: дам ему блаословенье, пушьчай поедет, куда отец поехал, туда и он. И дала блаословенье, отправила его, рассказала ему путь-дорогу.

И поехал. Проехал по Калинову мосту, выехал на зеленый луг супротив палат белокаменных Марфы Прекрасной. Начал палицей пометывать...

Пробудилась Марфа Прекрасна и Еруслан Лазаревич.

— Кто такой у нас, кониной потоп на зеленом лугу, кто такой опять подъехал?

Еруслан Лазаревич умылся, утерся, надел латы бueвья, взял налицу бueвую, саблю вострую, копьe долгомерное, выходил на красно крыльцо, садился на коня и поехал в зеленой луг. В немного времени объехал он добра молодця вокруг три раза. Стал насупротив. И стал спрашивать имя и вотчину, откуда едет, куда едет, как отца, мать зовут, какого осударсьва. Малое вьюноша отвецяло:

— Стал бы я насопротив тебя, не стал бы я спрашивать, оголил бы я саблю вострую, снес бы тебе буйную голову. Не то выедем на цисто поле, съездим, станем мы товда большима (побрататься зовет).

Сговорились. Поехали на цисто поле и разъехались на три прыска лошадиных, съехались, тыкали копьеми, друг дружка из седла вышибить не могут. Взяли воткнули копыя во сыру землю, привезали добра коня ко копыю да взелись во охабку. Бились они немного време — трси сутки. Тогда жа Еруслан Лазаревич стал из сил выходить и видит: молодая, малая व्यюношь хочет меня победить. Тогда Еруслан Лазаревич змолился господу:

— О господи! От молодой व्यюноши хоцю я во цистом поле принеть себе смерть.

Подопнул малую व्यюношу правой ногой. Пала малая व्यюношь на мать сырую землю. Доспешен был Еруслан Лазаревич, свернулся ему на белы груди и стал спрашивать:

— Был бы я у тебя на белых грудях, не стал бы я тебя спрашивать, растегнул бы латы богатырския, порол бы груди белыя, смотрел бы ретиво серьце. *(В исподу лежит, а серьце заплывчиво)*.

До трех раз спросил Еруслан Лазаревич. И товда хочет скрывать груди белыя и смотреть ретивое серьце.

— Ах ты, молодая व्यюноша, да как тебя зовут?

— Да што ты меня спрашивашь?

(Што он ничего не разговаривает, заплыло серьце; он-то и знает што отец, да неохота сказать).

Растегнул Еруслан Лазаревич белу коленкорову рубашку, увидал свой крест, тогда у Еруслана Лазаревича побежали из очей горьки слезы.

— Ах ты, молодая व्यюноша, возлюблено, видно, дитя мое!

Отвещала малая व्यюноша:

— Я бы знал, што ты отец, я бы так не поступил.

Тогда Еруслан Лазаревич сходил со белых грудей, поцеловал в сахарны уста:

— Как тебя зовут?

— Михаил Ерусланович.

И тогда возрадовался возлюбленному своему сыну первой жене. Отвезали они коней от долгомерных копей.

— Куда поедем?

— А, возлюбленной мой батюшко, где ты меня насеял, туда и поедем.

И согласился Еруслан Лазаревич бросить Марфу Прекрасну и поехать с сыном к первой жены. И сядили на добрых коней и поехали в Подсолнешной град к Елены Прекрасной, к матери. Ехали путем дорогою и доехали. Стречает Елена Прекрасная на красном крыльце.

Жили пожили два месяца, и услышал Еруслан Лазаревич, што побит царь Картаус и сидит в темницы, а также отец и его мать.

— Отправляйся в цисто поле, не наедешь-ле кого и спроси, хто Картаусово царсьво попленил?

Поехал Еруслан Лазаревич в цисто поле и наехал Данила Белого. Они поздоровались, покрестовались, а Данило Белой рассказал, што попленила Картаусово царсьво Орда проклятая. Приежжает Еруслан Лазаревич в Картаусово царсьво. Царсьво все поплнено. Царь Картаус с двенадцатью богатырями посажен в темницу. Приежжает в темници и не знает, как отпереть: нёкак делать. Подпал правым плечом, признал темницу, вошел и поздоровался.

— Хто ты есь такой?

— Я Еруслан Лазаревич!

— Если бы жив был Еруслан, мы бы здесь не сидели. Если ты живой, то достань нам три пузыря живой и мертвой воды и глазной из Подсолнешного Града.

Еруслан круто своего коня повернул к Елены Прекрасной, не говорит с ей, берет три пузыря воды, отъезжает от ей, приежжает в Картаусово царсьво, замков не ломает, подпирает-поднимает темницу:

— Здравствуйте все! Я — Еруслан Лазаревич!

— Если ты Еруслан, можешь-ле ты зренье дать?

Сейчас одново богатыря помазал, один по одново и все сделались светлы.

Их рассадили всех в палаты белокаменны.

— А я поеду в Орду проклятую, окручу я ей!

Поехал он к Орды проклятое,— силы выстроены, цислу-смету нет.

— Што мне? как? с краю брать?

Были у них тут подкопы. Увалился он, повода шелковы оборвались, конь ускочил, а он упал. На то была проклятая Орда доспешна, опутали ево в шолковы опутинки, повезли ево в темницу.

Данило Белой узнал, што Еруслан Лазаревич в несясьи упал в глубоку яму Орды проклятой, передал весь любезному сыну Михаилу, што твой отец упал

в яму глубокую, сидит в темнице. Доспешно Михаил Ерусланович седлал добра коня, надевал латы буевые, брал палицу буювую, саблю востру, копье долгомерное, простился с дедушкой и матерью и отправился в цисто поле, где Орда проклятая. Поехал он им по боку, не дал им вестей никаких. Приезжает он в Картаусово царсьво.

— Был-ле у вас Еруслан Лазаревич в гостях?

Царь Картаус отвечает малому вьюноше, што был у нас Еруслан Лазаревич, поехал побить Орду проклятую, штоб она не наступала на осударсьво, и теперь воротяты нет.

Не замешкал Михаил Ерусланович поехать спроведывать Орду проклятую и возлюбленного своего батюшка. И приехал к Орды проклятой. Она выставлена. Не посмел поехать в толщу-матицу, а поехал стороной и приезжает в темницу. Не было стражи у темници никакой, ни приворотников, ни придверников.

Сошел Михаил с добра коня.

— Как буду замки ломать? Буду как батюшко поступать!

Прижал правым плечем, подпоры поставил. Зашел в темницу, поздоровался.

— Здравсуй, батюшко Еруслан Лазаревич!

— А хто ты такой, как ты меня можешь знать по имени.

— Как я тебя не буду звать, величать, когда я тебе возлюбленной сын.

— Есь у тебя булатной нож?

Выхватил Михаил Ерусланович булатной нож, обрехал все шолковы опутники, взелись они за руки и повелись из темници, сели на добрых коней и поехали в цисто поле на широко раздолье. И стали они дума думать.

Еруслан Лазаревич говорит:

— Я поеду в Картаусово царсьво на отдох, а ты куда хоше.

Михаил отвечал возлюбленному отцю:

— Поеду жа к Орды проклятой, побрѣтаюсь.

Еруслан Лазаревич сыну Михаилу наказывал:

— Не ездн в толщу-матицю. Оборвутся у тебя шолковы опутинки, упадешь так жа, как я.

Михаил слушал отця, не ехал он в толщу-матицю, брал Орду проклятую с конца и с краю. А потом поворотил своего добра коня в толщу-матицю:

— Мне-ка мало стало косить!

И поехал толщей-матицей, скопил в ихни мины, оборвались его опутинки...

Они тут срубили ему буйну голову.

Сказка всем очень понравилась. Некоторые припомнили, что когда-то от кого-то слышали, да не запомнили. Московка радовалась и очень благодарила деда: сказка, мол, редкая, а он так хорошо ее рассказал.

— Отчетисто! — заявил Скоморох.

Дедушко молча взялся за плетение, но все же самодовольно ухмыльнулся, а в глазах мелькнуло: «вы, нынешние, нутка!»

А у Махоньки давно уже светились глазки. Она отдохнула, и ее съедало нетерпение. Московка знала, что она уже мучается: если бы все сейчас чудесно исчезли, она бы стала рассказывать и петь стенам. Даже не осведомляясь, желают ли ее слушать, Махонька сразу начала.

22. ПРИНЯТОЙ

Бывало живало в одной деревни вдова, у вдовы был сын. Они жили, сын экой стал порядочной, годов петнадцати. Он говорит:

— Што же, мамаша, мы живем одни. Я пойду наживать тебе мужа и себе отца.

И пошел. Идет мимо город и стретил человека. Человек говорит:

— Куда, молодець, пошел?

— Пошел я себе отца наживать, матери мужа.

— Возьми меня.

— Ну, пойдём.

Пошли мимо рынок, купил ийце. Пришли домой.

— Ставь, matka, ись.

Она поставила, вот и стали ись.

Он вынес ийце и говорит:

— Коли ты мне отец, матери муж... режь ийце.

Он разрезал пополам: одну половину себе, другу — матери отдал.

— Ну, ты мне не отец, а матери не муж и уходи от нас.

Сам пошел. Опеть человека стретил.

— Куда, молодец, пошел?

— Пошел я себе отца наживать, матери мужа.

— Возьми меня.

— Ну, пойдём.

Пошли мимо рынок, молодец опять купил ийце. Пришли домой и этому человеку ийце подал с таким словом:

— Коли ты мне отец, матери муж,— режь ийце.

Он разрезал на трое: одну часть себе, другу матери, третью сыну подал.

— Ну, ты мне не отец, матери — не муж, уходи от нас.

И пошел сам. Стретил человека опять.

— Куда, молодец, идешь?

— Иду себе отца наживать, матери — мужа.

— Возьми меня.

— Давай, пойдём.

Шли мимо рынок, молодец опять ийце купил.

Домой пришли и этому человеку ийце подал с таким же словом.

Он взял разрезал четверо: одну половину взял себе, другу матери подал, третью — молодцу, а четверту в экономию на божницу положил.

— Ну, оставайтесь, будь мне отец, матери муж.

Стали жить хорошо. Иметь стали торговлю, заторговали. Сын отправился в город. В этом городе царь клик кличет, барабан бьет трелогу: «Хто може с моей царевной ночь переспать, тому полжитья, полбыття. После моего быванья царем на царьво».

Молодец и сказал:

— Я просплю.

Его захватила полиция. Он сказал:

— Я еше у отца спрошусь.

Вот приходит к отцю.

— Я, отец, взялса с царевной ночь переспать.

— Ну, как ты будешь спать с ней? Она ведь мертва. Отравлёная. Она живет в церкви, в гробу. Кажну ночь ис по целовеку. Поди ты купи салтырь, купи свещу, да купи скрипку и зайди в церковь. Салтырь процитай, скрипку проиграй, да за праву руку, за икону божьей матери стань.

Как отец сказал, он так и сделал. Свещу затеплил, салтырь прочитал, скрипку проиграл, по праву руку иконы божьей матери стал. Как полночь стало, она и вышла.

Забегала по церкви:

Спасибо тебе, батюшко,
Спасибо тебе, матушка!
То-то послали молодого,
То-то послали веселого,
Чельны сутоцки не едала,
Все бы я косточки оглотала.
Ах, не могу найти!

Первый час ударил, певун спел. Она пала в гроб. Потом приходят, стучатся. Он отвечает, аминь отдавает. Царю доложили, што жив.

— Выпускайте,— говорит,— ноцевал ночь, ночуй другую.

Он говорит:

— Я у отца спрошусь.

Отец говорит:

— Опять такжа делай, да повались ей по праву руку ко гробу: она встанет, доски-те размахнет, тебя доска закроет.

Он пошел, свещу затеплил, салтырь прочитал, скрипку проиграл и повалился по праву руку, ей ко гробу. Вдруг полночь настала.

Она размахнулась и его закрыла.

Спасибо, батюшко,
Спасибо, матушка,
То-то послали молодого,
То-то веселого!
Двое сутоцки не едала,
Все бы косточки оглотала...

Все бегат; и посмотрела за икону:

— Вот где он, душецька, стоял! Дух есь, а я глупа! Певун запел. Она пошла в гроб.

Опеть пришли, опеть стучатся. Он аминь отдават. Царю доносят, он говорит:

— А две ночи переспал, пусть третью спит.

— Я пойду у отца спрошусь.

Отец и говорит:

— Скуй три прута оловянных, три прута медных, три прута залезных, залезь на столб, она выйдет забегат, ты ей стегай; все пруты обломашь, она станет веретешком, ты веретешко переломи, носок брось к иконам, а пятку к порогу.

Он так все и сделал. Сковал три прута оловянных, три прута медных да три прута залезных. Пошел

в церковь, салтырь прочитал, скрипку проиграл, и залез на столб. Полночь стала, она из гроба выстала и забегала.

Спасибо, батюшко,
Спасибо, матушка,
То-то послали молодого,
То-то послали веселого!
Трои суточки не едала,
Все бы косточки сглотала.

Прибежала ко гробу.

— Вот где он, душецька, был, рядом со мной, пахнет тут, как я не замечала.

Бегат, бегат, он на столбе сидит. Она подняла глаза и увидала его:

— И слезай, душецька, мы с тобой посидим, поразговаривам.

Конáлась, конáлась ему, не могла доконацца ничево. Он молчит.

Стала грызть столб:

— Никуда деваешься, я тебя съям.

Половину перегрызла, на другую сторону перескочила. Он со столба скочил, хватил за косу и стал секчи. Три прута оловянных обсек, три прута медных да три прута залезных. Стало веретенышко. Он это веретенышко меж колен переломил. Носок бросил под порог, пятку к иконам.

Под порогом стала красна девица, а у икон серебра куця. Потом приходят, стучат. Отвечают двое, аминь одавают. Побежали, царю донесли, он сказал: — «Выпускайте». Приходили к царю — веселым пирком да и за свадьбу. Свадьба отошла, молодець пришел к отцю. Отець говорит:

— Ну, давай имушшесьво делить.

Делили, делили. Уж и имушшесьва много! Вот и rozdелили. Отець говорит:

— Станем жену делить.

Ему жены было жалко.

— Мы вместях наживали и rozdелим.

— Как будем делить?

— На одну ногу наступим, за другую рóзорвем.

Розорвали,— в середки у ей змей. Принетой говорит:

— Вот она три года прожила бы и тебя бы съила.

Местях сложил и дунул. Стала чела и здорова.

— Теперь принимай. Живи сцисливо. Оставайся.

Едва пинежская бабушка кончила, как Московка горестно воскликнула:

— Ты бы, бабушка, эту сказку ночью да без огня нам бы рассказала.

— Хошь у нас ночь и без огня светла, а убаила бы,— ввернул Скоморох.

— Да не убаила б, а ишша страшней было бы...

— Брось! И так брюхо перетянуло со страху. Ой, уж не в любви у меня таки сказки! Послушала тебя, Махонька, да и полно, нать ершов чистить!

И хозяйка, приходившая послушать Махоньку, убежала, а Московка обратилась к Помору:

— А на Новой Земли есть лешаки? Там ведь лесу-то нет.

— Не видал. Медведя видал, заходил к нам в каютинку. Он ведь страсть любопытной. Я скричал — он убежал. А «его» не видал. Там «он» на горы, либо в избы живёт. Ведь рассказывали в Больших Кармакулах, што девицу одну спасли, но я однако не верю в эти глупости. Только што севодня решено сказки с нечистой силой, дак вот рассказывают на Новой Земле, и я вам расскажу...

И Помор рассказал.

23. СПАСЕННАЯ ДЕВИЦА

Одна лодья промышляла на Новой Земли. И промышленники на зиму остались. Ну, занимаются. Филипповский пост настал, ночи долги. У них был мастер на гармоники играть. Вот он раз заиграл, вдруг пара пляшет. Слышно, а не видно.

Один из них был человек пожилой, он посоветовал не тот марш заиграть. Не тот марш — и пляска другая. Старик сказал:

— Ну, Андрей, довольно, севодня больше не играй!

На другой день этот старик приготовил горшок с углем и бросил ладан, горшок прикрыл. Как Андрей заиграл, опять пара затопала, а старик и разбил горшок. Пошел чад, увидали в этом чаду упала женщина, и голос кричит:

— Сгорела ты, пропала!

И выскочил «он». Сколько ни кричал, она без движенья. Старик велел все окна закрестить. Голос кричит: «Сожгу!» А сделать ничево не может. На женчину крест надели, она очнулась:

— Не оставляйте ни на одну минуту меня! Если мне захочется изобразиться или помочиться, не спускайте одну. Хоть совсем, буду ходить с мушшиной.

Она рассказала, што в худой час родители ее прокляли и «он» унес ей. В этих горах в ево помещеньи она и жила с ним.

Так девица жила с промышленниками до весны, просто пассажиром сидела.

Вот они заходили, и как раз шли наволоком мимо этой горы, где она жила с лешим. Она и говорит:

— Паруса уберите лишны, он пустит ветер, вас может опружить.

Действительно, подул ветер, если б паруса не убрали, могло бы ренгоут сломать. И видят, как «он» по горам бегат, в руках ребенка держит. Вот прибежал на остальну гору, разорвал ребенка пополам и кинул в лодью.

«На же тебе половину!» Но промахнулся, одна только капля крови попала, и судно стало бочить. Она кричит:

— Ножом стесните скорее, а то опружит!

Как топором стеснили, так судно выправилося. Приехали в Архангельско.

Теперь все выжидательно посмотрели на Печорца, и он медлительно начал.

24. БОГАТЫЙ КУПЕЦ И СКОЛОТНЫЙ СЫН

У купца богатого родилась дочи. И было ему в ту-жа ночь сновение, што в ту-жа ночь родитсе у девки сколотной сын и женитсе на его дочки. И, действительно, в ту-жа ночь девка одна принесла сколотного.

«Ах, нечесно. Как ето сколотной женитсе на моей дочки? Етого уж нельзя допустить». Он все за етой девкой, да за ее ребенком присматривал. Слышал, што он уж в грамоту отдан и хорошо ето дело понимает.

Вот он жоны за чаем говорит:

— Я думаю етого-то мальчика в прикашчыки взять.

— Што ты? Он мал ешьчо, совсем глупой!

— Нет, он грамотной.

И поехал он за етим мальчыком. Встретил его около ворот, разговариват с им:

— Не идешь-ле ко мне в прикашьчыки?

— Я ведь мало наук произошел.

— Довольно.

— Я не знай, как мама.

Они пошли в избу. Он матери говорит:

— Отпусти его ко мне в прикашьчыки.

— Што ты? Он ведь ешьчо глупёшенек!

— Нет, он шьчытатъ может и хорошо грамотен.

Я триста рублей положу жалованья.

— Я уж не знай, как он хочет.

— Как ты, мама, хочешь, а только пора учиться, как хлеба наживать.

— Ну, што ж, иди!

Вот етот купец деньги на стол выложил, а мальчика взял с собой.

Стал етот мальчик в лавки помогать, и народу навалилось в етой лавки: никовда такой торговли не было и покупатели все довольны и все етого мальчика дарят.

Он думает: «Нечесно ето будет! Он женитсе на моей дочери. Натъ удумать што-нибудь».

И удумал етого мальчика извести. Скликал своих дворников, дал им двести рублей.

— Возьмите его, поежжайте с им по загород и бросьте в речку, под мост. Там речка.

Они взяли мальчика, поехали, на мосту остановились:

— Што вы со мной делать хотите?

— Да вот хозеин велел тебя в речку бросить, утопить.

— А много-ле вы корысти возьмете?

— Да вот он нам двести рублей дал.

— Возьмите всю мою казну, а меня отпустите.

— Куда-жа ты денешьсе?

— Я иду в странные города до возрасту.

Они подумали, што из чужого дела душа губить, и отпустили его. К купцу воротились, он спрашивает:

— Ну, што спустили?

— Бухнул!

Ну, прошло колько-то времени, приехал из странных городов етот детинка, порядоцьной стал, сам из себя хороший, пригожий — красавец!

Етот купец посмотрел его, домой пришел, повалилсе с женой и бает:

— Ах какой молодець! Какой нарядной! Его бы в прикашьчыки взять!

— Што ж, возьми.

Он стал его приглашать.

— Што ж, я за тем и приехал, места ишьчу.

— Вот, все тебе книги, колокола, все тебе лавосьни дела!

Ах, прикашчык хорош: товар берет, просто на него гледеть приятно, все... И стал с женой советоваться: нам-бы такого зятя: што вострой, што чего, што смирной, торгует, дак...

— Што-жа,— говорит жона,— пусть идет в дворовики к нам.

В утрях стали чай пить. Купец его зовет с ними чай пить, а тот што-то в лавке поправлял, отвечает:

— А вот поправлюсь, приду.

Ну, поправил там што надо, пришел; купец стал ему говорить:

— У меня етакое житьё, купечесьво...

(Махонька перебила:

— А мать свою узнал?

— Уж погоди, где тут мать... до утра хватит...)

Так себе побаили, по рукам ударили, и повеласе у их свадебка.

— Ах, какой зять хороший!

Неделя там прошла, купец и говорит:

— Ты, можот, желашь к своим съездить, дак поезжайте, я спускаю.

— Только уж и вы, папенька, с нами.

— Ладно.

Средились. Купец велел запречь коней самолучших. Едут.

И приворачивает зять к избушки, где его мать.

— Што ты ето, куда?

— Да надо тут кое-што взять.

Она у ворот встречает:

— Куда вы отправились поездом?

Зашли все в избу, тут он ей в ноги пал.

— Здрастуй, маменька!

Тот и оплыл: вот тебе! сбылось-таки!

Вот сон не врет!

Отгостили у етой сватьюшки, отправились.

Стал купец думать, как бы зятя извести:

Пошлю его по всей солнечной округе узнать, есть ли хто меня богатей. Дам ему большую казну, его уж непременно убьют.

И послал. Отправился тот на три года, ходил, ходил, шьчытал, шьчытал, написал етого архиву больше вашего, вернулся обратно.

— Много-ле купцей богатей меня?

— А вот на, сам считай, смотри.

Шьчытал, шьчытал, разбирал целу неделю и бросил: нет купцей богатей меня.. Ах ты ну!

Пошлю-ка я его к господу богу спросить, есь ли хто на земле богатей меня. Пушьчай ходит, докуле не найдет господу бога. Дак уж не вернется. Пропадет-ле где.

— Вот ешьчо потрудишь, зять: сходи-ка ты ко господу богу и спреси его, есь ле хто на земли богатей меня.

Зять склалсе в котомоцьку, попростился со всема и отправился. Шел, шел, года два прошетался. Стретился ему старичек:

— Куды идешь?

— Господа бога искать.

— Нде-жа сыскать тебе? А бывает господь бог дас. Однакожа я тебя направлю. Иди к синему морю, тебя извошки перевезут.

Вот пошёл он, шел близко-ле, далеко-ле, низко-ле, высоко-ле, дошел до синя моря.

Там никого нет, только лодка бегат. Никого в ей нет, нет весел, ничего, а лодочка бегат, только шустат.

Он и скрыцал:

— Лодочка-Самоходочка, перевези меня!

Лодочка сейчас подбежала.

— А ты, господи, дай мне поветерь и погоду.

И дал ему господь поветерь и тиху погоду. Перевезла его лодочка, отвернулась, побежала обратно.

Шел он подле синего моря и повстречалась ему избушка небольшая. В етой избушки мужик да женшьчына мечут кален камень из грудей в груди.

— Куда пошел?

— Господа бога искать.

— Ах, доброй человек, спреси про нас, докуда мы будем мучаться?

— Ладно. Бог судит, дак увижу, спрешу.

(А ето кум да кума блуд сотворили, за тот грех).

Шел дальше, опять изба, в той избы из ушата в ушат воду переливают мужик да женшьчына.

— Куда идешь?

— К господу богу.

— Спреси про нас, долго-ле нам мучитьсье?

(Они молоком торговали, да воду лили, за што их господь трудит).

Переночевал, пошел дальше,— лежит громадна шьчука на берегу, как дом лютой. Он ужаснулся.

Она ему молитсе:

— Свороти меня в море.

— Да где-жа? ты, как два дома лютых, я боюсь и подойти к тебе.

Пошел дальше. Шел близко-ле, далеко-ле, низко-ле, высоко-ле, день до вечера, красна солнышка до заката. Стрелилсе старичек (а это был сам господь).

— Куда пошел?

— Господа бога искать.

— Нде ж тебе его найти?

— Нде господь судит.

— А што видел?

— Видел, лежит шьчука огромдна, как дом лютой. Как она мне коконалась в воду ее свалить. Я утрашилсе к ей подойти.

— Господь к ей не может подойти, не то ты. Это шьчука проклята, обожрана: она трое кораблей проглатила. А ешьчо што видел?

— Видел, мужик и женшьчына кален камень из груди мечут.

— Ето грех непростимой: кум с кумой блуд совершили. А ешьчо што видел?

— Видел, мужик и женшьчына воду из ушата в ушат переливали.

— Ето грех непростимой: они спорину с молока снимали. Ну не найти тебе бога больша, вороти назадъ. На же моей троски. Иди к етой шьчуки и вели ей рогануть три корая: ето проклята шьчука, обожрана. Она вырогнет тебе первой корая с чистым серебром, второй — с чистым золотом, третий с земчугом.

И вдруг стар старичек потерялся, а, быват, ето господь был...

Пошел он назадъ к шьчуке етой и сказал ей, за што страдает. Она просит:

— О, человеце, спехни мене в море.

— Быват, и спехну.

Шьчука направила свою голову, он толкнул ей, и роганула корая с чистым серебром. Второй раз толкнул — с чистым золотом, а в третий — с земчугом.

Шьчука вернулась в море, только зводень пошел.

Цепи были готовы, он нарочил ети корабли и отпра-

вилсе в повецерь тихую, приятную. Зашел в свою губу и в своё уречишьче. Приходит домой среди вечера темного.

— Здравствуй, госпожа жена!

Женахватила его в охабку, поцеловала, отца, матку разбудила, своих было два детеныша, они проснулись.

Ну, стали там себе беседничать.

Купец спрашивает:

— Был у господа, што видел? Куго видел богатей меня?

— А не знай, никого не нашел, а бывает-жа... Пожалуй, я богатей тебя.

— Нде взял?

— Господь дал, сходи на пристань погледи.

Он шубу надернул, пошел, да в потеми ничего не увидишь.

Поутру побежал посмотреть свою посуду, смотрит, господь знает, сколько тут.

— Нде взял только?

— А не знаю, бог-ле дал, али хто.

Етот зеть начал выгружать товары, а етот тесть поскорый того снаредился в котомоцьку.

По сказанному, как по чесаному: пришел к синему морю, там лодочка. Он сел в нее. Лодка с им побежала, да и повернулась.

Тут и жись кончилась.

А зеть стал жить, меня вином поить, а пиво по усам текло, в рот не попало.

Во время этой сказки Скоморох выбегал, суетился, хозяйка к концу сказки пришла собирать стол, а Скоморох, зная, что наступает его черед, громко заявил:

— Сейчас, граждане, будем воскушать уху из ершов, дак дозвольте рассказать досельну сказку про плута Ерша. Веселей и в охотку поедим!

И Скоморох начал.

25. ЕРШ

Живало бывало летно время жарко. Было озерко, в озерке было жарко. Озеро высохло. Был ерш. Садилося ершишко на липово дровишко, поехало ершишко ко озеру ко Ростовському. Просилось, колотилось единую ночь ноцевать.

Собирались рыбы больши и мелки, думу думали, совет советовали, пустить-ле ерша едину ночь ноцевать?

— Воров-разбойников пускам, а ерша, доброго человека, зацем не пустить?

Ерш ночь ноцевал, другу ноцевал, третью ноцевал, от трех ночей — три недели, от трех недель — три месяца, от трех месяцев — тридцать лет. Сказка скоро сказывается, не скоро дело деится. Расплодилось ершов полно озеро. Некуда большим рыбам. Собрались рыбы больши и мелки совет советовать, дума думать, как ерша выживать.

Приходил рак — приставный дьяк, писал пристав, посылал с ельцом-стрельцом. Елец идет и ерша ведет.

Ерш-рыба приходила близко, кланялась низко, говорила смело: есь дело.

— Судьи приведны, богом повелены, царем поставлены, для цего нас требуете?

— Ерш-рыба, скажи правды, есь-ле у тебя пути и памяти, московски грамоты, деревенски крепости?

— Ах, братцы, у меня у батюшки было клетишко, в клетишки было коробишко, в коробишки были пути и памяти, московски грамоты, деревенски крепости, в Петрово говенье, на первой недели был пожар, все сгорело.

— Есь-ле у вас посредьсво?

— У меня, во-первых, окунь-рыба, во-вторых, сорога-рыба, во-третьих, налим!

Призвали рака, приставного дьяка, писал пристав, посылал с ельцом-стрельцом. Елец идет и окуня ведет.

Окунь-рыба приходила близко, кланелась низко, говорила смело, есь дело.

— Судьи праведны, богом повелены, царем поставлены, для цего нас требуете?

— Окунь-рыба, скажи правду по крёсному целованью, по евангельской непорочной заповеди. В Петрово говенье был-ле пожар?

— Был, был, братцы. На пожаре я был, пёрье опалил.

Во-вторых, надо спросить сорогу-рыбу. Позвали рака, приставного дьяка, писал пристав, посылал ельца-стрельца. Елец идет, сорогу ведет. Сорога-рыба подходила близко, кланелась низко, говорила смело, есь дело.

— Судьи праведны, богом повелены, царем посажены, для цего нас требуете?

— Сорога-рыба! Говори по правды, по кресному це-

лованью, по евангельской заповеди. В Петрово говенье был-ле пожар?

— Был, был! Я на пожаре была, глаза спалила.

Во-третьих, надо позвать налима. Опеть призывають рака, приставного дьяка, писал пристав, посылал ельца-стрельца. Елец идет, налима ведет.

Налим-рыба приходит близко, кланеетця низко.

— Налим-рыба, говори смело, есь дело. Говори правды по крѣсному целованию, по евангельской непорочной заповеди.

Он:

— Губы толсты, язык короток, говорить не умею.

Собирались рыбы больши и мелки дума думать, совет советовать, как ерша выживать. Щука говорит:

— Я ерша съим.

День ходит, два ходит, а ерш говорит:

— Щука, ты востра, съишь меня с хвоста, дак не столь мне смерть будет страшна.

— Как я ись тебя буду?

— Отворь рот, так я сам тебе шварнусь хвостом.

Щука отворила пасть, ерш ошшетинился, извернулся, так расколел в роте, и кровь пошла.

Што делать? Осетёр говорил:

— Я не стану ись с хвоста, я буду с головы.

А ерш ему:

— Осетёр, ты востер! Пойдем-ко, этта мужики нёвоят, пойдем в нёвод, дак только закачаимся!

Осетёр пошел, садит в невод, а ерш под тетиву.

— Осетёр, ты востёр! Куда тебя черт несет!

— Околей, ерш! Меня древокольной палкой бьют!

А ерш под тетиву убежал.

В то време пришел бес, забил ез.

Пришел Перша, огрузил вёршу.

Пришел Богодан,— и ерша бог дал.

Пришел Лазарь, за ершом слазал.

Пришел старец, вынул икры ставец,

Пришел Андрюша, ерша разрушил,

Пришел Юда, расклал на четыре блюда,

Пришел Антипа, всего стипал,

Пришла сестра Ненила, только голосом повыла,

Мати Аликсава

Реву не застала.

Трапеза с превосходной ухой, чудесным деревенским пивом, с угощеньем от Московки, затянулась, а, когда

компания выразила желанье отдохнуть, хозяева внесли в горницу огромные снопы соломы, и каждый разлегся на снопе как на перине.

Выспавшись, все захотели сказок и обратились к Кулоянину. Он начал, полуотнекиваясь.

26. ВЕХОРЬ ВЕХОРЕВИЧ

Да где-ка мне тут вам моих сказок переслушать? Да где-ка тут их пересказать? У меня длинные. Ну, про царя Далмата. Дак ведь тут до полночи хватит вам слушать. Как у его два сына было, Федор да Василий, а третей Иван-болван. Да как ихняя мать тридцать лет свету белого не видала из-за красоты, из-за того, што ее товда сейчас Вехорь Вехоревич уташшит за красоту, за басоту.

Вот эти три сына приступили к отцу своему царю Далмату.

— Дозвольте, возлюбленной батюшко, погулять нам с возлюбленной маменькой по саду, што как она тридцать лет свету белого не видала.

— Ах, возлюбленные дети мои! Ведь ее Вехорь Вехоревич уташьчит.

— Нет. Мы ее укараулим!

Вот он дал благословенье погулять им по саду, а сам сел у окошка косяшета, смотрит и видит, прошлись они по саду раз и второй раз, а в третий раз пошли и не видят больша матери.

— Што, куда она девалась? Или до ветру может где осталась?

Заахнукали. Эти старшие говоря:

— Мы уедем искать маменьку во цисто поле, не брошена-ле где в ракивовом кусту; уедем не сказываясь. Иван говорит:

— Нет, уж надо повиниться.

Те братья прошли прямо на поратной двор, взяли себе коней серых на яблоках и уехали.

Иван-Царевич пошел к отцу, повинился, как их мать утерялась.

— А где же два дурака?

— Уехали во цисто поле, смотря, не брошена-ле где маменька в ракивовом кусту.

Ну, живут они без матери, без братьев, и стоснулся Иван-Царевич: охота ему во цисто поле показавать,

себя показать и людей посмотреть, поискать матери или братьев своих наехать.

Стал просить батюшка отпустить его. Тот не спускал поначалу, а потом согласился. Пошел Иван-Царевич на конюшен двор выбирать себе коня и не мог найти поединщика: которого коня тяпнет, тот по коленца в землю войдет.

Идет назать кручинной, а на стрету ему бабушка-задворенка:

— Што, Иванушко, кручинен, што, Иванушко, не весел, сниз головушку повесил, оци ясные в мать-сыру землю потопил?

А он ей:

— Поди сюда. Дам тебе плюху,— будет жопы сухо!

— Ах, Иван-Царевич! Молоды-то кони в седла бьют, а стары люди вычинивают.

И разошлись они.

И вот все Иван-Царевич не может себе коня прибрать, идет кручинной, а на стрету ему бабушка-задворенка.

— Што, Иванушко, не весел, сниз головушку повесил, оци ясные в мать-сыру землю утопил?

Он ей опеть:

— Поди сюда! Дам тебе плюху, будет жопы сухо.

Она опеть ему:

— Молоды кони в седла бьют, стары люди вычинивают.

Все время минует, и нету Ивану-Царевичу коня, опеть стрецает бабушку-задворенку:

— Што, Иванушко, кручинен, што не весел, сниз головушку повесил, потопил свои оци ясные в мать-сыру землю?

Он ей опять тем же побытом:

— Дам тебе плюху,— будет жопы сухо.

И она ему:

— Молоды кони в седла бьют, стары люди вычинивают.

И подумал: што она мне како загадки загадыват? И говорит ей:

— Што ты мне все како сказывашь, я не пойму: молодые кони в седла бьют, стары люди вычинивают.

— А то я тебе сказываю, што есь у твоего батюшка в погреби конь, што нехто им владеть не может, тридцать лет на цепях стоит. Попроси у батюшка блаословленья. Как дас тебе блаословленья етого коня взять, дас

поежжай, а не даст, дак дома сиди. Да найдешь-ле ешьчо такого мастера, штоб сделать цепь в 300 сажений, весом в 30 пудов и на конце хлап, штоб можно было закинуть на Вехоревы горы.

Иван-Царевич пошел к царю Далмату:

— Возлюбленной батюшко, есь у вас в погреби конь, што нехто им владеть не может: не по мне-ле этот конь будет? Дай-ко-се мне блаословленьице ехать на етом коне во цисто поле.

Отец дал ему блаословленье, и пошел Иван-Царевич к погребу.

Спустил коня со семи цепей, Иван-Царевич тянул его правой рукой, конь на коленци пал:

— Полно тебе, овсян мешок, самому форсить, не пора-ле тебе нас богатырей носить?

Конь и проवेशшался ему целовецьим ясаком:

— Спусти меня на три зори самого себя прокатать, ноздри пробрызгать. Только сам не опаздывай, приходи в срок, а то не увидишь меня боле.

Иван-Царевич спустил коня, на радостях стал гулять, пировал, едва не опоздал: на третей день только про коня вспомнил.

Вуздал он добра-коня во уздилиця тосьмяное, накладывал седельшко зеркальцато, правой ногой во ремень ступал, левую ногу через хребетну кось кинал. Брал в праву руку шолков повод, в леву руку шолкову плетку, брал цепь 30 пудов. Не видели поездошки Ивановой, только видели в поле куревá стоит.

Вот ездил Иван-Царевич, козаковал и наехал на две ископыти.

Поехал он по етому следу и наехал на своих двух братьев.

Раздернут у их бел-полотнен шатер у самых у Вехоревых гор, а попасть туда не могут.

Вот они поздоровкались. Поставил Иван-Царевич своего добра коня к их коням. Ночь проспали вместе, а на завтра стали цепь закидывать на Вехоревы горы. Федор стал закидывать, не закинул: Василей стал — не закинул, а Иван-Царевич захлестнул хлап прямо на Вехоревы горы. Вот он сказал своим братьям:

— Я вызнусь на ети горы и пойду маменьку возлюбленну искать, а вы здесь дожидайтесь. Как, если сядет на ету цепь пташка да станет петь, значит, уж не считайте меня жива, не сможете-ле вы тогда как-нибудь ету цепь забрать?

Ну, вылезлся Иван-Царевич на Вехореву гору, пошел и пришел к избушки на курьей ножки.

Да где же вам здесь все пересказать, как он тут трех девиц нашел. Как братья у его невесту отбили, саму красиву, младшу.

Да ведь и мать нашел, да как ешьчо с Вехоревых гор сходил. Это вы ешьчо подумайте, как тут сойти... А как Вехоря убил,— вот так по хребту тянул, а он ему: «Прибавь ешьчо».

— Нет, русьской богатырь одинажды бьет, да метно живет.

— А если б он ешьчо раз тянул... Это уж его научила девиця, штоб один раз бить.

Да где-жа тут?

Не пересказать.

Вот Иван-Царевич с горы простился с брателками, шапоцьку снял. Шел день до вечера, красна солнышка до заката и никто ему не встречался, никто ему не попадался; ни зверь текушый, ни птица летучая.

Вот набрел он — стоит избушка на курьей ножки об одной окошки.

— Избушка, поверотись к лешему шарами, а ко мне воротами.

Избушка поверотилась к лешему шарами, а к нему воротами. Он ее околдовал и заколотился. Сейчас вышла к нему девиця, што краша на свете нет, Елена Прекрасная. Взяла за белу руку, повела в светлую светлицу, скатертью протресла, явсву всякого нанесла.

— Кушай, Иван-Царевич.

А как попил, поел, стала вестей спрашивать.

— Я ишшу свою возлюбленную маменьку. Она у Вехоря Вехоревича, как туда пройти?

— Ох, ето далеко. Пойдешь дальше, где Марфа Прекрасная живет, можот, она знает, а я здесь ницего не слыхала.

Повела его в теплу спаленку ко кровати ко кисовой — на ей перина пухова, подушецка шолкова, одеялышко черна соболя.

— Лёжись, Иван-Царевич.

— Да неужели ты от меня уйдешь?

— Да ведь нехорошо девице как с мушшиной оставаться... Как можно, ето неловко.

— Да ведь ты одна жила, натоснулась, ты только повались со мной, я тебя не задежу... Поговорим, побайкам.

Она согласилась, повалилась с им на кровать. Однако **жа** он захватил ей за сарафан. И хотел ее разотлить.

— Ах, Иван-Царевич, идешь ты на верную смерть, а хочешь меня разотлить. Как я тогда останусь? Иди к Вехорю Вехоревичу наперед. Как вернешься назад, я вся твоя.

Он все свое, не унимается. Она захватила его в охапку, прижала к своему ожиренью, ко белой груди.

Иван-Царевич сейчас заспал, захрапел, как телёга заскрипел.

По утру Елена Прекрасная подходила близко, говорила низко:

Вставай, Иван-Царевич,
В дороги долго не спать,—
Надо рано вставать.

Иванушко пробудился, как от смерти проявился.

Ключевой водой умывался, тонким полотенышком утирался, прошшался с Еленой Прекрасной и отправлялся в путь-дороженьку.

Шел день до вечера, красна солнышка до заката.

Нихто ему не встречается, ништо ему не попадается.

Приходит к избушки на курьей ножки об одной окошки.

— Избушка, повернись к лешему шарами, а ко мне воротами.

Избушка повернулась к лешему шарами, а к ему воротами.

Он в колечко колонулся. Вышла к ему на стрету девица ешьчо краша, ешьчо беляе прежной, повела его в столову горницу, скатертью протресла, кушаньев на-несла, напоила, накормила, стала вестей спрашивать.

Иван-Царевич сказал:

— Иду я к Вехорю Вехоревичу искать возлюбленну маменьку. Не видала-ле ты ей?

— Не рог детинушку тянет, а сама головушка на рог едет. Много туда народу уежжает, ништо назад не бывает.

Пойдешь дальше, увидишь Александру Прекрасну, она с ей каждой день по утру-рану выдается. Иди, лежись, Иван-Царевич.

И повела его во теплу спаленку, ко кроватушки ко кисовой, со перинушкой пуховой, подушецькой шолковой,— одеялышком черна соболя.

— Да куда-жа ты от меня идешь, неужели со мной не останешься, Марфа Прекрасная?

— Как я могу, девица, с тобой остаться?

— Да ты только рядом привались, побайкам, побеседничаем.

Однако-жа Марфа Прекрасная согласилась, скинула с себя сарафан, осталась в одной белой коленкоровой рубашки, рядом с им повалилась. Он стал ее досадить.

— Ах, Иван-Царевич! Несешь ты буйную голову на верную смерть, а хочешь меня разотлить. Как я тогда останусь? Возвращайся nazatъ, тогда я вся твоя!

Он свое — не унимается. Она схватила его в охапку, прижала к своему ожиренью, Иванушко заспал, захрипел, как телега заскрипел. Поутру она подходила близко, кланялась низко.

— Иван-Царевич. Дорожным людям не спать. Надо рано вставать!

Иванушка ото сна пробудился, как от смерти проявился. Студеною водой умывался, полотенцем тонким утирался, с Марфой Прекрасной прошался. Идет, никто ему не встречается, никто ему не попадается.

Шел день до вечера, красна солнышка до заката и пришел к избушки на курьей ножки об одной окошки. Тем же побытом повернул ее к лешему шарам, а к себе воротами — в колечко брякнул.

— Кто крешшоный?

— Иван-Царевич!

Выбегала Александра Прекрасная, ешьчо краша, ешьчо беляе прежних.

— Ах, како бестия живет на пустом месте!

Брала Ивана-Царевича за праву руку, заводила в белу комнату. Скатертью протресла, кушаньев нанесла, напоила, накормила, после стала вестей спрашивать. Иван-Царевич росказал:

— Не знаешь-ле ты про мою возлюбленну маменьку?

— Я каждые сутоцьки с ней выдаюсь по утру рану. Однако-жа пора тебе отдохнуть.

— Отдохнуть не худо, послушать бы лучша.

Александра привела его во теплую спаленку, стала уходить, он стал просить:

— Неужели-жа ты от меня уйдешь? Повались около меня. Я тебя не задежу, поговорим о пережем, о заднем.

Она согласилась. Он стал за титочки ей хватать, в уста сахарны целовать.

— Ах, Иван-Царевич, идешь ты на верную смерть. Хочешь спустить головушка с низ с могушчих плеч и хо-

чешь меня так оставить. Возвращайся nazать, тогда я вся твоя.

Он все свое. Она закинула на его праву руку и праву ногу навалилась на его, он заспал, захрипел, как телега, заскрипел. Поутру она печку затопила, подходила близко, кланялась низко:

— Милости просим, Иван-Царевич, покушать.

Иван-Царевич встал, умылся ключевой водой, утерся белым, тонким полотенышком, сел на лавицу, голову повесил: навалилась на его печаль и кручина. Александра Прекрасная села подле его глаз:

— Приложи свою голову к моим могутным плечам!

— Александра Прекрасная. Переложу своего ума в мою голову.

— Давно бы так! Дам я тебе котка-баюнка. Он доведет тебя до Вехорева дома. Там стоит девять колышков: на восьми по человечьей головке, а на девятом — нету; не быть бы тут твоей головки. Коток доведет и спретется. У окошка сидит твоя маменька. У ей окошечко всегда поло. Увидит тебя, кинется на белы груди... Ты много не мешкай. Не давай ей расплакаться да заболтаться, — входи в дом, там у их в задней клети веснет мець-кладенець. Ты его возьми, да пушшай мать тебя посадит в сундук, и сундук пушшай не замыкат. Прилетит Вехорь Вехоревич, станет русьского духу разчувевать, пусть она его улешшает, уговаривает, в головы покопает. Как заснет, ты ему голову ссеки, а второй раз не бей, а то две головы у его станут. Коток потом вас nazать доведет. Ох, ты мой коток-баюнок! Бежи и веди!

Коток-баюнок побежал попереди, Иван-Царевич за им.

Пришли к Вехореву дому, и коток спретался. Там девять колышков; на восьми колышках по человечьей головки. Иван-Царевич — ах, как пострашился! Однако же маменька в окошечко его увидала, кинулась, бросилась на стрету.

— Ах, дитя мое рожное,
Не с неба-ле пало?
Какима ветрами тебя занесло?

Он маменьки долго плакать не давал:

— Пойдем, маменька, в дом Вехорев благодатной. У вас тут в задней клети есь мець-кладенець.

— Есь. Да только где тебе им владеть? Тут в нем вся смерть Вехорева.

— То мне и надо!

Зашли в заднюю клетку. Иван-Царевич не благословясь, не перекрестясь схватил меч, в корман положил.

— Да, маменька, легохонько.

— Ну, и слава богу.

— Теперь я сяду в сундук, а ты, маменька, меня не замыкай. Как прилетит Вехорь Вехоревич, станет русьского духу расчуживать, ты его улещай, уговаривай: откуда-жа возьмется. Потом угошай; когда отжиреет, покопай у него, станет дремать, ты дотолле копай, пока не захрипит.

Вот прилетел Вехорь Вехоревич.

— Хву, фу! Русьским духом пахнет!

— Да што ты, откуда-жа возьмется с Руси человек? С неба што-ле пал?

И стала его угошшать. Так показываем, как почесываем. Напился, нажрался, таки все свое:

— Русьским духом пахнет!

— Да ты по Руси летал, дак русьского духа набрался. Давай, я лучша тебе покопаю: ты весь зашишкался.

Стала она копать, он заспал, запышел, захрипел.

Тут Иванушко схватил меч: господи благослови, и оттапнул ему голову. Голова откатилась, рычит:

— Поприбавь ешьчо!

— Нет, русьской богатырь однажды бьет, да метно живет!

Взял голову на колышек посадил, тулово в фатере оставил, золотой казны набрали, сколько надомно, а дом сожгли до пепля.

Тут коток-баюнок подскоцил и повел их и довел до первой избушки. Выбегала Александра Прекрасная, хватала их за белые руки. Стали они уходить. Иван-Царевич сказал:

— Эх, оставайся избушка не у места!

Александра Прекрасная свернула избушку, как яйцо.

— На, неси, как нать!

— Годится!

И спрятал его яйцо. Пошли дале и пришли к Марфы Прекрасной. Она тоже в котомоцьку собралась, стали уходить, Иванушко опеть:

— Ах, остается избушка не у места.

Она тоже таким же побытом избушку свернула, как яйцо, и подала. Пришли к Елены Прекрасной. Она возрадовалась, стала живо в котомоцьку собираться.

Иванушко опеть сказал:

— Эх, оставайся, избушка, не у места.

— А што? Неужели жалко?

— Да не жалко, а так: што ей оставаться?

Ну, она тоже свернула избушку, как яйцо, и подала:

— На, как нать.

— Годится!

Шли близко-ле, далеко-ле, низко-ле, высоко-ле и дошли до хлапу. Тут надо по одному спускаться.

— Ты, Елена, спускайся на зелен луг.

Елена спустилась, увидали ее родимые братья,— ну же, они драться. Тут Марфа Прекрасная спустилась,— опеть увидали ее братья, и ну они драться: тому нать и другому нать.

— Ну, маменька, бывает ты их уймешь, спускайся.

Маменька спустилась. Александра Прекрасная и говорит:

— Пошто не спускаешься, любезной?

— Спустишь ты прежде, я последний.

— Ах, Иван-Царевич, ты останешься здесь. Видишь, как хлап подоржавел.

Они заспорили. У его все-таки свой глупой ум одёрживают. Она и говорит ему:

— Ну, я спущусь, а уж знаю, што тебе здесь оставаться, дак уж научу тебя, как спуститься. Ты останешься, спрятайся в дупле в дубе и дожидайся: прилетит Вехорева сестра на ковре-самолете; станет вешшевать, плакать, рыдать, горевать и духу заслушивать, а там заспит на ковре-самолете. Припутывайся ты к ковру-самолету, она проснется, станет летать товда, некуда тебя деваает; и как спустится с Вехоревых гор, тут и ссеки голову.

Спустилась Александра Прекрасная. Братья увидали ее; цепь дернули. Она от хлапу оторвалась. Иванушко там остался, а братья— ну драться: и тому нать и другому нать. Федор одолел, и ему досталась Александра Прекрасная. И уговорились отцу сказать, што эти братья мать достали, а што Иван где-то три года ездит и верно уж пропал. Мать говорит:

— Ну, поедем домой, там уж разберем.

— Нет мы тебе голову ссекем, если инако скажешь!

Она ужахнулась и согласилась. Конь Ивана-Царевич порснул в цисто поле, не захотел им служить.

Как по сказанному, как по чёсаному, прилетела Вехорева сестра и ну вешшевать, плакать, рыдать, горе-

вать. Уплакалась она, утомилась, солнышко ей пригрело, она и заспала. Иван-Царевич из дупля вылез и к ей опутинками припутался. Проснулась Вехорева сестра, увидела Ивана-Царевича:

— Ах, дурак! Сам попал!

Вызнялась на ковре-самолете.

— Вот я паду в синее море! Тебя залью!

— Ну и себя зальешь!

Ширкает по морю, а што сделать? Нде Иван, тут и сама.

Вылетела в подвышность.

— Паду в чашшу, тебя заколю!

— А коли! себе заколешь!

Летала она над чашшей, повернется спиной, хочет Ивана заколоть, да и сама наколется. Всяко пехалась, опристала и опустилась на зелен луг. Сажени за две за три Иван-Царевич выхватил свой булатной нож, порезал опутинки и тяпнул ее мецем.

— Нде-ка мой доброй конь?

Только сказал, а уж конь бежит, мать-сыра земля дрожит.

— Нде мои братья?

— Твои братья домой поехали.

— Как поеду теперь?

— Ну, как? седлай, уздай меня. Поедем, как раньша ездили.

Поехали по чисту полю — широку раздолью, подъехали к его осударьсву.

— Ну, Иван-Царевич, я привез тебя. Теперя твоя богосужена занята. Я побегу в камыш-траву покататься, а ты попросишься куда-ле прохожаем на фатеру и што услышишь, то и делай.

Ну, Иван-Царевич спустил своего коня питаться и кормиться. От его палат белокаменных с версту тут деревнюшка, он приворотил к избушки одной.

Там старичек и старушка.

— Не пустите-ле ночевать?

— Заходи.

— Ты, бабушка, не дашь-ле чего поужинать?

Старушка сейчас скатертью протресла, кушанья нанесла. Сели за стол и стали беседовать.

— Ну, што деется в осударьсве?

— У нас в осударьсве все живут навеселе.

— Што зачудилось веселье?

— Федор хочет брать в замужесьво привезену де-

вицу. Только не могут слить ей персня, да сшить пантуфлей по уму, да подвенечно платьё. Только того и дожидаются, не найдутся-ле где-ка таки шведцы.

— Поди в осударсьвенной дом и подредись злачен персень слить в пору.

— А ты разве можешь?

— Да уж берись. За подряд пополам.

Поутру старик пошел в осударсьвенной дом. Его приворотники спрашивают:

— Ты зачем?

— Подряд подряжаться.

Пропустили. На кухне опять придверники:

— Што надо?

— Подряд хочу взять.

— Мастер-ле ты?

— Надеюсь. Нельзя-ле мне в глаза видеть царевича?

Ему доложили:

— Старик берется персень слить, просит вас в глаза видеть.

Ну, Федор вышел к ему.

— Можешь-ле ты сделать в срок?

— Да, берусь.

— А много-ле оброку просишь?

— Триста рублей.

Ну, он дал задатку ему полтора ста рублей.

Старик принес деньги домой.

— Ну, поди купи того, другого.

И вот они стали пировать, столовать, а работа никака не робится. Вот и срок пришел. В утрях старуха воркует:

— Вот ты взял подряд, а он какой-жа мастер? Скоро часы выйдут, ты-то как пойдешь? Тебе голову ссекут.

— А молчи, старуха, не дорога и голова моя!

— Все-жа лучша на плечах, как отрублена.

Иван пошел, как буде помочиться, яйцё о яйцё шшолканул — сделалось кольцё, како надомно.

— На, вот неси подрядно.

Старик завернул его в платок, шубу надернул.

— Да отдашь кольцё, бери подряд на пантуфли.

— А сколько задатку брать?

— Проси сот пять: нать резинка, нать мало чего поставить, нать все хорошее.

Старик побежал. Приворотники и придверники спрашивают:

— Ты куда?

— Несу подрядно, прошу в глаза видеть.

Федор пришел, подрядно принял — кольцо снес Александре Прекрасной. Она надела на межимянной перст.

В самой раз. Ретиво сердце закипело, загорело.

— Позовите мастера.

Подала ему стакан вина очень большой.

— Ведь не ты перстень слил, сознайся!

Дед таки не сказал.

— А можешь пантуфли сшить?

— Могу.

Получил за подрядно и за пантуфли задатку, домой принес.

— Што деньги? как делить будем?

— Кидай в ящик!

Ну, опять пировать, столовать. Опеть старуха воркует, што подряда не делает Иван, а он в утрях, как уж подрядно нести, вышел, как буде помочиться, яйце о яйце шшолканул — пантуфли готовы.

— На, неси, да берись за подвеночно.

— Сколько просить?

— Я не знай. Ну, проси девятьсот.

Старик побежал, уже его приворотники, придворники пропускают.

— Подрядно несешь?

— Подрядно.

Федор подрядно принял, позвал слугу снести башмаки к невесты. Эти башмаки, как есь. Кровь в ретивом сердце закипела, как быть загорела: только как не сам-ле шил? Но сколько не допрашивала старика, однако-жа он не сознался. Взел старик и подвеночно платье шить. Опеть живут навеселе, пируют.

— Ужа помочь тебе платье то шить? Пора!

— Там поманим ешьчо.

Старуха опять воркует. И таким же побытом, как срок вышел, в утрях Царевич пошел на дворе, как буде помочиться, яйцо о яйцо шшолканул, и обернулось подвеночно платье.

— Неси, старик. Как она оденит ето и сколь не вежливо, сколь не приятно, будет она тебя выпрашивать, ты не сказывай. Ты скажи только: «Есь человек, но нельзя сказать, какой». Таким жа побытом старик платье в пласты завернул, снес подрядно. И как одела она ето платье на свои могутные плеча, кровь у ей за-

кипела, как быть загорела. Стала она старика угощать и улещать, ну и наконец он сказал:

— Есь человек, но не смею про его сказать.

— Ну слушай. Скажи ему, штоб он завтра приходил на почестен пир и стал бы у печки муравленной, ко печному столбу. Ты сам тут-жа волокись.

Вот старик домой деньги принес:

— Как делить будем?

— Да чего делить,— все твое!

Вот уж тут пошло пированье, столованье. Старик побежал бóрана купил. Бóрана зажарили, угощаются, стал и светок. Народ льет со всех сторон. Иванушко надел цветно платье, мець опоясал. Старик и старуха спрашивают:

— Как тебя звать?

— Я — Иван-Царевич. Пойдем смотреть свадьба.

Вот средились и пошли. Просто народу водой не смоцить, а ети идут...

— Куда вы? Нельзя!

— Лзья!

И почал всех спихивать:

— Не ваша дорога! Моя!

У самых палат белокаменных опеть им:

— Вы куда? Там кнезь-боера!

— Я такой-жа!

Зашли они в палаты белокаменны и стали у муравленной печки ко печному столбу.

Тут свадьба навеселе. Кони готовы. Запрежона корета. Мамушки-нянюшки подали невесты подносец и две чары. Она всех сродников обнесла,— надо бы заходить за столы, а она на четыре стороны поклонилась, а такжа и на пяту, ко муравленной печки и говорит царю Далмату:

— Блаослови, батюшка, поднести етим гостям.

Он дал ей разрешенье. Она подошла, поклонилась, и выпили по стакану.

— Им ети стаканы малы, ставьте поболе.

Дед стоит ровно и тот такжа. Поднесла в третий након, в глазаньках помутилось, из белых рук чароцьки покатались:

— Здрастуй, Иван-Царевич!

— Здрастуй, моя богосужена!

И пошли они к столам:

— Вот, батюшко, хто нас ослобонил.

— Да, действительно, так.

Иван-Царевич все рассказал и матери говорит:

— Как тебе, матушка, не стыдно, што ты правду не сказала?

— А што я могу сделать над своею кровью? Как они и себя могли засекчи и меня?

Ну, Иван-Царевич овенчался со своей богосуженой, а братья тех взели. Иван-Царевич на царьство сел, а братьев кнезьями сделал.

После этой длинной сказки наступил роздых. За окном лил дождь, а здесь пылал огонь в печке, на снопах было уютно и мягко, лились завораживающие, дышащие древностью сказки. Они уносили в далекое детство этих больших, «могутных» людей. С каким детским вниманием слушали они Махоньку рассказывающую.

27. ЦАРЕВНИНА ТАЛАНЬ

Слыхала я у людей, старых девок, у б...ей. Не в каком царсви, в нашем осударсви, на ровном мести, как на скатерти, в самом том, в котором мы живем, был жил царь с женой, двоима: не было детей. Родилась у их дочь. Ей кстили. Кум и кума обдержали и сказали, што это детище вырастет, и будет она по базару вожена и кнутом стегана. А царь сказал:

— Может-ле быть так? Я ей никуда не выпущу.

Сказка скоро сказываеце, дело долго деитце — стала эта дочка в возрасте и стала проситце гулять у отца.

— Папенька, спустите меня погулять,— грит,— с мамушками, с нянюшками, с летныма красныма деушками в цисто поле на крут бережок, ко синему морю.

Отец спустил. Отправилась эта царевна с мамушками, нянюшками, с летныма красныма деушками в цисто поле на крут бережок. И стоит на бережоцки суденышко небольшое с парусками. И зашла эта царевна на судно и дунул попутной ветерок. Укинуло за сине море. Усе прошло, нету никуго. Царь хватъ-похватъ — нету доцери, утерялась. Вот эта царевна вышла на крутой бережок. А тут был на берегу колодец. У колодца было древо высоко-превысоко. Эта девица влезла на древо и села. В этом осударсви была ега-баба (это, бывает, матюкливо?), у ей была доць. Она послала эту доцку к колодцу.

— Поди ты, некрасишша, поди за водой!

Она пришла, стала воду черпать и видит в колодце очень это красавица была царевна. Пришла ко своей матери и говорит:

— Ты, маменька, зацем говоришь, што я некрасишша? Меня краше на свете нету.

Она скоцила:

— Што ты, што ты?

— Пойдем посмотрим в колодце и увидишь, какая я есь красавица.

Ну и пошли. Взглянули в колодец, и увидела ега-баба эту красавицу.

— Ах ты, подлая, што ж ты врешь?!

Она подняла на древо глаза-ти и увидала царевну.

— Девица, слезь с куста!

Ну, она слезла и пошла.

— Ну, ты, девица, живи у меня. Како ты мастерство знашь? Умеешь-ле ты вышивать ширинки?

— Умею.

Она мастериця... и не говори! Стала вышивать, бабка продавать стала.

В то время царь стал клик кликать.

— Кто может мне шапка высадить земчугом: стара старушка — будь бабушкой, стар старицец — дак будь дедушко, пожила жоноцька — тетушка, пожилой мужицец — дядюшка, в ровню мужчина — названой брат, красна девица — обруценная жена.

Вот это в то время услышала ега-баба.

— У меня доцька высадит,— грит.

Ну, она пришла домой и говорит царевны:

— Доци, сади шапку царю.

Она стала садить, расклала эти ставки на окно. Садила, садила, уж под конец садит, одна только супротив носу на головы последняя ставка на окошки была. Прилетел ворон, да эту вставку склюнул да унес (*светла была, дак...*). Пришло время, што нать нести шапка царю на лице, и понесла эта ега-баба и говорит:

— Это не моя доци садила, у меня есь пришлая девица.

— Веди ей суда, под суд ей.

Обсудили ей по базару водить и кнутом стегать.

Выискалась бабушка-задворенка с дедушком и говорит:

— Не нажите девъего тела, не страмите. Отдайте мне место доцки, у меня нету некуго.

Вот она и взяла ей.

Вот и живет и хорошо. Доць хороша, слушаецце. Пришло время этот старицек стал именинник, ангельской день.

— Мы пойдём, доцка, к обедни богу молитце, ты пеки и вари, готовь кушанье. Сготовишь, на стол собери, все кушанье сноси и выйди на крыльце, поклонисе на все стороны четыре: «Батюшкова Талань, поди ко мне на обед, хлеба-соли кушать, всякого питинья и кушанья».

Она так и сделала.

Вышла, поклонилась:

Батюшкова Талань,
Поди ко мне на обед,
Хлеба-соли кушать,
Всякого питинья и кушанья!

Ну, Талань и идет, нарядна принарядна, столь хороша, дак стрась. Села за стол, попила, поила, ницего не убыло, насыпала серебра кучу и пошла, поблагодарила. И дедушко и бабушка пришли от обедни и говорят:

— Ну, доци, этта хто был-ле?

— Была Талань попила-поила, ницего не убыло и насыпала серебра.

И завтра бабушка — именинница.

— Ты тожи, доци, пеки и вари, и Талань зови.

Она также наварила, напекла, на стол собрала, вышла на крыльце и закланелась:

Маменькина Талань!
Поди ко мне на обед,
Хлеба-соли кушать,
Всякого питинья и кушанья!

Талань пришла така жа нарядна, красива, попила, поила, ницего не убыло, поблагодарила и куцю золота положила.

Бабушка и дедушко пришли, также спросили, она все рассказала.

— Ну, говорят, доци, завтра ты именинница: пеки и вари, и свою Талань зови. Так ей не упускай: штоб она заплатила тебе за обед, хоть што-нибудь да проси.

Так она и сделала. Вышла на крыльце, стала кланетьце да Талань зазывать.

Талань моя, учась горькая!
Поди ко мне на обед,
Хлеба-соли кушать,
Всякого питинья и кушанья...

Талань идет ремховата-приремховата и некрасивая, вся обремхалась, и престрашная страшна. Села за стол и стала жорить, чисто все прижорила, и пошла, не поблагодарила. Доцька эта в сугон:

— Талань моя, учась горькая. Заплати ты мне за обед. Все ты у меня припила, приила, хоть чего-ле мне да дай.

Талань полезла в яму, та захватила ей за тряпки и держитце.

— Дай мне хоть чего-ле!

Она узел оторвала, бросила, другой оторвала, бросила, третий оторвала — бросила. Она эти узлы собрала и пошла. И пришла домой печальная.

— Што мне бабушка да дедушко скажут?

Ну и пришли эти бабушка да дедушко от обедни.

— Ну, що, доци, была-ле Талань?

— Была. Ремховата-приремховата, некрасива, страшна; и все у меня прижрала.

— Дала-ле тебе чего?

— Вот дала только три узла трепков.

— Покажи.

Дочка принесла. Розвезали первой узел — нет ничего, другой — нет ничего, третий — петелка да крючок золоты.

— Ну, доци, храни и то: на нужно время годитце.

Ну, в то время опять-жа тот царь стал клик кликать. Шил он кафтан. Шил он одежину для себя, царску. Не хватило у него золота на крючок и петелку. Везде он выспрашивал, во всем царсви,— нету такого.

— Кто мне подберет к крючкам да петелкам парно. Не хватило золота.

Они говорят:

— Поди-ка, доци, понеси ты, не подойдет-ле твое.

Она и пошла, и понесла, и показала. Как у царя, так и у нее. Также подошло: как в один лиёк литы. Он тут и сказал:

— Будь ты мне обрученная жена.

Веселым пирком и за свадебку, и повенцялись и стали жить да поживать да добра наживать, лиха избывать. И пошли гулять и ходить; по саду гуляют. И вдруг летает над нима ворон и куркает:

— Щё тако он куркает,— царь говорит.

Она руку уставила кверху. Ворон надлетел и ставку выплюнул на руку. Она и сказала:

— Вот я тебе шапку садила, у меня ворон унес ставку, меня присудили по базару гонять, кнутом стегать...

Эту егу-бабу расстреляли на воротах.

Печорец вспомнил и рассказал слышанную в далеком детстве сказку.

28. АЙ-БРАТ

Бывало-живало, не в каком царсви, не в нашем гсударсви, на ровном мести, как на скатерти.

В одной было деревни, был новобранец молодой человек. Он был именинник, выпивши вина, стал веселой и вышел на крыльце:

— Ах, есь-ле борец, как я молодец!

И подскочил целовек:

— Садись, говорит, имай меня за шею. Я воюю в цистом поли с поляницей. Я скрычу, а ты помоги мне.

И понес его.

В цистом поли стал он драцца с поляницей. Дрались, дрались, схватились. Он бросил ей и скрыцал:

— Помоги мне, товаришш!

Этот подскожил; в то время она легнула первого, и он улетел в поле без вести.

В то время новобранец одолил ей и скрыцал:

— Ай-брат, где ты?

— Эва я!— откликнулся.— Здесь я! Ну,— grit,— садись на меня, я снесу тебя, где ты был.

Полетели живо. *(Он, может, какой богатырь был).* На то место посадил и сказал:

— В сегодняшнем году тебя возьмут в солдаты, и будешь ты служить у царя при дворце младшим конюхом. Царь будет тебя любить, а старши конюхи не залюбят. Ты меня вспомнишь, как наложут каки службы. Скажи: «Ай-брат!»— я, grit, тут и есь.

Скоро сказка сказываетце, а времё долго длитце.

Пришло то времё, взяли его в солдаты. Его назначили к царю младшим конюхом. Вот и служит, хорошо живет.

Царь был именинник, вышел на крыльце, и щё-то за морем сосветило.

— Щё тако за морем сосветило? Мне бы узнать охота. Я бы тому человеку дал полжитья и полбытья и

пол-именья моего. После моего быванья царем на царь-сво посадил бы (холостой был царь-от).

Старши конюхи учули, стали доносить царю, быдто хвастат младший конюх, а тебе не доносит и хоцет черех трои сутки узнать, щё это за морем сосветило. Вот и призвал царь младшего конюха.

— Ты щё же старшим конюхам хвасташь, а мне не доносишь, быдто через трои сутки узнашь, щё тако за морем сосветило?

Тот грит:

— Нде же через трои сутки? Через несколько годов может я бы узнал.

— А не узнашь, голова с плеч.

Он вышел на крыльце запичалился:

— Ай-брат!

Тот тут и есь:

— Щё, брат?

— Царь службу наложил.

— Каку таку?

— Весьма велику.

— Через трои сутки вот узнать, щё за морем сосветило?

— А,— грит,— это не служба, а службишка. Служба вся впереди. Это королевна вышла на крыльце в золотом платъи, поворотилась и сосветила в глазах за синим морем.

Он пришел к царю и сказал, щё за морем сосветило. Царь был холост. Стал про эту королевну думать. Стал печелитце, как бы достать. Конюх хвастат, быдто через трои сутки достанет королевну.

Царь опеть позвал младшего конюха.

— Ты опеть хвасташь, а мне не доносишь, быдто через трои сутки достанешь королевну.

— Кабыть через несколько годов, так, может, я бы и достал. Нде же через трои сутоцки?

— Доставай, а не то голова с плеч!

Он вышел на крыльце, запецелился, воздохнул:

— Ай-брат!

Тот тут и есь:

— Щё, брат?

— Царь службу наложил.

— Каку таку?

— Королевну достать.

— Это не служба, службишка. Служба вся впереди. Садись на меня.

Вот и полетели. Прилетели там в государьство. Он его овернул комаром и говорит:

— Ты лети к ей в комнату, повались на кровать целовеком, она разбудицца, схватит саблю, захочет казнить тебя, а ты овернись кольцем на руку.

Вот он полетел во дворец, залетел в королевнину спальню и повалился целовеком с ей рядом на кровать. Она разбудилась, схватила саблю, а он овернулся кольцем, стал поговаривать брать ей замуж. Она и стала сбивацце, срежацце за него, видит: не простой целовек. Средилася, вышли на крыльце, он скрыццал:

— Ай-брат!

Тот тут и есь.

— Щё, брат?

— Неси нас к царю.

— Садитесь.

Царь весьма весел. Так уже и не говори! Поцитает этого конюха, а старши его не любят.

Царь стал эту королевну взамуж звать, а она:

— Я без венцяльного платья не иду. У меня есь платье за тридеветью морями, за тридеветью городами, в тридесятом царьсви, в церкви за тремя замками, в яшшики.

Опеть старши конюхи учули, доносят царю, щё младший хвастат, быдто платье это достанет. Опеть царь младшего конюха требует:

— Ты опеть хвасташь, а мне не доносишь. Доставай платьё в трои сутки, а нет — дак голова с плеч.

Запечелился младший конюх, вышел на крыльце:

— Ай-брат!

— Щё, брат?

— Службу велику царь наложил: достать венцяльне платьё королевное.

— Ну, садись.

Опеть полетели. Прилетели к церкви, тот и говорит:

— Я овернусь лань — золоты рога, буду убегать кругом церкви, весь народ убежит за мной, на вот ключи, отомкни яшшик и возьми платьё.

Он зашел, этот самый солдатик, отомкнул яшшик и взял это платье, свернул и вышел на крыльце:

— Ай-брат!

— Щё, брат?

— Неси к царю.

Прилетели к царю. Подали королевны венцяльне платьё, она говорит:

— Все еще не иду, надо мне пара коней вороных в синем мори, под серым камнем, узды золоты.

Ну, стары конюхи учули, доносят царю:

— Младший конюх хвастат, быдто этих коней — золоты узды он достанет.

Царь опеть его требовал, осердилса, наложил службу: этих коней в трои сутки достать, а не достанешь — голова с плеч.

Вот солдатик и зацепелился, вышел на крыльце и скрищал:

— Ай-брат!

Тот тут и есь:

— Щё, брат?

Рассказал ему младший конюх про службу, тот и отвечает:

— Вот это уж служба. Купи салтырь да три свечи. Стань на бережку против сера камня, три свечи зажги и читай салтырь. Первой вал придет до оборти. Ты стой читай, не дробей. Второй вал придет до колен, свечи потухнут, — ты все читай, не дробей. Третий вал придет до грудей — тут и кони выскожат. Ты за узды хватай, они поташшут тебя в море, ты тогда крыци: «Ай-брат!». Я тут и есь, помогу тебе.

Как сказано, так и сделалось. Он поставил эти свечи на три угла. Вал приходил и первой и второй, он не дробнул. Вот пришел третий — до грудей, — тут и кони выскозили. Солдатик за узды, погнался, они уташили его в морё, он скрищал:

— Ай-брат!

— Щё, брат?

Тут и есь, помог, выташил из моря, и полетели, и к царю, и прилетели, и коней привели.

Веселым пирком да и свадебкой.

Я там был,
Пиво пил.
Пиво тепло,
По усу текло,
В рот не попало,
За рукав убежало.
Дали мне синей кафтан
Да красны рукавицы,
Да красну шапку.
Я поехал домой.
Ехал, ехал,
Ципка крычит:
«Дедко, синь кафтан!
Да хорош кафтан!»

Мне чуетця «скинь кафтан
Да положи кафтан!»
Я положил под кокору,
Да и теперь не знаю, под котору.
Опеть еду. Опеть ципка крычит:
«Дедко, красны рукавицы
Да хороши рукавицы».
Мне чуетця:
«Дедко, крадены рукавицы,
Положь рукавицы».

Я век не воровал, мне не ладно, меня страшит, я и положил рукавицы под кокору, да и не помню, под котору.

Ципка опеть крычит:
«Дедко, красная шапка».
Мне чуетця:
«Дедко, крадена шапка».

Я и оступился этой шапки. Проць бросил.

С интересом заслушались Помора и посмеялись, как дети, хитростям лисы, когда он рассказал сказку.

29. ГРИГОРЕЙ ВЫСОТА

Жил-был Григорей Высота в боровой избушки, грезной, грезной, цёрной. И сам был грезнявший, в байны никовды не бывал, цёрной, как церт какой.

А вымоится, дак собой прекрасен будет. Да тольки никогда не мылся.

Пришла Лиса.

— Григорей Высота! Ты женисьсе-ле?

— Да што ты, што ты, Лиса?! да хто за меня пойдет?

— Да уж стану сватать, дак высватаю. Дозволишь-ле сватать?

— Дак кого сватать станешь?

— Царску дочи!

— Да што ты, што ты, Лиса? Я ведь цёрной, грязной.

— Вымоиссе! Уж посватаю.

Пошла. Рылась, рылась — земчужинку нашла и к царю побежала.

— Царь, вольней целовек! Григорей Высота вам кланитсе... Дозвольте мероцьку, нам земчуг мерить.

— Какой такой Григорей Высота? Слыхом не слыхать, видом не видать! Слуги, дайте мероцьку, да смолки прилепите, посмотрим, какой такой земчуг?

Лиса земчужинку на дно прилепила, да рылась, рылась,— серебрушку в земли нашла. Прибежала к царю; мероцку обратно принесла.

— Царь, вольней целовек! Григорей Высота очень благодарит, не дайте-ли цетверика серебро мерить?

— Кто такой Григорей Высота, што такой Григорей Высота? Слыхом не слыхать, видом не видать! Слуги, возьмите цетверик, намажьте смолой, дайте ей. Как тако серебро цетвериками мерит!

Лиса серебрушку на дно улепила, побежала к царю, спасибо дала, в лес побежала, согнала зверей стадо:

— Медведи, волки, куны, соболи, белки, зайцы! У царя свадьба! Быка пеценого дают. Пойдем всема на свадьбу!

Стадо стоит у ворот. Лиса пришла к царю.

— Царь, вольней целовек! я от Григорей Высоты! Привела стадо. Отпирай ворота, запускай их.

— Што такой Григорей Высота? Ну, как не принеть? Отпирайте, слуги, ворота.

Ну, и свататься Лиса пошла.

— Царь, вольней целовек! Григорей Высота послал меня за добрым делом, за сватасьвом!

— Приежжай, вези жониха. Покажи, какой Григорей Высота!

Лиса где-то рубашку достала, прямо в ногах выползала, Григорей Высоту в рубашку одела,— красивой стал.

— Да как я, Лиса, в одной рубашки?

Повела к реки:

— Выймсе, в кусьях сиди, мене дожидайсе!

Оставила да наперед побежала к царю:

— Царь, вольней целовек! Мы ехали мостом. Мос-от подломило. Мы упали, разбойники коней угнали, всю одежду обрали. Сидит наш жоних в кустышках в одной рубашецьки...

— Довольно у нас золотых корет да коней, золотой бархатной одежи. Берите золоту корету, самолучших коней, везите жониха!

Привезли. Ах, какой жоних! Красивой, нарядной!

Царевны пригленулсе Григорей Высота.

— Папа, дай слово молвить. Отдашь — пойду и не отдашь — пойду!

Григорей Высоту средили, наредили, как надо быть.

Все срежаются из-за столов ехать к молодому, а он:

— Как жа, Лиса? Ужели в борову избушку? Куда я с молодой?

— Молци!

Лиса наперед побежала. Бежала, бежала, пастыри овец пасут.

— Пастыри, пастыри! Цьи вы, пастыри?

— Мы пастыри Змея Лютого!

(А это был человек, только звали Змеем, царь был такой).

— Не говорите так! Едет царь с громом, царица с молоньей, вас жгать будут! Говорите, што Григорей Высоты!

Дале бежит, видит, пастыри коней пасут.

— Пастыри, пастыри! Цьи вы, пастыри?

— Змея Лютого!

— Не говорите так! Едет царь с громом, вас убьет, царица с молоньей — обожгет! Говорите, што Григорей Высоты!

Дале пастыри коров пасут.

— Пастыри, пастыри, цьи вы, пастыри?

— Змея Лютого!

— Не говорите так! Едет царь с громом,— вас убьет, царица с молоньей,— обожгет. Говорите, што Григорей Высоты!

Бежала, бежала, к Змею Лютому прибежала.

Дом большой-пребольшой. В дому, што угодно есь (што ж — царь! Змей Лютой звали, а царь!).

— Царь Змей! Ты што знаешь?

— Што, Лиса? Ницего не знаю!

— А вот што я тебе скажу. Едет царь с громом, царица с молоньей, тебя сожгать хотят.

— Што ты, Лиса! Я куда денусь-то?

— А вот видишь, дуб-от под окошком у тебя. Возьми и сядь в дуб-от, в дуплѣ-то!

Он и сел.

Вот едут, едут с колоколами, гремят, шумят, звенят! Невесту везут!

Привезли, за столы сели. И пир пошел. Сидят, пируют.

— Што такое? Как я не люблю этот дуб! Григорей Высота! Сожгать его надо, сожгать! Да штоб не выскочил ништо!

И сожгли.

А Григорий Высота остался жить в осударьсви Змея Лютого.

Царь из избушки боровой, грезной, што глядеть-то страшно!

Дождавшись своей очереди, Скоморох, уверенный в успехе и подогретый действием рассказанной сказки, начал.

30. ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Жили Ванька двоима с матерью. Житьишко было само последно. Ни послать, ни окутаца и в рот положить нечего. Однако Ванька каждой месяц ходил в город за пенсией. Всего получал одну копейку. Идет онгоды с этима деньгами, видит — мужик собаку давит:

— Мужичек, вы пошто шшенка мучите?

— А твое како дело? Убью вот, телячьих коклетов наделаю.

— Продай мне собачку.

За копейку сторговались. Привел домой:

— Мама, я шшеночка купил.

— Што ты, дураково поле?! Сами до короба дожили, а он собак покупат!

Через месяц Ванька пенсии две копейки получил. Идет домой, а мужик кошку давит.

— Мужичек, вы пошто опеть животину тираните?

— А тебе-то како дело? Убью вот, в ресторант унесу.

— Продай мне.

Сторговались за две копейки. Домой явился:

— Мама, я котейка купил.

Мать ругалась, до вечера гудела.

Опеть приходит время за получкой идти. Вышла копейка прибавки.

Идет, а мужик змею давит.

— Мужичек, што это вы все с животными балуите?

— Вот змея давим. Купи!

Мужик отдал змея за три копейки. Даже в бумагу завернул. Змея и провещилась человеческим голосом:

— Ваня, ты не спокаиссе, што меня выкупил. Я не проста змея, а змея Скарапея.

Ванька с ей поздоровался. Домой заходит:

— Мама, я змея купил.

Матка язык с перепугу заронила. На стол забежала. Только руками трясет. А змея затенулась под печку и говорит:

— Ваня, я этта буду помешшаться, покамес хороша квартира не отделана.

Вот и стали жить. Собака бела, да кошка сера, Ванька с мамкой, да змея Скарапея.

Мать этой Скарапеи не залюбила. К обеду не зовет, по отчесву не величат, имени не спрашивают, а выйдет змея на крыльчке посидеть, дак матка Ванькина ей на хвост каждой раз наступит. Скарапея не хочет здесь жить:

— Ваня, меня твоя мама очень обижат. Веди меня к моему папы!

Змея по дороги и Ванька за ей. Змея в лес — и Ванька в лес. Ночь сделалась. В темной дебри стала перед има высока стена городова с воротами. Змея говорит:

— Ваня, я змеинога царя дочерь. Возьмем извошшика, поедем во дворец.

Ко крыльцу подкатили, стража чесь отдает, а Скарапея наказыват:

— Ваня, станет тебе мой папа деньги наваливать, ты ни копейки не бери. Проси кольцо однозолотно, волшебно.

Змеиной папа не знат, как Ваньку принеть, куда посадить.

— По-настояшшему, говорит, вас, молодой человек, нать бы на моей дочери женить, только у нас есь кавалер сговореной. А мы вас деньгами отдарим.

Наш Иванко ничего не берет. Одно поминат кольцо волшебно. Кольцо выдали, рассказали, как с им быть.

Ванька пришел домой. Ночью переменял кольцо с пальца на палец. Выскочило три молодца:

— Што, новой хозеин, нать?

— Анбар муки нать, сахару-да насыпьте, масла-да...

Утром мати корки мочит водой да сосет, а сын говорит:

— Мама, што печка не затоплена? Почему тесто не окатываш? До ночи я буду пирогов-то ждать?

— Пирого-ов? Да у нас год муки не бывало. Очнись!

— Мама, обуй-ко глаза-те, да поди в анбар!

Матка в анбар двери розмахнула, да так головой в муку и ульнула.

— Ваня, откуда?

Пирогов напекли, наелись, в город муки продали, Ванька купил себе пинжак с корманами, а матери платьё модно со шлейфом, шляпу в цветах и в перьях, и зонтик.

Ах, они наредны заходили: собачку белу, да кошку Машку коклетами кормят.

Опять Ванька и говорит:

— Ты што, мамка, думаш, я дома буду сидеть да углы подпирать?.. Поди, сватай за меня царску дочь.

— Брось пустеки говорить. Разве отдадут из царского дворца в эдаку избушку?!

— Иди сватай, не толкуй дале.

Ну, Ванькина мать в модно платье средилась, шляпу широкоперу наложила и побрела за реку, ко дворцу. В полату зашла, на шляпы каждой цветок тресется. Царь с царицей чай пьют, сидят. Тут и дочь невеста придано себе трахмалит да гладит. Наша сватья стала среди избы под матицу:

— Здравствуйте, ваше велико, господин амператор. У вас товар, у нас купец. Не отдайте ли вашу дочь за нашего сына взамуж?

— И кто такой ваш жоних? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

Мать на ответ:

— Роду кресьенского, города вашего, по отечесью Егорович.

Царица даже чай в колени пролила:

— Што ты, сватья, одичала!? Мы в жонихах как в сору каком роемся-выбираем, дак подет ли наша девка за мужика взамуж?

— Пускай вот от нашего дворца да до вашего крыльца мост будет хрустальной. По такому мосту приедем жонихово житье смотреть.

Матка домой вернулась невесела: собаку да кошку на улицу выкинула. Сына ругат:

— Послушала дурака, сама дура стала. Эстолько страму схватила...

— На! Неужели не согласны?

— Обрадовались... Только задачку маленьку задали. Пусть,— говорят,— от царского дворца да до жанихова крыльца мост будет хрустальной, товда придут жанихово житье смотреть.

— Мамка, это не служба, а службишка. Служба вся впереди.

Ночью Иванко переменял кольцо с пальца на палец. Выскочило три молодца:

— Што, новой хозеин, нать?!

— Нать, штобы наша избушка овернулась как бы королевскими палатами. А от нашего крыльца до цар-

ского дворца мост хрустальной, и по мосту машина ходит самосильно.

Того разу, со полуночи за рекой стук пошел, робота, строительство. Царь да царица спросонья слышат, ругаются:

— Халера бы их взяла с ихной непрерывкой...— То суботник, то воскресник, то ночесь робота...

А Ванькина семья с вечера спать валилась в избушке: мамка на печки, собака под печкой, Ванька на лавки, кошка на шешки. А утром прохватились... На! што случилось!.. Лежат на золоченых кроватях, кошечка да собачка ново помещенье нюхают. Ванька с мамкой тоже пошли своего дворца смотреть. Везде зерькала, занавесы, мебель магазинна, стены стеклянны. День, а ланпы горят... Толь богато! На крыльцо выгуляли, даже глаза зашшурили. От ихного крыльца до царского дворца мост хрустальной, как колечко светит. По мосту машинка сама о себе ходит.

— Ну, мама,— Ванька говорит,— оболوکись помодне да поди зови анператора этого дива гледеть. А я, как жаних, на машинки подкачу.

Мама сарафанишко сдернула, барыной наредилась, шлейф распустила, зонтик отворила, ступила на мос, ей создади ветерок попутной дунул,— она так на четвереньках к царскому крыльцу и съехала. Царь да царица чай пьют. Мамка заходит резво, глядит весело:

— Здрасте. Чай да сахар! Вчерась была у вас со сватаньем. Вы загадочку задали: мос состряпать. Дак пожалуйста роботу принимать.

Царь к окошку, глазам не верит:

— Мост!?! Усохни моя душенька, мост!..

По комнаты забегал:

— Карону суда! Пальтё суда! Пойду пошшупаю, может, ише оптической омман здренья.

Выкатил на улицу. Мост руками хлопат, перила шатат... А тут ново диво. По мосту машина бежит сухопутно, дым идет и музыка играет. Из каюты Ванька выпал и к анператору с поклоном:

— Ваше высоко, дозвольте вас и супругу вашу всепокорнейше просить прогуляться на данной машинке. Открыть движение, так сказать...

Царь не знат, што делать:

— Хы-хы! Я-то бы ничего, да жона-та как?

Царица руками, ногами машет:

— Не поеду! Стрась эка! Сронят в реку, дак што хо-рошего?!

Тут вся свита заговаривала:

— Ваше величие, нать проехаться, пример показать. А то перед Европами будет канфуз!

Рада бы курица не шла, да за крыло волокут. Царь да царица вставились в каютку. Свита на запятках. Машина сосвистела, звонок созвонил, музыка заиграла, покатились, значит.

Царя да царицу той же минутой укачало,— они блевать приправились. Которы пароходы под мостом шли с народом, все облеваны сделались. К шшасью среди моста остановка. Тут буфет, прохладительны напитки. Царя да царицу из каюты вынесли, слуги поддавалами машут, их в дейсво приводят. Ванька с подносом кланяится. Они, бажоны, никаких слов не примают:

— Ох, тошнехонько... Ох, укачало... Ух, растресло, растрепало... Молодой человек, мы на все согласны! Бери девку. Только вези нас обратно. Домой поворачивай.

Свадьбу средили хорошу. Пирогы из печек летят, вино из бочек льется. Двадцать генералов на этой свадьбы с вина сгорело. Трех сеноторов в драки убили. Все торжесво было в газетах описано. Молодых к Ваньки в дом свезли. А только этой царевны Ванька не надо был. У ей в заграницы хахаль был готовой. Теперь и за-припадала к Ваньки:

— Супруг любезной, ну, откуда у тебя взелось эда-ко богасьво? Красавчик мой, скажи!

Скажи да скажи и боле никаких данных. Ванька не устоял против этой ласкоты, взял да и рассказал. Как только он заспал, захрапел, царевна стащила у его с перста кольцо и себе с пальца на палец переменяла. Выскочило три молодца:

— Што, нова хозейка, нать?

— Возьмите меня в этих хоромах да и с мостом и по-ставьте среди городу Парижу, где мой миленькой живет.

Одночасно эту подлу женщину с домом да и с хру-стальным мостом в Париж унесло, а Ванька с мамкой, с собакой да с кошкой в прежней избушки оказались. Только Иванко и жонат бывал, только Егорович с жо-ной сыпал! Все четверо сидят да плачут.

А царь собрался после обеда к молодым в гости ид-ти, а моста-та и нету, и дому нету. Конешно, обиделся, и Ваньку посадили в казаматку, в темну. Мамка да ко-

шечка, да собачка христа ради забегали. Под одним окошечком выпросят, под другим съедят. Так пожили, помаялись, эта кошка Машка и говорит собаки:

— Вот што, Белой, сам себе на радость ништо не живет. Из-за чего мы бьемся? Давай, побежим до города Парижа к той б...и Ванькино кольцо добывать.

Собачка бела, да кошка сера кусочков насушили и в дорогу переправились через реку быстру и побрели лесами темными, пошли полями чистыма, полезли горами высокими.

Сказывать скоро, а идти долго. Вот и город Париж. Ванькин дом искать не долго. Стоит среди города и мост хрустальной, как колечко. Собака у ворот спресталась, а кошка зацарапалась в спальню. Ведь устройство знакомо.

Ванькина молодуха со своим прихотьем на кровати лежит и волшебное кольцо в губах держит. Кошка поймала мыша и свиснула царевны в губы. Царевна заплелась, кольцо выронила. Кошка кольцо схватила да в окно, да по крышам, по заборам вон из города! Бежат с собачкой домой, радехоньки. Не спят, не едят, торопятся. Горы высоки перелезли, чисты поля перебежали, через часты дебри перебрались. Перед има река быстра, за рекой свой город. Лодки не привелось, как попасть? Собака не долго думат:

— Слушай, Маха, я вить плаваю хорошо, дак ты с кольцом-то сядь ко мне на спину, живехонько тебя на ту сторону перепягну.

Кошка говорит:

— Кабы ты не собака, дак министр бы была. Ум у тебя осударсьвенной.

— Ладно, бери кольцо в зубы да молчи. Ну, поехали!

Пловут. Собака руками, ногами хлопат, хвостом правит, кошка у ей на загривки сидит, кольцо в зубах крепит. Вот и середка реки. Собака отдувается:

— Ты, Маха, молчи, не говори, не утопи кольца-то!

Кошки ответить никак, рот занет...

Берег недалеко. Собака опеть:

— Вить, ежели хоть одно слово скажешь, дак все пропало. Не вырони кольца!

Кошка и бякнула:

— Да не уроню!

Колечко в воду и булькнуло...

Вот они на берег выбрались, ревут, ругаются.

Собака шумит:

— Зазуба ты наговориста! Кошка ты! Болтуха ты проклята!

Кошка не отстават:

— Последня тварь — собака! Собака и по писанью погана... Кабы не твои разговоры, у меня бы за сто рублей слова не купить!

А в сторонки мужики рыбину только што сетью выловили. Стали черевить да солить и говорят:

— Вон где кошка да собака, верно, с голоду ревут. Нать им хоть рыбны черева дать.

Кошка с собакой рыбы нутренности стали ись, да свое кольцо и нашли...

Дак уж, андели! От радости мало не убились. Вижжат, катаются по берегу. Нарадовавшись, потрепали в город.

Собака домой, а кошка к тюрьмы.

По тюремной ограды на виду ходит, хвос кверху! Курнякнула бы, да кольцо в зубах. А Ванька ей из окна и увидел. Начал кыскать:

— Кыс-кыс-кыс!!

Машка по трубы до Ванькиной казаматки доцапалась, на плечо ему скочила, кольцо подает. Уж как бедной Ванька зарадовался. Как андела, кота того принял. Потом кольцо с пальца на палец переменял. Выскочили три молодца:

— Што, новой хозеин, нать?

— Нать мой дом стеклянной и мост хрустальной на старо место поставить. И штобы я во своей горницы взелся.

Так все и стало. Дом стеклянной и мост хрустальной поднело и на Русь поташило. Та царевна со своим дружишком в каком-то месте неокуратно выпали и просели в болото.

А Ванька с мамкой, собака бела да кошка сера стали помешшаться во своем доме. И хрустальной мост отворотили от царского крыльца и перевели на деревню. Из деревни Ванька и взял себе жону, хорошу девушку.

Скоморох кончил сказку, но, когда легли спать, он долго не унимался, плетя свои небылицы. Так при взрывах неугасающего смеха кончился день третий.

День четвертый СКАЗКИ О МАТЕРИ

большой горнице воздух стоял спертый и душный. Московка вскочила со своего растрепанного снопа первую и бросилась раскрывать окна: глянул день такой нежный, такой старательный, словно стыдился вчерашних слез и хмурости. Свежий воздух входил и пробуждал к жизни распростертые тела. Быстро умывшись, Московка побежала по сырой, но крепкой тропочке среди неогороженных полей туда, на глядень, как называла звонницу хозяйюшка Александра.

Из окна высунулся косматый Скоморох:

— Бабка! Куда побежала? Я состигу сейчас. Одной не вызнеться!

Московка стояла у входа на колокольню недоуменная и растерянная; на лесенке без перил, высоко по середине, зияла страшная дыра: не хватало ступени. Слишком страшно для городских нервов. Но подходил умытый и причесанный Скоморох:

— И куда выгуляла? Бежит по стёжки, как гулейко по печи: станет и задуматся. Только усов не хватает! Разгони загодку: «маленька коровушка не много доит, а всем уделит».

И, видя, что Московка задумалась, добавил:

— Разве сейчас не умывалась?

— А, рукомойка!

— Рокомойка, правильно!

— А вот: на устьи, на устьинском, на угли углинском смешалась вода с песком и розодрался Лука с Петром?

Они уж подымались по лесенке.

— Во как отгодка: печь, угольё, горшок, суп вареной.

— А эта: был я на копки, был и на топки, был на кружале, был на пожаре, выбросят на улицу,— собаки кося не едят.

По-детски радостно закричала Московка:

— Горшок, горшок!

— Правильно!

Они были около страшного места. Голова кружилась у Московки, и не было сил сделать громадный шаг наверх. Отвратительно! Скоморох, как ребенка, подхватил Московку, поставил на следующую ступеньку и вдруг сказал:

— Эх, баушка, кабы ты была моей матинкой, так бы и носил тебя носком. Всю жись!

Это было очень бурно для северянина, а потому Московка смутилась и, ощущая гордую радость, спросила:

— А твоя мать жива?

— Покойна.

Задал еще загадку, но Московка не поняла, да и понимать было некогда. Они стояли уже на колокольне. Насколько хватал глаз, расстилалось и волновалось холмами хвойное море. Редкими, цветущими островами пятнели деревни с полями и церквями... А налево серебряной широкой дорогой петлила Пинега, то обрываясь, то снова появляясь. И над всем этим голубой купол с множеством легких пробегающих облачков и тучек. Немного ветрено, но так весело, бодро! Захватывающе интересно было угадывать деревни, церкви...

— Вон Карпогорье, Параскева-Пятница, Пиремень, а сюда вон Юбра, Почезерьье... и вон, вон вдали что-то мреет... Соколиные глаза Скомороха узрели даже пинежский собор, во всяком случае, пятно с горящей точкой. Там был некогда знаменитый волок,— так и называлось селение Волок,— волок между реками: Пинегой и Кулоем. Плыли сверху из резиденции московского воеводы суда на Волок и переволакивались на Кулой, в Кулойский стан, куда по договору с Великим Новгородом уже давно, до существования воеводства, Москва посылала охотников за ловчими птицами. Надо повер-

нуться направо. Отсюда по воздушной линии не так все далеко, как это считается по извилистой Пинеге. Вон Карпова гора — громадное селение, а напротив, на плоском берегу, деревня Кеврола с дивной черной церковью, чудом деревянного зодчества, построенной 220 лет назад. Эта Кеврола и есть древнейший город Кевроль, который новгородские ушкуйники обложили данью. Кулой долго был ареной политической борьбы Новгорода и Москвы. Победила Москва. Чудь напирала, и Москва в ограждение учредила в Кевроле московское воеводство. Весело, привольно жили воеводы, часто сменяясь, ибо Север считался лакомым куском, и сесть на Кеврольское воеводство стремились многие. Жили воеводы жирно и весело. Со свадьбами по образцу царских, с белилами, со столыниками на свадебных пирах, с веселыми скоморохами, с кулачными боями на плоских искусственных горках, с потешными масленичными катаньями.

Вместе с чистейшим надводным и надлесным воздухом вливалось в Московку дыхание истории. Не той истории, что подкрепляется документами, критически проверенными фактами, а простой обывательской, подкрепляемой живой памятью стариков, говорящих о древнем дне, как о вчерашнем.

Московка же ведь сидела под «Мировыми Соснами», а старики рассказывали, как под этими соснами встретились мужики двух враждующих деревень. Они шли судиться к воеводе и здесь под соснами заключили мир, чтобы не ходить на «правый суд». Воеводы жили сладко, тешились горками, а в правёжной избе стонал народ.

Все же, когда при Екатерине II было упразднено воеводство, учрежден на месте Волока новый город Пинег, в летний и жаркий день глупый народ плакал, провожая последнего воеводу, лодки с нажитыми богатствами и разобранные строения, что сплавлялись в новый город на Волоке. Плакал не потому, что воевода был хорош, а плакал над уходящей красивой пышностью, которая питалась народными же соками, плакал над превращением древнего города Кевроля в расплзшуюся черную деревню Кевролу.

Чудь? Что за люди? Жонки говорят, что чудь вылезает по ночам из земли с треугольными головами и бродит по свету вместе с нечистой. Мужики трезво рассказывают, что чудь, вроде зырян, воевала; ее оттеснили воеводы в леса, и остался от чуди брошенный мальчик

и Палец. Бросовых да Пальцов сейчас узнаешь по скулам. (Есть сейчас фамилии Бросовых и Палец).

Скоморохи? Московка знает, сколько песен, сказок, поговорок про скоморохов застряло на реке Пинеге, именно в этом ее звене, около древнего Кевроля.

Время от времени оно родит подлинных скоморохов. Здесь именно найдена оставшаяся живой в памяти одной старушки былина-уника о «Вавиле и Скоморохах». В сборнике XVII века лишь уцелела страница с названием «Вавило и Скоморохи», но самого текста не было, а здесь вдруг, пожалуйста, поют, знают. Почему? Да ведь их же гнали, скоморохов; церковь гнала их, а они, гонимые грешники, ушли сюда, на север, прилюбились народу своим талантом, и, чтобы поднять свое звание и значение, сложили былинку про то, что они не только не грешники, но святые и делают важное дело — переигрывают «Царя-Собаку». Если б Махонька согласилась сегодня спеть про Вавилу! Подойдет ли к теме о матери? Ну, конечно: они же так дружно жили мать и сын. Он для нее сеял пшеницу. Наверное ее «носком носил». Вот и рядом подлинный скоморох! Ведь если б ему дать лоск, образование, был бы крупнейшим актером, современным скоморохом, был бы членом Всерабиса, печатался бы на афишах.

А подлинный Скоморох давно уж понуждал Московку похлебать молока и «идти домой».

Домой? Где дом? У Александры? В Пинеге? В Москве? Ах, да, там, где сказки: на причале, на берегу. На Пинеге не было видно ни парохода, ни дымка. Отряхнула Московка свои думы и стала спускаться. У страшной дыры она покорно «схватила в охабоцьку» и не заметила, как очутилась внизу. Когда же она вошла в большую горницу, все сидели приободренные, веселые; хозяйка уставляла стол снедью и, завидев Московку, схватила ее за руку. Мерно и широко ее раскачивая, в такт певуче приговаривала:

Спали, почевали,
Рано весело вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем вытирали
Во карман руки совали,
Часты гребни доставали,
Буйны головы чесали,
Русы кудри завивали!

и совсем обычно, коротко: «С добрым утром!»

После трапезы и сердечного прощанья с хозяевами, стали спускаться, и привычные кавалеры заняли места около своих дам. Хороши были громадный Ошкуй с крохотной Махонькой. Но, как только началась тропа, ведущая к волости, Помор распростился, сказав, что встретится на берегу. Он крикнул идущему впереди Кулянину:

— Веди бабку с другой стороны!

— Сама поведется!

Но все же придвинулся к Московке, так что в трудных случаях она могла за него ухватиться. А дорога напрямик к реке, без тропы и после дождя, была трудновата. Когда Скоморох приостановился, чтоб выломать палку, Московка тихо спросила деда:

— Дедушко, ты, говорят, здесь корову нашел, коня нашел и помиравшего внука поднял? Как это ты? Заговорами? Слово знашь?

Московке очень хотелось записать заговоры.

Дед остановился и строго посмотрел на Московку.

— Вот што я тебе скажу. Ты жонка с виду хороша, говорка, да уж больно любишь все знать. Все тебе надо. Сколько лет, да далеко ли пожни, да хто брат, хто сват... А мы тебя не знаем. Ты што? Нашчот продналогу наехала? Ли может ты, носыря, силу мою хочешь отобрать? Ты што задумала?

Московка растерянно моргала глазами и ничего не понимала; она только чувствовала, что каким-то бестактным вопросом задела и напугала деда. А в чистых синих глазах деда горел настоящий гнев.

— Эх, встрел бы я тебя здесь одну...

Скоморох наконец выломал палку и спокойно отозвался, показав дюжий кулак.

— На пинесьску заставу наехал.

— То и вижу, што станицники!

— Ты чего взъерился? Высокоум Долгошшельской! Хто твою силу заберет? Цё брать? В ей силы поболе твоей,— потому грамотна. А што ей любопытно, как люди живут, дак благодарить должен.

Дед молча пошел вперед и вскоре скрылся. Московка была в отчаянии. И ей оскорбительно и как-то сама оскорбила деда; главное страшно, что не будет больше рассказывать... Скоморох утешал:

— Ты на его не смотри... Он зла не дёржит, только он боитсе нашшот ведовства. Все колдуны боятся, не любят, штоб разговаривали.

Они уже спустились к самой реке, и Московка кинула прощальный взгляд на Андигу, где они провели третий день, исполненный волшебства и чудес. Скоморох заметил с досадой:

— Настояшшу тропку прокинули. Эх, тебе было б легче.

Они уже шли берегом под горой к площадке, наполненной движением. Московка радостно ощутила «домой», Андига исчезла. «Дом» жил полной жизнью: кишел, передвигался, цвел прибежавшими ребятишками, которые сгрудились у тропы при выходе на площадку. Скоморох и Московка разом воскликнули:

— А, хвалёнки! Здорово вам!

Старшие хвалёнки, потупив очи, медленно истово поклонились, как степенные девушки на больших гуляньях, а потом жадно стали глядеть на пришедших, а младшие совсем застыдились и закрыли локтями глаза, да так уж и не отдирали их.

— Баушка, расскажи сказку, ту любую, што в воды сказывала, как купались... Московску, любую...

И Московка задержалась, а когда освободилась от ребят, начались перебивные разговоры со всем «домом».

— Што загостилась, баушка?

— Вести есь нашшот парохода: снялся с мели, в Карповой побывал и выша пошел, должно до Суры дойдет...

— Вода больша.

— Вот капитан-то обрадел, там у его вверху семейшка.

— Это што, на телеграфе узнали? Ходили так рано?

— Нет, жонка пришла, сказывала, видела, как снялся.

— В тридцати верстах сидел...

Скоморох, уже сидевший рядом с молодкой, крикнул:

— У нас телеграф редко дейсвует. Больша — радиосарафан!

Все покатались.

Когда наконец Московка подошла к холмику, там все сидели на обычных местах. Кулоянин под своим кустом начал что-то снова плесть, погруженный в обдумыванье и примериванье. На Московку он не поднял глаз, от чаю отказался. А чай разливал Помор и предлагал подлить коньячку, которым угощал и стоящих поблизости мужиков.

— Где взял? Ужели лавка пола?

— Затем и на волось бегал?

— За тем-то за тем, а лавка заперта. У приятеля находилось. Припасёно из Архангельска. Кушайте, бабушка, беспременно!

Вокруг сказочников собирались:

— Стоснулись без вас, бабушка!

— Стоснулись без сказочек, без говори-той. Тут на меленке-то мы тож поговорили. Мельник-от сам больно мастер.

Московка всполошилась:

— Где он? позвать бы, или к нему пойти бы.

— Да сиди уж! Хватилась! он уж уехал чищень смотря дня на два, далеко у него... Гледи и мельница не работат. На замки.

Помор заговорил:

— Аккурат севодня, была в 1854 г. бомбардировка Соловецково монастыря. И прекратилась пальба в шесть часов — аккурат я родился. Чайки англичанам столько зла наделали, што они отступились: собрались над фрегатом вне ружейнова выстрела, кричали так, што команды не слышно и все им застрали: и паруса, и на головы офицерам. Так они прокляли чаек.

— Так вот оно што! Ну, поздравляю вас, Олександр Ондреич! Вот почему и роскошное угошшенне! Давайте шшолканемся! Желаю вам всего доброго, всякой удачи!

Стали чокаться, и бутылочка опустела.

— Дедушко, выпей-жа ради такого торжесва!

— Довольно, што с табашниками сижу, язык разговорами поганю...

У Московки сердце захолонуло от мыслей:

«Не станет больше, ни за что не будет рассказывать, все пропало!»

— Олександр Ондреич, у вас жена, дети есть?

— Жоны не бывало. С матерью жил, когда дома бывал, а дети? Может, их несколько сот есь, не знаю, не спрашивал...

— Олександр Ондреич, расскажите про свою мать побольше.

— Што ж мать? Ежели бывали в Кеми, то про мою мать слышали. Останиху все знали. Мастерница была петь да сказывать, чего только не напоет, не наскжет!

Скоморох вмешался:

— Я как мальчишком в Архангельско попал, дак в Кемь ездил с купцом одним. Останиху видал и слышал.

Ну, уж!.. Иной сказывают, как корова в лужу хлюпат, а у Останихи — дак кажно слово к слову прильнуло...

Александр Андреевич продолжал:

— Я вам не сказку, а быль расскажу.

И он начал.

31. СОЛОМБАЛЬСКАЯ БЫЛЬ

В Соломбалы (портовая часть г. Архангельска) женьшчына жила. Я хорошо ей знал, Ографеной звали, она булками торговала у пристани. И был у ей сын, Ванюшка, лет десяти, все за границу просилса:

— Мама, пусти за границу.

— Не пушшу!

— Ну, я сам убежу.

И убежал. Пришел в Архангельско аглицкий корабь. Ванюшка с юнгой разговорилса, што за границу ему охота: мальчишка в Соломбалы живет, дак уж по аглички болтат. Юнга отвечает:

— Вон коптеен идет, у него просис.

Ванюшка к нему по-аглички:

— Коптеен! (значит капитан).

— Коптеен! я за границу хочу.

А тот ему:

— Полезай в трюм!

Ванюшка и полез.

Наутро корабь захоходил.

Ографена день ждала, на второй стала соседей спрашивать:

— Не видали ли где Ванюшки?

— Вчера видели, севодня не видали.

— Ах, подлец, наверно, убежал!

Естли бы в море потонул, то давно бы выкинуло, а то нигде нету. И так не бывал двадцать лет. Он уж старшим матросом ходил, женилса в Англии, трое детоцек уж было у них. И услышал он, што корабь идет в Архангельско за пшоницей. Он и нанялся старшим матросом: маму охота повидать. Жоны сказал, она заплакала.

— Узнат тебя мать, останешься там!

— Нет, я не признаюс.

Ну, пришли в Архангельско. Он думат:

«Естли мама жива, дак она у пристани булочками торгует».

И увидел ей, подошел и булочку купил за три копейки, потом в трактирчик зашел, у раскрытого окошка сел; чай пьет, на маму смотрит.

И так каждой день: булочку возьмет, у раскрытого окошечка сядет, на маму смотрит. Только и всево. Две недели так прошло, завтра утром корабль запоходит обратно. Он в последний раз булочку купил и двадцать пять рублей под булки подсунул.

Она ево не узнала, и он не признался.

Так и уехал. Вечером Ографена деньги нашла, соседкам говорила:

— Двадцать пять рублей кто-то обронил. Завтра спрашивать станут, дак я отдам.

Она незавидна на деньги была, это женшьчына, я ей хорошо знал.

На следующий год, весной, уж ево сердце тоскует: в Архангельско проситце. Опять нанялся на такой корабль, што за пшоницей идет. Жона беспокоитце, плачет:

— Оставишь ты нас, мама тебя узнат!

— Не узнат. Тот-там раз не признался и опять не признаюс.

Опять также булочку у матери покупат, в трактире у открытого окошечка сидит, на мать гледит. На отъезд сорок рублей приготовил и на прошиенье под булки подсунул.

Ографена опять деньги шшитат,— сорок рублей лишны. Опеть торговкам рассказыват, а они ей:

— Да што это, Ографена, у тебя: то двадцать пять рублей лишны, то сорок, а у нас — дак не у ково. Смотри, не сын ли тебе помогат?

— А, наверно, он, подлец! Ну, теперь стану всем покупателям на руки смотреть, не подсунут ли?

И всем Ографена стала на руки смотреть. Нет, ништо денег не подсовыват! Какой даст поболе, дак сдачи спрашиват.

Ну, и опять год прошел. Ографена стала уж старой. Ты пошьчытай-ко, сколько годов вперед ушло. А тот уж с весны на корабль нанялся в Архангельско идти, пшоницей грузитса.

Жона просто ручьем разливатца, плачот:

— Узнат тебя мама, ты признашьса, останешьса, забудешь нас!

— Да не признаюс. Те-там разы не признавался и сей раз не признаюс.

И опять: пароход стоит, грузитца, а сын у матери бу-

лочки покупает. Она ево узнать не может: он бретый, как англичанин. Знашь, англичанин бретый, черной, как свинья палёна!

Однако она всем на руки смотрит.

Сын булочку за три копейки купит, в трактирчик пойдет, у открытого окошечка сядет, чай пьет, на маму смотрит. На отъезд он уж ей сто рублей приготовил.

А она всем на руки смотрит.

Вот он в последний раз булочку купил и сто рублей подсунул.

А Ографена всем на руки смотрит, да как закричит:

— Караул! Грабят!

Ему бы не бежать, а он побежал.

Ево поймали и к часному повели. Она часному тихонько говорит:

— Это не грабитель, и он меня не ограбил. Это мой сын, и он мне сто рублей дал. Я хочу, штоб он сознался.

Часной говорит:

— Сознавайса! Ты ей сын?

— Ни-ни-ни!

По-англички.

— Документы!

Ну, документы у ево англички, все в порядке.

Она опять тихонько у часнова спрашивает:

— Можно ли ево донага раздеть? у ево родимо пет-но на левом боку, дак уж я признаю.

— Можно. Раздевайса!

Тот опять головой мотат, по-англички говорит:

— Ни-ни-ни!

— Ладно! не в Англии,— в Росей. Раздевайса!

Ну, тот видит, раздевайса, не раздевайса,— сознаватса надо. И пал матери в ноги:

— Мама! У меня за капитаном семьсот рублей денег, я все отдам, только отпусти меня!

— Мне не деньги нужны, а сын нужен!

— Мама, пожалей меня! У меня жона в Англии, трое детоцек...

— А присегнешь на икону, што на будущшу вёсну всех привезешь?

У часнова икона была, он присегнул.

И, действительно, все семейство привез.

Корабль две недели пшоницей грузитца. Ну што две недели? Как одна минуточка пролетели. Надо расставатца. Она и говорит:

— Как я без сына жила, оставь мне теперь старшо-во внука. Весной опять все приежайте.

Он оставил. На следующую весну она стала при-сматривать, каково теперь бы ей внука оставить, а сын говорит:

— Мама! Да поедем с нами! Посмотришь, как у нас в Англии живут...

Она и поехала. Да там и осталась. Говорят, очень ей в Англии пондравилось.

Этот рассказ мальчуганы, набравшиеся вокруг хол-мика, слушали, раскрыв рты, и каждый с молодцеватым и удалым выражением думал: вот, мол, я какой — мать не признал. Но потом они обмякли, притихли и насто-рожились. Помор дрогнувшим и рвущимся голосом про-должал.

32. СЫН К МАТЕРИ

Три года тому уж. Был я на заработках в Архан-гельске и собрался осенью домой, да последний рейс пропустил. А как пропустил? Загулял и все деньги пропил.

И билет был, дак и ево пропил. Остался в Архан-гельске.

И захотел маму видеть. Такая охота маму повидать, што были бы крылья, так на крыльях бы полетел! За-работал маленько, взял и пошел пешой. Сколько это верст будет, пошштай-ко! Летним Берегом пошел. Ка-ки оставалис деньги, все приел. Морозы ведь уж. Иду голодной, а все маму в мыслях держу. Блиско уж Со-рока, уж стал из силы выходить. Там знакомец жил. Я зашел в дом, на ево кровать повалился. Хозяйка при-шла, видит, спит-храпит на хозяйской кровати незнае-мой человек, испугалас. Однако муж в скорости пришел:

— Какой это проходяга? Это Олександр Останин! Не тронь! Пусть спит!

Ну, проснулса я, напоили-накормили.

— Што же ты,— говорит,— горной дорогой идешь? Какая такая нужда?

— Маму охота повидать.

Он мне три рубля дал. Немного я тут на лошади подъехал, а там опять побежал. Уж недалеко. И при-

шел в самую минуточку: мама помирать стала и все меня звала. Все же застал ее.

Все смолкли. Московка вопросительно взглянула на Кулоянина, но он продолжал угрюмо вязать петли. Махонька выручила.

33. МАТЬ И ЛЬВИЦА

Был-жил царь; у этого царя была жена молода и была у его мачеха. Сколько он жил с женой, и жена стала беременна и родила, а он выбыл куда-то не надолго время. Родила два мальчика. Она намаялась и уснула, а мачеха была зла, подкупила солдата:

— Вались к ей на кровать, брюки-ти верхни сдерни, вались в одних почтаниках.

Он так и сделал. Она донесла царю:

— Вишь у тебя жена, не успела родить, а спит с другом.

Царь схватил саблю, солдата сказнил этого и собрал собранье: как жену, куда девать,— дети незаконны.

Для людей она была милослива, добра: люди ей жалуют, сказали:

— Если они незаконны, дак закопать ей с детьми на полгода. Если незаконны, дак погинут.

Ну и спустили их в погреб.

Жили они полгода и выкопали их наверх. Ну, эти дети хороши-прехорошеньки, как налиты чем, полны.

И ползают по полу, у царя, у башмаков пряжки шшиплют.

Он не замог терпеть, ногами стоптал с глаз.

Отвезли ей в чисто поле: поди там, куда знаешь.

Посадила одного мальчика на праву руку, другого на леву и пошла. Шла, шла, приустала. День был солнешной, теплой, повалилась с детьми и уснула: один на правой руки, другой на левой. С левой-то руки прибежала львица и унесла мальчика. Она разбудилась: мальчика-то у ней нету. Вот тебе жалко, тут и зажалела и походила, походила, увидала в пещоре лежит львица и лапками тешит мальчика; наносила яблоков, всего и грабит, грабит лапками, тешит, веселит его.

Мать вышла на угор, перекрестилась:

— Слава богу, мое дитятко не погинет!

И сама пошла с одним. Приходит в деревню. У старица и старушки попросилась ноцевать. Ноцку ноцевала, и другу ноцевала и понравилась эта молодиця им.

— Живи, молодиця, у нас ты, рости сына; у нас детей нет, станем растить, дак будет сын, хлеба будут.

Скольки-ле время прошло — сын стал годов петнадцати, а старик был раньше богатырь. У его в комнаты были складены латы булатные.

Этот сынок ходит, оденет латы булатные и маширует там.

Старушка это подсмотрела его, сказала старику:

— Это нам не хлеба, этот сынок. Он одел латы булатные и маширует.

— Как тут не хлеба? Нам эти самые тут и хлеба.

Време идет, этот сынок — подходит ему двадцать лет. У этого царя сделалась война.

Он разослал везде бумаги, вот требовать на войны.

Этот сын средилсе на войну. Стал просить у дедушка, у бабушки блаословенья.

Они поплакали, блаословили и спустили его.

Он на судно и отправилсе. Идет это судно морем, увидели на берегу человек нагой.

Бросили ему поштаники. Он поворочал, поворочал и стал надевать. Бросили рубашку ему, — он тоже поворочал, поворочал, надевать стал рубашку.

Потом они стали к берегу приставать. Пристали к берегу. Этого целовека стали имать, он и заревел. Львица и подбежала, тут и есь. Стала людей забирать, горячице стала, а он стал ей унимать. Ну его на судно повели. Львицю бы и не взяли, она за им след, он ее приглашат, люди и не посмели ей оставить.

Они сошлись на судне, и вот брат брату рассказал: «ты мне брат!» Научил его говорить по-русьски.

И пришли в осударьсво. Стали срежаться воевать в чисто поле с противником, и поехали, отправились: один на кони, а другой на львици. Один брат едет по праву руку на кони — народ улицами валитце. По леву руку львица кинетця — так улицей с переулком, втрое валит народ. И всех перебили и отправились на пир к царю. Тут царь принимает воинов, ужинает.

Они из застолья вышли, да и в ноги пали.

— Батюшко, мы тебе сыновья. Ковда вы нас отвезли в чисто поле, одного из нас воспитывала львица, а другой жил у дедушка с бабушкой и мати также.

А бабка злая слушает.

Он их зашеил, в уста поцеловал:
— Дети мои возлюбленные! Где наша бабушка? Мы
на одну ногу наступим, другу разорвем.
А бабушка уж в петлю полезла да задавилась.

Московка пошептала с Махонькой, та просияла
и запела.

34. ВАВИЛО И СКОМОРОХИ

У чесной вдовы да у Ненилы
А у ей было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницю засевати:
Родну матушку свою хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней да веселые,
Веселые люди не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Уж ты здрасвуешь, чесна вдова Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило?»
«А уехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницю засевати:
Родну матушку хочё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдем к Вавилушку на ниву:
Он нейдет-ле с нами скоморошить?»
А пошли скоморохи к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здрасвуёшь, чадо Вавило,
Тибе дай бог нивушку орати,
Ишша белую пшоницю засевати,
Родну матушку тебе кормити».
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи,
Вы куда пошли да по дороги?»
«Мы пошли на инишное царьсво
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зетя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить».
Говорил то чадо ведь Вавило:

«Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочик
А во звоньчатой во переладец.
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочик,
А во звоньчатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
У того ведь чада у Вавила
А было в руках-то понюгальцё,
А и стало тут ведь погудальцё:
Ишша были в руках у его да тут ведь вожжи,
Ишша стали шелковые струнки.
Ишша то чадо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые:
Он походит с има да скоморошить.
Он повел их ведь домой-жа.
Ишша тут чесна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-те ржаные,
А и стали хлебы-те пшонные.
Понесла она куру-ту варёну,
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печьней столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые,
И спускают Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороги,
На гумни мужик горох молотит.
«Тебе бог помож, да те кресьянин,
Набело горох да молотити!»
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куда пошли да по дороги?»
«Мы пошли на инишьшоё царьсво
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зетя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тут да ведь кресьянин:
«У того царя да у Собаки
А окол двора да тын залезной.

А на каждой тут да на тычиньки
По человечей-то сидит головки,
А на трех ведь на тычинках
Ишша нету человечьих тут головок:
Тут и вашим-то да быть головкам».
«Уж ты ой еси да ты кресьянин!
Ты не мог добра нам тут ведь сдумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочик
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном припособят».
Заиграл Вавило во гудочик,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами:
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их кичигами сшибати;
Зашибал, он думат голубяток,
Зашибал да всех своих ребяток.
Говорил да тут да ведь кресьянин:
«Я ведь тяжко тут да согрешил:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-те, светые,
Ишша я ведь им да не молилса».
А идут скоморохи по дороги,
А на стречу им идё мужик горшками торговати.
«Тобе бог поможь да те кресьянин,
Ай тебе горшками торговати!»
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куда пошли да по дороги?»
«Мы пошли на инишьшое царьсво
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зетя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь кресьянин.
«У того царя да у Собаки
А окол двора да тын железной,
А на каждой тут да на тычинки
По человечей-то сидит головки;
А на трех-то ведь да на тычинках
Нет человечих-то да тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам!»
«Уж ты ой еси, да ты кресьянин!

Ты не мог добра да нам ведь сдумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочик,
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочик
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели куроци с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами;
Они стали по оглоблям-то садитьсе,
Он ведь стал их тут да бити
И во свой ведь воз да класти,
А накла он их да ведь возочек.
А поехал мужик да в городочик,
Становился он да во редочик,
Розвезал да он да свой возочик,
Полетели куроци с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел ведь во своем-то он возочку,
Ишше тут у его одны да черепочки.
«Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-те, светые,
Ишша я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороги.
Ишша красная да тут девица,
А она холсты да полоскала.
«Уж ты здрасвуёшь, красна девица,
Набело холсты да полоскати!»
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди скоморохи;
Вы куда пошли да по дороги?»
«Мы пошли на инишьшее царьсво
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зетя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу.
Говорила красная девица:
«Пособи вам бох переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ишша сына его да Перегуду.
Ишша зетя его да Пересвета

А-и дочь его да Перекрасу».
«Заиграй, Вавило, во гудочик,
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочик
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
А у той у красной у девици
А были у ей холсты-ти ведь холщовы,
Ишша стали атласны да шолковы.

(Как нам с тобой эти старины дороги, так им слово доброе).

Говорит так красная девица:
«Тут ведь люди шли да не простые,
Не простые люди-те, светые,
Ишша я ведь им да не молилась».
А идут скоморохи по дороги,
А идут на инишьшое царьско.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочик
А во звоньчатой во переладець,
Ишша стала вода да прибывати:
Он хочё водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочик
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочик
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
И пошли быки-те тут стадами
А стадами тут да табунами,
Ишша стали воду да упивати,
Ишша стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочик
А во звоньчатой во переладець;
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочик
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Загорелось инишьшое царьско
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царьско,
Он привез ведь тут да свою матерь.

Махонька закончила эту древнюю былинку, которую она знала одна во всей стране, а Скоморох прерывал пенье заливистым смехом.

Кулоянин заметил:

— Ты бы замест смеха Вавиле молился: твой покровитель.

— Даже иконы еговой не живет!

— Нет, живё.

— А ты видал?

— Видал!

У Московки, что называется, в зобу дыханье сперло. Хочется спросить, а страшно: вдруг опять носырей назовет. Не вытерпела:

— А где видал? А какая она?

Дед строго посмотрел, помолчал и милостиво ответил:

— Недалеко от нас Онуфриевы Кельи были. Етот скит Александр Третьей розорил. У нас скитница оттуда жила и икону ету оставила. Хороша. Писана по старому правилу. Вьюноша Вавило воссел, в руках гусли, и воспеват и возыгрыват. Он играет-то в Киеви, а на выигрыш берет в Царигради. Для скоморохов полезна икона.

— Дедушко, рассказал бы ты каку-ле сказку про мать!

— Матери разны бывают. Бывают и хуже мачехи. Вот расскажу...

Сменил гнев на милость и рассказал.

35. ТАЛАНЬ

Не в каком царсви, не в каком осударсви, а именно в том, в котором мы живем, жили были два брата. Один жил богато, у его была лавка, он торговал, а другой жил бедно, бился, бился. Дошли до того, што завтре детем ись нечего дать.

Жона говорит: сходи на заре к свешшенику: попроси у его хлеба.

Он пошел, еше тёмно, свешшеник спит, и не посмел он заколотиться, пошел домой.

Идет мимо гумнишша и слышит, как два работника заспорили, он стал слушать. Стал слушать, а его спорят Талань да Учась. Учась говорит:

— Што ты,— говорит,— над своим рабом сделала? Што он так бьетсе, и довела его до того, што детем и ись нечего дать сегодня.

— А ето за то, што он бедным не внимаает, над старыма смеется.

Вот пришел он домой, жона спрашивает:

— Ну, што, достал хлеба?

— Нет, не посмел заколотиться, поманя пойду.

А сам задумался, как ето он бедным не внимал и над старыма надсмиялсе? «Теперь уж таков не буду!» Вышел он из дому, а под ноги ему Талань и порснула. Он взял ее, в кладовушку занес и на латку посадил. Сходил к свешшенику: опять у того еше темно — спят. Вернулся в кладовушку, смотрит: а Талань кругом златинками обложила. Он взял одну златинку и говорит жоны:

— Я пойду у брата куль муки куплю.

— Да што ты? Откуль у тебя столько денег?

Он пошел, подал брату златинку,— он ему и куль муки, и круп и всего надавал, што и не унести, а на лошади нать везти.

Привез домой и говорит:

— Мне ешо и красной товар какого-ле нать.

Жона ему:

— Да што ты? Да кольки у тебя денег?

Пошел, взял у Талани с латки две златинки и пошел к брату, подал ему две златинки. Брат посмотрел и говорит:

— Дак за эти златинки и товару тебе не нарезать. А, знашь, бери половину всего, што в лавки есть и в кладовой, и торгуй так же, как я.

И повезли ему всякого товару, половину, што в лавки было и што в кладовой. Стал торговать, и торговля пошла такая, што только поспевай лавки строить.

Строил лавки в разных городах и за границей уж стал.

Вот он уехал за границу надолго, а тут стал к его жоны солдат из казармы ходить, Васильем звали. И стал он удивляться, откуда у их такое богасьво: «што-нибудь у их уж есь». Стал спрашивать ее:

— Скажи, што ето, откуда у вас такое богасьво? Што такое у вас торговля идет: никогда никакой утраты нету. Што-нибудь есь?

— Есь, да сказать не смею,— она отвецят.

— Да хто-жа нашу таинку узнат? Знать только будем ты да я, да мы с тобой.

Она ему и сказала:

— У нас Талань есь... и рассказала.

Вот и задумал он напустить на себя лютую немочь, и што будто во снях ему привидилось, што надо ету Талань подколоть и изжарить: я съем серьеце этой Талани, и она уж во мне будет.

Вот он и напустил на себя лютую немочь: на коецьке лежит и в больницу не хочет.

Она ждет, ждет Василья: не ходит к ней, вот уж сколько дней. Взяла там дессерту, конфетиков собрала, надернула платок и отправилась. Там дневального солдата спрашивает:

— Нде у вас тут Василей?

Дневальной отвецят:

— Есь такой у нас, очень болен, на коецьке лежит и в больницу не хочет.

— Нельзя ли к ему?

— Можно.

Он ее провел.

— Василей, да што с тобою?

— Ах, мне как не можется...

Упала она к ему на белы груди, слезами заливаеця.

— Да не надо ли тебе чего? Не хочешь ли чего?

— Да, во снях мне виделось, што подколоть бы мне Талань, да зажарить, да серьеце съесь, дак я бы оправился.

— Ах, как же я могу подколоть ей, муж вернется, узнает.

— Да, знашь, ребята пулях ловят, купи у их пуляху, да подмени. Талань подколи, да зажарь, а на место ей пуляху посади.

Вот она так и сделала. Купила у ребят пуляху, лапки свезала и на место Талани опутинками к латке привязала, а Талань подколола и кухаркам наказала скоро изжарить.

Вот кухарки скоро справились, из печьки ето жарко вынесли, поставили, а двое детишек тут бегали, стали жаркое пробовать, да так подравилось, што пробовали, пробовали, да все съели.

Кухарки хватились.

— Вот, што теперь вам будет? Матка теперь вам уши нарвет, што как ей ето жаркое скоро куда-то нести было нать.

Ребятишки придумали:

— Вот поймайте цыпленка у куры, да поджарьте. Она не узнает.

Они так и сделали и в печь опеть поставили. Хозяйка справилась идти:

— Што жарко? Готово ли?

Кухарки отвечают:

— Да вынесли было из печьки, да нам показалось, как сыровато, дак опять в печь поставили.

Она тут ногами затопала:

— Ах вы такие, сякие, ницего справить скоро не можете.

Ну, потом дождалась наконец, как жарко скоро поспело, и снесла в казарму. Василий цыпленка съел.

— Ну, што? Как тебе, Васильюшко?

— Да будто как лединка от серьця отвалилась.

Ну, и повеселела она.

А ребятишки к матери бегут, што обрать себя не могут, сколько у их денег.

Она их давай бить:

— Это вы все воруете, бегаєте все в лавки.

И жалуется етому Василью на их. Он догадался, што в их Талань, а не в ем, и опять надумал лютую немочь на себя напустить и што надо ему етих детей подколоть, серьце зажарить и съесь. Вот он опять перестал к ей ходить. Колько-то у ней не бывал, она в узелок конфетиков свернула, пошла в казарму, дневального спрашивает:

— Нде у вас тут Василей?

Дневальной отвецает:

— Очень больной: на коецьке лежит, в больницу не хоцет.

Она пошла к ему:

— Што ты? Што с тобой?

— А ничего не могу, оцень я больной, ослаб совсем.

Пала она ему на белы груди, слезами залилась:

— Да может тебе чего нать?

— Да... виделось во снях, да только сказать страшно...

— Да ты скажи. Да хто нашу таинку с тобой знать может, как только ты, да я, да мы с тобой.

— Виделось мне во снях, што если б твоих детей убить, да серьца ихны зажарить, да я б их съил, так и полехчало б.

— Да как ето сделать? Убить их не жалко: такие дрянные, все воруют, денег у их нельзя обрать, и вот муж вернется да узнат...

— А ты подговори дворника. Пусть повезет катать-

ся, за городом, под мостом убьет да там бросит. Нихто не узнает. А серьяця пусть вырежет.

Она пришла домой и говорит дворнику:

— Наймись мне-ка детей убить.

— Да как можно...

— Они такие дрянные, все кругом воруют, денег у их обрать нельзя...

Ну, и нанела его. Вот он повез детей кататься. Катает целой день, уж пора домой, он повез их по край города. Дети говорят:

— Што ты,— говорят,— везешь нас куда-то по край города, как нам домой нать...

А тут уж и мост. У дворника рука не подымается их убить, он сказал им:

— Велено мне вас убить, а серьяця вырезать и принести. Мне за ето пятьсот рублей.

Они говорят:

— Ах, не убивай нас, мы тебе за ето колько денег дадим, как мы их обрать не можем. Ты убей двух дворяжек, вырежь у их серьяця, а мы уйдем жить со своима деньгами за три девять земель, и нихто про нас знать не будет.

Так и сделали. Он детей спустил, а сам назать поворотил.

Выскоцили две дворяжки, бросились лаять. Он их топором зарубил, серьяця вырезал и хозяйки принес. Она их сейчас же велела зажарить и в казарму снесла Василью. Василей съел.

— Ну, што? Как тебе?

— Будто как лединка от серьяця отпала.

Время пришло. Хозеин воротился. Она его со слезьми встречает:

— У нас в доме не по-старому, у нас не по-прежнему: утерелись дети...

Ну, отец загоревал, да што жь сделаешь?

А ети дети ездили, ездили по разным царьсвам, и попали в такое осударсьво, што там холера всех людей выморила, и не было царя. И было там положено, што, у кого в церкви перед иконой свешча загорит, тому жониться на церевны и сесть на царсьво.

Ети братья зашли в церкву помолиться, и у одного на головы свешча загорела.

Его жонили на царевны, посадили на царсьво, а другому брату быть наследником и великим князем. Вот они живут и приезжает к им гостить королевишна. (Так

вот одна жила и ездила, — как у нас прежде англичанка была). Стала она с великим князем в картоцьки-тахмоцьки играть и все ему проиграла: все свои корабли, вообще имушшесьво. Што ж делать? Она догадалась, што в ем Талань есь. Стала его просить взеть ее в замужесьво. Но он не согласился. Тогда она стала его угошшать... кормить, и до того наугошшала, што он стал блевать и выблевал Талань нетленную. Она ету Талань схватила, вымыла и съела. Стала с им в картоцьки-тахмоцьки играть и отыгралась и развеселилась, стала угошшаться, наугошшалась и заблевала. Он ету Талань схватил, вымыл и съел. Вот опять в ем Талань, опять он ее обыграл, и опять стала она в замужесьво проситься. Он отвечает:

— Я так не могу, а должен со своим осударем посоветоваться.

Стал с братом советоваться. Он и говорит ему:

— Я тебе советую, поезжай и посмотри ее королевсьво, какое там житье; как ты теперь не наследник, а только великий князь, у меня свой наследник родился, а ты сделаешься королем.

Ну, он совету послушал, поехал с королевшиной, посмотрел ее осударсьво и жонился.

У нее был ковер-самолет.

И придумалось етим братьям — царю да королю — полететь на свою родину: «Посмотреть нашего отца, да мать-поганку».

Полетели в свой город. И к богатому купцу в гости. Он устроил пир.

— А не может-ле хто каку побывальшину рассказать?

— Да, мы можом.

И братья все рассказали, как они Талань съили. Как дворнику велено было их убить.

— Не терелись-ли в вашем городе дети?

Купец отвечает:

— Да, терелись. У меня вот дети потерелись.

— Мы, батюшко, и есь.

Позвали дворника, он правду всю рассказал, и верного слугу наградили. Василью самосудом голову срубили.

— А мать самосудом судить не можом, пусть ее судит суд поднебесной.

Посадили ее с собой на ковер-самолет и понеслись.

— Што, мать, видишь?

— Вижу землю и людей...
— Страшно тебе?
— Страшно.
— А не было страшно детей убивать?
Признались ешшо в вышность.
— Што, мать видишь?
— Вижу землю и церкви божиин.
— Страшно тебе?
— Страшно.
— А не страшно было детей убивать?
И ешшо выше признались.
— Ну, што, мать, страшно тебе?
— Страшно.
— А не страшно было детей убивать?
Тут мать мертва с ковра-самолета пала.

Дед кончил, и Московка сказала:

— Фу, какая тяжелая сказка! Ты нам, дедушко, лучше спой про какую-ле богатырскую мать! Вот мы слушаем!

И Московка стала ждать, что Кулоянин запоет старинку про мать Дюка Степановича, богатейшую и чудеснейшую хозяйку на свете, или про Омельфу Тимофевну, но старик стал рассказывать сказку.

36. ИВАН ЗАПЕЧЕЛЬНИК И БОГАТЫРИЦА

Слушайте-послушайте, своих жон вы не спущайте, вы будете спущать — мы будем подчишшать, — это любо ли вам будет?

Жил да был царь Картауз, и у его было три сына — Василей, Федор да Иван-Запечельник.

Как царь Картауз тридцать лет не воевился, захотелось ему в цисто поле — широко раздолье самого себя показать и людей посмотреть.

Вот пошел он на конюшон двор, выбирал сера коня на яблоках. Вуздаль во уздилицу тосмяную, накладывал седельшко зеркальцятю. Выехал на цисто поле. Ехал день по вечеру, красна солнышка до заката и наехал на ископыт, што по колен конь нозьми увяз.

— Ишь, — говорит, — кака невежа гуляет!

И поехал в сугон по етой ископоти. Едет день до вечеру — красна солнышка до заката — наежжат на бел-

полотенен шатёр. И стоит конь. Он и поставил своего сера коня к тому коню белоярову пшеницу зобать,— который которого перебьет. Если егов конь перебьет, так и он того богатыря осилит. А тот конь егова коня не допустил.

Заходит он в бел-полотенен шатёр, а там разметавши девица-богатырица.

«Сонного бить, што мертвого» — и повалился с ей рядом.

Ета девица-богатырица, проснувшись — очень ей ето обидно показалось. Очень обидно показавшисе и стала его бранить.

— Што-жа ты без доклада зашел да повалилсе?

— А што-жа тебе ето вредно так показалось? Если ето тебе вредно показалось, так разъедемсе на три прыска лошадиных.

Сели они на коней, заскакивали на три прыска лошадиных. Брали они палицы бueвые, копия долгомерные, сабельки вострыя — съежжались по три раза, палицы бueвые поломали, копыя — сабельки пошшерба-ли,— не могли вышибитьсе. Нечем стало им на добрых конях распыскиватьсе. Соскоцили они со добрых коней и хватилисе в охабоцьку. И возилисе трои сутоцьки. Царь Картауз выходявши из силоцьки, стала она коленкой на белы груди, стала растегивать латы бueвые, хотела пороть груди белые, хотела смотреть ретиво серьцё.

Царь Картауз и взмолился:

— Есь у меня трои детоцек — не растегивай ты латы бueвые, не скрывай белы груди,— сделай надо мной каку надметинку.

Не стала она растегивать латы бueвые и сделала надметинку: выкопала глаза и положила за праву шшоку.

Посадила его на коня:

— Ну, вези своего овсяного снопа!

И ткнула коня под жопу.

Приехал царь Картауз домой. Увидали из окна косявсятаго его дети Федор да Василей, побежали на стрету:

— Здравствуй, родный папенька, чего ты делал, чего ты гулял, здорово ты ездил, здорово видал?

И увидали ети дети, што у его глаза выкопаны. И царь Картауз рассказал им про девицу-богатырицу.

И ети дети Федор да Василей сицяс выбирали сибе добрых коней, брали востры сабли, копыя долгомерны и

поехали всугон за девицей, за богатырицей. И три года им воротятые не было.

Приходил тут к отцу младший сын Иван-дурачек, стал просить блаословления ехать во цисто поле:

— Дай-ко мне блаословленьице с буйной головы до резвых ног ехать во цисто поле поискать етой девицы-богатырицы, да не наеду ли моих брателков.

— Ой, дитя, да ты ешьчо глупешенько, да ты малешенько. Братья твои уехали, да вот три года им воротятые нет...

А Иван не оступайтце:

— Блаословишь — поеду, и не блаословишь — поеду!

— Ну, дай я тебя оммеряю руками.

Оммерил его: Иванушка не тонок, не толст — два аршина толшины.

— Ну, по своему корпусу можешь ехать!

Блаословил его с буйной головы до резвых ног.

Взял востру сабельку, копье долгомерное и выбрал коня по плечу.

Конь заскакивал через стены городовые, запрыгивал через реки текущие, выехал он, как бы на почтовую дорогу. Едет он день до вечера, красна солнышка до заката, никто ему не стрецяится: ни птица летущая, ни зверь текущий, ни славные богатыри. Приезжает он к двум поворотам — стоит столб, и на столбу написано: «Вправу руку самово себя спасать, коня потерять; влеву руку коня спасать, самово себя потерять». Два поворота хорошия! Ну, надо же самово себя показать. И поехал вправу руку.

И вот наехал он: стоит дом под золотом.

Он колонулса во кольцо. Вышла к нему красавица.

— Што ты, бестия, на пустом месте? Занимается на станции!

Она стала вестей спрашивать.

— Ты у меня поспрашивай! Я — от тебя! Раньше покорми, напои, спать повали, потом вестей спрашивай!

Она напоила, накормила его, повела во спаленку. Там кроватка вся на пружинках.

— Вались к стенки!

Он был целовек смекалистой.

— Нет, ты вались!

Толкнул ее, она с кровати прогрязла.

Там шум, гам: она улетела в глубокою яму, и там разорвали ее на мелки куски.

Он над ямой наклонилсе, скрыццал:

— Кто там?

— Довольно нас: тридцать три молодца привезёны!

— А нет ли здесь моих брателков, царя Картауза сыновей?

— Есь, есь!

— О, вояки! Добро воевали — в какую ловушку попали! Как я вас буду теперь выручать?

— Вырежь у коровы ремень, на конце сделай мор (?).

Он взял его в ум: хлоп кулаком — корова повернулась (тут корова была на станции), снял кожу, скрутил кожу в обычный ремень, кроватку сметал проць, ремень спустил.

— Хватил ли?

— Хватил, хватил!

— Заберет ли нет у вас силы по ремню лезть?

— Да мы выветрены, не порато питаемся.

Ну, он стал их по одному таскать и таскать, всех выволочил. Корову сварили.

— Порато не обжоривайтесь.

Ну, ету корову съевши, дом сожгли, всяк себе скрывал добра коня. Иван-царевич братьев отправил домой отдыхать, а сам поехал дальше. Ехал близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, видит, стоит избушка.

— Избушка, поворотис к лесу шарами, ко мне воротами.

Избушка повернулась. Он взошел на крыльце, поколотился в кольцо, — вышла к ему распрестарая старая старуха.

— Вот бестия на пустом месте: какие старухи на станциях служат!

Старуха его напоила, накормила, стала вестей спрашивать.

— Куда путь держишь?

Он сказал.

— Ну, ложись спать, утро вечера мудреней.

Поутру Иван-царевич говорит:

— Бабушка, предоставь свою буйну голову к моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проежживало, да не столь много вежливо говаривало! Возьми, дитяtko, моего худа коня, оставь мне своего добра коня. На обратном пути пригодится, а теперь довезет тебя конь до моей сестры.

Он сел на ее худа коня: перчатку обронил, говорит коню:

— Стой! перчатку обронил!

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж двести верст проскакал.

Как сказал, так и делом: доскакали,— стоит избушка.

Он ее омололтовал, в избушки аминь отдало.

Выходивши распрестарая старуха.

— О, каки развезены старухи на станциях!

Бабушка его напоила, накормила и распросила.

— Предоставь свою буйну голову к моим могутным плечам, наставь на путь истинной.

— Много молодцев проежживало, да не столь много вежливо говаривало. Ложись-ко спать, поутру будем путь-дорожка смекать.

Поутру она говорит ему:

— Возьми моего худа коня, оставь своего добра коня, ето в обратном пути все тебе пригодится.

Он севши на коня, шапку обронивши: «стой!» А конь ему проवेशьчалсе:

— В кою пору говорил, я — триста верст проскакал, да за каждой вещью будем ворочаться, дак тогда дорога не скоро коротается.

Ехавши день до вечера, красна солнышка до заката, опять приехали: избушка стоит и выходит на крыльце распрестарая старуха.

— Все одны старухи на станциях!

Старуха его напоила, накормила, стала вестей спрашивать.

— Куда путь держишь?

Иван-царевич рассказавши, как девица-богатырница отцу глаза выкопала, говоривши:

— Я его дело роспытать хочу.

— О! глубоко загачивашь. Однако постараимсе. Ложись-ка спать, поутру станем путь-дороженька смекать.

Поутру она говоривши ему:

— Одень мой прежней китайник с бантами и я тебя перекрашу, как себя. Дам котка-баюнка: приедешь к дому осударскому, к палатам белокаменным, теми же воротами заежживай в крепосную ограду, што и я. Бродовою ступью штоб лошадь шла до того столба, где я своего коня везала. У ворот привратники, у дверей придверники, ты кланетьсе кланейсе, а рецей не говори, штоб по реци тебя не признали.

Вот Иван-царевич приезжат, идет в палаты белокаменны, его приворотники, придверники окликают.

— А, бабушка наехала, давно не бывала.

Он голову клонит, а речи не говорит.

Отворивши, заходивши во светлую светлицю, там спит-храпит девица-богатырица богатырьским сном, убившись из поездочки своей богатырьское.

Он вытащил из-за шшоки глаза: «Отхожу ее своим пером меж ногами!» Она разметавши лежит, и он подписавши на лбу: «Я твоим колодцем коня напоил да и колодца не закрыл».

И тут же зацерпнул воды живой и мертвой. После ефтой бытности сел на добра коня и хотел скакать через ограду. Конь провешшался:

— Ой, Иван-царевич, не заскакивай, мне не унести тебя, не понесут меня резвы ноги.

Не поверевши етого, ударил Иван-царевич по тухлым ребрам. Конь одним копытом задел за стены городовые. Струны зазвенели, богатырица проснуласе. Чует как ей што-то неловко...

— Ох, кака невежа паласе, каку-то подлог сделала.

И увидавши в зеркало, написано у ей на лобу: «За твой насмешки отсмялисе обратно».

Вот она выбиравши коня, которого ярчей, бойчей не было и отправлявшись в сугон.

Доехавши до старухи, спросивши:

— Хто такой, не проежжавши ли здесь?

— Да какая-то упадь нимо ползла. Едва, едва коняшка ноги переставлял, да ты отдохни, догонишь, поспешь.

— Што-то я как больня случилась с такого разгару.

— Не желашь ли баенку?

— Да охота бы.

Старуха сейчас байну топить, дрова мозгляшши, худяшши, баенка тышкается.

— Мне-ка потереться охота.

Старуха трет, все время длит: ручушки стали слабы. Отпарилась в етой баенки, нать сугоном ехать.

Приехала к другой старухи.

— Не проежжал ли хто?

— Какой-то бродяга ехал, едва лошаденка брела.

А ета втора старуха дала ему кремешок:

«Брось и скажи: была гора землена, сделайсе кременна!»

Третья старуха дас огнивец: «Будет тебя нарыскивать, напыскивать, ты брось».

Вот она едет: в том боку катышок, и в том боку катышок (*Шура ухлопалась, угорела от сказки. Так пожалуй, возможно*) ехать скоро не может. Доехала до третьей старухи, стала вестей спрашивать.

— Да какая-то шантрапашка проежжала, лошаденка едва плелась. Ты не гони порато и так догонишь.

Тут серье раскипевши, полетевши в сугон, а Иван был успешен, бросил кремешок и стала кременна гора.

Тутотка она кричавши ему:

— Сойдемся по согласию: я тебя не бить, не дуть не стану!

Упросить, умолить не могла.

— Когда так, я вернусь за пильшиками, за долотниками.

Съездила за пильшиками, за долотниками, они сделали проезд. Вот она достигат, а Иван-царевич, сменивши у третьей старухи своего добра коня, скрыццал ему: бежи, да не подпинайсе, и бросил огнивецё.

Загорело, запылало, пылом, огнем.

Богатырица наехавши.

— Украти реку огненну. Я за тебя иду взамужесьво, буду покорна, винна, и починна во всякой бытности. Ведь ты засеел два отрока.

— Ха-а. Забыла? Х.. ночевал, пошшупай-ко! Эта шуточка отштутиласе.

Тут она раскипеласе, захлопала в долони.

— По весны красные будешь во белых моих руках!

— Рано рыцишь: не заваривано. Когда попаду, тогда рыци.

Разъехались на Дунай реки. И стоит Иван-царевич разъехавшись на Дунай реки. Приежжавши к отцю родителю и заходивши в спальню, в которой отец спавши при койки. Бравши за шею и сажавши на крутую жопу, давай глаза вставлять. Потом спрыснувши мертвой и живой водой.

Загледели глаза по-старому.

Царь Картауз возрадовавшись любимому сыну.

— Чего ты, дитятко, желаешь? Не желаешь ли на царьство сесть?

— Желаю пить, шуметь по кабакам, по трактирам. Запыюсь, загуляюсь и штоб денег с меня не брать.

Вот царь спустил его пить и гулять. А в то время три корабля военных без всякого доклада зашли и на

пристань трое сукна разостлали: желто, голубо и сине.

Царь по утру из косявшата окошечка смотрит:

— Што за невежа случиласе, военного положения не открывает?

Вот старший сын пошел.

Ети отроки говорят:

— Маменька, не ето ли наш папенька?

— Нет.

Василей на корापъ зашел, ему вичьем жопу так нахлопали.

Федор пришел.

— Маменька, не етот ли наш папенька?

— Нет, не тот, да и не та поступь.

Етого тоже отречкали:

— Ступай, обсяной сноп! Доброй ты богатырь, не пошто тебе и ходить, не до того дела касаться.

Царь Картауз говорит:

— Ну, надо найти Ивана-дурака. Пускай сделает розыск, он ето дело расположит.

Розыскали Ивана в кабаке, поднесли ему чару в полведра: «так и так, како-то невежа стоит на пристани, военного положения не открывает, не знаем, што и делать?»

Иван принимавши чару единой рукой, выпивавши единым духом легохонько. Поднесли ему втору чару и третью. У него резвы ножки да затопталисе, черны глазыньки помутилисе, сердце раскипело, на пристань побежал, все сукна вырвал и разметал.

— Желаете военно положенье открывать?!

Она улешшивать, уговаривать:

— Не слышим твоей речи, заходи на корабль побеседовать.

Он зашел, там разненьких наливок, летёры и ромы направили для него. И поддали к тому же сонных капель.

Он заспал, а она удиравши по синю морю к своему месту.

Поутру Иван-царевич расширил свои глазочки:

— Ой, пропала моя головушка!

— Не пропала, а в те руки попала, што отхлопали... Чухарь говорил «пропал, пропал», как в сило попал; ты два отрока засеял, им бесчестно без отца. Приедем по тихой поветери, примем закон божий, я тебе буду повинна и починна.

И покатались ко венчанью.

Пирком-челком да и за свадебкой.

После ефтой бытности был у их три года пир, я там был, три года в гнезде жил. Вино по усам лилось мне-ка в рот не попало. Не осудите, господа!

Сказка кончилась, и Скоморох привязался:

— Тебя просили нашшот матери, а ты про Ивана Запещельника. Где жа тут мать?

— А богатырша? Она могла Ивана, как червяка, раздавить, а однако-жа смирена сделалась, из-за отроков. Отца им доспела. Нет, не говори. Очень даже хороша мать. Сама правильна.

— Конешно, конешно,— отозвалась Московка,— а што ты тако вяжешь? В ум не возьму.

— А нёвод.

— Какой же нёвод? Живо так вяжешь и маленькое што-то.

— Гледи. Вот крылья будут, вот рымпалы, а вот я уж начал матицу вывязывать. Ето внучкам. Пусть в полои тешатся. У нас как вода падёт, все полои остаются. Пусть им на потеху.

Мир был заключен. И Московка перевела глаза на Печорца.

— Федосей Павлиныч, што же вы-то ничего не скажете?

— Сей минутой готов! Да только сказка моя очень даже обыкновенна. Ведь уж слышали не раз...

— Все равно.

И Печорец завел любимейшую на Севере сказку.

37. БЕЗРУЧКА

Мать помирала, двоих детоцек оставляла: мальчика и девушку; детям наказывала, штоб жили советно и штоб брат сестры всегда слушалсе. Дети выросли хороши, жили советно. Брат стал торговать. И торговля пошла на эту девушку... дак не говори! Брат женился, а его жонка завидела эту золовку: брат в лавку пойдет, спроситсе у сестры, из лавки придет здороваается. Это жены любо-ле? Вот она подколола быка, а мужу на-сказала:

— Вот сестра твоя одичала: быка подколола! Пошто ты ей дёржишь?

А муж рассмехнулся:

— Вместе наживали, вместе и проживаем.

— И все так же: в лавку куда-ле уйдет,— сестры спросится; придет — с ей здороватсе.

Жонка опеть зарезала коня любимого и опеть мужу:

— Твою сестру гнать надо. Совсем дика! Твоего любимого коня зарезала!

Ему коня жалко и сестры жалко. Смолчал.

Тут жена родила ему, и дитё не пожалела: взяла в зыбке младеня подколола, а мужу говорит:

— Доколе будем дику дёржать? Ведь совсем дика сестра твоя! Ей убить надо: младеня твоего подколола!

Тут уж его живот. Не стерпел и говорит сестры:

— Скинавай цветно платьё, надевай цёрно платьё!

Взял топор, колодку и повез сестру в лес. Она змолилась:

— Брателко! Не убивай меня! Отсеки у меня руки по локот!

Брат убивать не стал, отсек ей руки и бросил в лесу.

Не осподь знает сколько времё прошло; ходит она —

Низко-ле, высоко-ле,
Близко-ле, далеко-ле,
Солнцем пекёт,
Дождем секёт,

и вдруг царска охота набежала и остановилась: ей не задевает, и царевич наехал. Она из-за кусья кричит:

— Не подходи! Я — девица, вся обремкалась, чуть не нага. Да и рук нету!

Царевич свой сертук скинул, ей приокутал. Глянул — она красавица. Краше нету. Говорит отцу:

— Батюшко, возьмем эту Безручку. За незаправду она казнена, за напраслину!

— Возьмем! У меня положено: кого перву сей день стретишь, ту и брать!

И взяли. Сделалась она царевна и оберменела. Царевич выехал куда-ле из царьсва, и бог дал ей младеня: в лобе соньце, в тыле — месяц, по косицам — часты звезды, по локот руки в золоте, по колен ноги в селебре.

Вот написали отцу радошно извесье и отдали посыльнику. Посыльник шел, шел, опристал, да и завернул ноцевать к купцу, к ейному брату. Эта жонка письмо сменила, положила друго: «Родила твоя жена: тулово собацье, ноги росомацьи, уши заецьи».

Царевич прочитал и отписал: «Какой ни родилсе,

пусть до меня дёржат». На обратной путь этот посыльный опеть завернул к купцю, а жонка ответ сменила:

«Казните их обеих».

Старой царь письмо прочитал, понеть не может. Нать мужня воля сполнять, а казнить рука не поддается. И придумал: этого ребеночка привезать на эти окомецки и спустить их опеть в лес.

Вот и пошла Безручка о сыне. А на стрету ей проходжай старицек:

— Куда, молодушка, пошла с парничком?

Она все обсказала:

— Дитё у меня тако, што ни на куго не похоже. Конем бросят, кони не легают, коровы не будут, овцы не топчут. А у меня рук нет, одны оттепки.

— Ну, иди о синё морё.

Она и пошла. Пришла к синему морю, а дитя уж дивно стало, говорит:

— Мамушка, я напыюсь!

Она нагнулась, а мальчик пал в синё морё! А ей подхватить нечем. Вот уж горё! Она плацёт. Никуго на бережку не видать, а голос слышно:

— Зайди в воду. Вон руки-те пловут!

Она зашла, видит руки к ей пловут и прямо прильнули к окомецкам. Она и схватила дитё.

Вот пошла о мальцике. Он уж за ручку идё. Приворотила к брату. Он не узнал: с руками, дак уж... Царевича в гости дожидат. И царевич прибыл, да не узнал царевны: с руками, да с мальчиком, где уж!.. Пир запоходил.

— А не можот ли хто какой побывальшины рассказать?

— Мальчик можот. Только штоб уж не пересекать!

И стал мальчик рассказывать, как сестра с братом советно жили, как братня жона...

А дедина та пересекает:

— Вот уж неправда! Андели, брехня!

Брат ей на воротах расстрелял. Тут все Безручку признали. Брат поехал к зетю на царьсво жить.

Сказка эта, как всегда, заставила притихнуть ребят; они были в полном восхищении: у многих напустились на глаза слезы.

Наконец Печорец произнес:

— А теперь я для ребят расскажу про мачеху.

И он начал.

38. ПАДЧЕРИЦА И ДОЧИ

У хресьянина была доци. Как у его жона померла, он жонился опеть, а жонка опеть девку принесла. Вот мати свою-то девку любит, а падчерицу со свету сводит.

— Напреди, курва, моток! Полощи, курва, моток!

Она моток напредила и пошла полоскать.

Моток-от в пролубь уронила и сама туда спустилась.

Видит — стоят коровушки:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами!

Она подпахала-подгребла, поклонилась и пошла.

Опять видит — стоят кони:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами!

Она подпахала-подгребла, поклонилась и пошла.

Опять видит — стоят козла.

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами!

Она подпахала-подгребла, поклонилась и пошла.

Опять видит — стоят олешки:

— Красная девица, подпаши под нами, подгреби под нами.

Она подпахала-подгребла, поклонилась и пошла.

Опять видит — стоят овецки:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами.

Она подпахала-подгребла, поклонилась и пошла.

Шла-шла и вешальца нашла. Видит, стоит избушка на курьих ножках, об одном окошки.

Вот она в избушку вошла, видит бабушка живет. Она бабушке и говорит:

— Бабушка, я мотоцик уронила.

— Дитятко,— говорит,— на вешальцах возьми.

Ишо говорит:

— Истопи у меня баенку, да вымой у меня детоцек.

Она побежала, баенку истопила.

— Бабушка,— говорит,— дай чем вода носить.

— На,— говорит,— решето!

А чего решетом наносишь?!.. Летит птицька:

— Девушка, тилкой да гнилкой! Тилкой да гнилкой!

Она гнилкой-то решето замазала и воды наносила.

— Дай, бабушка,— говорит,— детоцек.

Она поклала мышов, да кротов, да крысов.

— На, говорит, иди вымой детоцек.

Вот она склала их в решето и пошла мыть. Как из байны-то пришли, детоцьки и говорят:

— Мамушка, мамушка, ты нас так навеку не мывала,— она у нас каждой перстышек вымыла.

Вот она ей золота лукошецько наклала, да и мотоцик отдала ей. Девушка и домой пошла.

Видит опеть стоят овецьки:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами.

Она подпахала-подгребла, поклонилась и пошла. Они дали ей овецьку с егненком.

Опеть стоят кони:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами.

Она подпахала-подгребла, поклонилась и пошла.

Дали ей кобылу с жеребенком.

Видит, опеть стоят олешки. Те дали ей важенку с теленком.

Опеть стоят козла. Дали ей козу с козленком.

Опеть стоят коровы. Еще дали ей корову с теленком.

Вот она и погнала стадо домой и татушки отдала.

А мачеха-та была завидна и говорит дочери:

— Напреди, Маша, моток.

Маша моток напрела и полоскать пошла. Моток в пролубь уронила и сама туда спустилась:

Видит — стоят коровушки:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами.

Она:

— Насеру-присеру вам!

И дальше побежала.

Опеть видит — стоят кони, опеть козла, опеть олешки, опеть овецьки:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами.

— Насеру-присеру!

Не взглянула, мимо пробежала.

Прибежала к избушки, схватила мотоцик с вешальця и в избу забежала.

Бабушка ей говорит:

— Девушка, истопи баенку!

Она баенку затопила и говорит:

— Чем тебе вода носить?

— На,— говорит,— решето.

Вот идет она вода носить — летит птицька:

— Девушка, тилкой да гнилкой. Тилкой да гнилкой.

— Кол тебе в пасть,— говорит.

— Поди,— говорит ей бабушка,— вымой, девушка, детоcek.

И наклала ей мышов да кротов. Она и оборвала у новóго ножку, у новóго ручку.

Те давай жалиться матери:

— Мамушка, мамушка, нас,— говорят,— мыла — у новóго, ножку, у новóго руцьку оборвала!

Плацют.

— У, знай так!

Она в лукошецько наклала ей уголья живого.

— Поди,— говорит,— с матерью дели в соломы, тут в лукошецько, говорит, серебро накладено.

Вот она и пошла домой. Видит, стоят козла:

— Красная девушка, подпаши под нами, подгреби под нами.

Нимо пробежала, всех нимо.

Вот она из пролубли и вышла. Ницего с собой не принесла, только лукошецько с угольем.

— Мама, иди,— говорит,— делить на солому.

Стали они делить, отворили лукошко,— пыло выскоцило, солома загорела, и сами они сгорели.

Все знали, что настала очередь Скомороха, а потому заранее начали улыбаться. Глядя в упор на ребят и как будто рассказывая только для них, Скоморох заметил:

— Бывают и глупы матери.

И начал.

39. ДОРОНЯ

Жили старуха и старик. У их был сыночек — Доронюшка. У их были гряды,— там лучина, поленья лежали, а сынок под грядями сидит, играет: увидала мать и заревела.

Старик пришел, а старуха разливается-ревет.

— Чего ты?

— Ох, сидит Доронюшка играет, а я посмотрела упадет, думаю, поленье, зашибет головку, и нет Доронюшки. Не видать нам внуцятоcek...

И старик заревел.

А Дороня уж на возрасти был, двенадцать годов было, не стерпел:

— Пойду же по белу свету искать, есть ли хто умняе моих стариков.

Встал и пошел.

Пошел искать умняе и видит, мужики корову на байну тянут: там трава выросла.

— Што вы делаете?

— Хотим траву коровы скормить.

Он траву скосил да коровы кинул. Мужики рты разинули и в затылки почесали. Дале пошел, видит: жонка, мужик да парень троима гоняют лошадь в хомут вицьём и кольем.

Он взял хомут да на лошадь надел.

Анделы, они ему награду: экой ты доумелся!

Пошел вперед, видит: дом высокой, старинной. На звозе веснут штаны белы. Баба крыцит:

— Скоци, попади в штаны!

А мужик скацет, попасть не можот.

— Што ты, дяденька, муциссе?

— В штаны не могу попасть. Как не попадешь, носи грязны.

Дороня подал ему штаны.

— Нет уж, видно, мои родители умняе.

И пошел домой обратно.

Вот жил-пожил Дороня да и помер. Родители все его жалели, все Доронюшку поминали. Вот старуха одна сидит дома, окошечко поло; видит, идет нимо служимой домой на побывку, она и скрыщяла:

— Откули, милостивец?

— С того света выходець!

— Ой, заходи, не видал ли нашего Доронюшку?

— Видал. Ваш Дороня на небе боронит. Наг, худ, оборвался, лошаденка худа, шубы нет...

— Ой, не возьмешь ли цего у нас для Дорони?

— Отцего не взеть? Возьму!

Старуха шубу самолучшу подала, коня самолучшего вывела.

— Не возмешь-ле муки, крупы?

— Давай!

Она ему всего подала, портна трубу подала.

— А сапоги?

— Да худяшши!

Она сапоги новы подала. Служимой сел на коня, все забрал да и... махнул!

Старик возвращатсе. Старуха ему:

— Старик! Кто у нас был! С того света выходиць. Нашего Доронюшку видал. Наш Дороня на небе боронит! Наг, худ, оборвался, шубы нет, лошаденка худяшша, сапоги рѣзны... Я ему всего дала: коня самолучшего, шубу самолучшу, муки-крупы, портна трубу подала, сапоги новы...

— Ах ты!..

Давай старуху школить! Ну, што ж? Што со старухой поделашь? Так ницего и не поделал.

Еще не затих ребячий смех, как Скоморох снова рассказывал.

40. ДУРЕНЬ

Пóшол дурень, да пóшол барин в лес лесовати да круги занимати.

Идёт поп. Он ему: «Босько-усь, босько-усь!»

Поп его начал тросью колотить. Пришел домой:

— Мати, тут меня били, да тут колотили!

— Што эко, дурень, сделал?

— Да што? Поп шел, я ему: усь-усь! Он почал меня тросью колотить...

— Экой ты дикой, дурень! Ты бы в ноги пал: бачко, **блаослови!**

— То я, мати, завтра!

Пóшол дурень, пóшол барин... Навстречу-то дурню идет медведь.

Он пал ему в ноги:

— Бачко, блаослови!

Медведь начал его тятать... Он пришел домой.

— Мати, тут меня били, тут колотили.

— Што это, дурень, сделал?

— Да што? Медведь шел,— я ему в ноги пал: бачко, **блаослови!** А он меня затыпал.

— Экой ты дикой, уж уйти-ле от его? Ты бы в ель колотил: босько-усь, босько-усь!

— То я, мати, завтра.

Пóшол дурень, пóшол барин в лес лесовати да круги занимати. Едет свадьба. Он в ель колотит: «босько-усь, босько-усь!»

Конь у их испугался, побежал, все растрепал у их. Его почали бить-колотить. Он опеть пришел:

— Мати! Тут меня били, тут колотили...

— Што эко, дурень, сделал?

— Едет свадьба, я кричал, в ель колотил, конь испугался их...

— Экой ты дурень! Ты бы молился: «Дай бог вам на житьё-бытьё на богачесьво», они бы тебя не выбили.

— То я, мати, завтра.

Пошёл дурень, пошёл барин в лес лесовати да круги занимати. Покойника везут. А он им кричит:

— Дай вам бог на житьё-бытьё, на богачесьво!

Почали его бить, колотить, всего выбили. Он домой пришел:

— Мати, мати, мати! То-то меня били, то-то колотили...

— Што эко, дурень, сделал?

— Покойника везли, я скрычал: «Дай вам бог на житьё-бытьё, на богачесьво...»

— Экой ты дурень! Ты бы молился: «Упокой, господи, душу усопших рабов твоих».

— То я, мати, завтра!

Пошёл дурень, пошёл барин в лес лесовати, круги занимати. Едут, котора свадьба ехала, едут на госьбу угошшаться. Он молитця:

— Упокой, господи, душу усопших рабов твоих...

Его почали бить, почали колотить... У их конь бросилсе, испугалсе, все выпружил: пироги да подушку.

Он все собрал, домой пришел.

— Мати, тогда меня били, сегодня подарили!

Не можно с им больша жить. Хочет убежать. Сухарей насушила мешок и поставила за ворота: как его нет, бежать штоб ей.

Этот дурень наперед матери пришел, посмотрел в мешок, сухарьки вытрехнул, в мешок сел, сам завезался.

Мати пришла, посмотрела: нигде нету его,— схватить кашолка... бежать!

Схватила кашолку, потрепала... Бежит с кашолкой с сухарьками (мати, видно, тоже не остра была у ево).

Бежала, бежала... Сесть на пенек да съесть сухарёк, дак полехче бежать...

Он в мешки кричит: «Я, мати, хочу-жа!»

— Ах, он где-то видит меня.

Она опять на убог побежала. Бежала, бежала... тошно исть захотела... Только за мешок, а он:

— Я, мати, хочу-жа!

— Осподи, осподи, ишша видит меня!

Бежаты! Бежала, бежала...

— Хочь видит, хочь не видит — я закусывать буду.

Села под елушку, развезала мешочек сухарьков поисть, — он в мешки сидит.

— Што ты, дикой, наделал, ни одново сухарька не оставил! Я тошно исть хочу!

— Я тожа хочу.

Вот и тёмно стало.

— Зверьё ходит, съедят нас. Поедем на ель ночевать.

Дурень говорит:

— Поедем, мати, на ель.

Мати говорит:

— Я тошно исть хочу, мне и не залезть.

— Полезай, мати, я по жопе пехать стану.

Ну, и полезли на ель. Мати лезе, он пеха.

Там уселись на ель. Шли разбойники: под ту ель сели деньги читать.

А он там видит их. Он говорит:

— Я, мати, закрычу!..

— Што ты, дикой, ведь убьют нас...

— Нет уж закрычу!

И закрычал:

— Я вас убью-ю!

И они испугались.

— Ой, сам Исус Христос крычит!

Побежали, испугались, всех денег оступились.

Вот они тут слезли, денег поклали, домой пошли.

Конечно, в тот день и трапезничали, и отдыхали, и узнавали насчет парохода. Уже не «радиосарафан», а настоящий телеграф принес известие, что пароход добрался благополучно до Суры и выходит вниз.

И когда уже в поздний час все улеглись, Московка закричала:

— Товаришши, Трудовая Республика! Придумайте на завтра сказки о труде.

Скоморох не замедлил ответить:

— К примеру, как я преу, как квашню развожу, как на медведя хожу... Да што же я сдуру сегодня рассказал! Мне бы завтра!

Московка отвечала:

— Ничего, на завтра ишшо каки-ле приберешь!

Кулоянин заворчал:

— Да што на них угомона нет! Спать же дают!
Убай ты их, молодка!

В это время молодка, что-то мурлыкающая своему ребенку, запела нежней и более четко, или это так казалось, оттого что наступила тишина.

Баю-баюшки баю,
Да уж Колюшку лю-лю,
Ходит сон по окон,
Бродит дрёма
Возле дома.
Как у Коли колубель
Во высоком терему,
Во высоком терему,
Да на тонком очепу.
Кольца пробойца
Серебряные,
Положочек золотой камки.
В изголовьях куны,
А в ногах соболи,
Соболи убают,
Куны усыпят.

Так день четвертый, посвященный матери, закончился материнской песней.

День пятый СКАЗКИ О ТРУДЕ

и засиял чистым небом, ясным солнцем, зазвенел щебетом птиц и радостной вестью, принесенной посетителями из волости: пароход пришел в Карпову Гору, поджидает посадки какой-го экспедиции и сегодня обязательно до заката придет

сюда. Московка всякими разговорами задержалась в кулуарах и, когда пришла на свое обычное место, заседание было в полном ходу, а Помор был выразителем общественного смущения.

— Ну, и загонула ты нам, Московка, загадку! Каки таки сказки нашчот труда? Век трудимся, а век не слышали. Не живут! Не бывает!

— Как не бывает? Может, волшебны: кто-ле помогает или мешает, кто-ле работает, а другой смеется, кто-ле с умом, а новой без ума.

Скоморох ввернул:

Фалилей, Фалилей,
Навалил в поле елей,
Пришел к жонки спрашивать,
Куда елки снашивать?
Ты, дурак, не спрашивай,
Навалил, дак снашивай!

Московка улыбнулась и продолжала.

— Наконец, просто расскажите, Олександр Ондreich, про свой труд. Да у вас должно быть множество приключений на море...

Дед, внимательно слушавший, сказал деловито и основательно:

— Ведь какие бывальшчыны бывали,— никакая типография не сочинит теперь. Уж не знать, кака товда типография сочиняла!

Московка готова была поцеловать деда от восхищенья.

— Вот, вот! Ну, Олександр Ондреич, начинайте, с вас и пойдет, потом Махонька про женский труд, про хозяйство, либо пряху...

Помор ответил:

— Нет, я сказку-таки надумал. Думаю, што очень подходячая...

— К моменту!

Это опять ввернул Скоморох, с торжествующим видом оглядывая всех.

Помор откашлялся и начал.

41. ГОРДАЯ ЦАРЕВНА

Я вам про государя одново расскажу. У него в молодых годах супруга умерла и сына оставила лет двух. Можно бы и жениться ему, да он не мечтал.

И дорос сын Ваня до семнадцати годов. Тут опять министры к императору подступили: ваше императорское величество, вам бы жениться.

— Я не прочь.

И стали присылать ему партреты разных там и княжеских, и королевских, и царских дочерей. И были все эти партреты заключены в громадну рамку и задернуты занавесом зеленово атласа.

Однажды император уехал на охоту, а принц Ваня ходит по дворцу и зашел в императорску спальню.

— Ах, у папаши спальня роскошно убрана!

И лег на кровать. И видит зеленово атласа занавеса. Он ей оддернул. В большом формате громаднейша рамка и там партреты. И одна красавица очень ему полюбилась.

Когда император вернулса с охоты, сын говорит ему:

— Папаша, я жениться хочу.

— Што ты, Ваня, не молод ли, ведь у тебя и усов не видать?

— Нет, папаша, я решил.

— Ну, а естли решил, может, и невесту выбрал?

— Да, папаша, я выбрал.

— Кто же?

— А вот.

И показывает партрет.

— Ах, вот што ты у меня подсмотрел. Я ведь и сам на ней думал жениться. Ну, я уж сыну уважаю.

Ну, вот, и пишут письмо свадебно. В те времена телеграмм не было, почта из одной державы в другую, не знаю сколько, может, тридцать дён ходила,— так курьера посылали. Ну и на сей раз послали одново господина, не из простых, а высокопоставленново полковника. Император сказал ему:

— Ты обрати внимание, как тебя принимать станут, почтение все помни, ты нам передай.

Полковник отправилса. Император иностранной державы принел ево великолепно; угошенье предлагает. Полковник отвечает:

— Я должен исполнить порученье, а потом уж угошенье. Мой император хочет своево сына женить на вашей дочери.

— Ах, я очень доволен, очень рад, я вашево императора уважаю, но извините, без согласия дочери не могу, должен ее спросить.

— Да, уж это, пожалуйста.

Император позвал дочь.

— Вот, говорит, соседний государь просит тебя за своево сына: согласна ты или нет?

— Я слыхала, што эта держава богата и войсками сильна, но извините, я должна раньше видеть хоть партрет.

А у полковника был с собой партрет прынца в красках. И надо то заметить, красивой был прынец, но бледной, малокровой.

Она посмотрела.

— Ах, говорит, какой бледной, как белая береза!

Бросила и наплевала на партрет. Полковник поднял партрет; што было у него краски в крови, вся в лицо выскочила. И уехал.

После ево уезда император дочери говорит:

— Што ты наделала, ведь теперь война будет!

— А не хочу за белу печальну березу идти. Тпфу!

Она, знашь, девки ветрены.

Полковник отпартовал все своему императору: партрет на пол бросила, плюнула, «не хочу, говорит, за белу печальну березу идти».

Старой государь разгоречился.

— Воевать! Собирать войска!

А принц говорит:

— Папаша, стоит ли людей губить, кровь проливать из-за плевка каково-то?

— Да она ведь на тебя плюнула!

— Да што, не в мою харю плюнула, а на мой партрет. Я ей без войны возьму. Дайте мне два мильёна.

Ну што императору для своего сына два мильёна? Он, разумеется, дал. Принц призвал корабельнево мастера.

— Эти мне корабли не годятся, надо мне новой системы.

И огнестрельная оружия была тогда плохая. Так новую потребовал. Корабельней мастер построил корабли новой системы, и принц нагрузил их товаром. И каким товаром?! Все боле для дам да для девиц: фруктами и кустюмами новой формы. Все генералы поехали капитанами. Вот подъезжают они к иностранной державы, он им заявляет:

— От высшаво до нижнево чина все под коммерческим флагом.

— Слушаем, ваше императорско высочество.

— Меня по титулу не называть. Я купец Михайлов.

— Слушаем, ваше степенсво!

Ну вот. Приехали в столичной там город. Ваня зафрахтовал несколько лавок и стал торговать. Молоды иностранны купцы наехали, торгуют прекрасными матерьями,— уж и дворцовы запохаживали горнишныя, потом и фрелины. Молодой хозеин, два подручных (уже он видит по их значкам, што фрелины) расшаркались, материи выложили прекрасныя, а дешево, ужасно дешево! Фрелины рассказали старшой фрелины и старшая фрелина поехала; вернулась довольна и докладывает императорской дочери.

— Молоды иностранны купцы наехали, торгуют заграничныма матерьями, а дешево, ужасно дешево!

— Што же, может товар краденой?

— Не знаю, краденой или ворованной, а только дешево!

На завтра императорска дочь поехала. И корета подъехала акурат к той магазины, где принц.

Ваня видит императорска корета, мигнул подручным, те расшаркнулись, выложили материй розовых, морей в клетку. А дешево, ужасно дешево! Фруктами

угошшают. Ну, императорска дочь и фрелины много есть не стали, не просты девки; попробовали и ладно.

Она не узнала прынца. Он был малокровой, а тут повлиял на него морской воздух и климат здешней державы: он стал полнокровой и похорошел мушшина. Влюбилась она в купца. Стала каждой день к нему ездить. И до того напосещалась, все бы в магазины жила. Што ей делать? Закон не гласит, штобы ей за купца вытти, не отдаст папаша. Все, што было на уми, она ему написала в письме (она горячая была) и подала ему вместо с деньгами (тут рашшот пришел). Он увидал письмо и хотел так ево в корман, а она ему:

— Нет, уж вы постарайтесь прочитать и ответ дайте.

А уж она всех фрелин услала к коретам посмотреть, штобы горнишныя материй не помяли.

Они наедине. Он письмо прочел, а в письме коротко и ясно: «Естли жалаете ко мне в гости ходить, то ройте подкоп, вы в своей магазины, я с своей стороны». Тут и плант приложен.

— Ваше императорско высочество, да што мне за это будет, естли узнают?

— Не беспокойтесь, никто не узнает. Подряд надо делать тайно.

— А естли полиция увидит?

— Полиция будет слепа.

Ну вот, и нанели они подрядчиков делать подкоп. Он с своей стороны, она с своей. Эти подрядчики между собой знакомы, встречаются, разговаривают.

— У тебя есть подряд?

— Есть.

— Выгодной?

— Да, денех масса! Только куда копаемса? Не в ад ли? А у тебя? Есть работа?

— Есть.

— Выгодна?

— Да, очень выгодна.

— А где?

— Тайна.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, однако же скорее, чем наша поморска железна дорога. И на двадцать седьмой день (они немного не сошлись, так пол-аршина оставалось), голоса слышны уже за стенкой, вбежал к Ване подрядчик бледной, как печка.

— Докопались до ада, черти слышны!

— Ничего, пробивайте стенку, не черти!

А тот отряд прибежал к ней:

— Ваше императорско высочество, до ада докопались, черти слышны!

— Это не черти, ваши знакомые. Фрелина, иди с ними, воодушеви их.

Ну, и действительно, пробили стенку: все знакомы. Подрядчики друг на друга смотрят:

— Вот наша тайна и открылась.

Когда у них сошлось этот канал, императорска дочь и говорит отцу:

— Папаша, нельзя ли так сделать, чтоб по таким-то и таким-то улицам после десети часов вечера не ездили (боится обвала).

— А што, душа моя?

— Да гром такой, не дает спать, голова болит.

— Ах, это, душа моя, можно.

И распорядилса, штобы с девети часов езды не было.

И стали они друг к другу в гости ходить. Вот раз Ваня приходит такой кручинной, такой печальной.

— Ваня, што с тобой, што с вами?

— Ах, друг милой, ведь я проторговалса, я ведь ужасно как дешево вам материи продавал, я два мильёна потерял.

— Ваня, да я сейчас тебе два мильёна вынесу.

— Нет, честь моя все равно потеряна. Я домой поеду!

— Ваня, а я как же?

— Вы дома, а мне надо ехать.

Любовь все заставляют делать.

— Ваня, я с тобой убегу!

— Ну, я севодня спать хочу. А ты завтра будь готова. Я поеду горной дорогой, много вешшей с собой не бери, один кустом с собой, другой получше, в случае под венец.

Он нанел корету, маршрут весь записан. Они и убежали ночью. Бегут следующей день и следующую ночь. Он знает хорошо, што погоня будет, надо загримировать себя. Она сделалась девушкой-крестьянкой, он мужиком; взяли уж не корету, телёгу, едут. И действительно была погоня, их же все спрашивали, не видали ли кореты? Они ответили, што не видали.

Ваня говорит:

— Ну, вот видишь. Естли бы не переоделись, вас бы вернули, а меня бы арестовали. А знаешь што, друг мой, эта станция маленька, погода прекрасна, пойдём пешком, приберегем денех.

— Ваня, да ведь я какво роду, где я пешком ходила?

— Да ничево, попробуйте.

Ну, действительно, не привышна ходить, ноги у ей опухли, замучилась.

— Хоть тово дороже плати, пешком не пойду.

— Нет, нет.

А потом проехали несколько станций, он опять: «погода прекрасна, станция коротенька, пройдемса пешком».

А он депеши посылает своему отцу государю с каждой станции, и ответы получает, но ей не говорит.

Наконец доплелись до столичново города. Ваня говорит:

— У нас квартиры дороги, найдем у заставы.

— Ваня, ведь у меня есть два мильёна с собой.

— Это каки деньги, у нас все ужасно дорого: эти деньги надо на старость беречь, а теперь надо работы искать. Пошел он во дворец. Государь обрадовалса.

— Ну, што, Ваня, как дела?

Ваня рассказал.

— Зачем ты ей томишь? Объявись ей, што ты царской сын.

— Нет, так надо, пусть не плюет на мою карточку. А теперь мне топор нужно достать.

— Да зачем тебе топор?

— Надо.

Дали ему топор и корету подали. Ваня в кореты проехал полдороги, с собой берет топор, сошел с кучера, идет домой; пришел кручинной, сел и топор в руках держит.

— Не мог вакансии найти, так я уж нанелса дрóва рубить.

— Ваня, да у нас деньги есть.

— Деньги надо беречь. У нас все дорого. Я и вам дело нашел: торговать горшками будете. Я вам купил десять тысяч горшков.

— Ваня, да вы забыли, какво я роду. Я и торговать не умею.

— Привыкнете, дело простое: там из парусинки сделана палаточка, девушка с вами будет, она будет

продавать, вам денежки подавать, а вы будете в сумочку складывать, только и всево. Девушка вас проводит...

И действительно. На другой день по уходу ево через полчаса пришла девушка из дворцовых горничных, образованная, и повела ее. Идут, а впереди казак, сзади казак, полиция конная. Она и говорит:

— Как у вас ходить не свободно.

Между тем это охрана для ей: знают, што царска невеста идет. Пришли в палаточку, там десять тысяч горшков, девушка продает, ей денежки подает. Вдруг... только земля дрожит, прокатил полк кавалерии. Тр...р...р...

Черепками не расторгнешья: у нас все горшки купили по дешевой цене, надо домой идти.

Приходит домой, рассказывает хозяйки, как было.

— Естли бы вольны разбили, я бы подала прошение губернатору, но на щет императорской кавалерии не посмела.

— Да я вам тоже не советую, ничево не выйдет.

Ваня приходит, говорит:

— Слышал, слышал я о вашем нешшастьи. Я купил вам балаган, двенадцать самоваров и посуду; сбитнем торговать будете.

— Ваня, да што вы? Да ведь я какво роду? Я ведь непривышна.

— Ничево, девушка вам поможет.

На другой день опять пошла с ей девушка, привела в балаган: там самовары кипят, девушка сбитень наливают, торгует, ей денежки подавает.

Вдруг пришел полк солдат.

— Повзводно! Заходи взвод! Выпивай сбитню! Сбитню!

— Нету.

— А нету? Бей посуду, ломай самовары!

Чинно, благородно побили всю посуду.

— Черт с им с ломом, пойдем домой!

Приходят. Ваня уже там.

— Слышал, слышал о вашем нешшастьи. Ну, я вам другое занятие нашел. Во дворце ишшут прачку, непременно иностранку.

— Ваня, што вы? да ты забыл, какво я роду?! Да я непривышна, я и не умею.

— Неужели? А я сдуру нахвалил вас. Ну, как-нибудь привыкните.

На другое утро пришел уж мушшина, прилично одетый, повел ей во дворец. Она идет и думат:

— Да, было время: из этово дворца прынц на мне сваталса, а я на ево партрет наплевала, а теперь мне приходится на ево стирать.

Привели ей на белу кухню, посадили на диванчик отдыхать.

— Я, говорит, прачка, стирать пришла.

— Да, ничево, посидите, отдохните.

И отдыхала она полтора часа.

Наконец идет горнишна и несет манишку, воротничек и зарукавье на серебряном подносе: прынц просит выстирать.

Дали ей таз с теплой водой, мыло. Принелась она бедна стирать. Не умеет. Сама полокот перемокла, ну, што, действительно никовда...

— Позвольте я,— говорит горнишна.

Сейчас это взяла, перестирала, выгладила, на поднос слóжила...

— Пожалуйста, несите.

— Вы стирали, вы и несите.

— Нет, прынц просил, штобы вы сами.

Пошла она бедна, боитса этово прынца, так у ей ноги и подъежжают.

Одно думат: вот-вот в обморок меня бросит...

А Ваня уже тут лежит на диване, прикрыт шелковым летним одеялом и газетой закрылса. Голос изменил.

— Кто тут?

— Прачка.

— А, прачка.

И сто рублей ей на поднос положил.

Пришла она домой, Ваня уж там, доволен, што прынц сто рублей дал.

— Ну, вот и пошел живот наотворот!

К вечеру вдруг из дворца за нею: во дворце праздник будет, пир. Велено всем приходить. Ваня ей и говорит:

— Вы, ваше императорско высочество, привыкли во дворцах бывать, а я никогда не был, принесите мне грушу, да две конфеты.

— Ваня, да што ты! Как это можно?!

— Ничево, все так делают; спустите незаметно в корман.

И приметал ей корман к платью на живу нитку. Приходит она во дворец. Думала, где-нибудь у стенки

стоять будет — нет: ей на перво место сажают, напротив прынца.

Она взглянула.

— Ах, на Ваню как похож!

И не смела больше глядеть, только думат, как бы для Вани грушу, да две конфеты унести. И спустила в корман незаметно.

Оркестр заиграл. И эх, пары вальса!

Министры подступили к прынцу.

— Што же вы не танцуете, ваше императорско высочество?

— Пары нет. А впрочем, естли позволите...

И к ей. Ну, она повинуетса, бедна. Но это она умет.

Танцовать она умет, и ими любятса.

А Ваня и оборвал ей корман: «Острамлю ешшо раз».

Груша и две конфеты покатались.

— Што это? Ах, как стыдно!

С ней удар. Она без чувс. Унесли без движения.

Дохтор билса два часа. Фрелины в ванны ей обмывали. Наконец очнулас. Спрашивает: «Што со мной было?» Ей уговорили, што ничево особенново, только дурно сделалось. Про грушу ни слова. А потом ейный кустюм подвенечной ей же надевают и ротонду подают. И везут к собору или там к керке, естли в Неметчине было (не знаю, где) и объявляют, што прынец будет с ей венчаться. Она и ничево сказать не посмела, што Ваню любит.

Овенчали их. Свадебной пир захоходил за полночь. Все веселы, молодой веселой, а молода кручинна, все думат, как она мужу скажет, што Ваню любит. Наконец, остались они наедине. Он и заговорил мяшко, своим голосом. Она взглянула и падат на коленки:

— Ваня, душа моя, прости меня, што я на партрет твой наплевала.

— Прости ты меня, душа моя: я тебя и пешком ходить научил, и торговать заставил, и воровать научил!

И молода повеселела. А тут скоро и ейный отец император с приданным наехал.

Сказка привела всех в восхищение, а народу набиралось все больше и больше. Действовал «радиосарафан». Вся деревня уже знала, что сегодня придет пароход; ребята, которых вчера матери спустили купаться, а они «прокупались» целый день, наскказали чудес

про сказки. Слушок давно уж есть. Надо проверить — посмотреть отъезжающих да своим снести подорожники: проелись на берегу. Прибежала и Александра с Андиги: принесла деду туесок масла да огромный клуб бечевки.

Дед взял на зуб, растрепал конец, посмотрел на свет и поблагодарил.

— Гожа.

И пришел в мягкое настроение.

— Олександр Ондреевич, вот видите и нашлась сказка, ну, ешшо!

— Нет, уж устал. Расскажу разве про большу неожиданность в море. Неожиданность больша, а быличка не велика. И Помор начал.

42. НЕОЖИДАННОСТЬ

Опривык ко всему. На Мурман стал ходить после рекрутсково набору. На шнеке. Видали эту посудину? В бурю только и спасаются: рогозу намочишь салом и вывесят с бортов; волна подойдет, — от нево лава волну разбиват. Раз погода пала. «Михайла Ломоносова» видали? Так киль ево видно было, так ево катало.

Стретили мы норвецько судно и, шутя, поднели рыбу. «Купите, мол!» Вдруг пароход свисток дал, ход замедлил, мы подплыли. Капитан нам бутылку рома показывают. Мы ему рыбину подали, он нам рому. И разошлись. Я говорю: «Ребята, на море пить нельзя, на берегу выпьем». — «Знаем, што нельзя!» А тут случилась погода, а мы все пьяны, не утерпели. Заходить надо в становишше. Тут ешшо одна шнека стретилась. Они пошли карабельним, а мы бойным форватером. И грести — не гребем, и править — не правим.

Коршик без памяти лежит. Бьет нас, материк на себя не принимает. С берега глядят:

— Люди пьяны, разобьет их сейчас!

— Эти уж потонут!

А тут выкинуло нас на берег и все сохранны.

У меня хмель сразу пробрало, а коршика водой отливали — все спал.

Махонька что-то надумала и потому, едва кончилась «Неожиданность», она начала.

43. ПРЕДЕЯ

Я не преха уж, ницего не преду. Быват, и не про меня сказано, быват, и про жонку каку: не предет ницего.

Муж и говорит:

— Пошто ницего не предешь? Я помру, цем закроешь?

— У меня nanoшено клубьев: сусек в амбаре накладен.

— Пойдем, посмотрим.

— А, пойдем.

У ней только и напредено, што один клуб, да один простень.

В сусек залезла, подала ему простень.

— Вот клуб, вот простень. Вот клуб, вот простень! Вишь сколько накладено. Поди, секи мотовило.

Мужик пошел секчи. Пошел дорогою, а она прямою, да и села под кусты.

Сидит. Мужик пришел, начинает секчи, а она крычит:

Цили, вили,
Не секи, муж,
Мотовили,
Дети не будут,
Жона помрет.

Мужик поглядел, поглядел, кака пташиця поет, да и заходел домой, а жона наперед угодила, да и спрашивает:

— Ссек ли мотовило?

— Нет, цыпка крычит:

Цили, вили,
Не секи, муж,
Мотовили,
Дети не будут,
Жона помрет.

— Ну, теперь помру, цем будешь меня покрывать?

— Да покрою, помри только.

Мужик повалился нарочно, а на завтра помер.

Она стала мотать на голову да на палец на ногу и запела:

Был жил, как гусельцы,
Растенулся, как струноцьки.

Мужик и скоцил и схватил бабу:

— А, меня так покрывать?

Да и поцял ю колотить да трепать.

Скоморох на эту сказку отозвался песней. Конечно, он обращался к Молодке, благо ее звали Дуней. И вертелся около нее, и обнимал ее, а она дала ему тумака очень весело и незлобиво.

Дуня, Дуня, Дуня,
Дуня тонка прядея,
Дуня пряла и вила
По три ниточки в денек
Во неделю простенек,
Во годок Дуня моток,—
Мотовильце с локоток,
В пядь годов Дуня красна:
В том пройдет у ней весна.

Тут уж не вынесла и Махонька, скороговоркой проговоривши:

— На вечорках поем, кому нать спеть. Как девка зацнет кланяться, так и перестанут. Котора знает, та уж не даст петь.

И старушка запела.

44. ХОЗЯЮШКА

Песня

Тонко-то, долго-то — Авдотьин жених,
Калина-малина.
Да толста-та охомяка — Олександры жених,
Калина-малина.
Цернобров, черноглаз — то Варварин жених,
Калина-малина.
А косы-ти глазишша — Иришин жених.
Калина-малина.
Тонко-то, долго-то — зароды метать,
Калина-малина.
А толста-та охомяка — та вода волоцить,
Калина-малина.
Цернобров, черноглаз — тот посвистывать горазд,
Калина-малина.
А косы-ти глазишша — овин молотить,
Калина-малина.
Овин загорел и косою заревел,
Калина-малина.
Идти было к жонушки позавтракати,
Калина-малина.
«Распроклятой ты, косою, недосуг ко мне пришел,
Калина-малина.

Надо детоцек кацяць, да телятоцек поить,
Калина-малина.
Да телятоцек поить и квашонку разводить».
Калина-малина.
Три недели квашня кисла, не выкисла,
Калина-малина.
На четвертую неделю стала пенитця,
Калина-малина.
Да тесто тенитця,
Калина-малина.
Што на пята-ту неделю,
Калина-малина,
Стали хлеба катать,
Калина-малина,
Она по полу катала,
Калина-малина,
По подлавицью валяла,
Калина-малина.
На печи в углу пекла,
Калина-малина.
Кохти-нохти обожгла,
Калина-малина.
Коровая не нашла,
Калина-малина.
Склалась в коробок,
Калина-малина.
Потенулась в городок,
Калина-малина.
Становилась во рядок,
Калина-малина.
Тут и шли, прошли купци,
Калина-малина
Пинежана-торговци,
Калина-малина.
Они хлеба не купили,
Калина-малина.
Только цену наложили,
Калина-малина.
По три деньги коровай,
Калина-малина.
Куда хошь его девай,
Калина-малина.
Хоть свиньям отдавай,
Калина-малина.
Свиньи хлеба полизали,

Калина-малина.
Три недели пролежали,
Калина-малина.
На четверту-ту неделю,
Калина-малина.
Стали свиньи пропадать,
Калина-малина.
Да Иришу проклинать,
Калина-малина.
«Распроклятая Ириша,
Калина-малина.
Эких хлебов напекла,
Калина-малина.
Всех свиней тех извела».

Свою песню бабушка заключила словами:

— У нас Ириша была. Дак до того выпоем, што заплацёт.

Наступал черед деда. Он долго копался в своем пехтере, наконец достал узелок, развернул тщательно завернутую в несколько бумаг небольшую пачку листков, исписанных старательным старинным почерком.

— Прочитай! Я неграмотной.

— А хранишь? Што это?

— Храню. Приятеля моего, бывшего при утоплении, записи. Он с гумагой да с карандаром не раставалсе. Всяку глупось писал. Дак при утоплении карандаш и гумага не замekli. Он на дниши карбаса записывал, после уж дома переписал и мне дал. Очень мы дружили с покойным. Он с Неноксы. Часто бывал у нас.

Был голодной год (1852), и в мае месяце двадцать два человека поехали на большом карбасе из Неноксы в Архангельско за семенами жита. Нагрузились. Карбас был на тысечу пудов. На обратном пути пала погода. 6-го мая...

И, никак не предвидя такого случая, вместо того, чтоб записывать, Московка стала громко читать.

45. ГИБЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ

Дневник

...тел заснуть, так мы ему закричали: «Кологриев, не спи! Иди в руль править». А Максим вертится и править не может на волнах. Той же минуты приходил он, Кологриев, к рулю, вглянул: тут воды довольное количест-

во в карбасе. Он закричал: «Батюшки, лейте воду из карбаса». Приходят к помпы Иван Богданов, Осип Тячкин; начали лить воду в носу и кормы, кто чем может, а помпа не берет воды, оттого что сломалась. Хозяина забранили. Тут закричали: «Братцы, роите мешки с житом в воду, а не то мы потонем». Несколько успели, швырили, но в ту же минуту, погодой, ветром, морскими волнами налило наш карбас и опрокинуло несколько раз вверх колодою. Продчих всех людей отхватило от колоды прочь на волнах. Хотя выстали из воды, но не успели захватиться, а нам четверем человекам — Мирону Кологриеву, Афанасью и Степану Тячкиным и Лукиану Лгалову, невидимо бог пособил захватиться за колоду и вытянуться из воды на оную с великим трудом и с разбитыми на себе ранами. Но, когда опрокидывало, тогда Кологриева, схватя за левую ногу Ион Мусников (а Кологриев не захватясь еще ни за что) и обгрузил его в воду, то не знай каким образом выстал из воды немного, успел захватиться за колоду; тогда товарищ Афанасий подал ему руку, пособил вытянуться и, взглянувши на ногу, — сапога нет; его сдернул Ион и сам с ним остался в воды с другими товарищами.

А нас на боку карбаса понесло по ветру и морским волнам на средину моря. Когда карбас обтонул с нами, в то время был от берегу, т. е. от земли, примерно расстоянием в пяти верстах, а после понесло т. и д. Сначала можно было видеть своя родима сторона, а после пронесло ее и принесло к Летним горам; того же дня вечером подул от них сменный ветер, т. е. западный. Понесло с прибылой водой прочь назад, обратно, где опрокидывало. Уж и весьма близко подносило к тому месту.

Поутру седьмого числа подул сменный ветер, т. е. обедник. Но с ветром, палою водою, понесло опять на средину моря, только что едва можно было видеть та и другая сторона земли. Пронесло Летние и Зимние горы, подносило близко Терского берега (примерно в 15 верстах), и вдруг подул с него ветер Запад. Понесло от него прочь на средину моря и 8-го числа пополудни показали нам Зимние горы и подносило к ним ближе. Но только что носило наш карбас на боку, а не вверх колодою, оттого что не давала опруживаться мачта и рейс парусом, который был не успет обронить при утоплении.

После того вздумали обрывать мачту из своего места, чтобы освободить карбас. Сначала на верхнем боку карбаса снасти развизали; при перешвы есть железная обойма, через мачту такую отстегнули. После от носу отвязывали штак, а отрезать было нечем; вынуждены были спускаться в воду для отвязывания его. Спустились: Афанасий Тячкин 6 раз без одежды (таковая была оставлена у товарищей). Лукьян Лгалов 3 раза и Степан Тячкин один раз. По нашему счастью бог пособил отвязать. Если бы штак не отвязали, то должны бы потонуть, как и прочие. Вечером 8 числа отвязали этот штак, той же минуты мачта выпала из своего места, а карбас обвернулся вверх килем, т. е. вверх колодою, и мы тут же едва могли вычарапаться из воды. Придумали обворачивать этот карбас как следует быть. Стали всема четверыми, коленами в киль, а руками в воды, захватили за борт и тянули на себя, и обвернули, но того боялись, чтобы не залил он нас. Успели из вода выскочить в карбас и расселись два человека на той стороны и два на другой.

Вздумали отлить воду из него, сняли с ног по сапогу, начали лить воду. Сколько таковой не лили, убили нет. Хоша и была — зводень придет: опять столько же. И не могли ничего сделать. В это время были мы от земли расстоянием семь верст, и усматривали, что нас стало осаживать ниже с палою водою о Зимние горы. Друг другу говорили: «Станемте, братцы, прибарахтываться, кто чем может и у кого сколько силы есть и мочи. Но если сюда не попадем в Зимние горы, то унесет нас с палою водою безызвестно: больше не видать нам никакой земли и погибнем».

У нас в это время было одно весло удержано при утоплении, еще взяли, отодрали от карбаса телгасины, т. е. две доски. Таковыми к берегу стали подгрести. А мы сидели в воды по поясу на перешвы во время выгребки, а у карбаса руль был на своем месте. У каюты крыши не было, такую бросами оторвало в первый день. Когда обвертывало, в каюте было три мушины и две женщины: не видали, когда выпали. При руле румпеля не было, нечем было править. Мирон Кологриев взял руль в охалку и стал направлять карбас по воды к берегу. С весьма великим трудом прибарахтались на берег в половину Зимних гор, называемых к тони Добрынихи. Это было 9-го числа по утру. Вышли, змолились господу богу, что не погубил в глубины морские.

Носило нас по морю трое сутки, безо всякой надежды, кроме господа бога. Посидели на берегу и посоветовались, куда итти, в котору сторону. Но придумали: в Нижнюю Золотицу. Пошли о Зимние горы. Шедши по берегу, где водою, где глиною и частью наносным непроходимым хламом и по камням. У Мирона была одна босая нога — трудно было идти; у Афанасия было разбито тело на коленях большими ранами с повреждением костья.

Встречавшись с нами в означенных горах по берегу непроходимые с гор глиняные оплывины в воду, тут мы вынуждены были вылезать наверх их, но нельзя было прямо, а отходили в лога и текут по ним ручья, и от ручьем вылезали на горы. Но только это было весьма трудно. Господь все помогал нам грешным. Шедши горами несколько времени, пришли к логам и спустились по ним к морю, на берег. И тут же шли благо времени, так что дошли до промышленных изб, на Лысуново. Обошли мы их кругом, усматривали, нет ли жителей, каковых не оказалось. Но оттудова от нас Мирон вперед ушел искать Золотицкой деревни, объявить жителям, что по берегу осталось три человека в слабом положении. Только тут это время было нас двое: Афанасий и Степан, а Лукьяна не было, оттого что не замог итти с нами и остался. После Мирона отдохнули немного и мы, потихоньку вслед за ним пошли по силы возможности, так что дошли до Вепря.

Отошли с одну версту, повалились на бугро, на возвышенное место, полежали немного и вдруг услышали голос. Мы откликнулись: Мирон приходит обратно к нам и говорит, что дошел до реки Торожмы и не мог ей перейти, ибо она широка, брести через ней не посмел, переехать было не на чем. Вынуждены были воротиться с ним на Вепрь, в часовню. В часовне, в сенях заночевали мокрыми, холодно и голодно. Поутру встали и пошли в Золотицкую сторону, отошли с версты две. Пала сильная погода со ситом и дождем, так что не могли вперед идти, вынуждены были присесть под лесину от экой ненастной погоды. Досидели до того, что не замогли слова вымолвить, исперезябли...

Дед снова вмешался:

— Тут листочки утерялись, дак я помню, што они нашли избу промышленников, там поглодали прошлогодных рыбьих костей и пожевали воску, лежавшего за

иконой. Нашли зато лодку и в ней подъехали к рыболовному судну. Далее читай.

...им со слезами: «Батюшки, помилуйте, возьмите нас с собой». Хозяева судна увидели нас гибельных людей, тотчас же на судне паруса обронили, и мы к ним подъехали. Они нас спросили: «Каки вы и откудова». А мы им сказали все подлинное, что случилось с нами. Тогда они из лодки вытянули нас на судно, завели в каюту, на постели повалили и окутали; дали они нам хлеба и говорили: «Много не ешьте, вам вредно будет, а мы хлеба не жалеем». Но мы такового есть много не смели. Хозяин судна привез нас в Золотицу 11-го числа вечером. Мирон, Степан в волость, т. е. деревню, пешком шли сами собою, а Афанасия носком несли двоима. Хозяин судна объявил жителям, что есть из них четвертый человек, остался на берегу от неиможения идти за нами. Жители деревни приказали нас Афанасия и Степана отвести на квартиру сотскому. Мирон тут с жителями остался, а для Афанасия и Степана хозяин квартиры пригласил священника. Таковой нас исповедал и узнали мы, что сего числа есть праздник живоначальной Троицы, в этой Золотице престольный праздник. Ночью 11-го приходил к нам старшина с понятыми, спрашивая, каки мы и откуда; обсказали ему, как и отчего случилось с нами, и объявили ему, что 4-й человек остался на берегу. Тотчас же старшина с понятыми поехал искать и нашел его не доходя Вепря с две версты: лежит на бугре. Привезли его в лодке и занесли его в ней в деревню 12-го числа. С того же числа сотский со своей квартиры перевел нас на другую по приглашению хозяина, к Степану Субботину. Жили мы с 11-го числа по двадцатое того же месяца. Воспитывал он нас и беспокоился с нами как отец родной до самого отъезда нашего домой.

Пришел к нам старшина Золотицкого волостного правления, приказал нам собраться, что вы едете сегодня домой с ямщиками в карбасе. Тогда хозяин дома благополучно нас, Афанасия Тячкина, в карбас занес, а Степан и Мирон сами шли; Лукьяна тоже носком занесли; за все наше проживание ни с кого ничего не брали. Мы хозяина отблагодарили за неоставление ихнее при нашем несчастном положении. Тогда отправились в путь по морю до деревни Козел. Тут Золотицкие ямщики благополучно нас сдали козелским, те тоже провезли нас мимо Куи до деревни Мудьюги. Мудьюг-

ское правление тоже приказало содержателю станции нас отправить в Соломбальское волостное правление.

Благополучно завели нас в ямщиковый флигерь; мы тут узнали, что здесь есть господин исправник Архангельского земского суда Антон Степанович Русецкий. Ямщики доложили ему, что есть сего числа привезены такие-то люди, из такого-то места и с такой-то стороны. Тогда он тот же час пришел к нам и распросил, отчего и как случилось. Тогда мы ему обсказали все подлинное.

После того приказал он ямщикам отправить нас куда мы желаем, но только что советывал нам в Архангельск к своим знаемым для совету с лекарями, так как мы в это время были в весьма слабом положении; наконец того сказал, что есть в Архангельске жена Афанасия: «ждождается, скоро ли вас привезут, а не то она уедет в Мудьюгу или далее вас искать. Поезжайте в Архангельск, застанете или нет ей, чтобы она не уехала».

Тотчас же ямщики на лошадях в роспусках нас привезли к Ненокскому третьей гильдии купцу Егору Васильевичу Суровцеву. Таковой пригласил нас в свой флигель; того дня было 22-е число. Тогда его Суровцева прислуга Авдотья Лукина Карташова известила жены Афанасия на квартиры купца Михаила Васильевича Коковина. Той же минутой таковая к нам пришла. Вслед за ней Михайло Коковин послал лошадь с кучером, чтобы привезти Афанасия от Суровцева. Афанасий был привезен к Коковину, но на другой день 23-го числа Афанасия перевез к себе крестный отец, купец Иван Михайлович Коковин на квартиру и пригласил для его лекаря портового Ефима Яковлевича господина Серикова для присмотра за слабым здоровьем и выписки из аптеки необходимых требуемых лекарств. А Евгений Васильевич Суровцев для Кологриева, Тячкина и Лгалова тоже пригласил лекаря господина Стерня.

Лукьян Лгалов 25-го числа сего месяца помер.

Жили мы с 22-го мая по 10-е июня. Из домов приехали за нами и увезли нас в Неноксу. Только что весьма было долгое время не могли излечить на себе ран от простуды, отчего и в настоящее время в ногах ломотою в костях предвозвещают ненастную и сырую, мокрую погоду, в чем и удостоверяем своим подписом.

Афанасий Тячкин.

К этому присовокупляю, что по приезду домой я узнал от своих домашних, что по нас был совершен заочный отпев и несколько раз отслужены были панихиды. С того времени звали нас «отпетыми».

Чтение этих листков произвело особое впечатление на ребят, и вместе с облегченными вздохами послышалось:

— Все ж спаслись!

— Один-то пропал!

— Хошь бы сразу.

И Помор заметил:

— Одны спаслис, други погинули. Это уж што на нашем деле! одна могила — мокрая! Да все равно. Только жонки на глядне вопят. Это смотреть не переносно.

Московка обратилась к деду:

— Ну, дедушко, развесели нас какой-ле сказочкой!

— Не стану сказывать! Ешьчо на поганом слове помрешь! Надо о смерти думаты! Это тебе хлебы, што списываеш?

— Хлебы!

— Ну, естли хлебы, я тебе лучша про Олександра Македонского расскажу. Олександра Македонского знашь? Слыхала? Это как он архиреем был, ковда ешьчо пророк Илья патриархом был?

Ко всему привыкла Московка, но тут и она ошеломилась. Однако с привычным интересом она готовилась уже записывать про Олександра Македонского, как две девочки пристали к деду:

— Дедушко! Сказочку! Любую!

Дед погладил их по головам и весь обмяк:

— Вот таки-жа внучки у меня! Ну, ладно уж, знаю вашу любую!

Девочки зашептали, как бы подсказывая вперед, а дед говорил.

46. ЖЕРНОВЦА

Живало-бывало кот, дрозд да петушок. Кот да дрозд дрова рубили, а петушок домовичал — на печном его деле.

Были у него жерновца знаменисты: как вернешь — вылетит пирожок да каши горшок.

Царьство было близко. Царю антиресно, чем они кормятца, како у их пепелишшо? Ему говорят: ни горшка, ни ложки, ницего у их нет.

— Кто же у их мелит?

— Не знам, не петух ли?

И послал царь слугу все разузнать. Царской слуга вернулся и рассказал.

— Действительно, пишша хороша, у их есь спосobie хорошее — жерновца: петух как вернет, дак вылетит пирожок да каши горшок.

Царь говорит слуги:

— Поди, принеси эти жерновца.

— Они без их пропадут.

— Пропадут, так и што!

Пошел слуга за жерновцами. Петух на голову клюет:

— Мы замрем без их.

Слуга все ж унес жерновца. Царь доволен: вертит да ес.

Петух налетел, царя стал в голову долбить.

— Царь, отдай мои жерновца!

Тот крыщит:

— Да што вы не можете унеть? Снесите к коням петуха: они его стопчут.

Снесли петуха на конюшой двор, а петушок в шшелину ушел.

У государя залив воды был. Вот петух стал к воды задом да и заприговаривал:

— Жопа пей. Жопа выпей все.

Жопа и выпила все.

И петух опять налетел к царю:

— Царь, отдай мои жерновца.

— Да што это? Бросьте его в огонь!

Схватили петуха, огонь развели, бросили в огонь.

А петух:

— Жопа лей, жопа лей, жопа лей, жопа вылей все.

И залил огонь. Опеть к царю. Налетел — ись не да-ет, орет:

— Царь, отдай мои жерновца!

— Да што вы осилить его не можете? Отрубите голову, изжарьте, дак я съим этого мерзавца.

Вот изжарили петуха и царю подали. Он голову съил и пошел на двор. Петух орет:

— Кукареку! Из жопы еду!

Царь вопит:

— Отрубите голову!

Стали рубить голову, и царю жопу отрубили.

Позабавились, а тут и уха поспела. Александра с Андиги принесла свежей рыбки для сказочников. Помор вынул кусок колбасы, а дед значительно сказал:

— Думаю, в кáлбас не все свинину кладут. Думаю, и пропáсть кладут!

В это время Скоморох ударил себя по лбу и убил овода:

— Птички-синички, дак, пожалуйста, живите, а што этот вредной элемент... дак его бить надо! — А вот, Московка, отгони загодку! Я теперь загону загодку та-ку, што помучиссе. Ты нам загонула сегодня, ну-ка, как твой котел поварит? «По полу шшуп, по лавки шшуп, дошшупался до правды — правда мохната, на середке дыра». Ну-ка?

Московка смущенно молчала.

Все наслаждались ее молчанием, пока молодка, сидевшая тут же, не сжалилась.

— Да не бойся, баушка! Отгодка — малиця!

Все засмеялись. А потом, удивляясь, что нет парохода, решили соснуть и задремали под пенье Молодки, баюкавшей сына:

Бай, бай, мое дитячко!
Спи, дитя, здорово.
Ставай весело.
Выростешь большой,
Будешь рыбку ловить,
Будешь мамку кормить.
Спи до поры,
Не здымай головы.
Выздынешь головку,
В лоб — колотовку!

— Дак ведь и нахлопам,— шепнула засыпающая Махонька. После короткого сна вновь принялись за сказки.

Федосей Павлинович начал.

47. ВАНЯ И ДАША

Отец и мать умерли. Осталис Даша да Ваня.

Ваня умняк был, а Даша немного лабутка была.

А родители ихни тормошили — немного торговали. Осталось денег немного и товары.

Ваня и говорит:

— Штобы лишной траты не было, давай закопам деньги в туесе.

— Давай.

— Нам, Даша, дров запасать надо.

И поехал в лес, а Даша топит.

Ваня в лесу ждет, думат: скоро Даша придет, обед принесет.

А Даша одна хозяйствует:

— Ах, Ваня коклетку любит, я ему коклетку испеку.

Она коклетку стала печь.

— Ах, Ваня уксус любит, в кажно место уксус лóжит.

Побежала в погреб, кран у боцки отцинила...

— Ах, у меня коклетка там сгорит!

Уксус бросила, побежала в избу, а коклетка уж готово: сгорела.

Вынела из печи, церна, как угольё, на стол положила.

— Ах, у меня там кран открыт, уксус выбежит!

Прибежала в погреб, а уксус уж весь выбежал, готово. Лужа большашша. Она схватила мешок тут с крупцяткой был, да мукой все засцяла. Сухо теперы!

— Ах, у меня котанко коклетку съист!

Побежала в избу, а уж готово: котанко коклетку съил. Вот тебе: ни коклетки, ни уксусу, ни муки. Вот посуды красной везут: крынок, латок, горшков...

— Кому горшков, горшков! Красавица, не натъ-ле горшки?

— Да уж как не натъ? Надо бы. Да денег нету.

— Поиши! Найдутся-ле где?

— Есь, да не настояши.

— Каки-таки не настояши?

— А таки, которы в земле закопаны.

— Ницего, неси!

Она принесла полон туес денег, золоты там, серебряны...

— Ницего, годятця!

И выложил полон воз горшков. Ну, много-ле те стоят глинены горшки? Каки деньги взял!

Вот она кругом посуды наклала в избы. Ваня пришел.

— Н-на! Што это?

— Это хозейсьво.

— Куда столько?

— Я люблю посуды много.

— Нде взяла?

— Н-на! купила!

— Да где деньги брала?

— Я те отдала, што в земли закопаны.

— Эх, Даша, Даша! Как теперь хозяйствовать будем? И муку извела, уксус упустила, коклетку сожгла. Не в люди-ле идти? Нам жить дома нецем. Пеки подорожники. У нас кружок масла есь, да хлеб; и готово! Хлеб в котомоцку, кружок масла под мышку. Да стали захоходить, Даша двери взяла: дома все запирались дверями.

Пошли. С горушки она масло упустила.

— Ишь, покатился кружок: домой захотил!

Шли, шли и опристали. Ваня на сосну полез: огни смотреть. Кругом зверье ходит.

— Знашь, Даша, полезем на сósну ноцевать, как бы нас тут медведь не съил.

— Ну, што ж? давай!

Поехали на сосну, она двери с собой волочит.

— Даша, куда этга?

— Да! на сосны ноцевать, да штоб дверями не запетьеся?! Я буюс.

Ну и поехали там с дверью, не знаю уж, как заспали.

Горшешник мимо ехал, тож сел под сósной: охота деньги пошшитать.

— Эх, хороши деньги! Ох, стыдно! Глупу девку оманул, ведь видать уж, што глупа.

А тут Даша двери уронила.

— Батюшки! С сосны двери падают! Это меня бог наказал, што зря деушку оманул.

Мужик оступился этих денег, коня хлеснул, да и поехал.

А тут Ваня с Дашей с сósны слезли, тут ихной туюсок полный денег стоит... И пошли домой хозяйствовать.

Глядя на милых, впившихся глазами ребят, Ошкуй, улыбаясь, завел вторуюю.

48. ЛЕШЕВА РЕПА

Посеял мужик репу, а старуха заругалась, зачем репу сеял. Вот время доспело, старик и спрашивает:

— Старуха, не бывала на Лисьей горки, репы не смотрела?

— Н-на! Никакой репы не родилось. Было тебе говорено.

Пошел старик на репишке: эдаки наперски. Только поле затратили.

— Лешему бы всю репу!

И собирать не стал. А на другой год не стерпел — опеть репу посеял, и уродилась репа от чаянно блюдце. Принес старухи показать, она не верит:

— Поди, дикарь, чужу принес.

— А вот возьму мешков, на телёге приеду, да привезу тебе воз, тогда...

И поехал. Приехал на место, а там леший стоит.

— Моя репа, не дам!

— Я сеял,— моя!

— Сеял ты, а рóстил я. Сам сказал, што мне репа.

Старик одумал:

— Я на цем приеду за репой, ты узнай. Узнашь, дак твоя репа.

Пошел старик домой, телёгу с мешками оставил на горки, взял старуху с собой, волосы расплел,— станювись на корачки!

Сам на старуху сел: вези!

— Нде мне на эку гору зняться?

— Молчи, за репой едем.

На гору вызнелись. У старухи волосы больши.

Леший ходит кругом — кругом волосы.

— Што тако? Овця? Нет, не овця — больно мохнато.

— Не знаю... Старик, бери репу!

Старуха волосы заплела и стала рвать репу. Дак мешков не хватило...

Теперь был черед за Скоморохом, и все предвкушали веселье. Дед заканчивал прелестный маленький невод. Только поплавок не хватало. Но, подняв на Скомороха глаза, дед сплюнул, забрал работу и отошел в сторону на другой конец площадки.

Скоморох хотел было начать, но свистнул пароход, и все зашевелились. Скоморох крикнул:

— Стой! Сами знаете, ешшо с лодок примать станет, тихим ходом поползет. Долго ль в котомоцьку собраться? Слушайте!

И рассказал.

49. КУРОПТЕВ

Куроптев навоевался, по окопам наваялся, всех вшей досыта накормил, тогда службе еговой строк вышел. Можот идти на все четыре стороны, куда любо. А у Куроптева не было ни кола, ни двора, ни милого живота, ни образа помолица, ни веревки задавицца, ни ножа, чем зарезацца. Идет он, идет день до вечера, и тут ноги шагать перестали. Сел край дороги и разгоревался. У птицы гнездо, у зверя нора, а человеку некуда голова преклонить. Хотел закурить,— табаку нет. И вдруг смотрит,— около человек взялся, такой хорошо одёной и говорит:

— Куда, Куроптев, пошел?

Присел этот человек рядом, и всю ему Куроптев жись свою рассказал, как воевал, как в окопах позорился.

Человек, выслушав, говорит:

— Правильной ты, Куроптев, человек. В рай хочешь?

— Как это понимать, в рай...

— Очень просто: записку дам и вне очереди.

Этот прохожий был сам бог, а Куроптев не знат и ничего понеть не можот:

— В рай, конечно, приятно, но как туда попась, и чья дорога, и нать ли помирать?

Бог в книжечке черкнул, листок вырвал:

— Держи, предьявишь Петру ключарю. До утра иди прямо, с всхожем поверни на восток, в павечерии возьмессе в царсви небесном.

Куроптеву выбирать не из чего. Он сделал налево кругом, да и зашагал.

Утром поворотил на солнце. О вечерней зори уздрел каменны ограды. У ворот позвонился. Отворили. Документ проверили, все правильно. По книгам провели. Райско-нетленно обмундирование выдали — проходи, блаженствуй. В раю худо ли? Сады, винограды, палаты, фонтаны! В раю рано ставать не надо, на работу не гонят, ни в поле, ни пахать, ни молотить, ни по дрова ехать. Поокруг праздник.

Куроптев отоспался, отъелся, ко всему пригляделся. И што же это? Ему не весело стало. Што случилось? А покурить захотел. Спросить неловко. Какой же в раю табак? Весь парень приуныл, весь поблек. Все сады, все кустики обшарил, нет ли где окурочка,— не нашел. С го-

ря што придумал: веревочку нашел, мелком намелил, давай на главной просеки лужайку мерять да колье вбивать.

Праведны понеть не можут, што он творит.

— Куроптев, ты што затеял?

— Я-то? Я вот план снимаю на предмет застройки пустующей площади зданием трактира.

Праведны бегом к богу.

— Господи, господи, твой-то Куроптев, как отличился! В царстве небесном трактир ставит! Разрешенье имеет!

Господи брови насупил, да скорым шагом к безобразнику:

— Куроптев, ты знашь, што полагается за нарушение тишины и спокойствия в общественном месте?

— Так точно. Только понапрасну они шум поднесли. Опосле сами благодарить будут.

— За што благодарить?

— А вот за трактирно заведение, распивочно и на вынос, с продажей папирос.

— Дурачина ты, табашна шишка!

Господу смешно.

— Люди всю жись рай зарабатывают, а ты без заслуг, только в силу моих к тебе личных симпатий сюда попал — и то тебе, болвану, не сидится... Больше ничего, што в аду тебе лучша прописаться.

— Сопроводительну бумажку получить можно?

— Спешно известим сами. Ступай туда. В аду ворот много и все входы настезь.

Выписали Куроптева из рая. Ключарь Петр и дорогу сказал:

— Поди прямо, вечером поворотиссе на запад.

Куроптев идет день, о закатым повернул во мрачную сторону. И вот горелым запахло, потом скрежет и визг слышать стало. Дале — корпуса увидал высоки, ворот много. Ад есть. Черти Куроптева под локотки примают, в жарко место садят. А Куроптев свое:

— Покурить, ребята, нет ли?

Ему лоток с папиросами в колены высыпали и всё дороги сорта. Он три папиросы подраз закурил. Сидит нажигается. С утра опять за табак. С бесями дружба, а чертовкам Куроптев надо. Кажна обниматься лезет, в губы припадат, кажна записываться зовет, и видом кажная, как жаба. Мужуку это каково? Он и табаку не рад, на волю запросился, да нет, не уйдешь. В ад входы

полы, а выходу нет. Куроптев опеть потемнел. Брови нависли, дума на мысли.

Против главного корпуса лужок был травами высажен узорами. Этта малы бесенята с няньками гуляли. Куроптев веревку намелил, ходит с метром да эту лужайку измерят.

Бесям интересно:

— Товарыш Куроптев, вы это што деланте?

— Я-то! Я планирую. Церкву-храм будем ставить на сем месте. Направо колокольна, прямо алтарь, звон будет, ладан, пение...

У бесей со страху животы того разу схватило. Ко главному сотоны прилетели:

— Дедушко, отаманушко! Куроптев в аду церкву строит. Уж колокольна готова. Всех, всех задушит, закадит...

Сотона в чем был к Куроптеву:

— Товарыш Куроптев, это што?

— Храм божий ставим. Слыхано ли, штобы помощца затти некуда было. План готовой, сейчас на биржу за рабочима пойду.

— Поди-ка ты лучше вон. Проваливай, куда хошь!

— Нет, я раздумал, мне тут дородно.

Сотона на небо депешу:

— Зачем таких богомоллов в ад посылаете? Ваш Куроптев в преисподней церквов строит...

Из раю ответ:

— А мы што будем делать, коли он сам так захотел?

— Возьмите, ради бога, обратно.

— Довольно мы с им бились. Нам свой покой дороже.

Што делать? Лихо-то ведь споро, его не сбудешь скоро. В аду каждой день заседанье. Как Куроптева выжить. Вот бес Потанька предложил:

— Дедушко, отоманушко, ты с меня шкуру спусти, натени на барабан, я с барабаном за ворота выйду, тревогу ударю, увидаете, што будет.

Дедушко со внушка шкуру спустил, сделали барабан. Потанька с барабаном за ворота выбежал, ударил сбор. Куроптев старой службы солдат, привык слушаться команды. Барабан услышал, амуницию подтянул, ранец на плечи и ать-два — вымаршировал из аду. Только он

за ворота, беси ворота на запор, да еще брѣвно изнутри привалили.

А Куроптев осмотрелся, тревога ложна...

Ах, дуй вас горой! Он в ворота ломится, а беси исподворотни языки кажут, хвостом дразнят:

— Не пустим боле! Не пу-у-стим! Нам тоже своя жись дорожа.

Опять значит Куроптев, куда глаза глядят, бредет по дороги. У птицы гнездо, у зверя логовище, а ему человеку негде глава подклонить. И на стрету ему опеть тот человек, такой хорошо оденой. А это был сам бог:

— Куда, Куроптев, пошел?

— Да, вот, осподи, из аду выгонили.

— В раю тебе было неладно, и в аду нехорошо... Што я с тобой буду делать?

— Осподи, мне бы где ли на часах постоеть.

— Куда тебя, Куроптев, деваешь... Видишь, вон око-ло ростанья будка наружна. Становись, охраняй! На зиму тулуп тебе выдам и валенки.

Куроптев этта и теперь в будке караулит.

Когда смех, звеневший все время, замолк, Скоморох начал вторую.

50. ДОГАДА

Была в лесу глупа деревня. Люди в лайды жили, широкого места никогда не видали, дак уж... Был один поумняе, Догадой звали, дак и тот глуп. Вот эти мужики собрались в лес на охоту и видят, в снегу дира, а из дыры пар идѣ... Що тако? Стали думать, часа два думали.

— Нать Догаду спросить.

— Ну, Догада, он знат, он понимает.

И пошли всема к Догады. Приходя и говоря:

— Догада! Были мы в лесу, видели диру, а из дыры пар идѣ. Що тако? Советовали, ничего не усветовали. Скажи, пожалуйста.

А Догада на тот час с жоной обедал и говорит:

— Так нельзя сказать, нать посмотрять. Вот ужа пообедаю, пойдѣм всема в лес.

Пообедал Догада, пошли всема в лес. Догада видит, в снегу дира, а из дыры пар идѣ. Що тако? Стал думать. Часа два думал. Ничего не удумал и говорит:

— Так нельзя сказать, нать посмотреть. Вот шо, товаришши: берите меня за ноги, да суйте в диру. Да держите крепко. А как, если шо буде, дак обратно волоките.

Мужики взяли Догаду за ноги и сунули в диру... А там было логово! Медведь был! Он и стяпал Догаду за голову.

Догада ногами голит, рыцять не может... А те держат крепко. Все думают: было шо, али не было шо? Часа два думали, а потом говоря:

— Шо Догада сам смотрит, а нам не показыват! Ташшите его назать!

И выташшили одно тулово без головы. И заспорили: одны говоря, шо и ране такой был, а ины:

— Не, с головой!

Спорыли, спорыли, доспорытця не могли. Говоря:

— Нать к Догадихи пойти...

— Ну, Догадиха мужа знат. Догадиха понимает. Догадиха скажот.

К Догадихи пришли и тулово приволокли.

— Скажи, пожалуйста, Догадиха,— как Догада ране с головой был, или без головы?

А Догадиха на ответ:

— Да как обедали, бороденка болталась. А была голова, нет,— не припомню. Мне ведь не к чему!

Скоморох кончил, и в это время раздался второй гудок. Московка всполошилась:

— Два гудка!

— Это новой пароход. По гудку слышать: «Посыльный». Два парохода идут! Вот это так повезло!

Стали собирать пожитки, и вскоре показался долгожданый, уже наполненный пароход. Все выстроились с котомками. Пароход бросил чалку. Помор поймал ее и живо прикрутил ко вбитому столбу. Пассажиры по доске, брошенной на берег, взбирались на палубу. Капитан приподнял кепку и крикнул Московке:

— Вам советую десять минут подождать «Посыльного». Там совсем слободно, каютина больша. Идет пустой, ешьчо нас обгоните!

В одну минуту Московка перешепнулась со своей компанией, и они отошли в сторону.

— Дедушко, с нами?

— Видно, што с вами в ад попадаты!

— Вдруг веселей!

И Скоморох хлопнул деда по плечу. На палубе парохода кто-то узнал Скомороха:

— Далеко ли?

— В Архангельско-у!

— Што такó?

— Веселó! Восемь девок на пятак, а девяту дают так!

Молодка в последнюю минуту по сходням сбежала обратно.

— И я с вами!

Через десять минут пришел «Посыльный», совершенно пустой. Оставшиеся вошли, заняли общую каюту-столовую и отбыли.

Мелились ли они еще, много ли еще сказок рассказали друг другу,— нам неизвестно.

Собирались рассказывать всю ночь.

*Бабушка Марья Дмитриевна
Кривополенова*

В 1915 ГОДУ

сть сказочный край на Руси... Все поражает человека, попавшего на русский север впервые: и неожиданная красота высоких алебастровых берегов с черными таинственными пещерами над чистой широкой рекой, и переливы красок двухмесячного дня, пересекаемого только краткой сонной тишиной, и крестьянский быт, так непохожий на уклад мужицкой жизни в средней России, и эта удивительная любовь к слову, к песне, к сказке, ко всему чудесному.

Там в реке еще живет «чертушко» с тремя телячьими головами; в лесу — «он»; в доме — «хозяин»; в теплой баенке (бане) — проказливый «байницек».

Там, на реке Пинеге, когда жонки идут за малиной, они всегда должны быть готовы к встрече с медведем, встрече мирной и краткой (медведь всегда уходит), но от этой встречи и у мужиков волосы встают «дымом», и шапки на голове приподнимаются... Там не ходят по грибы, а ездят «на конях в телёгах» целыми семьями, всей деревней в темные сузёмы (тайга) «ломать грибы»... и за несколько часов с непрерывным ауканьем, чтобы не закружиться в глубоких, одинаковых с виду «мургах» (огромные воронкообразные ямы — следы исчезнувших лесных озер), семья наломает столько грибов, что их засолу хватит на целую зиму. Это большое важное дело, о котором говорят с такой же заботой

и волнением, как и о страдных работах, добыть грибов, которые подкормят зимою.

Там, по берегам Пинеги, где корабельные леса пересекаются «пожнями» (лугами), окруженные высокими черными пряслами (на них сушат снопы золотого ячменя), стоят задумчивые села с дивными церквами. В высоких домах просторно живет крестьянину с большой семьей. Избы в пять-шесть покоев не редкость; всегда есть «гостинная горница» с городской обстановкой, со множеством цветов на окошках.

И хозяин такой избы — не кулак, не мироед, а только здоровый работник. Было бы здоровье, а северянин лесом, зверем, да рыбой всегда наживет денег и от излишка нарядит жонку и дочку в узорчатые сарафаны, в бархатный повойник или парчевую повязку. Любят и берегут там старинные наряды, как и старинные песни, как и вековые обряды.

Ну, рядом с богатством встречаешь, конечно, и убогость — лютые морозы да ветры убивают и хлеб на корню, и здоровье человека — и тогда удивляешься терпению, выносливости и той силе благочестия, которое всегда, словно радостный золотой венчик, украшает северную «сиротину» (нищего).

В этом сказочном краю, где крестьянин, никогда не знавший крепостного ига, жил свободно, хранил и любил слово и украшал им свою жизнь, как скатным жемчугом, должна была случиться сказка и она случилась.

Давным-давно в деревне Усть-Ежуга, при впадении реки Ежуги в Пинегу, стояла маленькая черная избушка. В ней семь голодных ртов и одна только пара рабочих рук, да и то женских. Это — мать, работница неустанная, а с нею четверо ребятишек, да старая бабка, да огромный столетний дед И. Кобалин.

Дед с детьми водился, растил их вместо таты. Мама оставит ребятишек в избе, уйдет на работу, а дед, старый, таинственный, притягательный, много видевший, много слышавший дед — с ними. Им и любо. Дед в молодости ходил по Зимним Кедам, бил морское зверье; оттуда вынес свои старины.

И ребятишки пристают:

— Дедушко! спой старину... Дедушко! спой былину!

Дедушко «заповорачивается, запокашливает, — то скоро дедушко запоет»... Спой былину про Илью про Муровича, длинную, длинную.

— Дедушко, спой коротеньку!

Споет дедушко коротеньку, дети просят длинну. Ребятишек отколе ни возьмись штук пятнадцать в избу уж набилось; все слушают: распелся дедушка.

И «в няла сь» в эти старины одна крошечная Машутка, все упомнила и пронесла сквозь скудную, тяжкую жизнь драгоценный светильник поэзии и донесла, уже старческими руками, до большого города, до молодой толпы, ей на улыбку и на радость.

А жизнь была скудная. С десяти лет пришлось побираться, ходить по кусочкам. Пришли годы: выдали Машу замуж в деревню Шотогорку. Для сиротины разве найдешь хорошего жениха? Хоть и работница была Маша, а хозяйство все кривилось: муж пил, и на руку нечист был, и бродяжить любил.

А тут «зеленые года» пришли; семь подряд. Пришлось Марье на телеге ездить по деревням, собирать. Дети умирали, мужа убили бродяги на дороге, осталась одна дочь.

Дочь вышла замуж в деревню Веегоры тоже бедно: хоть старалась оприютить мать, да откуда возьмешь, когда у самой ребятишки живут впроголодь.

И на старости лет, с корзинкой в руках, крошечная сморщенная Марьюшка бегаёт по деревням, собирает кусочки. Белые теплые внучатам снесет, черные высушит и сухарьки в лавочку продаст (там их для скота покупают).

Ночует, где бог приведет; добрым хозяевам и духовный стих споет и старину, где рады. А кто не попросит, так для них что и «горло драть понапрасну». Своя гордость есть.

Было одно событие в жизни: наезжал «Московец», записал все старины, на машину с трубой голос снял. Пела ему с радостью.

А потом еще пятнадцать лет мыкалась, нигде не имея угла; даже у дочки заживаться не смела, не быть бы в тягость. И так до 72 лет, до чуда, до счастливой встречи.

Дочь не раз говорила:

— Мама, да съезди ты в город Пинег: там хорошо подают. Набрала бы,— нам помогла.

— Я Пинега не знаю, не бывала. Лучше в Архангельско поеду. Там знакомци есть. Хоть и дальше ехать, да уж знаю куда.

И собралась бабушка в дальний путь из деревни Веегоры в Архангельск. Забрала хлеба, сколько мог-

ла. Капитан знакомый даром посадил на пароход. По-ехали вниз по Пинеге-реке.

А бабушку подстерегали горе и радость: над ее дочерью замахнулась уже смерть, а под городом Пинегой в деревне сидела с карандашом и толстой тетрадь «Московка».

Задул ветер и загнал пароход на мель. Два дня сидели на мели,— бабушка и приела весь свой хлеб.

Надо в городе Пинеге выходить: не с чем дальше ехать.

Вышла бабушка на берег. И впрямь хорошо подают в городе,— «Пойду-ка в соседнюю деревню — в Великий Двор».

День серый, ветер дует бабушке в спину, так и гонит ее к новому домику, где сейчас произойдет неслышанная встреча с «Московкой».

Ну, теперь два слова о «Московке». И она была когда-то маленькой девочкой, жила в большом городе, и у нее был сказочник-отец: по положению — офицер, по способностям — математик, а по призванию — сказочник. Он своей младшей девочке рассказывал чудесные сказки, а больше всего любил мечтать вслух, как они поедут на лошадях по всей Руси, куда глаза глядят. И так умел он описать сладость краткого знакомства с Анюткой, дочкой толстопузого хозяина постоянного двора, ночевку в избе с задумчивыми тараканами, так научил любить эту вечную беспутную дорогу, что и маленькая девочка изо всех сказочных чудес больше всего полюбила тот серенький клубочек, который катится неведомо куда и тянет своей тонкой ниточкой вперед да вперед.

И когда девочка выросла, судьба послала ей прекрасный клубочек. Он неустанно катался, сжигаемый волшебным любопытством, выбирал неожиданные тропинки, благополучно докатывался до боярских хором, отдыхал, свертывался серенький и снова разворачивался, катился, сверкая блестящими нитями, к крестьянскому порогу. И подкатился к ногам нищенки.

Обе женщины зорко смотрели друг на друга. Голодная нищенка подумала, не подаст ли «Московка» больше, чем кусок хлеба, а Московка подумала, не лежит ли у нищенки под корками хлеба скатный жемчуг. И оказалось полно лукошко.

Есть примета на Севере: если съешь у нищего от трех кусков, будет тебе счастье.

Старая нищенка, Марья Дмитриевна Кривополенова, так сердечно угощала меня теплыми, только что поданными в городе шанежками (шаньга — лепешка), что незаметно для себя съела заветные три куска.

И вышло счастье. Для нас обеих.

Нельзя было не полюбить бабушки с первой встречи. А когда рассыпала она перед мной и моими спутниками свой старинный словесный жемчуг, ясно увидели мы, что перед нами настоящая артистка.

— Бабушка, поедем в Москву?

— Поедем!

Храбрая, как артист! Односельчане руками всплескивали:

— Куда ты, бабка? Ведь помрешь!

— А не велико у бабушки и костьё, найдется ле где место его закопать!

И поехала бабушка со мной в Москву. А в Москве не одной мне, а многим тысячам показала, какая она артистка.

Маленькая, сухенькая,— а дыханье, как у заправского певца!

Три зуба во рту,— а произношенье четкое на-диво!

72 года, а огня, жизни,— на зависть молодым!

И не поразили ее чудеса большого города. Трамвай, автомобили, магазины с невиданными товарами — все это скользнуло, не задев души лесной бабушки. Но ее артистическая душа жадно впитала в себя тот дух старины, которым веет от Москвы для всякого художника. Бабушка здесь в Москве получила оправдание своим песням, и по той огромной радости, с которой она говорила об этом, можно заключить, как дороги были ей ее песни.

Подумайте: всю жизнь пела о Каменной Москве, об Иване Грозном, о Марье Демрюковне,— и все здесь нашлось:

«Уж, правда, каменна Москва: дома каменны, земля каменна...

«Ивана Грозного своими глазами видела (т. е. портрет), знаю уж, что не врака, а былъ же, бывало!»

Ехать в Замоскворечье — значит ехать к Скарлютке (к дому Малюты Скуратова); Каменный мост — стал «калиновым мостом»...

Но и сама Москва ответила любовью на бабушкину радость. Все, кто бывал на ее выступлениях, помнят то

умиленное восхищение, с каким толпа смотрела на бабушку.

В Петрограде, где бабушка провела две недели, был такой же прием. В газетах о ней писались восторженные, огромные статьи.

Обе столицы обеспечили бабушке старость, и бабушка уехала на родину, после 3-месячного пребывания здесь, осыпанная подарками, богатая и напоенная славой и радостью.

А в Архангельске газеты «чли»; купцы именитые в кою пору старушку бездомную на кухне пригревали, теперь хвалятся знакомством, ждут бабушку Кривополенову: на вокзал через Двинской лед сани парные выслали.

— Ах, не даром сердце на родину рвалось. Почет-то, почет какой! Губернатор за ручку поздоровался и чай пить к себе в гости пригласил. На вечере бабушка сама про свои былины лекцию прочитала (наслушалась в Москве, наострилась) к общему восторгу своих почитателей. Родственники объявились. Какой-то племянничек стал «тетой» называть. Как довелся племянником не поняла, а одеялышко байковое пришлось подарить. Скоро бабушка промотает свое богатство, да что сравнится с великой радостью давать того, кто всю жизнь просил!

Распростившись с Архангельском, покатила бабушка по зимним путям вверх по Двине и Пинеге, «с провожатым и с колоколом», — губернатор уж такую «гумагу» дал: ехать бабушке как чиновнику.

В городе Пинеге хозяйшка того домика, где бабушка с «Московкой» встретилась, с наказом строгим ждала бабушкины деньги в банк положить. Банковские чиновники просят бабушку былины спеть, а бабушка вдруг возгордилась: «Как сиротиной ходила-пела — не слушали, а как деньги вкладываю, — любопытно стало. Недосуг петь, домой попадать надо». Так и не спела: пристыдила чиновников и укатила дальше в верховье.

А дома-то! Вся деревня скопилась 20 сарафанов внучкиных смотреть; бабушка направо, налево дарит, деньги взаймы дает.

Пошли разговоры, как лучше бабушкину старость припокоить; соседи предлагают полдома у них купить, с внучатами уйти от зятя, зять предлагает верх для ба-

бушки срубить, у него жить, если бабушка коня ему купит. Что лучше, неизвестно, а поговорить обо всем приятно.

И никто бабушке не завидует, все рады за нее, никто никогда на нее обиды не держал.

В 1916 ГОДУ

Почетно и сладко жить дома, а старины петь и видеть восторг толпы еще слаще. И бабушка написала в Москву, что, если «надомно», так она и сама прикатит. И прикатила великим постом в Москву. И покатила полунощная бабушка на полдень: на Украину, на Кавказ.

Как-то там воспримут северную старину? Приняли по-хорошему, по-теплому, по-солнечному.

Провели харьковские гимназисты, что бабушка до сладенького охотница, и поднесли ей полпуда конфет, на улицу высыпали провожать, трамваи остановили, шапками закидали. В епархиальном училище поповны в такое буйство пришли, что бабушку на стул посадили и над головами, через все закоулки и переходы, по всему зданию пронесли.

Бабушка потом обобщала: «В Харькове ни на лошадах не ездила, ни ногами не хаживала: носком носили».

В Екатеринодаре, в скромной комнатке, несколько человек после бабушкиного выступления за самоварчиком засиделись. Земляк бабушкин отыскался, жадно слушает потрясающую горькую повесть бабушкиной молодости.

Земляк в золотых очках.

Много страданий приняла Махонька за свой малый рост, надрывалась за работой, чтоб бессильем не укоряли; замуж выйти не надеялась. А вот взял же.

Хоть бедна, бедна, а приданое себе справила: полны «яшнички окованные» самодельного да самотканого. Муж от венца молодку в Вологодскую губ. на заработки увез, а через год бросил без копеечки. Надо домой за 700 верст пешой попадать с младенцем у груди. Думалось, гадалось, желалось с мужем жить в совете да любви, а пришлось позор какой принять. Только бы домой добраться, там тихо, покойно с ребеночком заживу: в до-

ме хозяйство заведено. Пришла — сердце захолонуло: в доме оконницы вынуты, сундуки взломаны, — злодей раньше поспел, все пропил. Дыра, а не дом. И пошло, и пошло...

А поутру в бабушкиной комнате застаю: земляк в золотых очках к бабушкиной груди припал и всхлипывает: рассказал, как любимая над его молодостью надругалась, а бабушка голову гладит, утешает, как мало-го. Земляк бабушкиному внуку серебряные часы послал. Бабушка слезы его по сию пору пуще часов помнит.

В мае месяце стали мы с бабушкой на север сряжаться.

Тут в Москве перед самым отъездом заехал знакомый художник и повез куда-то бабушку.

Бабушка вернулась довольная, возбужденная:

«К мастеру возил. Ну и мастер! Тела делает. Кругом тела лежат. Взял гнилы, давай тятать, — да сразу ухо моё, уж вижу, что моё. В час какой-нибудь и вся я тут готова! Уж и человек хороший... Уж и наговорила я с ним. Нать ему рукавички связать...»

Угадываю, что Коненков лепил бабушкин бюст.

В Пинеге расстались мы с бабушкой. Два месяца уж не видимся. С Ильина дня дожди пошли и две недели льют без перерыву, словно второй потоп начинается.

Вдруг дверь распаивается, и бабушка мокрешенька, как из воды вылезла, а под мышкой труба картонная, вот и весь багаж.

— Вот и бабушка! И с медалью!

Из трубы вытряхивается на стол медаль, а потом диплом выцарапывается.

«От Императорского Географического общества за полезные научные труды».

Как пришла эдакая посылка — трубка из Петрограда, так и стала бабушка с трубой под мышкой к обедне ходить: «грамотным гумагу показываю, а которы неграмотны, тем медаль».

(Позднее медаль затерялась, а на «гумаге» пирог испекли).

Однажды после обедни услышала, что мужик один срядился в Пинегу ехать, бабушка и села к нему в лодку в чем была, без хлебов, и за трое суток вымокла до ниточки.

Бабушка за мной приехала: надо рассудить, покупать или не покупать ей дом. Вода прибыла от дождей и на днях вверх пароход пойдет. Поехали.

В своей округе бабушка пользуется огромным почетом и весом, и я купаюсь в лучах ее славы. Теперь она меня взяла под свою опеку.

Хорошо бы бабушке своим домком зажить, но условия продажи не подходящие, да и своего хозяйства ей не поднять: внуки еще малосильны. Приходится оставаться у зятя. Если будет бережлива и расчетлива, если сумеет извлекать выгоду из людских отношений, то проживет до гроба припеваючи.

Но можно ли ждать того от бабушки, от артистки, от широкой натуры!

«Проведет свое богасьво, обязательно проведет! Опять будет кусочки просить!» — твердят кругом.

Ну что же? Суждено жить и умереть нищенкой, а если ворвалась в ее жизнь великолепная страница роскоши и славы, то зачем печалиться, что нельзя удержать ее навеки?

Впрочем, отгостив у бабушки, расстаюсь в надежде, что если бабушке придется туго, то сможет к любому богатому москвичу в гости пожаловать на остаток дней. Примет и за честь сочтет.

Но русская история судила иное.

Осенью 17-го года бабушка приезжала на свиданье со мной в Пинегу, а в 18-м году нас разделил фронт.

А что же вышло из работы Коненкова?

Художник не ограничился портретным бюстом, а к Рождеству 16-го года вырезал из дерева чудесную «Вещую старушку» — М. Д. Кривополенову с узелком и посохом в руках, словно слушающую нездешние голоса.

И вот сама природа захотела вмешаться в сказку этой жизни и лишний раз показать, что она сама охотница до сказок и чудес.

На готовой уже скульптуре, зимой, в мастерской художника выросли три великолепных гриба, победно и таинственно осенивших голову «вещей старушки»: два на темени и один на плече.

Сняв фотографию с этой сказки, художник срезал эти грибы и загипсовал их на память.

В 1921 ГОДУ

Бабушке у зятя в Веегорах житья не стало. Высосали все средства у нее и стала бабка не годна: ступай, куда хошь!

Бабушка отправилась в свою природную волость.

Там фронт. Красные вот-вот придут. Бабушку за ради христа хозяйка в большой дом зовет ночевать: «Боюсь одна, тошнехонько!» — «А мужики твои где?» — «В погреби сидят, попрятались». — «Да, што они безумничают? Ведь найдут в погреби их, убьют!»

И пошла храбрая крохотная старушонка по деревне мужиков из погребов вытаскивать: «Хто убьет, как вы в своем доме? А из погребы выташат, озлятся, убьют!»

Разгадала фронтовую психику. Красные пришли, никого не тронули в домах, а запрятавшихся арестовали.

Бабушка пошла к красному «начальсву» былины петь. Красноармейцы кое-кто признали бабушку, начальник отряда знакомцем оказался, дал бабушке белую ковригу. Бабушка вечером походить собралась. «Не ходи, бабка, застрелят. Военное положенье!» — «Да хто в старуху стрелять будет? Ничего не боюсь, пойду».

И пошла, белую ковригу арестованным отдала.

Красные, белые? С какой это стати Иван Семенов — красный, а Петр Семенов — белый, когда они для бабушки — Ваня да Петя — Семена дети.

Бабушка зимою 20-го года в чужом доме жила, с детьми водилась. Вдруг наехал незнакомый человек, расспросил как и что, былины прослушал, уехал, и после того пенсия пошла, паек, одежду выдали, а по весны красные телеграмма в исполкоме получена: если бабушка согласна, пусть в Москву едет, и подписана наркомом А. Луначарским.

Старики знакомые умом пораскинули и смекнули: в Москве старые порядки хотят устанавливать и старых людей вызывают для совета: «поезжай, бабка; бывает, поможешь нащот старых порядков».

И поехала бабушка русское государство устраивать. Сказка продолжается. Опять бабушке кругом почет.

В Архангельске на вечере устроители на сарафан шелковый и на парчевую шубейку поднесли.

В Москву, правда, бабушка не для государственных дел, а для этнографов понадобилась, но бабушка живет в сказке.

С Северного вокзала в Москве приехала недовольная: «Начарский (Луначарский) сам звал, а сам ни духа не встретил, никакой подводы не подал». При каждом звонке осведомляется: «не Начарский ли?»

Бабушка в своем сосредоточенном ожидании продолжала творить сказку своей жизни и дождалась таки, что нарком приехал к ней, если «не нащот старых по-

рядков посоветоваться», то во всяком случае старину послушать, а для бабушки это почти одно и то же.

А потом за ней приезжал, в гости к себе возил.

У бабушки академический паек, бабушка снабжена одеждой и в 78 лет — венец всех затаенных мечтаний деревенской кокетки — пол-сапожки на шнурках. Надо было видеть бабушкино счастье! ведь это хрустальные башмачки русской Золушки!

И снова 78-летняя Золушка перед своим принцем — публикой в Зале Моск. Консерватории, и принц рвется к ней, влюбленный.

Бабушка выступила со своими старинами в Москве, Петрограде, Твери, Саратове, Харькове, Ростове, Новочеркасске, Таганроге, Екатеринодаре (Краснодаре), Вологде, Архангельске для широкой публики 25 раз, в научных и литературных кругах 10 раз и до 100 раз для учащихся.

Как не растерялась старая нищенка перед лицом тысячной толпы?

Это тайна артистической власти. Пусть она неграмотная нищенка, а в первых рядах сидят знатные, богатые, ученые, — но бабушка властвует над ними, потому что в эту минуту чувствует себя и богаче и учнее всех слушателей. Она поет «Небылицу», эту пустую, забавную чепуху, и так властно приказывает всем подтягивать, что тысячная толпа, забыв свой возраст и положение, в это мгновение полна одним желанием: угодить лесной старушонке. Обаяние ее личности, твердой, светлой и радостной, выкованной дивным севером, отражается в ее исполнении, и так понятен возглас толпы, одинаковый во всех городах: «Спасибо, бабушка!» Так понятно желание тысячи человек пожать старую, сморщенную руку, всю жизнь горестно протягивавшуюся за подающим, пожать с чувством любви и уважения к бабушке, как к образу нашего народа.

БАБУШКИНЫ СТАРИНЫ

о, что бабушка называет одним словом старины, мы разделяем на: 1. былины, 2. исторические песни и 3. скоморошья.

Из былин она больше всего любит самую длинную про Илью Муровича и Калина-Царя.

Несколько слов о произношении М. Д. Кривополеновой.

Окончание родительного падежа местоимений и прилагательных *ого* и *его* она произносит без превращения *г* в *в*, что так характерно для всех северян вообще.

В неударных слогах у всех северян *о* звучит, как *о*, но у бабушки произношение в этом случае ближе к московскому: она часто неударное *о* произносит, как *а*. В этих случаях и напечатан *а*. Звук *ч* у нее звучит очень мягко, похоже на *ц*, большей частью ближе к *ч*, а иногда ближе к *ц*. В духовных стихах, которые она выучила от матери, чаще звучит явное *ц* вместо *ч*, в старинах — реже. Возможно, что у деда было московское или близкое к нему произношение, потому что произношение Марьи Дмитриевны Кривополеновой заметно уклоняется от произношения ее земляков в сторону московского. Такие случаи в Архангельской губернии не редки.

У нее, как и у всех северян, и в песнях, и в речи встречается одна любопытная особенность, сохранив-

шаяся от очень древнего времени,— частицы в конце имен существительных (или заменяющих последние имен прилагательных, местоимений, числительных, причастий). Частицы эти как бы ближе определяют предмет, привлекая к нему большее внимание. Сообразно роду и числу существительного, они изменяются: для мужского рода *от*, для женского *-та*, для среднего *-то*, для множественного числа *-те*: царь-*от*, матушка-*та*, лапотьки-*те* беленьки. Изобилие подобных частиц, т. е. членов, особенно заметно в «Кастрюке».

Исполнители былин называются сказителями, и это верное название: нельзя бедный по музыке мотив называть песней, и в то же самое время в исполнении былин чрезвычайно важно уметь выразительно «сказывать».

Бабушка Кривополенова и пленила всех своим драматическим талантом: своей мимикой, своим искусством менять тембр голоса в зависимости от развития действия в содержании.

Часто пение она прерывает своими собственными замечаниями или пояснениями, потому что вся она во власти своих образов, и от полноты переживания ей мало былинного текста. Эти ее собственные замечания напечатаны курсивом в скобках.

СОЛОВЕЙ БУДЕМЕРОВИЧ И ЗАПАВА ПУТЕВИСЬНЯ

Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого
Тут бежит, выбегает тридцать насадов
А и три, и два, и един карапъ,
Тут и нос — корма по-змеиному.
У прибегишша как ладейного,
У того присталишша карабельного
Опускали парусы полотненны.
Ишша те жа якори булатные:
Оне ходенки мечут коньци на́ берег.
А пришел как тут младый Соловей,
Ишша младый Соловей Будемерович.
А пришел как он з-за-Синя моря́
Он Владимиру князю подарки берё:
Он ведь сорок сороков и черных соболей,
Он кнегины Опраксеи подарки берё:
Педдесят аршини хрущатой камки;

Ишша в золоте камоцька не помнитсе,
И не помнитсе, и не согнитьсе.
А пошел как тут младый Соловей,
Он пашел ка городу ко Непрьскому.
Он ведь будя в городе во Непрьском;
Он в гридню идё не с упадкама,—
Отпираё он двери на пету.
Он идё в гридню,— да богу молитсе;
Он Владимиру князю поклоняйтсе;
Он Владимиру князю подарки дарит,
Он ведь сорок сороков и черных соболей;
Он кнегине Опраксеи подарки дарит,
Педдесят аршин хрущатой камки,
А и в золоти камоцька не помнетсе,
И не помнитсе, и не согнитьсе.
Ишша князь комоцьку розвертывал:
Ишша князь узоры высматривал:
А хитры-мудры узоры заморские.
Говорил как тут Володимёр-князь:
«Уж ты ой еси младый Соловей!
А и што тебе тако надобно?
Ишша надобно ле двory мои,
А двory мои все стоялые,
А стоялы двory мои, боярьские?»
Говорил как тут младый Соловей,
Ишша младый Соловей Будимерович,
Гаварил как он таково слово:
«А и не надобно мне двory твои,
А и двory твои все стоялые,
А-й стоялы двory твои, боярьские;
Уж ты дай мне загон земли,
Ишша супратив Запавьина вишенья».
(Што ли у ей што есть: сад какой?..)
Ишша тот жа как Владимёр князь
Отдаёт как Соловью загон земли,
Што ва той ва улицы Жироевлиньской,
Ишша супротив Запавьина вишенья.
Как у Соловья были плотницьки,
Они шшолканы и прошшолканы:
(Таки были бойкие).
Они к утру, к свету построились,
Они построили тут как три терема,
А три терема златоверховаты.
Ишша та Запава Путевисьня
А ставала по утру ранешенько,

Умываласе водой ключёвою,
 Утиралась полотенцем тоненьким.
 А-й взглянула Запава в свое вишеньё,
 (Што нибудь сажено было, кто знает!)
 Ишша тут Запава здивоваласе:
 «Ишша што така за диковинка?
 Ишша кто вновó построилса?
 И построил тут как три терема,
 А три терема златоверховаты?
 Я пайду ко князю-ту спрашивать».
 Ишша та Запава Путевисьня
 А-й пошла ко князю ведь спрашивать:
 А и в гридню идё не с упадками.—
 Отпирает двери тут на пету;
 А и в гридню идё,— да богу молитсье,
 А Владимёру князю поклоняйтсье:
 «Ты Владимёр, князь стольнекиевской!
 Ишша што така за диковина?
 Ишша хто такой вновó настроилса?»
 Гаварил как тут Владимёр князь:
 «Уж ты ой еси, Запава Путевисьня!
 А построилса младый Соловей Будимерович;
 А пришел как он з-за синя моря,
 Ишша он тут вново настроилса».
 Ишша та Запава Путевисьня
 Говорит она таково слово:
 «Уж ты ой еси, ты Владимир князь!
 Я пайду к нему насватыватсье;
 Не возьмет ле он в-за себя взамуж?»
 Как та Запава Путевисьня
 А пошла ко Соловью навязыватсье.
 По первой терём припала, послушала:
 Тут шолчат-молчат, ничего не говорят;
 Ишша тут Запава догадаласе:
 «Ишша тут у Соловья казна стоит».
 По второй терем припала, послушала:
 Тут шолчат-молчат, ничего не говорят;
 Ишша тут Запава догадаласе:
 «Тут живет Соловьева тут матушка,
 Ишша молитця за Соловья здоровьице».
 По третей терем припала, послушала:
 Тут песни поют и гудки гуднут;
 Ишша тут Запава догадаласе:
 «А-й седит как тут младый Соловей
 А и младый Соловей Будимерович.

А сидит на стуле ременьчатом,
 А играт во гусли во звоньчаты».

А в гридню идет не с упадками,—
 Отпираёт двери тут на пету;
 А в гридню идет,— богу не молитъсе.
 Гаваривал как тут младый Соловей:
 «Уж ты ой еси, Запава Путевисьня!
 Ишша што ты, Запава нынь, кретня взяла,
 А кретня взяла неизумелая?»
(Безумничала, вишь ты, говорит...)
 Гаварит Запава Путевисьня:
 «А меня Запаву не кретня взяла,
 Не кретня взяла неизумелая,—
 Я пришла к тебе ведь насватываться;
 Не возьмешь ле ты за себя взамуж?»
 Гаварит как тут младый Соловей:
 «Уж ты дай ты сроку на малой час
 Мне сходить к государыни ка матушки,
 Попросить у ей блаословеньиця».

Он пошел ведь тут младый Соловей,
 А пошел ведь он к своей матинки,
 Он ведь падат матушки в резвы ногі.
 «Уж ты гой, государыня матушка!
 Бласлови ты миня нынь жонитисе
 А на той Запавы Путевисьны:
 Ишша нынь Запава сама пришла».

Гаварит ведь тут Соловьёва матушка:
 «Тибя бог благословит чадо милоё,
 А тебе на Запаве жонитисе».

А пошел как тут млады Соловей,
 А пошел к Запавы Путевисьни.
 Они сватались, тут сосватались,
 По рукам они тут ударились,
 Слово на слово ведь положили;
 Они клали заповедь крепкую,
 Они клали заповедь на три года ведь,
 А сходить ведь Соловью за синё море.
 Наставляли пáрусы полóтнены,
 Направляли якори булатные;
 Отправлялся тут младый Соловей,
 Отправлялся он за синё морё...
 Ему дал бог поветерь попутную.
 Как ва ту пару, во то врёмечко
 Из-под ветерья как кудрявого,
 Из того орешва зеленого

А бежит прибегищо лодейноё,
А лодейноё карабельнеё:
А се три, се два, се един карапъ.
У прибегища как лодейного,
У того присталища карабельного
Опускали пáрусы полотнены
Опускали якори булатные,
Они ходенки мечут коньци на берег.
А пришел как тут ишша шшап молодой,
Ишша шшап маладой и Давыд Попов.
Он Владимиру князю подарки берё:
Он ведь сорок сороков и черных соболей;
От кнегины Опраксеи подарки берё:
Педдесят аршин хрущатой камки
Ишша в золоте камоцька не помнетьсе.
И не помнетьсе, и не согнитьсе,
А-й пошёл как тут ишша шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов;
И пошел ко городу ко Непрьскому,
А и будя во городи во Непрьском;
Он в гридню идё не с упадками,—
Отпираёт он двери на пету.
Он в гридню идет,— богу молитьсе,
Он Владимиру князю поклоняитьсе;
Он Владимиру князю подарки дарит,
Он ведь сорок сороков и черных соболей.
Он кнегины Опраксеи подарки дарит,
Педдесят аршин хрущатой камки,
Ишша кнезь камоцьку развертывал;
Ишша кнезь узоры высматривал:
А хитры-мудры узоры заморские,
Ишша в золоти камоцька не помнетсе.
И не помнетсе и не согнетсе,
Гаварил как тут Владимёр князь:
«Уж ты ой еси, ишша шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов!
А и што тебе да такó надобно?
Ишша надобно ле двory мои
А-й двory мои ле боярьские?»
Гаварил как тут ишша шшап маладой:
«Ишша надо мне и двory твои,
А и двory твои все стоялые,
А-й стоялы двory твои все боярьские».
Гаварил ведь тут ишша шшап маладой:
«Я пайду топер к Соловьевой матушки,

Я скажу ведь ей как про Соловья.
 Ишша нынь ведь Соловья живаго нет:
 Розметало по морю по синему.
(Ишь какой враль!)
 По тому жа по полю по чистому:
 Мы ведь друг друга не спóзнали».

Как пашёл тут шшап маладой,
 Он пашёл ведь тут к Соловьёвой матушки
(Врать пошел!)

Ишша сказывать ей про Соловья:
 «Уж ты зрасвуёшь, Соловьева матушка!
 Я пришел сказать тебе про Соловья.
 Ишша нынь ведь Соловья живаго нет:
 Розметало по морю по синему;
 По тому жа по полю по чистому;
 Мы ведь друг друга не спознали».

Ишша та тут Соловьева тут матушка
 А-й пошла ведь к Запавы отказываться:
 «Уж ты гой еси, Запава Путевисьня!
 Ишша нынь, Запава, те своя воля,
 Те своя воля: куды хошь поди;
 Ишша нынь ведь Соловья живаго нет:
 Розметало по морю по синему,
 По таму жа по полю по чистому».

А пришел ведь нынче и шшап молодой
 Ишша шшап маладой и Давыд Попов;
 Он ведь стал на Запавы тут сватиться,
 Они сватались, тут сосватались,
 По рукам они тут ударились.

А Владимёр князь у их тысяцким,
 А кнегина Опраксея матушкой.
 Повелась у их тут ведь свадёбка.
 Из-под ветерья как кудрявого,
 Из того орешва зеленого

А бежит выбегает тридцать насадов:
 А и три, и два, и един карапъ.
 У того присталища карабельного
 Опускали пáрусы полóтнены,
 Опускали якори булатные,
 Они ходенки мечут коньци на берег,
 А пришел как тут младый Соловей
 А и младый Соловей Будимирович.
 Он пашел ко городу ко Непрьскому.
 Он ведь будя в городе во Непрьском:
 Он идет в гридню не с упадками,—

Отпираёт двери он на пету;
 Он в гридню идет,— да богу молитъся,
 А корминици матенки поклоняйтъся:
 «Уж ты зрасвуёшь, рѳдна матушка!»—
 «Уж ты зрасвуёшь, млады Сѳловей
 А и млады Сѳловей Будимирович!
 А пришёл как нынь з-за синя моря,
 А пришел как нынь ишша шшап маладой;
 А сказал про Сѳловья: «Живаго нет:
 Розметало по морю по синему,
 По тому жа по полю по чистому».
 Я хадила к Запавы отказыватъся:
 «Нынь тебе, Запава, своя воля
 А-й своя воля: куды хошь, поди».
 А и шшап молодой и Давыд Попов
 Он ведь стал на ей тут ведь свататъся;
 Они сватались, тут ведь сосватались,
 По рукам они ударились;
 А Владимир князь у их тысяцким,
 А кнегина Опраксея матушкой;
 А ведетъся у их нынь ведь свадѳбка.—
 Гаварит как тут млады Сѳловей,
 «Уж ты ой, государыня матушка!
 Я пойду к им ведь на свадѳбку».
 А пашел как тут млады Сѳловей,
 А-й пашел ведь к ним на свадѳбку.
 Он в гридню идет не с упадками,—
 Отпираё двери он на пету;
 А в гридню идѳ,— богу молитъся,
 А Владимиру князю поклоняйтъся,
 Поклоняйтъся со кнегиною;
 А ишша сам говорил таково слово:
 «Уж ты ой еси, ишша шшап маладой!
 Ты зачем омманывашь мою матушку,
 Ты зачем берешь мою обрушьницу?»
 Его за руку хватил, дак выхватил;
 На долонь посадил, другой росхлопнул.
*(Этакой богатыришшо! Сохрани его бах! Его и
 судить ништо не может).*
 Он ведь брал Запáву за белы руки,
 А поехали они ко божьей церкви.
 А Владимѳр князь у их тысяцким,
 А кнегина Опраксея матушкой.
 Повелась у них тут свадѳбка.

ИЛЬЯ МУРОВИЧ И КАЛИН ЦАРЬ

Што из далеча да из чистá поля,
Из того роздолья широкого,
Тут не грузна туча подымаласе,
Тут не оболоко накаталосе,
Тут не оболоко обкаталосе,—
Подымался собака злодей Кáлин царь,
За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-смету нет.
Как по руському на сороки верстах
Тут и Киев град знаменуется,
А и церькви соборны оказываютсе.
Становил собака тут бел шатер.
У его шатра золоченой верх.
Он садился на стул на рименьчатой,
А писал ерлык, скоро написывал,
Он скорей того запечатывал,
Отдает паслу немилосливу
А-й тому Борису королевичу:
«Уж ты ой еси, Борис, королевич сын!
Уж ты будешь в городе в Киеви
У великого князя у Владимирá,—
Не давай ты строку на малой час».
Ишшо тут Борис, королевич сын,
Он берет ерлык, во корман кладет,
Он ведь скоро скачёт на добра коня,
Он едёт к городу Киеву,
Ко великому князю, ко Владимиру.
Становил коня к дубовú столбу,
Он везал коня к золотú кольцо.
Он в гридню идет не с упадками,—
Отпираёт двери он на пету;
Он в гридню идет,— богу не молитсье;
Через стол скочил, сам во место сел.
Он вымат ерлык, на стóл кладет.
Ишша сам говорит таково слово:
«Ты Владимёр, князь стольникиевской!
Ты бери ерлык, распичатывай,
Ты скоре того прочитывай;
Ты миня посла не задерживай».
Как Владимир, князь стольнекиевской,
Он берет ерлык во свои руки,
Отдает Добрынюшки Микитичу.

Говорил Добрынюшка Микитич сын:
«Я не знаю грамоты латыньскоё,
Ты отдай Олеси Поповичу».
Отдают Олёши Поповичу.
(У того было мозгу в головы, дак...)
Как Алешичка и Поповиць сын,
Он ведь скоро ерлык распичатывал,
Он скорее того же прочитывал,
Говорил как он таково слово:
«Ты Владимёр, князь стольникиевской!
Хорошо в ерлычки написано
А написано со угрозою,
А су той угрозой великою:
Как стоит собака-царь среди поля;
За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-смету нет.
Как по руському на сороки верстах
Он ведь просит города Киева,
Без бою, без драки, без сеченья,
(Как нынешней ерманец),
Без того кроволитья великого».
Запечалился наш Влодимер князь.
Запечалился-закручинился;
Он повесил буйную голову
А на ту на правую сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович;
Говорил как он таково слово:
Ты Влодимёр стольнекиевской!
Ты бери свои золоты ключи,
Отмыкай-ко погребы глубоки-жа;
Ты насыпь ралечь чисту золота,
Ты второй насыпь чиста сёребра,
Ты третей ларець скатна земчуга;
Ты дари-ко Бориса королевича,
Ты проси-ко строку на три месяца,
Штобы всем во городи покаяться,
Нам покаяться да исповедаться».
Ишша тут жа как Влодимёр князь
Он берет свои золоты ключи,
Отмыкаё погребы глубоки жа;
Он насыпал ралечь чисту золота,
Он второй насыпал чиста серебра,

Он третей насыпал скатна зельчуга,
А дарит Бориса королевича,
А просил ведь строку на три месяца.
Штобы всем во городи покаяться,
Нам покаяться да исповедаться.
Ишша тут Борис, королевич сын,
Не дает ведь строку на три месяца;
Он дает ведь строку только на три дня.
(Все-жь таки дал!)
Спроважали Бориса королевича,
Спроважали кнезя и бóяра;
А во ту ту пору, во то времечко
Запечалилса наш Владимёр князь,
Запечалилса-закручинилса:
Он повесил буйную голову
Што на ту на праву сторону.
Потупил он очи в мать сыру землю.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович,
Выходил на середу кирпичнею;
Он ведь молитсье спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици.
Он пошел Илья на конюшон двор;
Он берет своёго добра коня;
Он накладыват уздицю тасмянную;
Он вуздат во уздилиця булатные;
Он накладывал тут ведь войлучёк,
Он на войлучёк седельшко;
Подпрягал двенадцеть подпруженёк,
А ишша две подпружки подпрягаючи
А не ради басы, ради крепости,
А не шшиб бы богатыря доброй конь,
А не шшиб бы богатыря в чистом поли.
Он ведь скоро скачёт на добра коня;
У ворот приворотников не спрашивал,—
А махал через стену городовую,
А и ехал он день до вечера,
А и темну ночь до бела свету.
Приезжает он ко меньшей реки,
Ко меньшей реки, ко синю морю;
Он нашел тут тридцать три богатыря.
Он с добра коня слезываючи,
Он низкой поклон им воздаваючи:
«Уж вы здрастуйте, доньски казаки!»
— Уж ты здрасвуёшь, наш ведь батюшко,

Уж ты стар казак да Илья Мурович!
Ты давно ли из города Киева?
А и все ли у нас там по-старому,
А и все ли у нас там по-прежнему?
Говорит как тут да Илья Мурович:
«Уж вы ой еси, доньски казаки!
И во городи у нас, во Киеви
Не по-старому, не по-прежнему;
Как стоит царь собака среди поля;
За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-смету нет.
Как по-руському на сороки верстах
Он ведь просит города Киева
Без бою, без драки, без сеченья,
Без того кровопролитья великого».
Говорил как тут да Илья Мурович:
«Уж вы ой еси, доньски казаки!
Уж вы будите стоять ли за Киѳв град,
Вы за те за церкви соборные,
Вы за те монастыри церьковные,
За того за князя, за Владимира?»
Говорят как тут доньски казаки:
«Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ишша как не стоять нам за Киев град,
Нам за те за церькви соборные,
Нам за те монастыри церьковные,
За того за князя за Владимира?»
Они скоро скачут на добрых коней
И поехали к городу к Киеву,
Ко великому князю ко Владимиру.
И поехало тридцеть три богатыря,—
Затресласе матушка сыра земля.
Они будут в городи в Киеви,
У великого князя у Владимира.
Зрадовался тут Владимир-от
Он на радощах им и пир средил,
Он и пир средил, пировати стал.
Ишше все на пиру напивалисе,
Они все на чесном наедалисе.
Как один на пиру не упиваитсе
А и стар казак да Илья Мурович;
Ишша сам говорил таково слово:
«Уж вы ой еси, доньски казаки!
Нынь приходит времечко строчней,

А кому у нас нынче ехати
На ту ли силу неверную?»
Говорят как доньски казаки:
«Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты останьсе в Києви в городи
Стерекчи-сберекчи кнезя Владимира».
Гаварил как тут да Илья Мурович:
«Тут не честь хвала молодечкая,
Ой не выслуга богатырская —
Как Илейки в Києви остатисе,
Будут малы робята все смеятисе».
Ишша тут Илья поежжаёт жа
А на ту на силу неверную.
Он берет с собою только товарышша,
Он берёт Добрынюшку Микитича;
И берет ведь второго товаришша,
Он Тороп-слугу да мала паруха;
Он тройма тут поежжаёт ведь
Он на ту на силу неверную.
А выходят на середу кирпичнею
Они моляться спасу пречистому,
Они божьей матери, богородици;
Они скоро скачут на добрых коней,
У ворот приворотников не спрашивали,—
Они машут через стену городовую.
Они едут как по чисту полю,—
Во чистом поли курева стоят,
В куревы богатырей не видети.
Выежжают на поле чистое
А на ту силу неверную.
Ишша тут два братьця испужалисе,
Испужалисе-устрашилисе
Они той ведь силы неверною;
Говорят они таково слово:
«Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты поставь этта нам бел шатёр,
Дай ты нам опочин дёржать».
Как поставил Илья тут им бел шатер.
Ишша дал ведь им опочин дёржать;
Сам он тут им ведь наказывал
А наказывал наговаривал;
«Ой еси, вы два братця родимые!
Уж вы ой еси, доньски казаки!
Как Елейки худо будё можитьсе,—
Натену я стрелоцьку каленую,

Я спушшу этта вам во бел шатер;
Уж вы гоните тогды во всю голову,
Вы рубите старого и малого». Ишша сам Илья думу думаёт:
Он не знает котору да ехати;
Он поехал силой середкою;
Поворотитсе,— дак переулками.
Он ведь день рубился до вечера,
Он и темну ночь до бела свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добру коню отдоху не даваючи.
Как Илейки стало худо можитсе;
Натенул он стрелочку каленую,
Он спустил богатырям во бел шатер.
Ишша тут богатыри ото сну скочйли,
Они скоро скачут на добрых коней,
Они гонят тут во всю голову,
Они рубят старого и малого.
Они день рубились до вечера,
Они темну ночь до бела свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добрым коням отдоху не даваючи;
А прибили всех до одинаго.
Ишша тут два братця не натешились,
Не натешились приросхвастались.
А один говорил таково слово:
«А было-б в матушки, в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцо,—
Поворотил бы матушку сыру землю».
А другой говорил таково слово:
«А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого».
По грехам по их так ведь сделалось:
А которой сечен был надвое,
А возстало тут два тотарина;
А которой сечен был натрое,
И возстало тут три тотарина.
Гаворит как тут да Илья Мурович:
«Уж вы гой еси, два братёлка!
По грехам по нашим так сделалось».
Они поехали силой, середкой;
Поворотятсе,— дак переулками.
Они бились день, да до вечера,
Они темну ночь до бела свету,
Не пиваючи, не едаючи,

А добрым коням отдоху не даваючи;
И прибили всех до единого.
Ишшо тут два братця где девалисе,
Я не знай, куда подевалисе.
(За похвасны слова скрозь землю прошли).
А один Илья оставайтсе.
Он поехал к городу к Киёву
Ко великому князю ко Владимеру.
(Дальше не поетця, а говоритця. Дедушко так...)
Становил коня к дубову столбу,
Он везал коня к золоту кольцю.
Он в гридню идет не с упадками,—
Отпираё двери он на пету;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици;
Он Владимеру князю поклоняйтсе:
«Ты Владимёр князь стольникиевской!
Ишша то ведь дело у нас сделано,
Ишша та роботушка сроблена.
Только не знать, где два братця девалисе
И не знать, куда потерялисе.
Как перва они да испужалисе;
А потом они не натешились,
Не натешились, приросхвастались.
А один говорил таково слово:
«А было бы в матушки в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё,
Поворотил бы матушку сыру землю,
Я прибил бы там до единого».
А другой говорил таково слово:
«А была бы на небо листвеця,—
Я прибил бы там до единого».
По грехам по нашим так сделалось:
А которой сечен был надвое,
А востало тут два тотарина;
А которой сечен был натрое,
А востало тут три тотарина».
Говорит как тут Владимёр князь:
«Ишша нет как их,— дак не искать же стать».
Он на радошшах тут и пир средил,
Он и пир средил, пиловати стал.

ИЛЬЯ МУРОВИЧ И ЧУДИШЩЕ

Было у нас во Царе-гради
Наехало проклятоё чудишшо.
Да сам ведь как он семи аршин,
Галова у его да как пивной котел,
А нóжишша как-быть лыжишша,
Да ручишша да как-быть гра́блишша,
Да гла́зишша да как-быть ча́шишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвые
Тема жа залезами немецкимá,
А свезали его да руки белые
Тема же опутьями шолковыма,
Кнегину Опраксею в полон взяли.
Во ту то пору, да во то времечко
Перепáхнула веска за реку Москву,
Во тот же как ведь Киёв град
;К тому же ведь, да к Ильи Муровичу:
«Да ой еси ты, Илья Мурович!
Уж ты знаёшь ле, про то ведаёшь?
Помёркло у нас да соньцо красное
Потухла звезда, да поднебесная:
И нынче у нас во Царе-граде
Наехало проклятое чудишшо;
А сам как он из семи аршин,
Голова его да как пивной котел,
А нóжишша как-быть лыжишша,
А ручишша как-быть граблишша,
А глазишша как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвы же
Темá же залезами немецкима,
Свезали его руки белые
Тема же опутьями шолкóвыма,
Кнегину Опраксею в полон взяли».
Да тут же ведь да Илья Мурович
Надеваёт он тут платьё цветное
Выходит на середу кирпичнею
Молитсе спасу пречистому,
Да божьей матери, богородици.
Пошел Илья на конюшон двор
И берет как своего добра коня,
Добра коня со семи цепей;
Накладыват уздицю тасмяною,

Уздат во уздилиця булатные,
Накладыват тут ведь войлучек,
На войлучек он седельшко;
Подпрегал он двенадцать подпруженёк,
Ишша две подпружки подпрягаются
Не ради басы, да ради крепости,
Не шшиб бы богатыря доброй конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поли.
Да скоро он скачёт на добра коня;
У ворот приворотников не спрашивал,—
(Они думали, поедет воротами).
Да он машот через стену городову жа.
Едёт он по чисту полю,—
Во чистом-то поли да куревá стоят,
В куревы-то богатыря не видети.
Да ехал он день до вечера,
А темну-то ночь до бела свету,
Не пиваючи он, да не едаючи,
Добру коню отдóху не даваючи.
Конь-от под им как потпинатьсе стал.
Бьет он коня и по тучним ребрам:
«А волчья сыть, травяной мешок!
А што тако подпинаисье,
Надо мной, над богатырём надсмехаисье?»
А конь скочил, за реку перёскочил.
А прошло три дороги широких-е
А не знат Илья, да куда ехати.
А во ту пору, во то времечко
Идет как калйка да перехожая,
Перехожа калйка безымянная.
Говорит как тут да Илья Мурович:
«Уж ты здрасвуёшь, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
А где ты был, да ты куда пошёл?»
Отвечает калика да перехожая,
Перехожа калика да безымянная:
«Я иду ведь тут из Царя-града,
Я пошёл ведь тут во Киёв град.
Говорил как тут да Илья Мурович:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
А што у вас да во Царе-гради?
Ишша все ле у вас там по-старому,
Ишша все ле у вас там по-прежньому?»
Говорит как калйка перехожая,

Перехожа калика безымянная:
— Уж ты ой еси, да Илья Мурович!
А у нас ведь нынь во Царё-гради
Не по-старому, не по-прежнёму;
А потухло у нас соньцё красное,
А помёркла звезда поднебесная:
Как наехало проклятоё чудишшо;
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котёл.
А и ножишша, как-быть лыжишша,
А и ручишша, как-быть граблишша,
А и глазишша как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Ишша скованы ноги резвые
А тема жа залезами немецкима,
Ишша связаны руки белые
А-й тема опутьями шолковыма.
Говорит как тут Илья Мурович:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
Ишша платьем с тобой мы поминяимьсе:
Ты возьми у меня платье богатырьскоё,
А отдай мне платьё калицькоё».
Говорит как калика перехожая:
«Я бы не взял платья богатырьского
Я бы не отдал платья калицького,
А едино у нас солнышко на́ неби,
А един у нас могёт богатырь
А старб-казак да Илья Мурович;
А с тобой с Ильей дак и слова нет.
Они платьём тут да поминялисе.
Ишше тут же ведь Илья Мурович
Он ведь скинул платьё богатырьскоё,
А одел себе платьё калицькоё
И оставил калики добра́ коня.
Он ведь сам пошел тут каликою;
Ишша клюцькой идё потпирайтсье,—
Ишша клюцька под им изгибайтсье:
Говорит тут Илья Мурович:
«Не по мне ета клюцька и кована,
Ишша мало залеза ей складено;
Ишша сорок пуд во единый фунт».
(Не худой, видно, сам был).
А идет как калика да по Царю-граду;
А скрыщял как он да по-калицькому,

Засвистел как он по-богатырьскому,—
 А проклятоё тут чудишшо
 Оно чуть сидит на лавици.
 А та же калика перехожая,
 А идет ведь к чудишшу в светлú гряднú.
 Он ведь молитьсе спасу пречистому,
 Он ведь божьей матери, богородици.
 А сидит проклятоё чудишшо,
 А сидит оно ведь на лавици;
 Ишша сам как он семи аршин,
 Голова его как пивной котел.
 Ишша ножишша, как-быть лыжишша,
 Ишша ручишша, как-быть граблишша.
 Ишша глазишша, как-быть чашишша.
 Говорит как проклятое чудишшо:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая!
 Уж ты где ты был, куды ходил?»
 «Уж я был во городи во Киеви
 У стара казака да Илья Муровича».

Говорит как тут ведь ишше чудишшо:
 «А каков у вас и могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович?»

Говорит калика перехожая,
 Перехожа калика безымянная:
 «А таков у нас могúт богатырь,
 Ишша стар казак да Илья Мурович:
 А в один мы день с им родилисе,
 А в одной мы школы грамоты училисе,
 А и ростом он такой, как я».

Говорит проклятоё чудишшо:
 «Ишша много ле он хлеба к выти съес?»

Говорит калика перехожая:
 «От ковриги краюшецьку отрушаёт,
 А и той краюшкой троё сутки живет».

Говорит проклятое чудишшо:
«По сторублевому быку да я ведь к выти ем!»

Говорит как калика перехожая,
 Перехожа калика, да безымянная:
 «У нас, у попа была коровушка обжориста,
 Да много жорила, ей и рóзорвало!»

Говорит проклятое чудишшо:
«Я и буду в городе в Киеви,—
 Ишше буду я как баран тусён,
 Как баран тусён, как сокол есён;
 Стару казака да Илью Муровича

На долонь посажу, другой рбсхлопну,—
У его только и мокро пойдё». Стоит как калика перехожая,
Он сымаё шляпоцьку воскрыньцату,
Он и взгрел чудишша по буйной главѣ.
Покатилась голова, как пивной котел.
Тут ведь павелы и юлавелы.
Ишше та его сила невёрна-жа
И схватали тут да Илья Муровича,
А сковали его ноги резвы-жа
А-й тема залезами немецкима,
А свезали его руки белы-жа
Тема же опутьями шолковыма.
Говорит как тут да Илья Мурович:
«Уж ты спас, уж ты спас многомилослив,
Уж ты, божья мать, богородиця!
Уж вы што на миня да ек прогневались?»
Приломал все залеза немецкие,
Он прирвал опутьни шолковые;
Он ведь стал по силы тут похаживать,
Он ведь стал ту силу поколачивать,
Он прибил их всех до единого.
Ишша ихны те ведь тулова
Он выкидыват окошечком на улоцьку,
Ишша сам он им приговариват:
«А пушшай ваши-те ведь тулова
А-й серым волкам на розрываньё,
А черным воронам на росклёваньё,
Ишша малым робятам на изрыганьё».
У царя Костянтина Атаульевича
Росковал у его да ноги резвые,
Розвезал у его руки белые;
А кнегину Опраксею назад ведь взял;
Посадил он их тут на царсво-жа.
А пошел как тут да Илья Мурович,
А приходит он ко меньшей реки
Ко тому калики перехожное,
Ишша тут калика перехожая,
Перехожа калика безымянная
И не можот он его конем владеть
А его коня в поводу водит.
Они платьём тут розминялисе:
Ишша тот ведь да Илья Мурович,
Он ведь скинул платьё калицькоё,
Он одел ведь платье богатырское.

Ишша тут они розъежжалисе,
Ишша они тут респрошшалисье;
А Илья поехал домой ведь тут,
А калика пошел, куды надомно.

МОЛОДОСТЬ ДОБРЫНИ И БОЙ ЕГО С ИЛЬЕЙ МУРОВИЧЕМ

Во славном во городи, во Киеви,
Был тут Никита Родоманович.
Девеносто он лет жил, пристарилса,
Он пристарилса, да тут припокоилса.
Оставаласе семья любимая
Да чесна вдова Омыльфа Тимофеёвна;
Оставалса Добрынюшка Микитич млад
Он не в полном уми, не в полном разуми,
Не в великом Добрынюшка возрости:
Он не можот Добрыня на кони сидеть,
Он не можот Добрынюшка канём владать.
Ишша стал как Добрыня лет двенадцати.
Он падал своей матушки в резвы ногй:
«Уж ты ой, государыня матушка!
Чесна вдова, Омыльфа Тимофеёвна!
Блаослови-тко миня выйти на улоньку
Ишша с малыма робятами пойграти».
Да которы робята двадцети петй,
Ишша он ведь Добрыня да лет двенадцети.
«Тибя бог блаословит, чадо милоё,
А мóлоду Добрынюшку Микитича млад,
А тибе жа как выйти на улоньку
Ишша с малыма робятами пойграти».
Да которы робята двадцети пети,
Ишша он ведь Добрыня да лет двенадцети.
А пошел как Добрынюшка на улоньку,
Ишшо стал он шутоцьки зашучивать:
Куго за руку возьмет,— руку выдернёт,
Кого за ногу подопнет,— ногу вышибё.
По белóй шеи ударит,— голова ведь с плеч.
Доходили эти жалобы великие-жа,
Доходили до его ведь до матинки,
До чесной вдовы Омельфы Тимофеёвны.
А мóлодый Добрынюшка Микитич млад
Он падал своей матинки в резвы ноги.
«Уж ты ой, государыня матушка!

Блаослови-тко миня ийти-ехати
Да во далечё во чисто полё
Да учиться природы богатырской-жа».
Добрынина та матушка расплакалась:
«Уж ты молоды Добрынюшка Микитич млад!
Ты не в полном уми, не в полном разуми,
Не в великом, Добрынюшка, возрости:
Да напрасно головушка погибнет ведь».
Он ведь падает своей матушки во второй након:
«Уж ты ой, государыня матушка!
Блаословишь ты миня, я поеду-жа,
Не блаословишь ты миня, я поеду-жа».
«Тибя бог блаословит чадо милоё,
Да мóлodu Добрынюшку Микитича,
Тибе ехать во далечё в чисто полё
А учиться природы богатырской-жа».
А молоды Добрынюшка Микитич млад
Он выходит на сёреду кирпичьнею,
Он молитсье спасу пречистому,
Он божьей-то матери, богородици.
Да пошел как Добрыня на конюшон двор.
Он берёт ведь тут добра коня,
Он добра-то коня со семи цепей;
Он накидыват уздицю тасмяную,
Уздат во уздилиця булатные;
Он накидывал Добрынюшка войлучёк,
Он на войлучёк Добрынюшка седёлышко;
Подпрягал он двенадцать подпруженек,
А ишша две подпружки подпрягаютци
Да не ради басы, ради крепости:
Да не шшиб бы богатыря доброй конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поли.
Надеваёт он латы булатные,
Да берет он с собой палку воинную,
Да берет он с собой саблю вострую,
Он берет ведь с собой вострб копье,
Берет он с собой и булатный нож,
Скоро он скачёт на добра коня;
У ворот приворотников не спрашивал,—
Он махал через стену городовую.
Ишша ехал Добрыня по чисту полю,—
В чистом-то поли курева стоят,
В куревы как богатыря не видети.
Как во ту-то пору, в то-то времечко
Ко той вдовы Омельфи Тимофеевны

Приезжала поленица удалая,
Ишша стар-от казак Илья Мурович.
Становил он коня к дубову столбу,
Да везал он коня к золоту кольцу.
Да в гридню он идет не с упадками,—
Отпирает он двери тут на пету,
А молитсье спасу пречистому,
А божье-то матери, богородици,
А чесной вдовы Омыльфы поклоняйтесь.
А чесна вдова Омыльфа Тимофеёвна
А поит поленицю, она кормит тут;
А сама поленици наказывает,
Да наказыват поленици, наговариват:
«Уж ты, ах, поленица удалая,
Уж ты стар казак, Илья Мурович!
Ты поедёшь, Илья, во чисто поле;
Ты увидишь мое чадо милоё,
Ишша молоды Добрынюшку Микитича;
Не придай ты ему смерти скорое».
Ишша тут поленица поежжаёт ведь,
А чесна вдова Омыльфа спровожаёт тут.
Скоро паленица скачёт на добра коня,
Ишша едет Илья по чисту полю,—
А молоды Добрынюшка Микитич млад
Ишша ездит Добрыня по чисту полю,—
А учитьсье натуре богатырской-жа:
А правой рукой копьем шурматит,
А левой рукой он подхватывает.
А крычит, как зычит поленица удалая,
Да стар казак Илья Мурович:
«А пора, поленица, с тобой съехаться,
А пора, поленица, нам побрататься.
А Добрынюшка тут испужаитьсье,
А конь-от под им и подпинаитьсье.
А бьет он коня по тучним ребрам:
«Уж ты, волчья ты сыть, травеной мешок!
И што тако ты подпинаитьсье,
Надо мной над богатырем надсмехаитьсье?»
Кричит как поленица, да во второй након:
«На уезд уж тебе не уехати!»
Как две горы вместях столкнуулсье,—
Два богатыря вместях съежжалсье.
Они бились палками воинныма;
По насадкам палки розгорялсье;
Они друг ведь друга не ранили,

А кидали палки на сыру землю.
Они секлись саблеми вострыма;
Ишше сабельки пошшорбалисе;
Они ведь друг друга не ранили,
Они кидали сабли на сыру землю.
А кололись копьеми вострыма,
Друг ведь друга не ранили;
По насадкам у них копыя обломалисе;
А кидали они копыя на сыру землю.
Слезовали богатыри со добрых коней,
А схватились богатыри во плотной тут бой.
Ильина нога да окатиласе,
Окатиласе да нога левая;
Ишша сплыл Добрыня на белы груди,
Ишша хочёт пороть груди белые,
Он хочё смотреть ретиво серьцё,
Ишша сам говорил таковое слово:
«Не чесь-то хвала молодецкая,
А-й не выслуга-та богатырска жа —
А убить полениця во чистом поли
А без спросу ей и без ведома;
Уж ты, ох, полениця удалая!
Ты коёй земли, коёго города?»
Говорит полениця удалая:
«Ишша был бы у тя я на белых грудях,—
Не спросил бы ни дядины, ни вотчины,
А порол бы у тя я груди белы-жа,
А смотрел бы у тя я ретиво серьцё.
Я из славного городя из Киева;
Ишше старо казак да Илья Мурович,
Илья Мурович, сын Иванович».
А и молоды Добрынюшка Микитич млад
Ишше скачёт он со белых грудей,
Ишше падат ему во резвы ноги:
«Уж ты, батюшко наш, старый казак!
Ты старó казак да Илья Мурович!
Ты прости миня в таковой вины».
Они скоро скачут на добрых коней.
А Илья поехал по чисту полю.
А Добрыня поехал к своей матёнки,
А к чесной вдовы Омыльфы Тимофеёвны;
Становил коня к дубову столбу,
Он везал коня к золоту кольцю.
А в гридню идет,— богу молитьсе,
Своей матёнки до поклоняетьсе:

«Уж ты здрастуёшь, моя матушка,
Чесна вдова да Омыльфа Тимофеевна!»
«Уж ты здравсуёшь, мое дитятко,
Да молоды Добрынюшка Микитич млад!»
Говорил Добрынюшка Микитич-от,
Говорил он ведь своей матёнки:
«Ишша был я Добрыня во чистом поли;
Я побил поленицу удалаю,
Я стару казака Илью Муровича».
Говорит тут да рódна матушка,
Ишша та вдова Омыльфа Тимофеевна.
«Уж ты ой еси, мое дитетко,
Ишша молоды Добрынюшка Микитич млад!
Ишша то ведь тебе родной батюшко».
Ишша тут ему за беду стало,
За ту кручинушку великую.
*(Ишь, мать сказала, што он не замужем был
прижит, он ведь не знал, што сколотной был).*
Он ведь скоро скачёт на добра коня,
Он поехал тут по чисту полю.
*(Хотел найти Илью Муровича да убить его, да где
его сыскать, Илью-то? Поездил, да так и приехал).*

КУПАНЬЕ ДОБРЫНИ И БОЙ ЕГО СО ЗМЕЕМ ГОРЫНИЦЕМ

А молоды Добрынюшка Микитич млад
Не в полном уми, не в полном разуми,
Не в великом Добрынюшка возрости.
Надевает Добрынюшка платьё цветноё;
Он пошел как Добрыня на конюшон двор;
Берет как своего добра коня,
Он добра-та коня со семи цепей;
Он накладывает уздицю тосмянную;
Он вуздат во уздилиця булатные;
Он накидывал Добрынюшка войлучек,
Он на войлучек Добрынюшка седельшко;
Подпрегал он двенадцеть подпруженек,
Ишша две подпружки подпрегаютси
Да не ради басы, ради крепости;
Да не шшиб бы богатыря добрый конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поли.
Скоро он скачёт на добра коня;
А берет он с собой только тугой лук,

Ишша тугой-от лук, калену стрелу,
Ишша едѣт Добрыня по чисту полю,—
Во чистом-то поли курева стоит,
В куревы как богатыря не видети.
Ишша ехал Добрыня день до вечера,
Он темну-то ночь до бела свету,
Не пиваючи он, не едаючи
Да добру коню оддоху не даваючи.
Да приехал Добрыня ко меньший реки,
Ко меньшей-то реки, ко синю морю.
Скиновал тут Добрыня платьѣ цветноѣ,
Ишша наг ведь Добрынюшка до ниточки,
Оставляют только Добрыня един пухов колпак.
Ишша поплыл Добрыня по синю морю,
Ишша выплыл Добрыня на перву струю;
Богатырьско-то серьцѣ зарывъчиво:
Да зарывъчиво-то серьцѣ заплывъчиво;
Ишша поплыл Добрыня на втору струю,—
Да втора-та струя добрѣ относиста;
Отнесла как Добрыню за синѣ морѣ.
И там плават змеишшо Горынишшо:
*(Змеишшо летал на светую Русь, со светой Руси людей
живком уносил и унес у Владимира-князя племянницу,
и Добрынюшка зажалел ей, так здумал воротить...)*
«Сказали, от Добрыни мне-ка смерть будѣ;
А ныне ведь Добрыня у меня в руках;
А хочу я, Добрыню хоть целком сглону,
Да хочу я, Добрыню хоть с конем стопчу».
А молоды Добрынюшка Микитич млад
Ишша тут жа змеишшу возмолилося:
«Уж, ты ох, змеишшо Горынишшо!
Уж ты дай мне строку на малой час»
Ишша выплыть Добрынюшки на крут берег
А и на тот же Добрыни россыпной песок».
Тут же змеишшо Горынишшо
Да дает ему сроку на малой час
А молоды Добрынюшки Микитичу.
А выплыл Добрынюшка на крут берег
Да на тот Добрыня россыпной песок.
Ишша наг ведь Добрынюшка до ниточки.
Только у Добрыни един пухов колпак.
Он сымат как пухов колпак со буйной главы,
Засыпат он песку, хрещу серого,
Он шшиб как змеишшу во черны глаза;
Он шшиб как у змеишша три хобота,

А три хобота шшиб он три головы.
Ишша тут же зменшшо возмолилося:
«Уж ты молодой Добрынюшка Микитич млад!
Не придай ты мне смерти скорое;
Уж я дам тебе заповедь крепкою:
Не летать бы мне Змеишшу на светую Русь,
Не носить бы со светой Руси живком людей;
Ишша дам те Добрыни платьё цветноё,
Ишша дам те Добрынюшки добра коня,
Я Владимира князя дам племянницу».
А пошли они на гору Окатову
Да писали они заповедь крепкую:
Не летать больше змеишшу на светую Русь,
Не носить бы со светой Руси живком людей;
Да дает ведь Добрыни платьё цветноё,
Да дал он Добрынюшки добра коня,
Да Владимира князя дал племянницу.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

(Историческая)

Было у нас да во Царе-граде
Да не было ни дядины, ни вотчины,
Да жил как был прозвитель царь,
Прозвитель-от царь Иван Васильевич.
Была семья его любимая,
А был у его только бóльшой сын,
А и большое сын Федор Иванович.
Говорил как он таково слово:
«А по этому мосту по калинову
А много и было хожоно,
А много было и ежжоно,
А горячей крови много пролито».
А тут как царю за беду стало
А за ту кручинушку великую.
(Царь своим судом судил, много народу бил).
Он крычит-зычит громким голосом:
«Уж вы, эх, палачи вы да немилóсливы!
Вы берите царевича за белы руки,
Вы ведите царевича во чисто полё
Вы ко той ко плахи ко липовой,
Вы рубите его да буйну голову
Вы на той на плахи на липовой.

Ишша все палачи испужалисе,
Ишша все палачи устрашилисе,
Как адин палач не устрашилса,
Тут Скарлютка вор, Скурлатов сын.
Он берет царевича за белы руки,
Он ведет царевича во чисто полё
Он ко той ко плахи ко липовой,
Да хочё рубить да буйну голову,
А во ту пору, да во то времечко
Перепяхнула веска за реку Москву,
А во то же во Киёв-град,
А к тому же ведь ко дядюшки,
А к тому же Микиты Родомановичу:
«Уж ты ой еси, наш дядюшка,
Уж ты же Микита Родоманович!
Уж ты знаёшь ле, про то ведаёшь:
Как помёркло у нас соньцё красной,
А потухла звезда поднибесная,—
Как погиб царевич за Москвой рекой
А н большое Фёдор Иванович?»
Ишша тут же ведь как н дядюшка,
Ишша тот жа Микита Родоманович,
Он ведь скачё с постелюшки со мяхкою;
Он обул как сапожки на босу ногу,
Он схватил талуп за един рукав;
Он крычит-зычит своим конюхам:
«Уж вы ой еси, мои конюхи!
Подводите мне и добра коня!»
Он ведь скоро скачёт на добра коня,
Он ведь гонит тут во всю голову;
Крычит он зычит громким голосом:
«Розодвиньтесь-ко да вы, народ божей».
Он застал Скарлютку на зáмахи;
А сам говорил таково слово:
«Ты Скарлютка вор, ты Скарлатов сын!
Ты не зá свой гуж ты примаисьсе.
А кабы те тем гужом подавитисе.
Ты поди, Скарлютка, во чисто полё,
А сруби у тотарина буйну голову;
Ты приди к царю,— саблю на стол клади,
Ишша сам говори таково слово:
«Ишша то дело у нас сделано,
Ишша та работушка сроблена».
Он берет царевича за белы руки,
Он сажил царевича на добра коня;

Он сам коня в поводу повел.
Скарлютка вор да как Скарлатов сын
Пошел как он да во чисто поле.
Он срубил у тотарина буйну голову.
Он пришел к царю,— саблю на стол кладёт:
А сам говорит таково слово:
«Ты прозвитель царь, Иван Васильевич!
У нас то ведь дело нынь сделано,
У нас та роботушка сроблена».
Зажалел как тут прозвитель царь,
Зажалел как он своего сына,
Ишша большого Фёдора Ивановича;
Ишша сам говорил таково слово:
«А как по вори да по Гогарини
Ишша много есь как жалобных тут,
А по моем по сыни по Федоре
Некуго-то нету жалобного».
Приходила панафида шеснедельняя,
А прозвитель царь Иван Васильевич
А паходит он поминать сына
А и большего Федора Ивановича.
А идти-то нать мимо Киёв град,
Да мимо дядьево-та подворьяца.
А у дядюшки и за пир такой,
А што тако да за весельице?
А скрыцал как тут прозвитель царь,
Он скрыцал ведь тут громким голосом;
(Нихто не велел тебе разгоречиться-то!)
«Уж ты ой еси, мой дядюшка!
А што у ты и за пир такой,
А што у ты и за весельице?
Ты не знаёшь-ле, не ведаёшь:
А помёркло у нас соньце красное,
*(Экой был герой! Боисе его, перебоисе, все народ
своим судом судил).*
А потухла звезда подьнебесная,—
Как погиб царевич за Москвой рекой,
Ишша большоё Федор Иванович?»
Как выходит тут его дядюшка,
Ишша тот жа Микита Родоманович;
Он выходит тут на красно крыльце.
Говорил как тут прозвитель царь:
(Эка громогласна старина!)
«Уж ты ой еси, ты мой дядюшка!»
Ишша ткнул копьем во праву ногу:

(Эк разгоречился как!)

«Ишша што у тя и за пир такой,
Ишша што у тя за весельицё?
Ты не знаёшь-ле, не ведаёшь:
А помёркло у нас соньцё красное,
А потухла звезда поднебесная,—
А погиб царевич за Москвой рекой,
Ишша большое Фёдор Иванович?»
Говорит как тут его дядюшка,
Ишша тот же Микита Радаманович:
«Уж ты ой еси, мой племянничёк,
А прозвитель царь Иван Васильевич!
Уж ты хошь,— чем тебя обрадую,
Тибя большим-то сыном Федором,
Ишша Федором тибя Ивановичем.—
Выводит цяревича на красно крыльце
А большого-то Федора Ивановича.
Зрадовался тут прозвитель-царь,
Прозвитель царь Иван Васильевич:
Он берет ведь тут своего сына,
Он берет его за белы руки;
Он целует в уста во сахарны-жа;
Ишша сам говорил таково слово:
«Уж ты гой еси, ты мой дядюшка!
Ишша чем тебя буду жаловать?
У тебя злата-серебра не мене моего».
(Пир средили, пировать стали. Не осудите бабушку).

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО *(Историческая)*

Нам не дорого не злато да чистое серебро,
И дорога-то наша любовь да молодецкая.
Ишша злато, чисто серебро скоро минуться,
А и дорога-то наша любовь не позабудиться.
Среди то было Китаю да славного города:
А и тут стояли палаты да белокаменны.
Што во тех-жа да во палатах было да белокаменных,
Тут не мурава трава в поли да шаталасе,
Не лазурьевы цветоцьки к земли преклонялисе;
Тут и бьют челом царю солдаты, да низко кланяютсе:
«Уж ты гой еси, надежда да православной царь,
Уж ты дай нам суд на князя да Долгорукого».
Говорил как тут надежда православной царь:

«У меня на Долгорукого суда нету,
Вы судите-ко Долгорукого своим судом,
Вы своим судом судите да рукопашкою,
Вы берите-ка слегу да долгомерною,
Долгомерною слегу да семи аршин,
Семи она аршин да семи она верхов.
Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота.
Тут берут ведь как солдаты да все долгу слегу,
И долгу слегу да все семи аршин,
И семи-то аршин она была семи верхов.
Они ломают у Долгорукого хрустальни ворота.
Как выходит Долгорукой он на красно крыльце:
«Уж вы гой еси, солдаты да новобраны,
Ишшо што да вам, робята, да тако надомно?
Ишшо надо вам робятам да разе чисто серебро?»
Тут спроговорят солдаты да новобранные:
«Нам не надомно солдатам чисто-серебро,
Ты отдай нам наше жалованье
Хлебно и мундерно и денежно»

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ И ДОМНА

Ишша сватался Митрей князь
Ишшо сватался Михайлович
На Домны Фалилеёвны
Он по три года, по три зимы,
От дверей не отходячи,
Да от ворот не отъедучи,
Да как пошел, пошел Митрей князь
Да он ко ранной заутрени
Да к чесной ранной воскресеньское.
Увидала его Домнушка
Да Домна́ Фалилеёвна:
«Да ёво Митриё кутыра йндё,
Да как кутыра-та боярская,
Да как сова заозерская,
Голова-та у Митрея
Да как котёл пивоваренной,
Глаза-ти у Митрея
Да как две кошки ордастые,
Да как брови у Митрея
Да как собаки горластые».
Да как услышел Митриё князь,
Да как услышил ведь Михайлович-от,

Воротилса к своей сестрици,
Да ко Ульяны Михайловны:
«Уж ты гой еси, сестриця,
Да ты Ульяна Михайловна!
Да собирай-ка беседушку;
Да созови красных девушек
Да молодых-то молодушек,
Да созови-сходи Домнушку,
Да как Домну-ту Фалилеёвну;
Созови на беседушку
Да скажи: «Митрея-та дома нет»,
А скажи: «Михайловича дома нет:
Да он ушёл за охвотами,
Он за утками, за гусями,
Да он за белыма лёбедеми».
Да пошла, пошла сестриця
Да Ульяна Михайловна,
Да собирала беседушку,
Да созвала красных девушек
Да молодых-то молодушек:
Да позвала она ведь Домнушку
Да как Домну-то Фалилеёвну:
«Да ты пойдём, пойдём, Домна, к нам,
Да ты пойдём на беседушку
Да посидеть с красныма девушками
Да с молодыма молодушками».
Посылаёт ей матёнка:
«Да ты поди, поди, Домнушка,
Да ты Домна Фалилеёвна;
Да ты поди на беседушку
Да посидеть с красныма девушками».
Говорила тут Домнушка
Да как Домна Фалилеёвна:
«Ты кормилиця матёнка!
Не посол идет,— омман за мной».
Да говорила тут сестриця
Да как Ульяна Михайловна:
«Да ты пойдём, пойдём, Домна, к нам,
Да ты пойдём, Фалилеёвна:
Да у нас Митрея-то дома нет,
У нас Михайловича дома нет:
Он ушел за охвотами,
Да он за утками, за гусями,
Да он за белыма лёбедеми».
Да как пошла, пошла Домнушка

Да посидеть на беседушку,
Да посидеть с красныма девушками
Да с молодыма молодушками.
Да идёт, идёт Домнушка,
Да идё Фалилеёвна.
У ворот стоят приворотнички,
У дверей стоят притворьнички.
Да сохватали тут Домнушку,
Да сохватали Фалилеёвну
Да ей за белые руцюшки
За злачены персни серебряные;
Подводили ей к Митрею,
Да подводили к Михайловичу.
Ишша Митрей князь за столом стоит
Да со всема кнезьями, боярами.
Да наливаёт он чару вина,
Наливаёт зеленого;
Да подаваёт он Домнушки,
Да подаваёт Фалилеёвны:
«Да выпей, выпей, Домнушка,
Да выпей, выпей, Фалилеёвна,
Да от кутыры боярьское,
Да от совы той заозерьское,
От котла-та пивоваренного,
Да ты от кошки ордастое,
Да от собаки горластое».
Не примаёт как Домнушка
Да не примаёт Фалилеёвна,
Говорила тут Домнушка,
Да говорила Фалилеёвна:
«Да ты спусти, спусти, Митрей князь,
Да ты спусти, спусти, Михайлович,
Да ко кормилицы матёнки
Да как сходить к ей за платьцём:
Да перво платье рукобитное,
Да второ платье обрученной,
Да третьё платье подвинесьней.
Да не спускаёт ей Митрей князь
Да как сходить ей ко матёнки,
Да как сходить ей за платьцём:
Да перво платье рукобитное,
Да второ платье обрученной,
Да третьё платье подвинесьней.
Да говорила как Домнушка,
Да говорила Фалилеёвна:

«Уж ты ой еси, Митрей князь!
Да ты спусти на могилочку
Да ко родителю батюшку
Да попросить блаословленьица;
Да уж мы с тем блаословленьицем
Да будём жить-красоватисе.
Будём гулять-проклаждатисе.
А спустил, спустил Митрей князь,
Да как спустил, спустил Михайлович
Да ко родителю батюшку
Да сходить на могилочку
Да попросить бласловленьица:
«Да уж мы с тем бласловленьицем
Да будём жить-красоватисе,
Будём гулять-проклаждатисе».
Пошла, пошла Домнушка,
Да как пошла Фалилеёвна,
Да пошла на могилочку;
Да брала с собой два ножичка
Да как два друга быдто милых-е.
Да как пришла на могилочку,
Да ко родителю-батюшку.
Да первой ножичёк наставила
Да против серьця ретивого,
Да второй ножичёк наставила
Да противу горла ревливого;
Да сама она сибе тут смерть придála.

МОЛОДЕЦ ДОБРЫНЯ ГУБИТ НЕВИННУЮ ЖЕНУ

Охвоч молодець по пирам ходить,
Охвоч молодець чужих жон смиять;
Да нынь мы молодцю самому отсмиём:
«Да нынь у молодця и молода жона
Пиво варила да вино курила,
А звала как гостей не свою ровню:
Попов, дьяков да людей грамотных,
Людей грамотных да коих надомно».
Да тут как молодцю и за беду стало
Да за ту жа за кручинушку великою.
Собирался молодець со беседушки,
А идёт молодець ко своёму двору.
Отпират жона его воротечка

Да в единой рубашечки, без поеса,
В единых чулочиков, без чоботов,
А он ведь тут он ей смерть придал.
А порол он у ей груди белы же,
А смотрел он у ей ретиво серьцё.
А пошёл как Добрыня во светлу гридню;—
Во светлой-то гридни да тут книга лёжит,
Как книга-та лёжит, да всё свеча горит,
За его-то она богу молила,
Молила Добрынюшки здоровьиця.
Зашёл как Добрыня в нову горенку,—
А во горёнки-то колубель весит,
Колубель-та весит, и младень плачет.
Он и байкат, он и люлькат чадо милоё свое:
«Уж ты спи-тко, усни, чадо милоё:
Уж ты спи-тко, дитя безматерно».
Да не сделать колубелюшки без мастера,
Не утетишь младеня без матери.
Да сам он сибе тут и смерть придал.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Ишша жил как кнезь Михайло, была Катерина пожила,
А была ведь дочь Настасья, да чадо милоё у их.
Говорит как кнезь Михайло да он кнегины пожилой:
«Скиновай-ко цветно платьё да надевай-ко черно платьё;
Ты садись в корету темну, да ты пойдём-ко со мной».
Она байкат, она люлькат да дочь Настасьюшку свою:
«Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милое мое;
Уж ты спи, усни, Настасьюшка, вплоть до миня».
Как повез тут кнезь Михайло свою кнегину да пожилу.
Он во далече в чисто поле, во роздольице;
А убил ведь кнезь Михайло да там кнегину да пожилу;
Схоронил ведь кнезь Михайло да он под белую берёзу,
Он под белу под берёзу, да он под саму под вершину.
Приежжаёт кнезь Михайло да ко своему да ко двору.
Пробуждайтсе дочь Настасья да чадо милоё его.
Он и байкат, он и люлькат дочь Настасьюшку свою:
«Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милоё мое,
Уж ты выростешь больша, я сошью тебе шубу кунью».
Говорила дочь Настасья да чадо милое его:
«Мне не надо, мне не надо шуба кунья твоя:
Только надо, только надо да мне-ка матушка родна».

Он и байкат, он и люлькат да чадо милое свое:
 «Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милое мое,
 Я срублю тебе, Настасья, да златоверховат терем».
 «Мне не надо, мне не надо да златоверховат терем.
 Только надо, только надо да мне как матушка родна».
 «Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милое мое;
 Я возьму тебе, Настасья, да тебе мать молодую».
 Говорила дочь Настасья да чадо милое его:
 «Мне не надо, мне не надо да твоя мати молода.
 Только надо, только надо да мне матушка родна;
 Ты возьмешь-ка мне не мать,— злую мачеху лиху:
 Уж вы сидите как с ей за дубовые столы,
 Посадите же вы миня да край дубового стола.
 Уж вы станите кусочек да рукодано мне давать».
(Сама не засмеет взять,— из рук давать будут).
 Как пошла ведь дочь Настасья да в нову горенку,
 Ишша села дочь Настасья да под окошечко.
 А бежат ведь волки серы да всё разрывчетые.
 Тут спрговорит Настасья да чадо милое его:
 «Да вы где жа, волки, были, да уж вы што, волки, чули?»
 «Ишша были мы волки да во чистом поли,
 Ишша ели мы волки да мясо свежое:
 А убил ведь кнезь Михайло да он кнегину да пожили.
 Схоронил ведь он кнегину да он под белу да под березу,
 Он под белу под березу да он под саму под вершину».
 Ишша та же дочь Настасья да чадо милое его
 А кидаласе, бросаласе да выше лавици брусятой,
 А сибе ведь тут Настасья да и смерть придала.

Последние три песни нельзя считать ни былинами, ни историческими. Хотя принято песни о князе Михайле и о Домне Фалилеевне называть историческими, но вряд ли они подразумевают какое-либо историческое событие. Это скорей песни, рисующие быт, всем и каждому понятные семейные драмы: нелюбимая жена, насильный брак. Такова же песня и о Добрыне-молодце. Но форма их еще иногда таит в себе признаки былин и исторических песен. Эти три песни являются переходными от строго эпических песен к лирическим. Старина о Домне Фалилеевне так близка женскому сердцу, что ее знает почти каждая женщина в Архангельской губ. А бабушка почти всегда плачет, когда поет о князе Михайле, потому что у ее внучат есть теперь мачеха (дочь умерла перед отъездом бабушки в Москву).

Народными произведениями мы называем те, что без помощи книги передаются из уст в уста, из поколения в поколение, из конца в конец Руси. Но нельзя думать, что эти произведения сочинены непременно в самом народе, в деревнях. Многие из них могли быть сложены в больших городах выдающимися талантами своего времени, а затем, перейдя к простому народу, полюбились ему и пережили века. И те любители из народа, которые запоминают по многу тысяч стихов, вкладывают свою душу в них и оставляют свой след в произведениях.

Кто же мог в старину занести городские сочинения в деревню? Странники, калики переходные, а всего больше артисты того времени — скоморохи.

Когда церковь воздвигла на них гонения, они ушли туда, куда уходили многие гонимые, — на север. И бабушкина родимая река Пинега дышит воспоминаниями об удалых скоморохах. Поговорки, сказки, «перегудки» с упоминанием о скоморохах, фамилия «Скомороховы» часто встречается там.

И «перегудки» — всегда веселые, шуточные, остроумные, отличающиеся либо плясовым либо гудочным мотивом, несомненно, сложены самими скоморохами.

Самая замечательная из этих погудок — «Вавило и скоморохи» записана только от одного лица, М. Д. Кривополеновой. Больше нигде никогда ее не встречали. Седой стариной веет от нее, тем временем, когда скоморошье дело было объявлено грехом... Но не могли с этим согласиться скоморохи, как не согласимся мы в наше время счесть театр грешным делом. И скоморохи сложили в свою защиту песню, где прославляли свое дело, возвели его в степень святого. В мотиве скоморошины «Вавило и скоморохи» ясно слышится гудочек.

Любимой же перегудкой нашей бабушки является «Кастрюк». Стоит только подмигнуть ей да сказать: «Пировал-жировал государь», как бабушка зальется смехом. В это мгновение и схвачена бабушка фотографическим аппаратом двух художниц¹. «Кастрюк» тоже, очевидно, сложен насмешливыми скоморохами, утверждавшими, что любимый шурин Ивана Васильевича

¹ В книге О. Озаровской «Бабушкины старины» 1922 года издания помещены два фотопортрета М. Д. Кривополеновой, выполненные А. Черепановой и А. Антоновой.

будто бы оказался не Кострюком Темрюковичем а переодетой женщиной — его сестрой, Марфой Темрюковной.

УСИШША

Ишша за рекой, рекой было четыре двора,
А четыре двора да из ворот и в ворота.
Ишша жил такой кресьянин:
Он и солоду не растил, завсегда пиво варил;
Он ведь денёг не кует, да денёги займи дает.
Ишша шли таки Усишша да атаманишша;
Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки на крыльце:
Бряки-бряки; бряки-бряки; бряки-бряки за кольце;
«Ты ставай-ко, хозяин, отпирай ворота;
Ты ставай-ко, хозяйка, добывай огня».
Как хозяин-от встават да ворота им отпират,
Как хозяйка-та встават да огонь им достават
«Ишша што бы нам, хозяин, как попить бы нам поись,
А попить бы нам, поись да нам позавтракати?»
А хозяин-от идет да ишше куль толокна несёт,
А хозяйка-та идет да им ушат молока несет.
Они по кусу хватили, — призаправилисе;
По другому-ту хватили, — богу кланялисе.
«Да спасибо те, хозяин, на овсяном толокни;
Да спасибо те, хозяйюшка, на кислом молоки,
Ишша ты бы нас, хозяин, напоил бы, накормил,
Напоил бы, накормил да животом нас наделил».
Да хозяин-от божитьсе: «правда денёг нет»;
Да хозяйка-та ратитце: «нам негде взеть».
— Ты поди, Самсон, да колупай заслон;
Вы кладите-ко хозяину пылу под дыру:
Ишша скажо, хозяин, особину свою.
Да хозяин-от идё да свою собину несет,
Да хозяйка-то бежит да достальни денёги ташшит.
Они делили, розделили по петидесят рублёв,
Да большому-ту Усишшу девяносто рублёв.
«Да спасибо те, хозяин: напоил нас, накормил,
Напоил нас, накормил да животом нас наделил.
Мы и двory твои знаем, опять зайдем!»

КАСТРЮК

Во тау-ль и во городи
Во тау-ли в хорошем-е
Поизволил наш царь государь,
Да царь Иван Васильевич,
А поизволил жонитисе
Да не у нас, не у нас на Руси,
Да не у нас в каменной Москвы,
Да у царя в Большой орды
Кастрюка, сына Демрюковича
Да у его на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны.
Собиралса наш царь государь,
Да собиралса с чеснымъ поездом;
Да во ту-ли поход учинил,
Да во ту-ли с каменной Москвы.
Ишше здраво стал государь
Да через реки быстрые,
Да через морё синее,
Да через полё чистоё
К Кострюку в Большу орду,
К Кострюку, сыну Демрюковичу.
Говорил его дядюшка
Да Микита Родоманович:
«Уж ты ой еси, Кастрюк-Демрюк!
Ишша мы к тебе пришли
Да не с боём, не с дракою;
Да мы пришли к тебе посвататъсе
Да у тебя на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны».
Они сватались, сосваталисе,
По рукам они ударилисe,
Да слово на слово полóжилисe.
Собирался наш царь государь
За столы-те за дубовые,
Да за ясва сахáрные;
Да за напитокки стоялые.
Пировал-жировал государь,
Да царь Иван Васильевич.
Говорил его дядюшка
Да Микита Родоманович:
«Уж ты ой еси, Кастрюк-Демрюк!
Об чем слово было молвленоё,
По рукам было удáреноё?»

Кастрюк поскакиваё,
Кастрюк поплясываё;
Он тому то не ослышится;
Он выводит родну сестру
Да ино Марью Демрюковну,
Да за нашего прозвителя царя,
Да за Ивана-та Васильевича,
Да за столы-ти за дубовые,
Да за ясва сахарные,
Да за напитки стоялые,
Пировал-жировал государь;
А оттули поход учинил,
Да оттули из Бальной Орды.
Ишше здраво стал государь
Через полё чистое,
Через море синее,
А через реки быстрые.
Ишше здраво стал государь
Во свою-ту в каменну Москву,
Да он ко церкви соборное,
Да ко монастырям церковное
Да они веньями повеньялися
Да персями поменялися.
Ишше здраво стал государь
Да во своей-то в каменной Москвы
За столы-те за дубовые,
Да за ясва сахарные,
За напитки стоялые.
Да пировал-жировал государь,
Говорил его шурин тут
Кастрюк Демрюков сын:
«Уж ты ой еси, царь государь!
У вас есь ли в каменной Москвы,
У вас есь ли таковы борьци
А со мною поборотисе,
А с Кастрюком поводитисе?
Да из дани, да из пошлины,
Из накладу-ту великого?»
А говорил тут царь-государь
Да царь Иван Васильевич:
— А любимой дядюшка!
Да Микита Родоманович,
Уж ты выйди-ко на улоньку;
Затруби-ко в золотую трубу,
Штобы чули за рекой за Москвой,

Штобы чули три брателка
Да три братьця родимые;
Первой брат и Мишенька!
Второй брат и Гришенька!
А третьей брат и Васенька!
Как выходит тут дядюшка,
Да Микита Родоманович
Затрубил он в золотую трубу.
Да учули за рекой за Москвой,
А учули три брателка;
А первóй брат Мишенька,
А второй брат Гришенька,
Да третей брат Васенька.
Говорил как тут царь государь
Да царь Иван Васильевич:
«Любимой шурин мой!
Кастрюк Демрюков сын!
У миня пития на столи,
У миня борци на двори,
Ковда есь вера боротисе,
Те из дани, из пошлины.
Да из накладу-то великого».
Кастрюк поскакиваё,
Кастрюк поплясываё;
(Вишь коль боек!)
Кастрюк через стол скочил,
Кастрюк пития сплескал.
Говорила как родна сестра,
Да цариця-благOVERница,
Да ино Марья-та Демрюковна:
«Уж ты ой еси, Кастрюк-Демрюк!
Не ходи ты боротисе,
Ты из дани, да из пошлины,
Да из накладу-то великого».
Кастрюк поскакиваё,
Кастрюк поплясываё;
(Какой-то скакливый был).
Он тому-то не ослышиться;
Он выходит на улоньку,
(При публике).
На крылечушко красное,
О перила облегайтсе.
Говорил как Мишенька:
«Уж ты гой еси, царь государь!
Царь Иван Васильевич!

Мне-ка не с ким боротисе».
Говорил как Гришенька:
«Уж ты гой еси, царь государы!
Мне-ка не с ким руки патрать».
Да говорил как Васенька:
«Уж ты ой еси, царь государы!
Уж бы рад я боротисе,
С Кастрюком бы поводитисе,
Я из дани, из пошлины,
Из накладу-ту великого,—
Да я топеря со царева кабака,
У меня болит буйна голова,
Шипит ретиво серьцё».
А наливают как чару вина,
Да не велику, четвертиною;
А подавают Васеньки,
Да выпивает Васенька:
«Да спасибо тебе, царь государы!
Опохмелил буйну го́лову,—
Не окатил ретива́ серьця,
Не звеселил добра молодця».
А наливают вторую чару́,
Да не велику, четвертиною;
А подавают Васеньки,
А выпивает Васенька:
«Да спасибо тебе, царь государы!
Да царь Иван Васильевич!
Опохмелил буйну́ голову,
Окатил ретиво́ серьцё,—
Не взвеселил добра молодця».
Наливают третью чару́,
Да не велику четвертинною;
Подавают Васеньки,
Выпивает Васенька:
«Да спасибо тебе, царь государы!
Царь Иван Васильевич!
Опохмелил буйну голову,
Окатил ретиво серьцё,
Взвеселил добра молодця;
Уж я рад нынь боротисе,
Да с Кастрюком и поводитисе,
Я из дани из пошлины
Из накладу-ту великого!»
Они стали боротисе.
Первый Кастрюк бросил,

Вторый Кастрюк бросил.
Как и Васенька хромонькой
Он на ножку-ту справился,
За лопотье-ти сграбился,
Он и прёрвал лопатьё все.
На руках-то ей потрехиваёт,
До земли-то не допускиваёт.
Ишшо думали Кастрюк-Демрюк,
А и Марфа Демрюковна.
Да она проклиналасе,
Да она заклиналасе:
«Да не дай, бог, бывати здесь
У царя в Каменной Москвы
(Ни за што не заманишь ей пряником).
Да не детям, не внучатам,
Да не внучетам, не павнучетам!»

НЕБЫЛИЦА

Небылиця в лицах небывальшина,
Да небывальшина, да неслыхальшина,
Старину спюю да стародавнюю,
Да небылиця в лицах небывальшина,
Да небывальшина, да неслыхальшина,
Ишша сын на матери снопы возил,
Все снопы возил, да все коноплены.
Как стара мать да в кореню была,
Молода жона да в пристяжи была.
Как стару мать да попонюгивал,
Молоду жону да присодерживал.
На гори корова белку лаела,
Ноги росширя да глаза выпуча.
Ишша курица под осеком траву секет,
Как овця в гнезди да яйцё садит.
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахивал,
Он черным хвостом да принаправливал.
По синю морю да жорнова плуют,
Жорнова плуют да тут певун поет.
Как гулял гулейко сорок лет за печью,
Ишша выгулял гулейко ко печню столбу.
Как увидел гулейко в лаханки воду:
«А не то-ле, братьци, все синё морё?»
Как увидел гулейко, из чашки ложкой шти хлебают;
«А не то-ле, братци, корабли бежать,
Корабли бежать, да все гребци гребут!»

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

бабушки Кривополеновой талант всеобъемлющий: с задором, с огнем поет она скоморошины и с величайшим проникновением — чудесные духовные стихи.

По мотиву удивительно красив стих о святом Егории;

он интересен еще тем, что во второй своей части совсем переходит в былинные формы.

Глубоки по содержанию стихи о «Вознесении» и о «Михаиле Архангеле».

Стих «Сон Богородицы» едва ли не самый распространенный на севере, и отношение к нему особо любовное: он является как бы заговором от горя и страданий. Уходящим на войну текст его зашивается в ладанку и вешается на шею.

Этот стих бабушка выучила только в 21-м году.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Приходит Христово да воскресение,
Доходит Христово да вознесение,
Вознесса Христос на небесей,
Со лангилами да с херуимы,
Со опостолами да серафимы,

Оставил нас нишшую братью,
Оставил убогую сироту.
Заплакала нишшая братья,
Зарыдала убогая сирота:
«На куго ты нас, Христос, да оставляешь?
На куго нас да спокидаешь?
Будём мы и холодны и голодны,
Да будем необуты да неодены,
От темной-то ночи не укрыты!»
Спроговорит Христос да царь небесной:
«Не плачьте-тко, нишшая братия,
Не рыдайте, убогая сирота:
Оставлю вам гору да золотую,
Оставлю вам реку да медовую,
Оставлю вам сад с виноградом,
Да будете вы сыты и пьяны,
Да будете обуты и одены,
А от темной-то ночи и укрыты».
Спроговорил как Иван-от да Златоусто:
«Уж ты истинной Христос, да царь небесной!
Не оставляй нишшим горы да золотою,
Не оставляй нишшим реки да медовою,
Того жа сада с виноградом,
Нишшим горою да не бладати,
Медовой им реки да не видати
Того жа сада да с виноградом:
Узнают купци, власти торговли,
Отнимут у них гору да золотую,
Отнимут у них реку да медовую,
Отнимут у них сад да с виноградом,
Да будут они холодны и голодны,
Да будут необуты да неодены,
От темной-то ночи да не укрыты.
Оставь им своё имё Христово
Ходить по селам, по деревнем,
Да часто Христа будут поминати,
Да истинного будут звеличати,
Дак будут они сыты и пьяны,
Дак будут одены и обуты,
От темной-то ночи прикрыты».
Слава Христу-ту да сыну богу,
Слава Христу и на небесах!

МИКОЛА

Светитель Микола, Меркольской Чудотворец!
А где-жа твои мошши? Неверной страды немцях,
Ах во земле во турьской, в славном Балеградь.
Пишом лик твой на свету икону,
Ставим мы икону в новую чесовню,
В коноварену божицю,
Украшаем мы спасителя мы-жа чистым серебром,
Мы-жа красным золотом, жемчугом окатистым,
Прибегаем к светителю с верой, с любовью,
А просим у светителя великой мы помошши.
В бедах и в напастях он свет сохраняе,
В болезнях лежашших он свет истеляет,
В темницах сидяшших он свет избавляе,
А по морю плаушших он свет направляе
Волны да усмиряе, врагов прогоняет.
Слава Христу богу со своим угодником,
Со светителем Миколой, с Мерькольским Чудотворьцем.

МИХАЙЛО АРХАНГЕЛ

Да зайдут человек да на Хивон на гору .
Да згленут человека да ино верьх по земли.
Ишша чем мати земля изукрашенная?
Изукрашенна земля черквями божьима,
Да зайдут человек да на Хивон на гору,
Да згленут человека да ино вниз по земли,
Ишша чем мати земля принаполненная?
Принаполнена земля душами грешныма.
Протекла река да река огненная
От востоку-ту протекала да вплоть до западу:
Ширина глубина да не намереная.
Через огнену реку да перевоз ведь есь.
Перевозшиком Михайло Архангил со Гавриилом.
Ишша праведных как душ дак перевозит за реку,
Перевозит да переносит их на ту сторону,
Их на ту сторону да ко присветлому раю,
Ко присветлому раю, да к самому Христу.
А и грешны-те души да ходят по берегу
И крычат зычат да громким голосом своим:
«Ты, Михайло Архангил со Гаврилом,
Перевези нас, перенеси да через огнену реку,
Через огнену реку да нас на ту сторону,

Нас на ту сторону да к присветлому раю,
 Ко присветлому раю, да ко самому Христу!»
 Отвичаё Михайло со Гавриилом:
 «Ишшо, души, вы души, да души грешные таки,
 Ишша нам ведь вас да нам не велено везти,
 Нам не велено везти, да не приказано нам;
 Ишша жили, вы душечки, на вольнем на свету,
 Вы не знали, вы ни сѣреды, ни пятници,
 Да не светлого Христова да воскресеньця.
 Уж вы божьей то церкви не хаживали,
 Уж вы звону колокольному не варывали
 Как четья-петья церковного не слушивали,
 Вы подите, бредите, вы души, да души в огнену реку,
 Души в огнену реку да муку вечную!
 Тут заплак'ли, зарыдали да души грешныи:
 «Ты прости-тко, прости да на ведь белой свет,
 Ты ишшо-ко прошай да сам Исус Христос,
 Та прошай-ко, прошай ты, Михайло Архангил со
Гавриилом!
 Вы прошайте, прошайте, да отцы-матери,
 Вы прошайте, прошайте, да братьйи, сестрици,
 Вы прошайте, прошайте, да мужьйи мудрые,
 Вы прошайте, прошайте, да жены мужийи!»
 Зарыдали, заревели да души грешные.
 Присвета мать богородица не могла да на престолѣ
усидеть,
 Не могла же как она ихно горѣ притерпеть.
 Столкнула как она да две горы;
 Тут гора же с горой да столкнулиси.
 Засыпало реку песками, хрешшами сыпучима.

ЕГОРЕЙ

Как у Федора купця,
 У черниговця,
 Уродилосе и два отрока,
 И два отрока и две дочери,
 Уродилосе еси да тут Егорей свет.
 Понесли Егорья да по суду по божьему
 В людях-то да таки трех годов,
 Егорей свет да такой трех недель.
 В людях-то да таки ш'сти годов
 Егорей свет да такой ш'сти недель.
 Роспозналосе царишшо Демьянишшо,
 Он ведь Федора купца да все под низ кланѣт

А он Егорья света к себе берё,
Он к себе берё, да в свою землю,
Во свою землю, да в проклету орду.
Сам-жа Егорью да возглаголуёт:
«Уж ты чью Егорей да веру варуёшь?
(Вер ведь много, двенадцать, может).
Уж ты варуёшь-ле веру жидовьскою,
Уж ты молисьсе-ле ты богам нашим, долы-долам?»
Тут же Егорей да возглаголуёт;
Он стихи поет да каруимские,
Он глаза возносит да все по-ангельски:
«Я не варую да веру все жидовськую
Не молюся я вашим долы-долам,
Я верую все веру хрешшоную,
Хрешшоную да благословленую».
Тут жа царишшо да осержалосе,
Тут же Демьянишше да воспылуитсе:
«Хошь ли, Егорей, на огни сожгу?»
Взял как Егорья на огни жокчи,
Не добре Егорей на огни горит,
Под светым Егореём вода тецёт,
И вода тецёт и трава ростёт,
И трава растет и цветы цветут.
Тут жа Егорей да возглаголуе,
Он стехи поё да харуимские,
Он влазы возносит да как по-ангельски,
Тут-жа царишшо да осержалосе,
Тут-жа оно да воспылуитси:
«Хошь-ле, Егорей, на воды стоплю?»
Не добры Егорей на воды тонё,
Свет Егорей да поверх плаваё.
Он стихи поет да харуимские
Он глаза созносит да все по-ангельски.
Тут-жа царишшо до осержалосе
Тут-жа оно да воспылуитси,
«Хошь-ле, Егорей, да на пи́лы спилю?»
Взял как Егорья да на пи́лах пилить,
Не добры Егорья пи́лы берут,
От света Егорья да пи́лы сыплютсе.
Тут же Егорей да возглаголуё,
Он стихи поет да харуимские,
Тут жа царишшо осержалосе,
Тут жа оно да воспылуитси.
Взял как Егорья за белы́ руки,
Он повел как Егорья да во чисто полё,

Закопал Егоря да во глубок погрѣб;
Он не мелок, не глубок да сорока сажон.
Засыпал он песком хрешшом сыпучим-е,
Закатал он каменьём серым-е.
Забросал он плитъём залезным-е.
Сам же Егорью да возглаголуѣ:
«Не бывать те, Егорей, на белом свету,
На белом свету да на светой Руси,
Не видать те, Егорей, да свету белого!»
Тут жа Егорей да возглаголуѣ
Он стихи поет да харуимьские
Он блазы возносит да все по-ангельски.
«Спас уж, ты спас, да многомилослив,
Присветая ты мати, да богородиця!
Уж вы дуньте-тко, ветры, да ветры буйные,
Соносите пески-хрешши сыпучие
Сокатайте каменьё сероѣ,
Собросайте плитъё залезноѣ!»
Как по божьей да было милости,
По Егорьевской было таланисти,—
Дунули ветры, да ветры буйные,
Соносили пески-хрешши сыпучие,
Сокатали каменьё сероѣ,
Собросали плитъё залезноѣ,
Стал и как Егорей на белом свету,
На белом свету и на светой Руси.
Он пошел как Егорей да по чисту полю,
Он зашел как Егорей да во божью церкву,
Во божьей церкви да все пустым пусто,
все пустым пусто да некуго нету.
Тут стояла Елена премудрая,
Все премудрая да богомольнея,
Тут жа Егорью да возглаголуѣ:
«Уж ты чью, Егорей, да веру варуѣшь,
Уж ты варуѣшь веру жидовськую;
Уж ты молисьсе ли богам ихным долы-долам?»
Тут жа Егорей да возглаголуѣт:
Он стихи поет да харуимьские,
Он влазы возносит да все по-ангельски.
Тут жа Елена да возглаголуѣт:
«Уж ты ой жа еси, да ты Егорей свет,
Ты поди-тко, Егорей, на конюшен двор,
Ты бери-тко, Егорей, коня доброго,
Коня доброго да со семи цепей,
Поежжай-ко в заставы жидовьские:

Есь там три заставы жидовських-е,
Добрым молодцам да все проезду нет,
Ясным соколам да тут пролету нет».
Тут жа Егорей как послушлив был,
И послушлив был да послухмянён был,
Он пошел и как Егорей да на конюшон двор
Он берет ведь Егорей коня доброго,
Коня доброго да со семи цепей,
Скоро он скачёт на добра коня,
Он поехал к заставы жидовськие.
Приежжая к первой заставы жидовськое;
Пришли горы высокие,
Пришли леса дремучие,
Добрым молодцам да все проезду нет,
Ясным соколам да тут пролету нет.
Тут жа Егорей да возглаголуё;
Он стихи поет да харуимськие,
Он власы возносит да все по-ангельски:
«Спас, уж ты спас, да многомилослив,
Присвета та мати, да богородиця,
Розодвиньтесь-ко горы высокие,
Розодвиньтесь-ко леса дремучие
На все стороны да на четыре же:
Добрым молодцам да все проезд бы был,
Ясным соколам да все пролет бы был!»
Как по божьей да было милости,
По Егорьевской было таланисти —
Розодвинулись горы высокие,
Розодвинулись леса дремучие,
На все стороны, да на четыре же —
Пролегла туды да путь дорожечка
Добрым молодцам да все проезд тут стал,
Ясным соколам да все пролет тут стал.
Приежжаёт Егорей ко второй заставы жидовськое,
Тут сидит как ведь да Вострогор-птиця,
А хватат, имат да все живком людей.
Тут жа Егорей да возглаголуё,
Он стихи поёт да харуимськие,
Он блазы поёт да все по-ангельски:
«Ой-жа еси, да Вострогор-птиця!
Полетай-ко жа ты да на синё морё
А хватать-имать да серых утицей,
А ишша имат да белых лебедей!»
Как по божьей да было милости,
По Егорьевской было таланисти

Полетела как тут да Вострогор-птиця,
Полетела она да на синё морё
А хватать-имать да серых утицей,
Ишша имать да белых лебедей.
Пролегла туды да путь дорожечка,
Добрым молодцам да все проезд тут стал,
Ясным соколам да все пролет тут стал.
Приел да хайё к третьей заставы жидовською.
Он ст... и поет да харуимськіе,
Он влазы возносит да все по-ангельски,
Слезовал как Егорей с добра коня,
Розувал как сапог да со правой ноги,
Засыпал он песку да хрешшо серого,
Он и шшиб Змеишшу да во черны глаза...
*(Как тут у меня стало нескладно, и мама нескладно
говорила, тут уж я не умею).*
Тут Змеишше в землю по поесу!
Розувал сапог да со левой ноги,
Засыпал песку-хрешшу серого,
Шшиб как Змеишшу во черны глаза
Тут и Змеишшо скрозь землю прошло.
Приежат Егорей свет к отцю, к матери
Отец-матушка не признали Егорей.
(Тут уж боле ничего не знаю, не слыхала...)

СОН БОГОРОДИЦЫ

Пречистая дева-Мария,
Да где ты ночесь ночевала?
Да где ты ночесь опочевала?
«На славном-то древе над Иорданом.
Ночесь мне-ка мало спалось,
Много во снях виделось,
И вижу: я чадо породила,
На Иордани реки омывала,
Во пелены пеленала,
Во пелены берчатые,
Во поясы поясала,
Во поясы шолковые.
Иуды Христа продавали,
Да за три златницы отдавали,
Жиды Христа распинали,
На хрест Христа разковали,
Руки ноги гвоздьём околотили,

Буйную главу проломали,
Горячую кровь проливали
На бело лице нахаркали».
Услышала мать божья Христова
Течет ко Христу слезно плачѣт:
«Уж ты, истинной Христос, царь небесной!
Пошто ты на муку родился,
Пошто примашь смерть понапрасну?»
Спрогóворил Христос, царь небесной:
— Не плаць ты, мать божья, Христова!
На третій день я воскресну,
На небеса вознесусь,
Я сам по тебя буду,
Сам душу твою выну,
Бери-ка ключи золотые
Отпирай-ка ты райские-те двери,
Запушшай-ка ты живых душей да и мертвых.
А три душй в рай не пускай-ка:
Те душй тяжко согрѣшили.
Тем душам нету прощенья,
В пресветлом раю им уж не бывати,
Самого Христа в очи не видати.
Перва душа тяжко да согрѣшила:
Отця-мать поматерно бранила.
Той души нету прощенья,
Есь одно покаеньѣ.
В пресветлом раю уж не бывати,
Самого Христа больше не видати.
Втора душа тяжко согрѣшила
В утробы младеня погубила.
Той души нету спасенья
Только есь одно покаеньѣ.
В пресветлом раю ей уж не бывати,
Самого Христа в очи не видати.
Третья душа тяжко согрѣшила:
Из хлеба — из соли спорину вынимала,
Так тем душам нету прощенья,
Да есь им одно покаеньѣ,
В пресветлом раю им уж не бывати
Самого Христа в очи не видати.
Слава отцю, Христу — сыну бога,
Слава Христу на небесах!

ЗАГОВОРЫ

абушка знает их всего два. И ее ли терпеливой, христианской душе, оградившей свой многострадальный жизненный путь светлым славословием, опираться на силу заклятья? Ну, зуб заговорить, избавиться от слу-

чайной физической боли или чужого дурного воздействия (прикос, урок), это, пожалуй, и вправе человек держать в своей власти, но все остальное... Истинный христианин должен обратиться с молитвой к богу, в конце которой все же «да будет воля твоя». Как бы заговор ни походил на молитву (а есть такие: ну, совсем молитва, лишь в более поэтическом изложении), все же молитва есть *просьба*, обращенная к божественной силе с выражением лишь *надежды* на исполнение ее,— заговор же выражает *уверенность в непременном* исполнении излагаемой нужды, ибо заговор есть лишь напоминание тайного, давно существующего договора человека с высшей властью (светлой или темной, это смотря, каков заговор), и одно правильное произнесение правильного договора обеспечивает должный исход.

Если мы станем на такую точку зрения, то легко поймем, почему бабушка органически не могла тяготеть к заговорам, хотя на словах она и пожалеет, что мало их вызнала. Вот молиться бабушка любит и умеет. Проснитесь ночью и прислушайтесь к ее внятному шо-

поту. Она молится о здоровье и счастье всех, кого встретила на своем пути, произнося полностью имена, отчества или фамилии, очаровательно их переиначивая (напр., Маргуся — Маргарита Алексеевна) для себя же ничего не просит, а лишь благодарит, благодарит без конца.

Разумеется, оба ее заговора относятся к «белым» или «восточным», т. е. опирающимся на божескую власть, в отличие от «черных» или «западных», опирающихся на демонов. Тех бабушка, наверное, и зазнять никогда не хотела.

ЗАГОВОР НА ЗУБНУЮ БОЛЬ

Во имя отца и сына
И светого духа. Аминь.
Раба божья, Ольга,
Стану благословесь,
Пойду перекрестесь,
Из избы дверьми,
Из двора воротами,
На улицу ширóку,
Под восток, под восточну стóрону.
Под востоком,
Под восточной стороной
Выкатáлась туча
От Луки, от Марка,
От трех инвалидов,
Из эфтой тучи
Выпадала птича
Залезная когти,
Булатной нож.
Вырывает, выхватывает
Из зубовь черви,
Грыжи, уроки, прикосы,
Людския завидости
Из каждой косточки,
Из каждой жилочки,
Из ясных очей,
Из черных бровей,
Из белых рук,
Из резвых ног,
Из буйной головы,
Из белых зубов,

Из ретивого серьця,
Из горечей крови.
Относила в чисто поле,
Закопала двенадцать сажень в землю.

ЗАГОВОР НА ПРИКОС

(хоть и на грыжи)
(Начать с молитвы)

Слава отцу и сыну
И светому духу. Аминь.
Раба божья, Ольга,
Стану благословесь,
Пойду перекрестесь,
Из избы дверьми,
Из двора воротами,
На улицу широку
Под восточню сторону.
Под восточной стороной
Стоит божья церковь.
В божьей церкви стол-пристол,
На том пристолу
Сидит присвитая
Мать божья богородица.
В руках она дёржит
Булатной нож.
Отшиват, отпариват
У рабой божьей Ольги
Грыжи, грыжи, грыжи,
Уроки, прикосы,
Ломоты, шшепоты,
Людски завидости
Из каждой косточки,
Из каждой жилочки,
Из ясных очей,
Из черных бровей,
Из белых рук,
Из резвых ног,
Из буйной головы,
Из ретивого серьця,
Из горячей крови,
Относила в сине морё,
В синем мори,
Под серым камнем

Бела рыба-щука,
Зубы залезны,
Глаза оловячны,
Рвёт и хватаё
Пенья-колодьё.
Так бы схватила
С рабой божьей Ольги
Грыжи, уроки,
Прикосы, шшепоты,
Ломоты,
Людски завидости
Из каждой косточки,
Из каждой жилочки,
Из ясных очей,
Из черных бровей,
Из белых рук,
Из резвых ног,
Из буйной головы,
Из ретивого сердца,
Из горячей крови.
Будьте мои слова,
Которы договорены,
Которы переговорены
Крепки и липки.
Етим словам
Ключ и замок:
Ключ-от в мори,
А замок в роти.

ПЕСНИ

прошлые встречи, сколько не добивалась я песен от бабушки, был один ответ: «песен не знаю; жила бедно, по свадьбам не хаживала, песен не пела...»

Так-то так, а странно все-таки... У бабушки слух, память, чувство ритма... Те немногие, что поет, ведь как поет, просто исходит песеню! Как так в песенном краю мимо песни вырасти?

Странно!

А вот в 21-м году бабушка приехала, — постарела: голос спал, приоглохла, приослепла, зато запела. Забил фонтан, только успевай записывать! И свадебных, и рекрутских, и науличных довольно напела бабушка в фонограф для этнографов («начальство» в глазах бабушки; ее прямое начальство в области искусства. Еще бы! каждое словечко запишут, да еще и между собою обтолкуют).

— Что же это такое? Как же так, бабушка? Раньше говорила, не знаешь...

— А тогда все запомнила, а нынче все вспомнила. Так вот каждой день новая песня в голову лезет.

Это значит бабушка сильно постарела: не ослабление, а старческое обострение памяти. Хорошая бывает старость у русских вещей старушек!

В 21-м году записывали за бабушкой московские этнографы с Н. Ф. Яковлевым во главе, и в их распо-

ряжении находится порядочный материал. Здесь же помещаются лишь те песни, которые бабушка исполняла в 16-м году. Это «Талань» — низшая эпическая песня, два величальных «Виноградья» и очень любопытная по яркому украинскому колориту песня «Козаченько», которой я ни от кого больше на севере не слыхала.

ТАЛАНЬ

Ты тальянь, моя таланюшка таланистая,
Талань участь, горя-горькая.
На роду талань уписана,
В жеребью ли талань выпала,
Со делу ли доставаласе,
Со младости до старости,
До седата бела волоса!
Во лесу ли леса не было,
Во миру ли людей не жило,
На мне ли на младешеньки,
Женихов ли на мне не было?
Женихи были хорошие,
Сватовья были богатые,
Из Питера молоды купци,
Молоды купци, артельщики,
Здумал-выдал меня батюшко
Што за вора — за разбойничка
За денного подорожничка
За ночнёго полуночничка.
Он со вечера коня седлал,
Со полуночи в разбой уежжал,—
А ко белу свету домой приежжал:
«Ты жена ль, моя сударушка,
Отпирай, жена, воротичка,
Запушай мужа-разбойничка!
Ты умой платье кровавое
Ты стирай да не разсматривай,
Полошши да не размахивай».
Половину платья вымыла,—
Увидала своего брата родимого рубашку
Задрожали ноги резвья,
Приопали руки белья,
Я ёдва домой, баба, пришла.
«Уж ты, муж, ты муж разбойничек,

Денной ты подорожник,
Ночней полуночник,
Зачем убил моего братца родимого,
Тебе шурина любимого?»
«Глупа, глупа, молода жона,
Неразумная дочь отецкая!
Где возьму тебе братца родимого,
Мене шурина любимого,
Я со вечера коня седлал,
Со полуночи в разбой съезжял.
Как сегодняшню-ту ночиньку
Никому разбору не было:
Ни отцю было, ни матери,
Ни братьям и ни сестрицам.

ВИНОГРАДЬЁ БОЛЬШОЕ

Виноградиё красно-зеленоё
Да ишшо хто такой стучит
Да во светых то вечерах?
Да во светых то вечерах
Да виноградчици стучат.
Да ишшо спрашивают робята
Господина да во дворах.
Да ешшо около двора
Да все трава да мурава.
Да все трава ли мурава
Цветы лазуревые,
Да ворота-те тут как были
Да как хрустального стекла;
Да ободверенки те были
Как чистого серебра;
Да приворотенки те были
Да все решетчетые;
Да блаослови, сударь хозеин,
Да ко двору притти.
Да ко двору притти,
Да на краснó крельцё взойти.
Со красного со крыльця
Да на новы сени ступить,
Со новых-то со сеней
В нову горенку зайти,
В нову горенку зайти

Да среди на по́лу стать.
Да блаослови, сударь хозяин,
Да виноградіе и спеть
Да как у хозяина (имя рек)
Как во горенке у их
Стоит тесовая кровать.
Да на тесовой на кровати
Да пухов́ая перина́.
Да на пуховой на перине
Тут белая простыня.
Да как подушечки-те были
У их шóлковые,
Одеялышко лежало
Тут чёрного соболя,
Да тут и спит — опочивает
Тут ведь сам-от господин
Да со своею госпожею,
Да со умною жоной.
Меж има-то ведь каталса
Да злачен перстень,
Да не залчён перстень катался —
Крепка дúма меж има.
Они думали гадали
Да ясна сокола сряжали.
Да ясён сокóл летит,
Да им куницъ-то догонит
На житье им на бытьё
Да богатесьво.
Да выходил ведь господин
Да на прекрасное крыльцё,
Да выносил он господин
Да он серебряной рупь,
Да подарил он господин,
Да виноградчицей.
Да выходила госпожа
Да на прекрасное крыльцё,
Да выносила госпожа
Да золоту гривну,
Подарила госпожа
Да виноградчицей.
Да выходили малы дети
На прекрасное крыльцё,
Да выносили малы дети
Да бел крупитчатой калач.

ВИНОГРАДЬЕ МАЛОЕ

Винограднѣ да красно-зеленоѣ
Зазвонили как к заутрени
Рожешьвеньской
Винограднѣ да красно-зеленоѣ
Да пробуждается тут
Василей молодець.
Да пробуждается,
Да умывается,
Да умывается,
Да утирается,
Да ко божьей церкви
Он снаряжается:
Обуваает он сапожки
Козловенькие,
Да одеваает он рубачку-ту
Шёлковую,
Одеваает он брюки и пинжак
Одинакого сукна,
Опоясыват опоясочку-ту
Шёлковую.
Да как пошел тут Василей
Ко божьей церкви,
Да как пошел он Василей
Да ведь к заутрени.
Да как приходит Василей
Да ко божьей церкви,
Да становится как Василей
Да на праву руку.
Он ведь крест кладет
Да по-писаному,
Да как поклон он ведь ведет
Да по-ученому,
Да со сторон-то люди смотрят,
Да со других-то ведь глядят:
Да это чей же, это чей же,
Это чей же молодець?
Да это ведь Василей
Да ведь Васильевич.

СКАЗКИ

от область, в которой бабушка безгранично очаровательна...

Ее горячий темперамент, детская веселость, остроумие, увлечение всем тем, о чем сейчас грезит, то изумительное владение языком, которому не

скоро научатся наши многограмотные горожане от малограмотных крестьян (а, вернее, никогда не научатся), все это делает ее сказку высоко художественною, по, но... Увлеченная бабушка сыплет слова, глотает концы их, не договаривает фраз, и потому наслаждаться ее исполнением может лишь сидящий вплотную к ней. Попросите говорить помедленней, и бабушкин пыл остывает.

Лучшие ее сказки, к сожалению, не подходят к характеру данного издания и будут включены в собрание всех моих северных записей; здесь же помещаются лишь ее маленькие сказочки.

Любопытно создание сказочки «Горшочек».

В один прекрасный солнечный полдень слышу бабушка в своей комнатке оживленно говорит и заливается смехом. Между тем, по моим соображениям, в квартире, кроме бабушки и меня, никого нет. Отворяю дверь: бабушка у окошка, со своей пряжей, залитая июльским солнцем, с горящими щеками и глазами, помирая со смеху, громко-прегромко рассказывает в пространство новую сказку.

«А вот, Эрастовна, послушай, вчера у Анны Костянтиновны какую сказку хорошую слышала!»

Вчера бабушка гостила у А. К. Покровской в кружке рассказчиков; после бабушкиных былин рассказчики ответили госте своим мастерством.

Бабушка тотчас и пленилась сказочкой.

Разумеется, интонация, язык изложения совсем иные, чем у московской рассказчицы.

ЧЕРЕП-ТЕРЕМ

Была муха-горюха.

У какой-то хозяйки накоплено было сметаны череп. Ну вот, муха-горюха летела и повернула его, и назвала терем.

Бежит блоха:

— Кто в терему, кто в высокóм?

А муха отвечает:

— Я муха-горюха, а ты кто?

— Я блоха-поскакуха. Пусти меня на подворье!

— Иди.

Летит комар.

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-поскакуха, а ты кто?

— Комар-пискун. Пустите меня на подворье!

— Поди!

Таракан бежит:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-поскакуха, комар-пискун...

А ты кто?

— Таракан-шеркун! Пустите меня на подворье!

— Ну, иди!

Вот уж их четверо живут. Бежит ящерица, спрашивает:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
Комар-пискун, таракан-шеркун... А ты кто?

— Ящериця-ширикáленкá! Пустите меня!

— Иди!

Живут. Бежит мышь:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
Комар-пискун, таракан-шеркун,
Ящериця-ширикáленкá... А ты кто?

— Я — мышь толста́-колоко́ленка́... Пустите меня!

— Иди!

Бежит горносталяко:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-посакауха,
Комар-пискун, таракан-шеркун,
Ящерица́-ширика́ленка́,

Мышь толста́-колоко́ленка́... Ты кто?

— Я горносталяшко-чирикаляшко! Пустите меня!

— Што жь? Иди.

Вот уж их сколько. Живут да живут. Бежит зайко:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Я муха-горюха, блоха-посакауха,
Комар-пискун, таракан-шеркун,
Ящерица́-ширика́ленка́,

Мышь-толста́ колоко́ленка́,

Горносталяшко-чирикаляшко... Ты кто?

— Я заюшко-попытаюшко,
Ушки долги́, ножки корóтеньки.

— Иди к нам.

Вот живут. Бежит лицися:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-посакауха,
Комар-пискун, таракан-шеркун,
Ящерица́-ширика́ленка́,

Мышь толста́ колоко́ленка́,

Горносталяшко-чирикаляшко́,

Заюшко-попытаюшко... Ты кто? —

— Я лисица, подхила гузница... Пустите меня.

— Поди.

Тожа лисицу пускают. Бежит волк:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-посакауха,
Комар-пискун, таракан-шеркун,
Ящерица́-ширика́ленка́,

Мышь толста́-колоко́ленка́,

Горносталяшко́-чирикаляшко́,

Заюшко-попытаюшко́,

Лисица,— подхила гузница... А ты кто?

— Я волчица — большой ротица... Пустите меня!

Пустили и этого. Идет медведь:

— Кто в терему, кто в высоком?

— Муха-горюха, блоха-посакауха,
Комар-пискун, таракан-шеркун,
Ящерица́-ширика́ленка́,

Мышь толста́-колоко́ленка,
Горносталюшко́-чирикалюшко́,
Заюшко́-попытаюшко́,
Лисица, подхила гузница,
Волчица — большой ротища... Ты кто?
— Я — медведица толсты пятища...
Всех лапой и затыпал.

ЛИСИЦЯ И ПЕТУХ

Идѣ лисица из-за́ деветь пусты́ней.
Не пила и не ела, а тошно́ исть захотела.

Увидала петуха на высоком древе, стала его прельш-шати, стала его называти:

«Духовно ты дитятко, красота твоя несказанная, брови твои как у соболя, очи твои, как у сокола, шщёчки твои, как маков цвет! Спустись ты на земёлку!»

А петух ослушался на лисицыны басни — с ивинки на ивинку, с кустышка на кустышек, да и спускаетца на земёлку. А лисица тошно́ исть хочѣ, це-елком хочѣ петуха проглотуть; она и схватила его в когти.

Он говорит:

— Лиса, спусти меня петуха! Я был в Даниловом монастыри, записали меня в папёршики; хочешь я тебя просвирней запишу? Там мяхкия просвирки да сладкие орехи...

Она и захотела мяхки просвирки да сладки орехи... и упустила петуха.

Он и злетел на старо на древо, на высóко, петух-от и запел лисице:

«Мати-лисиця! Мяхки ли те просвирки, сладки ли те орехи?»

Лисица пошла-завыла: «Где я не бывала, экого страму не видала!» Как ей петух пристрашил, надо ей голодом идти.

ГОРШОЧЕК ЛИХО МЫТЬ

Бывало-живало, жили старичок и старушка. Бедно жили, небогато. А ленивы были, ни один рóбить не хотя. Старик говорит:

— Свари-ка, старуха, каши.

— Ладно, старик, сварю.

Сварила каши. Ску-усную кашу наварила. Покушали. Горшочек обольнуло: каша из муки была.

Ни одному мыть неохота. Старик говорит:

«Старуха, помой горшочек!»

— Нет, ты помой!

Ни один горшок не моет. Ну и ладно: не мыт дак и не мыт,— пусть горшок немыт. И так спать повалились.

Так и спать легли — горшок все не мыт.

Так заговор сделали: хто утром наперёд заговорит, тому и горшок мыть.

Прóспали ночь. Стало утро.

Вот и лёжат утром оба. Тот не говорит, и другой не говорит.

Лёжат. Уж и время о полдён, у них ничего не топится. Народ стал толпитце: смотреть их походит, што такое у них. Человек пять зашло. Они все лёжат, молчат. Соседы спрашивают: «Што у вас случилось?» — Они все молчат.

Стали всю деревню копить. Што с има случилось, не могут понеть ничево. Всю деревню скопили, полную фатеру набили.

Народ — гóлчат, говорят, шумят,— они все молчат.

— Ну, што с вами случилось?

Молчат.

— Ну, што делать? За попом пошлем. Што тако с има?

За попом послали, ну, привели попа.

Поп спрашивает:

— Што у вас случилось? Нать вас исповедать.

Молчат.

Поп ничево не мог у них допытаться. Молчат да и готово.

Поп говорит:

— Нать им оставить человека, што тако случилось, нельзя их так оставить, нать посматривать над има!

Какая-то одна женщина говорит:

— Хошь я останусь, буду над има надсматривать.

Так ведь мне и плата нать. Как без жалованья станешь жить?

Бачко говорит:

— Этта пальто ново на спички вёснет, за услугу возьми...

Старуха вскочила:

«Отдам я свое пальтё? Не отдам пальта!»

Старик говорит:

«Тебе, старуха, мыть горшочек!»

СКАЗКА

В каком-то приходи, хошь в том, в каком мы живем, помер поп. Попа нет. Нать попа мирянам. Идет какой-то проходяга-мужичек.

Они и говорят: «Мужик, мужичек, наймись к нам в попы!»

Он говорит: «Я неграмотной, грамоты не знаю». — «Да ницего, как-нибудь послужишь». — «Да вы не будете меня слушать» — «Будем, батюшка, будем!»

Вот и нанелся попом мушшина к мирянам.

Пошел в церков, и миряна все в церков пошли с попом.

Приказал им: «Што буду делать, дак уж все то делайте».

Поп и запел в церкви:

— Миряна, меня слу-у-шаєте-ле?

Миряна отвечают:

— Слушам, батюшко, слу-шам!

Поп пошел кадить. Кáдил, кáдил, аллилуя пел, пел, сронил уголь за голяшку: из кадилъницы выпал уголь живой.

И затопталса поп-от... И все затоптались.

Уж его пушше ногу-ту жжет. Он и повалилса и залягался из голяшки уголь вытресать.

И все повалились, залягались.

От церкви пошел какой-то мужик, стретил другого хрестьянина, тот-там спросил:

— Вся ли служба отошла?

— Нет, не вся ишшо; топаньё-то отошло, да ляганьё пошло.

ПРИМЕЧАНИЯ

«ПЯТИРЕЧИЕ»

«Пятиречие» — итоговый сборник О. Э. Озаровской, обобщающий все сделанное ею по собиранию, изучению и пропаганде северного фольклора. Книга вышла в свет незадолго до смерти автора в 1931 году в Издательстве Писателей в Ленинграде тиражом 5500 экз. В любовно оформленном издании продумана каждая деталь: и холщевый с народным орнаментом переплет, и гравюры на дереве Л. С. Хижинского, и разнообразный красно-черный шрифт, четко выделенный диалог в тексте. «Пятиречие» не переиздавалось с тех пор (хотя некоторые вошедшие в него произведения перепечатывались многое число раз) и стало библиографической редкостью.

В настоящем издании «Пятиречие» переиздается *полностью*, сделаны лишь некоторые сокращения в справочном аппарате. Так, мы опускаем «Указатель сказочных сюжетов». Сведения, помещенные в «Алфавитном указателе сказок, их подлинных исполнителей и записавших лиц» переносим в примечания к каждому из 50-ти произведений сборника. В те же примечания включаем сведения из «Прибавления», написанного О. Э. Озаровской «для лиц, имеющих специальный интерес к произведениям изустного творчества» и не претендующего на комментарий ко всему сборнику.

От автора — имеет некоторое продолжение, касающееся общей характеристики особенностей северного произношения.

1. Верная жена. Записано от Марии Дмитриевны Кривополеновой 72 лет на Пинеге в 1916 г. О. Э. Озаровской. В этом тексте отмечено редкое соединение номеров 882 и 1730 Указателя сказочных сюжетов Аанре-Андреева. М. Д. Кривополенова — прототип собирательного образа «старушки», «пинежанки махоньки», ее имя вынесено в «Посвящение» ко всей книге. Ее относит О. Э. Озаровская к сказочникам традиционного типа. Здесь помещены ее №№ 1, 19, 34, 37, 40.

2. Моряжка. Записано от Татьяны Осиповны Кобелевой 70 лет в дер. Юбра Труфаногорской в., река Пинега, в 1925 г. О. Э. Озаровской. «Кобелева знает много сказок, песен, весела и общительна. К старости ослепла, живет в семье». Ее относит О. Э. Озаровская к сказочникам традиционного типа. Здесь помещены ее №№ 2, 22, 25, 27, 28, 33, 43.

О «Моряжке» О. Э. Озаровская пишет: «...своего рода уника, как прозаическая форма. Дерево, растущее на могиле разлученных любовников, которых соединяет смерть, использовано в песне о Тристане и Изольде, в романтической английской поэзии и в русской былине о Василии и Снафиде, отравленных игуменьей...» Заметим, что былина-баллада (определение бр. Соколовых) «Василий и Софья», где вырастают два дерева после смерти влюбленных, отравленных матерью, многократно записывалась на Кенозере вплоть до наших дней (полный текст и напев записаны в июле 1982 г. от Лоскутовой М. В. 67 л. в д. Вершинино Кенозерского с/с Плещецкого р-на экспедицией Архангельского пединститута).

3. О Новой Земле. Записано от посетителей Новой Земли в 1915—1927 гг. О. Э. Озаровской во время ее поездок на Север. Вероятно, здесь обобщены «точные многочисленные записи о том, что «Новая Земля тянет», и о том, что «на Новой Земле одиноко промышленяет ушедший от неудачной любви нелюдим».

4. Наречённа невеста. Записано от сказочника, оставшегося неизвестным, в 1916 г. О. Э. Озаровской. «Печорец, встреченный на пароходе между Мезенью и Архангельском, не пожелал дать никаких сведений о себе,—свидетельствует Озаровская.—Повидимому, родом с Верхней Печоры, имел отношение к рыбной ловле. Любитель и знаток сказок, грамотный». Он и послужил прототипом собирательного образа «молчаливого нечорца». Здесь помещены его №№ 4, 14, 48.

5. Князь Роман и Марья Юрьевна. Борис Викторович Шергин. Запись Б. В. Шергина 1920 г. О. Э. Озаровская дает примечание: «25 лет. Архангельск. Отец—мореход, мать соломенная мешанка. С детства имел страсти к былинам и много усвоил их». Данный текст Шергин усвоил в детстве от Пафнутия Львовича Анкудинова и Натальи Петровны Бугаевой. Можно предположить, что Б. Шергин—один из прототипов собирательного образа «молодого веселого мезенца» и «скомороха». Здесь помещены его №№ 5, 20, 30, 49.

6. Вор-Кабаньище. Записано от Анны Мелиховой 35 лет в д. Сояна на притоке реки Кулой в 1921 г. О. Э. Озаровской. Исполнительница неграмотна, сноха в семье. Текст былины переняла от сказителя Трохи Широкого в Долгощельи, где жила деушкой в работницах.

7. Сороцкая быль.

8. Красавица под флёротом. Записано от Александра Останина 63 лет в г. Кемь в 1915 г. О. Э. Озаровской. «Одинокый кривоглазый сапожник. 14 раз плавал в Норвегию, 3 года промышленял на Новой Земле. Остальные годы—на Мурмане и в Архангельске. В старости жил с матерью в Кемь». Озаровская его имя, равно как имя М. Д. Кривополеновой, выносит в «Посвящение» ко всему «Пятиречью». Она считает А. Останина сказочником нетрадиционным и замечает: «Прочитанные романы перекладывает в сказки, писать не умеет, мать была замечательная сказочница и песенница. Останин славился и ценился как сказочник в промысловых артелях». А. Останин—прототип собирательного образа «старика Помора с реки Кемь». Здесь помещены его №№ 7, 8, 18, 23, 31, 32, 41, 42.

9. Шишка. Записано от Василия Прокопьевича Харгалова 72 лет в д. Великий Двор близ с. Пинега в 1927 г. О. Э. Озаровской. Он—сказочник нетрадиционный, «по канве классической сказки любит создавать близкие к современной жизни образы и поло-

жения». Дополняют живой облик исполнителя замечания Озаровской о том, что Харгалов в свои старческие годы вторично женат, имеет маленьких детей, у односельчан именуется Мухой.

10. Укрошение строптивой. Записано от неизвестного, уроженца Мезени в 1916 г. О. Э. Озаровской. «На берегу реки Пинеги в ожидании парохода у селения Усть-Ежуга. Проезжий мезенец. Все время пел и рассказывал. Весельчак». Очевидно и этот исполнитель явился одним из прототипов собирательного образа «молодого веселого мезенца», «скомороха».

11. Гость Терентьище. Записано от Елены Тимофеевны Олькиной 35 лет в д. Першково на Пинеге в 1915 г., О. Э. Озаровской. Елена Олькина, по свидетельству О. Озаровской, «знает и превосходно исполняет огромное количество песен. Искусству петь и сказывать былины научилась у отца Тимофея Шибанова, у которого А. Д. Григорьев записал тот же текст. Озаровская, проявляя особый интерес к проблеме скоморошьяго искусства на Севере, замечает: «Для изображения действующих лиц Елена Олькина меняла тональность и тембр, поясняя: «Так уж поется». Это наводит на мысль, что когда-то былина о Госте Терентьевиче на р. Пинеге могла исполняться несколькими лицами. Может быть это остаток какого-то примитивного скоморошьяго действия». Здесь помещены ее №№ 11, 44.

12. Черти в бочке. Записано от Надежды Олькиной 40 лет в д. Цимола близ с. Пинега в 1915 г. О. Э. Озаровской. Запись повторена в 1921 г. Это отдаленный вариант боккачиевского сюжета, встречающийся в фольклоре и литературе многих народов. О. Э. Озаровская относительно двух записей этой сказки от Н. Олькиной замечает: «Текст изменился только в одном отношении: 1915 г.— «губернатор хлопочет», 1921 г.— «исполком хлопочет». О Н. Олькиной есть примечание Озаровской: «Семейная. Даровитейшая исполнительница сказок, неграмотная, наблюдательная, остроумная, враг пошлости». Здесь помещены ее №№ 12, 39, 46.

13. Жонкина верность. Записано от неизвестного пещорца в 1915 г. О. Э. Озаровской.

14. Никола Дупленьский. Записано от неизвестного в 1916 г. О. Э. Озаровской (см. о нем примеч. к сказке «Нареченна невеста»).

15. Чурило Пленкович и Василий Пермьята. Записано от Степана Крапивина 50 лет в д. Сояна на притоке р. Кулой в 1921 г. О. Э. Озаровской. Крапивин — «прекрасный сказитель былин, мягкий, спокойный».

16. Поп и дьякон. Записано от Екима (фамилия неизвестна) в Нёноксе на Летнем берегу в 1915 г. О. Э. Озаровской. О Екиме сообщается только, что он был поденщиком в солеварне.

17. Панья. Записано у солеваров (хоровое исполнение) в Нёноксе на Летнем берегу в 1915 г., О. Э. Озаровской. «Обычно пели ее вместо колядки на рождество, но знал ее и Останин в Кемь; ...Н. Е. Ончуков слышал о ней, но не записал», — свидетельствует Озаровская. Она делает предположение о польском происхождении «Панья», принимая во внимание такие доводы: местные жители рассказывают о том, что «с ними» смешались ляхи, осевшие здесь еще со Смутного времени». У Нёнокских солеварен есть церковь Св. Клементия, часто встречаются фамилии Феликсовы, Ольховские, обращение «панове—уланове», известна песня про корчму Польскую и др.

18. Кож а. Записано от Александра Останина 63 лет в г. Кемь

в 1915 г. О. Э. Озаровской (см. о нем примеч. к сказке «Сороцкая быль»).

19. Козáченъко. Записано от Марии Дмитриевны Кривоноловой 72 лет на Пинеге в 1916 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Верная жена»).

20. Золочёные лбы. Борис Викторович Шергин. Запись Б. Шергина 1924 г. О. Э. Озаровская относит его к сказочникам-импровизаторам, авторам-исполнителям и отмечает: «по древней канве импровизирует сказки, вплетая образы из текущих впечатлений, как и многие современные сказочники-творцы» (см. о нем примеч. к былине «Князь Роман и Марья Юрьевна»).

21. Еруслан Лазаревич. Записано от Никиты Прокопьевича Крычакова 80 лет в д. Карьеполье на р. Кулой в 1921 г. О. Э. Озаровской. «Отличный былинщик. Сказки исполняет истово, прекрасный птицелов, считается ведуном. В семье любим и почитаем»,—свидетельствует Озаровская. Крычаков—сказочник традиционного типа, передал свое искусство сыну и внукам. Его индивидуальность легла в основу обобщенного образа «деда Кулоянина». Здесь помещены его №№ 21, 24, 26.

22. Принятой. Записано от Татьяны Осиповны Кобелевой 70 лет в д. Юбра Труфаногорской волости на р. Пинеге в 1925 г. О. Э. Озаровской (см. о ней в примеч. к сказке «Моряжка»).

23. Спасенная девица. Записано от Александра Останина 63 лет в г. Кемь в 1915 г. О. Э. Озаровской (см. о нем в примеч. к сказке «Сороцкая быль»).

24. Богатый купец и сколотный сын. Записано от Никиты Прокопьевича Крычакова 80 лет в д. Карьеполье на р. Кулой в 1921 г. О. Э. Озаровской (см. о нем примеч. к сказке «Еруслан Лазаревич»).

25. Ерш. Записано от Татьяны Осиповны Кобелевой 70 лет в д. Юбра Труфаногорской волости, река Пинега, в 1925 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Моряжка»).

26. Вехорь Вехоревич. Записано от Никиты Прокопьевича Крычакова 80 лет в д. Карьеполье на р. Кулой в 1921 г. О. Э. Озаровской и А. П. Соколовой (см. о нем в примеч. к сказке «Еруслан Лазаревич»).

27. Царевнина талань.

28. Ай-брат. Записано от Татьяны Осиповны Кобелевой 70 лет в д. Юбра Труфаногорской волости, река Пинега, в 1925 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Моряжка»).

29. Григорий Высота. Записано от Настасьи Уткиной, родом из Кеми, в 1921 г. О. Э. Озаровской и А. П. Соколовой. «Старуха, встреченная на пароходе, где и велась запись. Отличалась большим юмором и большой мимикой, знает много сказок и песен» (Озаровская).

30. Волшебное кольцо. Борис Викторович Шергин. Запись Б. Шергина 1920 г. (см. о нем примеч. к сказке «Золоченые лбы»).

31. Соломбальская быль.

32. Сын к матери. Записано от Александра Останина 63 лет в г. Кемь в 1915 г. О. Э. Озаровской (см. о нем примеч. к сказке «Сороцкая быль»).

33. Мать и львица. Записано от Татьяны Осиповны Кобелевой 70 лет в д. Юбра Труфаногорской волости на Пинеге в 1925 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Моряжка»).

34. Вавило и Скоморохи. Записано от Марии Дмитриевны Кривополеновой 72 лет на Пинеге в 1915 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Верная жена»). «В старинном рукописном сборнике лишь в оглавлении значилась эта былина, но самый текст был утерян и неизвестен. Лишь в 1900 г. А. Д. Григорьев записал его от М. Д. Кривополеновой, а в 1915 г., не зная, кого я встретила, повторила эту запись и я»,—делает примечание Озаровская, усматривая в этом уникальном произведении идею освобождающегося от ханжества, встающего на борьбу с царем искусства.

35. Талань. Записано от Гаврилы Никитича Крычакова 40 лет в д. Карьеполье на р. Кулой в 1921 г. О. Э. Озаровской. Сын Никиты Прокопьевича Крычакова. Сказки перенял от отца и славился ими далеко по округе, имея прозвище «Баюнок», рассказывал, однако, самобытно, отлично от отца, горячо и увлеченно: «Все на свете забудешь за этой говорью!» Здесь помещены его №№ 35, 36.

36. Иван Запечельник и богатырница. Записано от Гаврилы Никитича Крычакова 40 лет в д. Карьеполье на р. Кулой в 1921 г. О. Э. Озаровской, А. П. Соколовой, А. Н. Зуевой, А. А. Рязановой. Этот опыт коллективной записи (первый записывает фавулу, второй — прямую речь, третий и четвертый — меткие обороты речи, вострые слова) О. Э. Озаровская признает весьма удачным. О Крычакове Г. Н. см. примеч. к сказке «Талань».

37. Безручка. Записано от Марии Дмитриевны Кривополеновой 72 лет на Пинеге в 1915 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Верная жена»).

38. Падчерица и дочи. Записано от Авдотьи Горбуновой (прозвище Кычка Столетна) 105 лет в д. Сояна на притоке р. Кулой в 1921 г. А. Н. Зуевой. «Исполнительница почти слепа, четко помнит и поет нежным голоском былины, но сказки путает. Живет в семье, иногда собирает подаяние на кусок хлеба себе».

39. Дороня. Записано от Надежды Олькиной 40 лет в д. Цимола близ с. Пинега в 1916 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Черти в бочке»). В тексте этой сказки редкое сочетание рассказов о пошехонцах со второй частью (после смерти Дорони).

40. Дурень. Записано от Марии Дмитриевны Кривополеновой 78 лет на Пинеге в 1921 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Верная жена»).

41. Гордая царевна. Записано от Александра Останина 63 лет в г. Кемь в 1915 г. О. Э. Озаровской (см. о нем примеч. к сказке «Сороцкая быль»). «Прообраз этой сказки — переведенная в петровское время «История о Французском сыне», находящаяся в рукописном сб. XVIII века»,—замечает Озаровская. Переиздание этого произведения в 1915 году совпало с записью сказки Останина «Гордая царевна». Сопоставление двух этих текстов вызвало определенный интерес в кругу фольклористов.

42. Неожиданность. Записано от Александра Останина 63 лет в г. Кемь в 1915 г. О. Э. Озаровской (см. о нем примеч. к сказке «Сороцкая быль»).

43. Предея. Записано от Татьяны Осиповны Кобелевой 70 лет в д. Юбра Труфаногорской волости по р. Пинеге в 1925 г. О. Э. Озаровской. (см. о ней примеч. к сказке «Моряжка»).

44. Хозяюшка. Записано от Елены Тимофеевны Олькиной

35 лет, в д. Першково на р. Пинеге в 1916 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Гость Терентьище»).

45. Гибельное описание. Листочки дневника Афанасия Тячкина. Переписаны О. Э. Озаровской в 1915 г. в пос. Нёнокса на Летнем берегу. Получено от невестки автора дневника А. Н. Тячкиной, по словам которой дневник велся погибающим даже на днище перевернутого карбаса.

46. Жерновица. Записано от Надежды Олькиной, 46 лет в д. Цимола близ с. Пинеге в 1921 г. О. Э. Озаровской (см. о ней примеч. к сказке «Черти в бочке»).

47. Ваня и Даша. Записано от Аграфены Герасимовой 35 лет в Архангельске в 1915 г. О. Э. Озаровской. Герасимова уроженка Пустозерска на Печоре, неграмотна, жена судового рабочего.

48. Лешева репа. Записано от неизвестного в 1916 г. О. Э. Озаровской (см. о нем примеч. к сказке «Нареченна невеста»).

49. Куроптев. Борис Викторович Шергин. Запись Б. Шергина (см. о нем примеч. к сказке «Золоченые лбы»).

50. Догада. Записано от неизвестной старухи на пароходе на Двине в 1916 г. О. Э. Озаровской. «Родом с верховья Мезени, жила в Архангельске в няньках»,— добавляет Озаровская.

БАБУШКИНЫ СТАРИНЫ

Впервые сборник с этим названием появился в 1916 году (Петроград, изд. «Огни»). Он включал без разделения на жанры 19 произведений, записанных от М. Д. Кривополеновой: былины, 4 духовных стиха и «Виноградье». Во второе издание 1922 года (Москва, Госиздат) вошли все произведения издания 1916 года (порядок расположения былин сохранен), а также произведения, записанные О. Э. Озаровской позднее, во время встреч с М. Д. Кривополеновой в 1916 и 1921 годах. Расширился жанровый состав сборника, что нашло отражение в его построении. «Бабушкины старины» включали уже, кроме былин и духовных стихов, песни, сказки, заговоры.

Публикацию фольклорных текстов О. Э. Озаровская в обоих изданиях сопровождала своим рассказом. Из первого издания во второй она переносит все свои заметки без каких-либо правок. Вместе с тем она значительно дополняет ту часть «От автора», где дается творческий портрет М. Д. Кривополеновой, пишет вновь заметки к разделам «Песни» и «Сказки», меняет композиционное расположение некоторых своих заметок в сборнике.

Не все, сказанное О. Э. Озаровской «От автора», равноценно: отдельные ее наблюдения давно и прочно вошли в научный оборот, а что-то и не выдержало проверки временем. Однако именно авторский голос, сопровождающий фольклорные тексты, придает всему сборнику особенный просветительский характер и во многом предопределяет тип главной книги О. Э. Озаровской — «Пятиречия».

Настоящее издание сохраняет содержание и композицию сборника «Бабушкины старины» издания 1922 года.

Наиболее полное переиздание текстов сборника «Бабушкины старины» (без сохранения его композиционного построения) было осуществлено А. А. Морозовым в книге «М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки» (Архангельск, 1950) (ниже ссылки на это издание). А. А. Морозов, создавая монографический портрет

М. Д. Кривополеновой, выступил как автор вводной статьи, обширного комментария к фольклорным текстам. Он же дал редакцию текстов, записанных от М. Д. Кривополеновой двумя собирателями: в 1900—1901 гг. А. Д. Григорьевым и в 1915, 1916, 1921 годах О. Э. Озаровской. А. А. Морозов констатировал следующее: «Озаровская записала от Кривополеновой те же сюжеты старин, что и Григорьев, кроме короткой старины «Смерть Долгорукого», не отмеченной у Григорьева. Кроме того, у Григорьева опубликована старина «Алеша Попович и сестра Петровицей» и конец старины «Князь Михайло», отсутствующие в публикациях Озаровской. В остальном тексты старин в книге Озаровской разительно совпадают с записями Григорьева. Число разночтений невелико. Обращает на себя внимание, что совпадают не только почти все отдельные строки, но и вспомогательные частицы «да», «то» и прочее внутри строк, хотя записи отделены друг от друга сроком в пятнадцать лет. Возможно, конечно, что Озаровская пользовалась публикацией Григорьева для проверки и установления окончательного текста своих записей. Однако наблюдения других филологов... также свидетельствуют о чрезвычайной устойчивости текстов» (А. А. Морозов, с. 135—136).

А. А. Морозов устанавливает те немногие разночтения, которые есть в записях Григорьева и Озаровской (и мы с удовольствием отсылаем нашего читателя к этому разделу книги А. А. Морозова, с. 136—140). Однако при публикации фольклорных текстов исследователь в ряде случаев по своему усмотрению дополняет записи О. Э. Озаровской (которые берет за основу) записями А. Д. Григорьева. Ни одну из таких редакторских правок мы не считаем целесообразной и, повторимся, даем публикацию текстов строго по книге О. Э. Озаровской в издании 1922 года.

О. Э. Озаровская, вслед за А. Д. Григорьевым, отмечала индивидуальные колебания в произношении М. Д. Кривополеновой, и мы эти колебания передаем по изданию 1922 года. В то же время, в целях облегчения чтения произведений, мы несколько упростили транскрипцию, а именно: фонетические написания слов, известных в литературном языке, если произношение их ничем не отличается от литературного (шол, мужык, вдрук, царевич, чядо, печька, стучать), заменены написаниями, принятыми в современной орфографии.

Заметим, что упрощения транскрипции почти не пришлось делать в «Пятиречии», это сделано самой О. Э. Озаровской по нормам, установившимся в 30-е годы.

«Бабушкины старины» переиздаются полностью за исключением текстов, помещенных О. Э. Озаровской в «Пятиречие»: «Вавило и скоморохи» (см. в «Пятиречии» под № 34), «Козаченько» (№ 19), «Дурень» (№ 40).

УКАЗАТЕЛЬ ОБЛАСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Составлен О. Э. Озаровской для книги «Пятиречие». В настоящем издании дается в несколько сокращенном объеме и в то же время дополнен шестью десятками слов из «Словарных пояснений», составленных Э. Г. Бородиной-Морозовой к книге А. А. Морозова «М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки» (Арх-ск, 1950).

- Банты — пуговицы.
Бат — может быть, бывает.
Белеушко — ласковое обращение.
Большина — старшинство, главенство в доме и ответственность в хозяйстве.
Бродовую ступью — медленным шагом.
Бугирь — волдырь.
Варака — гора, прибрежная скала, скалистый остров.
Вверх колодою — вверх килем, днищем.
Вдруг — вместе.
Взаболь — в самом деле, действительно.
Виноградьё — рождественская величальная песня.
Вождь — поводырь слепого.
Воротяты нет — не возвращается.
В павечерии — при заходе солнца.
Вывстрены — измождены, исхудали.
Выздынуться — подняться.
Выпружить — вывалить, опрокинуть.
Выскокум долгощельский — насмешливое прозвище долгощ. жителей за высокие задки лодок.
Глядень — возвышенное место, с которого высматривают появление судов и пр.
Гомулька — шаль для покрывтия невесты, подарок жениха, потом отходит в собственность свекрови.
Гора — суша, берег.
Горная — сухопутная, береговая.
Гридня — приемная комната в княжеских палатах.
Гулейко — таракан.
Дёдина или дядина — жена дяди.
Дивно — много.
Доброхот — шутовское прозвище мужей.
До короба дожили — до нищеты, до сбора подаяний в короб.
Ез — забор из кольев, вбитых в дно реки для рыбных ловушек.
Еланча — старинная женская одежда.
Ерлык — письмо.
Есак, ясак — язык, мотив былинного сказа, условный знак.
Живот — жизнь, скот в хозяйстве.
Жира — житьё.
Заахнукать — восклицать, повторяя: «ах, ну-ах, ну».
Завидеть — возненавидеть.
Заворы — вынимающиеся жерди в ограде для проезда в поля.
Закастить — запачкать, загрязнить.
Закопершик — распорядитель при битье свай.
Закрашивать — обелять человека, скрывать дурные и выставлять хорошие поступки.
Застать — загнать, посадить.
Зашикался — говорится о пробывшем долго в лесу, когда в одежде, волосах — сор, волосы нечесаны; от «шишко» — леший.
Зводень, выводень — особо сильная волна.
Зычать — громко кричать.
Инишьое, нншьое — другое, некое.

Ископытъ — след от копыт.
Испотоцки — рукавички.
Кабата — холщовая рубаха с капюшоном (от ветра и комаров).
Камка, камоцька — парча.
Канской мох — тундра Канского носа.
Киса — сума.
Кисовая — тесовая.
Китайник — сарафан из китайки.
Кичига — палка с загибом на конце, служит в качестве цепа.
Клевить — дразнить.
Клёск — рыба чешуя.
Конатьсе — умолять, просить.
Коршень — пучок волос на загривке.
Коршик — кормщик.
Красна — ткацкий станок.
Красота — девичья повязка, которую перед венцом отдают в церковь, символ девичества.
Кружельский двор — питейный дом, кабак.
Крылья — крайние части невода.
Курева — пыль.
Курнякнутъ — мякнуть.
Кутыра (кутыра боярская) — насмешливое прозвище подъячих, писцов.
Кычка — овца, от зова овец: кыч-кыч.
Лайда — иловатая поблизости к берегу мель в море, обсыхающая при отливе. Здесь в смысле глушь, дыра, захолустье.
Летеры — ликеры.
Летные девушки — пожилые девушки.
Лнек — от лить, порция чего-нибудь жидкого или расплавленного.
Лита-канута — вылитая, в смысле большого сходства.
Лони — в прошлом году.
Лопотье — одежда.
Лузани — верхняя одежда лесовиков: суконная безрукав-

ка на ватной подкладке с просторным помещением для хлеба, сахара и спичек на груди.
Лютый — огромный.
Малиця, малица — мужск. верхняя, неразрезанная, надеваемая через голову одежда, шерстью вниз.
Марьюха — самка черного терева или косача.
Место — постель, перина.
Мозгляши — очень сырые.
Мор — петля.
Муравый — зеленый.
Надинасьи — наедине.
Нажившики — добытки.
Наклад — налог.
Након — раз.
Напету (о двери) — настежь.
Напозориться — намучиться.
Напыскивать — напускать собаку на зверя.
Нарочить — нацепить.
Нарыскивать — наезжать по следу.
Насад — старинное гребное и парусное судно.
Находиться — быть похожим лицом.
Нашлежничка — кто бежит следом.
Нашошки — на шестке (часть русской печи перед устьем ее).
Неим — конь, не поддающийся поимке.
Неузумелая — безумная.
Носыря — кто сует свой нос всюду.
Ночесь — минувшей ночью.
Обдержали — подержали на руках младенца в качестве восприемников на крестинах.
Обедник — юго-восточный ветер.
Обдворенки — дверная притолока, косяк двери.
Обоконки — рамы.
Оборть, обороть — оборка у лаптей, завязка.
Оденой — одетый.

- О д и н ц о в ы е — однородные.
 О д и ч а т ь — сойти с ума.
 О д н о з о л о т н о — золотое гладкое.
 О з а к а т и м о м — на закате.
 О к о м е л о ц к и — обрубки, культяпки, про обрубленные, отмороженные части тела.
 О н о г д ы — недавно.
 О п л а в и н ы — оползни.
 О п р у ж и т ь — опрокинуть.
 О р а т ь — пахать.
 О т р е ч к а т ь — отхлестать.
 О т р у ш а т ь — отрезать.
 О т т е п к и — обрубки.
 О х в о т а — охота.
 О х о м я к а — обжора.
 О х о т а — собака.
 О х р а т е л ь — охранитель.
 О ч е п — прут, цепь, на которой висит колыбель.
 О ц е с л и в ы е — вежливые.
 О ш к у й — белый медведь.
 П а н к е т о в а т ь — пировать.
 П а р а л и к — паралич.
 П а р у х — парень.
 П а с к и — сушеные шанги.
 П а т р а т ь — марать, пачкать.
 П а х а т ь — мести.
 П а х н у л — улетел, умчался.
 П е в у н — петух.
 П е р е ж е е в р е м я — будущее.
 П е р е м е н н о й — расстроенный.
 П е р е п ы х н у т ь — передохнуть.
 П е р с я т н и — перчатки.
 П е р е ш в а — перекладина, на которой настилается палуба.
 П е с т р у х а — самка глухаря, чухаря.
 П е т а, п я т а — деревянный деревянный шпенек, на котором ходит дверь.
 П е х т е р ь, п е с т е р ь — плетеный из бересты короб с ляжками для плеч.
 П о б е д а — горе, беда.
 П о б р а т а т ь с я — померяться силами.
 П о г о д а — в значении непогода, буря, шторм.
 П о г о н — погоня.
 П о г у д а л ь ц е — древний струнный инструмент.
- П о д д а в а л о — опало.
 П о д о р о ж н и к — грабитель на дорогах, разбойник.
 П о е д и н ш и к — единоборец.
 П о е л о ш ь т е — поешьте.
 П о ж н я — луг, участок для покоса.
 П о з о р и т ь с я — мучиться.
 П о к о п а й у е г о — поищи вшей в голове.
 П о к р е с т о в а т ь с я — поместиться крестами, стать названными братьями.
 П о л е н и ц а — богатырь, ша.
 П о л я к о в а т ь — воевать.
 П о н ю г а л ь ц е — кнут.
 П о п у д ч е р в о м — под червом, животом.
 П о р с п у т ь — порхнуть.
 П о с р е д с ь в о — свидетельство, свидетели.
 П о с ы к н е т с я — попытается, согласится, решится.
 П о т о п и л о ц ь — опустил глаза.
 П о т о р ч и н к а — стебель сухой травы.
 П о у м у — по вкусу.
 П о ч и н н а — в подчинении.
 П р е г р у б о й — обрывистый.
 П р и б а к у л к а — прибаутка, присказка.
 П р и н е т о й — принятый в дом.
 П р и п а т р а т ь с я — запачкаться, загрязниться.
 П р и п о к о и т ь с я — скончаться.
 П р и х о х о т ь е — желанный, избранник.
 П р о з в и т е л ь — прозорливец.
 П р о к и н у т ь — пропустить.
 П р о н и м а т ь с я — прозябать, жить кое-как.
 П р о п а с ь т ь — падаль.
 П р о с т е н ь — веретено с навитой пряжей.
 П р о ш ш а т ь с я — просить прощения.
 П р ы с к — скачок.
 П р я с л а — укрепленные между двумя столбами горизонтальные жерди, на которых развешивают снопы хлеба для просушки.

Пятра — доски или жерди, укрепленные у потолка в избе, сенях или на повети для просушки сетей и пр.
Розны — дырявые.
Рукобитное платье — одежда на девушке в день, когда совершается обряд рукобития.
Рукопашкою судить — боем, силой.
Румпель — ручка висящего на петлях или крючьях руля на шнеке.
Рюжа — рыболовный снаряд, укрепляемый на месте, различной сложности.
Рымпел — мелкаячейная сеть, часть невода.
Рыть — выбрасывать, выкидывать.
Рыцять — кричать.
Сбрусвянеть — покраснеть.
Свежее молоко — кислое, простокваша, в отличие от пресного.
Светок — рассвет.
Сельдянка — сосновый бочонок.
Семеюшка — жена.
Се-светная жизнь — жизнь на этом свете.
Сило, мн. силья — силки.
Ситуха — мелкий обложной дождь.
Сколотный — внебрачный, очень грубое выражение.
Скопоцька — сапожная скобка.
Слега — жердь, которая кладется поперек стропил.
Собина — имущество, «свои деньги» (примеч. М. Д. Кривополеновой).
Сподобленный — сдобный.
Споки — ступай, пойди.
Ставка, вставка — камень в оправе для пришивки (украшение).
Станисьники — живущие в стане разбойники.
Стеснить — стесать.

Странные — чужеземные.
Сугон — погоня.
Сужоно — суженый, жених.
Сузём — девственный лес.
Тормошили — слегка торговали.
Торока — сума, мешок или ремни у верхового.
Тосмяное — из тесьмы.
Тот-светная — загробная жизнь.
Тропнула — ударила.
Тук — жир.
Тухлы ребра — неясно-видимые, в противоположность ясно-видимым у худого.
Тыл — затылок.
Тышкается — в смысле плохо топится.
Ульнуть — провалиться, исчезнуть.
Упадка — робость, страх.
Упадь — дохлятина, падаль.
Хвалёнки — ласковое прозвище девушек и особенно девочек.
Хлебня — деревянная коробка для хлеба.
Хрущатый — твердый, жесткий.
Худяшши — сквернейшие.
Чалиться — цепляться, приставать к берегу; в переносном смысле — ухаживать.
Черева — внутренности, требуха.
Чермленой — красный.
Чишень — площадь из-под срубленного и выкорчеванного леса, приготовленная под покос или жнитво.
Чухарь — глухой тетерев.
Шахмоцьки — шахматы или шашки.
Шипица — шиповник.
Шнека — рыбопромышленное судно.
Шшап — шап, щёголь, фронт.
Шустать — шнырять.
Этта — здесь.
Ямщики — гребцы, отпущавшиеся земскими станциями при водном передвижении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Бабушкины старины.— Пг.: Огни, 1916.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Бабушкины старины. 2-е изд.— М., 1922.
Рец.: ГОРОДЕЦКИЙ С. // Печать и революция, 1922, кн. VIII, с. 222.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Пятиречие.— Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931.
Рец.: АНДРЕЕВ Н. П. Издание сказок (русских или на русском языке) за последнее десятилетие. // Сов. фольклор, 1936, № 2—3, с. 410.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Школа чтеца: Хрестоматия для художников слова и педагогов. 2-е изд., изм. и доп.— М., 1923.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Великий химик.— М.; Л.: Мол. гвардия, 1932.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Северные старины: Очерк // Сев. утро, 1915, 28—29 ноябр.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Из дневника фольклориста // На Северной Двине.— Архангельск, 1924, с. 4—18.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Перед портретом (памяти М. Д. Кривополеновой) // Красная нива, 1926, № 29, с. 14—15.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Самоходка (очерк о свадьбе в д. Чакола и д. Юрба) // Красная новь, 1926, № 20.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. Северная свадьба // Художественный фольклор, 1927, № 2.
- ОЗАРОВСКАЯ О. Э. «Еруслан Лазаревич» и река Кулой Архангельской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1929, т. 34. Вып. 3—4, с. 161—172.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ О. Э. ОЗАРОВСКОЙ

- Юбилей О. Э. Озаровской. // Правда, 1929, 23 февр.
- ШНЕЙДЕР А. К. О. Э. Озаровская (К 30-летию юбилею научно-худож. деятельности) // Современный театр, 1929, № 9.
- КОЛПАКОВА Н. П. Слово о русском фольклоре.— Л., 1948.
- Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. / Ред., вступ. ст. и примеч. А. А. Морозова.— Архангельск, 1950, 176 с.
- МЕЛЬНИЦКАЯ Л. «Жемчужина в оправе червонного золота». // Наш современник, 1972, № 9, с. 87—93.
- СТИРМАНОВ В. И. Памяти Кривополеновой и Озаровской (100-летие со дня рождения О. Э. Озаровской и 50-летие со дня смерти М. Д. Кривополеновой) // Пинежская правда, 1974, 11 июня.
- МОСКВИН А. «Москва Пинегу сплюбила». // Север, 1975, № 8, с. 93—103.
- ХОМЧУК Н. И. Экспедиции Озаровской. // Прометей.— М., 1983, с. 185—196 (фото).
- О. Э. Озаровская // КЛЭ, т. V, с. 402.

СОДЕРЖАНИЕ

«О. Э. Озаровская и Север». Л. Федорова 5

ПЯТИРЕЧИЕ

От автора	21
День первый	
Сказки о верной любви	24
1. Верная жена	27
2. Моряжка	32
3. О Новой Земле	34
4. Нареченна невеста	35
5. Князь Роман и Марья Юрьевна	38
6. Вор-кабаньще	46
7. Сорочья быль	51
8. Красавица под флером	53
9. Шишка	67
10. Укрощение строптивой	69
День второй	
Любовные измены и утехи	75
11. Гость Терентьище	78
12. Черти в бочке	80
13. Жонкина верность	82
14. Никола Дупленьский	83
15. Чурило Пленкович и Василий Пермята	84
16. Поп и дьякон	86
17. Панья	87
18. Кожа	89
19. Козаченько	92
20. Золоченые лбы	93
День третий	
Волшебные сказки	104
21. Еруслан Лазаревич	111
22. Принятой	124
23. Спасенная девица	128
24. Богатый купец и сколотный сын	129
25. Ерш	134
26. Вехорь Вехоревич	137
27. Царевнина талань	150
28. Ай-брат	154
29. Григорей Высота	158
30. Волшебное кольцо	161
День четвертый	
Сказки о матери	168
31. Соломбальская быль	175
32. Сын к матери	178
33. Мать и львица	179
34. Вавило и скоморохи	181
35. Талань	186
36. Иван Запечельник и богатырица	192
37. Безручка	200
38. Падчерица и дочи	203
39. Дороня	205
40. Дурень	207

День пятый	
Сказки о труде	211
41. Гордая царица	212
42. Неожиданность	221
43. Предея	222
44. Хозяюшка	223
45. Гибельное описание	225
46. Жерновца	231
47. Ваня и Даша	233
48. Лешева репа	235
49. Куроптев	237
50. Догада	240

БАБУШКИНЫ СТАРИНЫ

Бабушка Марья Дмитриевна Кривополенова	245
Бабушкины старины	
От автора	256
Соловей Будемерович и Завава Путевисьня	257
Илья Мурович и Калин царь	264
Илья Мурович и Чудище	271
Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем	276
Купанье Добрыни и бой его со Змеем Горынищем	280
Иван Грозный	282
Смерть князя Долгорукого	285
Князь Дмитрий и Домна	286
Молодец Добрыня губит невинную жену	289
Князь Михайло	290
Усишша	293
Кастрюк	294
Небылица	298
Духовные стихи	
От автора	299
Вознесенье	299
Микола	301
Михайло-Архангел	301
Егорей	302
Сон Богородицы	306
Заговоры	
От автора	308
Заговор на зубную боль	309
Заговор на прикос	310
Песни	
От автора	312
Талань	313
Виноградье большое	314
Виноградье малое	316
Сказки	
От автора	317
Череп-терем	318
Лисица и петух	320
Горшочек лихо мыть	320
Сказка	322
Примечания	323
Указатель областных слов и выражений	330
Библиография	334